

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ X РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2012

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы X Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосибирск, 2012. 342с.

ISBN 978-5-93240-219-1

В сборнике публикуются доклады участников X Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф. В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
д-р филос. наук, доцент Н. В. Головкин*

ISBN 978-5-93240-219-1

© Коллектив авторов, 2012

© ИФПР СО РАН, 2012

© Новосибирский государственный университет, 2012

Содержание

Пленарные доклады	12
<i>Аблажей А.М.</i> Неолиберальная трансформация науки	12
<i>Дидикин А.В.</i> Вступление России в ВТО и международная интеграция российской правовой системы	15
<i>Петров В.В.</i> Потенциал комплексного управления в условиях модернизации системы отечественного образования	19
<i>Цэдэв Н.Х., Бурэн-Улзий И.</i> Вклад Заслуженного деятеля науки Монголии профессора Нацагийн Хавха в развитие философского мышления Монголии	23
<i>Панельная дискуссия: «Проблема академической свободы».....</i>	<i>29</i>
<i>Головкин Н.В.</i> Академическая свобода и персональное мнение: проблема разграничения свобод	29
<i>Шевченко А.А.</i> Академическая свобода и тоска по «немецкому профессору».....	33
Раздел I Социальные исследования.....	37
<i>Гордиенко А.А.</i> Сколково и инновационное развитие России	37
<i>Нечипоренко О.В., Ковadlo Г.П.</i> Постсоциалистический транзит и глобальный социальный кризис	42
<i>Зазулина М.Р., Ешпанова Д.Д.</i> Региональные модели самоуправления: социальный контекст	45
<i>Самсонов В.В.</i> О факторах сокращения социально-экономического потенциала ЛПХ.....	48
<i>Иванова В.В.</i> Социальное самочувствие жителей как индикатор социального благополучия «центра» и «периферии» (на примере Южно-кузбасской городской агломерации)	52
<i>Рогова М.В.</i> Исследования неформальной экономики сельских сообществ: поиск методологии и практический опыт	54

<i>Ильин С.Е.</i> Философский аспект понятия «социализация» в контексте отечественных диссертационных исследований 2000 – 2010 гг.....	56
<i>Гилев А.Ю.</i> Вторичный анализ данных и единый банк социологических данных: возможности и ограничения.....	58
<i>Мадюкова С.А.</i> Этнокультурный неотрадиционализм и «конструирование» идентичностей	59
<i>Мохначева Е.С.</i> Тенденции в развитии инновационной инфраструктуры в регионе	64
<i>Ешпанова Д.Д., Нарбекова Г.А., Биекенова Н.Ж.</i> Трансформация ценностного сознания современного казахстанского общества.....	66
<i>Ушаков Д.В.</i> Межэтнические отношения в среде городского населения (по результатам этносоциологического исследования 2011 г. в г. Новосибирске)	72
<i>Кан В.С.</i> Миграционная ситуация в Республике Тыва (по данным статистики и социологических опросов)	75
<i>Курганская В.Д.</i> Основные политические страты казахстанского общества.....	79
<i>Чистанова О.М.</i> Хакасские и русские сезонные праздники как элементы годичного цикла жизнедеятельности	84
<i>Нестеров Е.А.</i> Источники изучения истории сохранения культурных ценностей и развития музеев на Алтае	86
<i>Шумилова Э.Е.</i> Практика функционирования полиции Барнаула в годы Первой мировой войны.....	88
<i>Осташкова О.А.</i> Профессиональные стратегии личности в ракурсе пространственно-временных изменений информационного общества	90
<i>Ткаченко А.Ю.</i> Особенности формирования одиночества у лиц пожилого возраста.....	93
<i>Костюнина А.А.</i> Противоречия в управлении школой как социальной организацией	95

Игнатова Н.В. Эффективность профильного обучения в оценках старшекласников на примере школы №25 г. Абакана..... 97

Чебыкина К.Л. Церковно-приходские школы Енисейской епархии в системе начального образования во второй половине XIX века 99

Раздел II. Философские исследования..... 102

Философия, логика и методология научного знания 102

Глебов Е.В. Возможный мир, в котором теорема Гёделя не доказана 102

Ниязова М.И. Языковые каркасы Р. Карнапа сквозь призму критики
В.А. Смирнова 105

Сторожук А.Ю. Общая тенденция развития философии науки..... 107

Шалдяков М.Н. Проблема следования правилу и «внутренние отношения» 109

Уткина М.М. Научное знание – продукт многомерной реальности ... 112

Бакулин Г.С. Проблема «наблюдателя» в структуре физической теории..... 114

Безлепкин Е.А. Опыт построения сети методологических принципов физики (СМПФ) 116

История философии в новом интеллектуальном контексте..... 119

Конов А.С. Механизмы взаимодействия гражданского и политического обществ во взглядах Д. Локка 119

Литвинов М.Ф. Вещь в себе как мнимое препятствие онтотеологии. 121

Аникина А.Б. История как репрезентация прошлого (П. Рикер «Память, история, забвение»)..... 123

Тимощук Е.А. Феноменология науки Р. Ингардена 126

Седыченко Т.Ю. Холистические тенденции в философии Спинозы .. 128

Нилогов А.С. Что такое прото-структурализм? 131

<i>Эйхгольц М.В.</i> Образ космоса и понимание социальности на римско-эллинистическом этапе Античной философии.....	133
<i>Социально-философские исследования</i>	135
<i>Бутина А.В.</i> Интеллектуалы в мобилизации ресурсов гражданских движений.....	135
<i>Быховец М.В.</i> К проблеме соотношения понятий «консерватизм» и «традиционализм».....	139
<i>Воронина А.С.</i> Анализ проблематики феномена глобализации.....	141
<i>Довгополова О.А.</i> Феномен интеллектуальной контрабанды и судьбы научных традиций.....	143
<i>Горбунова А.М.</i> Ответственность как социально-философская проблема	146
<i>Палопеженцева М.С.</i> Глобальная информационная среда как результат взаимного влияния процессов глобализации и трансформации СМИ на формирование общественного мнения.....	147
<i>Чурсанова И.А.</i> Историческая наука и современное социальное познание	149
<i>Власюк Н.Н., Майер Б.О.</i> О моделях устойчивого развития общества.....	151
<i>Православский С.С.</i> К вопросу о методологических основаниях современной социально-философской парадигмы	155
<i>Пырина М.В.</i> Рациональная «экономия власти наказывать»	157
<i>Рыманов Д.М.</i> Гносеологические основы теории управления на примере принятия решений.....	159
<i>Рузанкина Е.А.</i> Советский исторический опыт в контексте теории возвышенного исторического опыта.....	162
<i>Павлышин О.В.</i> Правовая знаковая конструкция и ее значение для современного философско-правового дискурса.....	166

<i>Семеникова М.В.</i> Подходы к исследованию социокультурного пространства города.....	169
<i>Томюк М.А.</i> Типологизация интеллектуалов в политической философии Н. Боббио	171
<i>Пономарев А.В., Пономарева Т.М.</i> Девиация в управленческих структурах (методология исследования)	173
<i>Ткаченко А.В.</i> Изучение «прерывания» исторического времени как методологический прием в философии истории.....	177
<i>Шапиро А.С.</i> Украинское общество и память о холокосте.....	179
<i>Философия образования</i>	182
<i>Наливайко Н.В.</i> Социальные основы современного инновационного образования	182
<i>Камашев С.В.</i> Глобализация и российское образование.....	186
<i>Шматков Р.Н.</i> Глобализация и качество российского высшего образования	189
<i>Донских О.А.</i> Реформа образования: социологический аспект	191
<i>Загоруйко Л.П.</i> Проблемы языкового образования в условиях кросс-культурных взаимодействий.....	196
<i>Карташова А.А.</i> Влияние сложного мышления на преодоление кризиса в современном образовании: философско-методологический анализ.....	200
<i>Косенко Т.С.</i> Задачи современного воспитания в условиях глобализации	202
<i>Кудряшов И.С.</i> Парадокс учителя или о смысле педагогических новшеств	206
<i>Этика, антропология и философские вопросы культуры</i>	209
<i>Гвоздецкая О.А.</i> Виртуальные кладбища: трансформация социального во всемирной сети.....	209

<i>Заседателева Е.И.</i> Стресс аккультурации как причина возникновения невротических реакций.....	211
<i>Гунзенова К.В.</i> Закон как основа формирования экологического сознания	213
<i>Попов В.Г.</i> Игра как стремление к свободе	215
<i>Ляшенко Ю.А.</i> О необходимости формирования нового мировоззрения в информационном обществе.....	217
<i>Моисеева Н.С.</i> Стигмат гомосексуальности: к методологии вопроса	220
<i>Немцев М.Ю.</i> Три мысли о «философии философии»	223
<i>Рудакова Ю.С.</i> Феномен символа в медиареальности	225
<i>Пазников А.А.</i> Наивное сознание в контексте формирования нового общества.....	228
<i>Дьячкова М.А., Томюк О.Н.</i> Модели человека в социально-гуманитарном знании.....	230
<i>Андрощук В.В.</i> Формирования основ веротерпимости в Московском государстве (XVI–XVII вв.)	232
<i>Долженко В.А.</i> Идеологическая функция автора в художественном тексте.....	234
<i>Козырева О.А.</i> Технологическая сингулярность и будущее человечества	237
<i>Черепанова М.В.</i> Предпосылки актуализации этических кодексов в современной культуре	239
<i>Юмаев А.А.</i> Проблема клонирования человека и перспективы её решения	241
<i>Ядрышников М.Ю., Сырыцин Д.С.</i> Освоение космоса и трагедия космополитизма	243

Раздел III. Теоретические проблемы права..... 247

<i>Бахлул кызы Р.Д.</i> Ответственность государств за нарушения экологической безопасности	247
<i>Юринец Ю.Л., Белкин М.Л.</i> Свобода творчества: единство принципов права в законодательстве Украины и европейской правовой традиции	250
<i>Бетхер В.А.</i> Некоторые проблемные аспекты реконструкции помещений	253
<i>Бураков В.Н.</i> Система подготовки офицерских кадров как объект управления	255
<i>Губань Р.В.</i> Трансформация губернского устройства украинских земель в составе Российской империи с середины XVII – до начала XX века	258
<i>Дидикн А.Б.</i> Оценка регулирующего воздействия как методология анализа проектов нормативных правовых актов.....	260
<i>Дудчик А.Ю.</i> Некоторые особенности современных представлений о суверенитете	265
<i>Енилеева А.Э.</i> Тест на пропорциональность как европейский юридический стандарт	268
<i>Кинсбургская В.А.</i> Уголовная ответственность за незаконные действия в сфере банковского кредитования	270
<i>Лунева Е.В.</i> Понятие дискриминации по признаку пола: теоретико-правовой анализ	272
<i>Лучка О.</i> Фиксация нарушений авторских прав и прав на товарные знаки в сети интернет	275
<i>Матвеев А.Г.</i> Понятие «интеллектуальная собственность» в российском и международном праве	278
<i>Мохначев К.С.</i> Правовые аспекты интеграции науки, образования и производства.....	280

<i>Морозова Е.С.</i> Социальная база общественных обсуждений: вопросы права	283
<i>Непомнящих С.С.</i> Признаки вопросов местного значения	285
<i>Оленина Т.Ю.</i> Проблемы водного законодательства России	288
<i>Парамонова С.Л.</i> Проблематика института смертной казни	290
<i>Петухова Е.П.</i> Отраслевой правовой режим.....	294
<i>Погребняк И.Е.</i> Концепция управления: основные аспекты.....	296
<i>Погребняк С.П.</i> Признаки права: современный подход	298
<i>Рогова М.В.</i> Ценовой сговор в российской экономике: проблемы и перспективы изучения	300
<i>Сасов Д.Е.</i> Правовые аспекты регулирования отношений органов местного самоуправления и самовольных застройщиков	303
<i>Сенин И.Н.</i> Отличительные черты российского правового менталитета	305
<i>Сигарев А.В.</i> Правовые проблемы организации и проведения публичных слушаний.....	309
<i>Скоробогатов В.Ю.</i> Понятие «саморегулирование» в современной правовой науке	311
<i>Третьякова Е.-Д.С.</i> О коррупциогенных рисках в деятельности государственных и муниципальных служащих, предоставляющих государственные (муниципальные) услуги	314
<i>Филиппова О.С.</i> Компенсационные выплаты директору хозяйственного общества: коллизия норм гражданского и трудового права	316
<i>Шумскис Ю.Г.</i> Основные черты института президентства в государственном аппарате современной России.....	319
<i>Чистанов Т.О.</i> Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	323

<i>Чекачкова Г.Н.</i> О механизме конституционно-правового обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве	325
<i>Шульга Р.Ю.</i> Институционализированные механизмы проведения гражданского контроля неправительственными правозащитными организациями за соблюдением прав человека в России	327
<i>Бубела А.И., Ярошенко М.А.</i> Правовые принципы формирования украинской государственности в результате освободительной войны 1648–1654 гг.	330
<i>Торопчин Г.В.</i> Эволюция правового статуса Австралии в рамках Британской империи и Содружества наций	332
<i>Тарбастаева И.С.</i> Нормы обычного права тувинцев о ноже и российское законодательство	336

Пленарные доклады

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУКИ*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

В последнее время активно обсуждается вопрос о влиянии неолиберальной экономической политики и идеологии на сферу науки и технологий. Хотя есть существенные различия между исследователями в том, как неолиберальная идеология реализуется на практике в различных странах и в контексте различных дисциплин, а также относительно влияния неолиберальных идей на положение науки в целом, существует несколько общепринятых критериев того, что проводимая в отношении науки и образования политика может быть квалифицирована как неолиберальная:

- изменение источников и объемов финансирования научных исследований и преподавания, в сторону усиления доли частных инвесторов в ущерб государственным;
- трансформация интеллектуального и коммерческого статуса научного знания, с резким усилением именно коммерческого статуса;
- укрепление института интеллектуальной собственности и связанное с этим укрепление курса на коммерциализацию знаний, что приводит к изменению самого процесса их производства и распространения;
- растущая дифференциация в доступе к продукции приватизированной науки.

Ф. Миrowsки, профессор экономики, истории и философии науки Университета Нотр-Дам, в 2011 г. издал книгу «Рыночная наука. Приватизируя американскую науку» [Mirowski, 2011], в которой исследуются фундаментальные вопросы политической экономии науки. Осуществив критический анализ процесса усиления рыночной ориентации фундаментальной науки, выявив исторические и идеологические корни подобной тенденции, Миrowsки приходит к выводу о том, что коммерциализация научной сферы, на деле ослабившая научную гегемонию Америки, является результатом спланированных и скоординированных усилий со стороны тех структур и полииков, кто связан с неолиберальной повесткой дня.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00274 «Постсоветская наука: генезис, специфика, перспективы и направления трансформации»

Авторы вводной статьи к специальному номеру журнала «Social Studies of Science», посвященному анализу трансформации науки в контексте неолиберализма, начинают разговор с того, что если XX в. и считается золотым веком науки, свободной от внешнего влияния, то это явное заблуждение. Но не подлежит сомнению и тот факт, что отношения между публичной наукой и частными коммерческими интересами драматически изменились именно в последние 30 лет, вместе с широкой глобальной тенденцией к неолиберализму. Они обращают внимание на то, что в эпоху неолиберальной политики необходимо вернуться к традиционному, идущему от Мертона, разделению между внутренними и внешними влияниями на науку.

В рамках перехода к рыночным отношениям неолиберальная политика в области науки основывается на поощрении частных инвестиций для проведения исследований при одновременном уменьшении государственного финансирования, поддержке партнерства университетов и промышленности, укреплении института интеллектуальной собственности, и т.д. В более глубоком смысле неолиберализм, по мнению его адептов, материализует образ идеальной экономики как «рынка идей»; другими словами, каждая успешная неолиберальная экономика – это экономика знаний. Фундаментальная роль рынка, в соответствии с неолиберальной теорией, заключается отнюдь не в простом обмене вещей, рынок здесь, в отличие от его классического понимания, в первую очередь - оптимальный способ обработки и транспортировки знаний и информации. И именно это положение имеет самые серьезные последствия для организации и практики науки.

Возражая отдельным исследователям, полагающим, что наука всегда была зависима от своих покровителей («всегда был коммерческой») и, следовательно, характер таких покровителей не особенно важен (будь это государство, благотворительные фонды или промышленная корпорация), а значит, неолиберализм – это просто различие в интенсивности, а не в содержании, авторы упомянутой статьи, напротив, утверждают, что современные особенности способов управления и финансирования науки оказывают специфическое и глубокое воздействие на характер научного производства. Усиление неолиберальных методов управления наукой с 1980-х гг. означало курс на коммерциализацию и приватизацию знаний, обусловившие изменения в организации и практике науки. Самый очевидный сдвиг – это постепенное сокращение государственного финансирования в публичных исследовательских университетах, в результате чего частные расходы на научные исследования в США превзошли федеральное финансирование впервые за несколько десятилетий.

Университеты все чаще идентифицируют себя в качестве поставщиков товара, называемого человеческим капиталом, а не учебных заведений, готовящих из студентов будущих граждан, отсюда становится все труднее поддерживать общественную поддержку субсидируемого государством высшего образования. Университетам не остается ничего другого, как искать частные средства, дабы компенсировать сокращение государственных субсидий. Но чем сильнее университет оказывается втянутым в рыночную деятельность,

тем меньше у него шансов добиться государственной поддержки, что приводит к фактической приватизации американской системы государственных университетов. Перед началом глобального финансового кризиса размер государственных взносов в бюджеты ведущих публичных исследовательских университетов Америки колебался на уровне около 20 %; в период кризиса даже такой ничтожный вклад сократился. Как отмечают многие аналитики, неолиберальный пересмотр роли высшего образования является частью усилий превратить университеты в часть глобальной конкурентной сферы услуг, сделав их похожими на корпорации, продукция которых – «информация» и «человеческий капитал», а студенты являются всего лишь «клиентами». Еще немного - и государство сможет снять с себя всю ответственность за обеспечение образования.

Другой эффект коммерциализации: нарушение фундаментального принципа университета Гумбольдта рассматривать преподавание и научные исследования как взаимодополняющие виды деятельности (идеал «*учащей науки*»). Если главной целью университетских ученых становится производство прикладных, по преимуществу, знаний, приводящее к получению прибыли, преподавание неизбежно превращается для них во вторичную функцию. На практике это приводит к тому, что многие университеты сегодня активно избавляются от штатных преподавателей, набирая временных сотрудников, а также постдоков. В 2005 г., согласно данным Национального центра статистики в сфере образования, более 48% преподавательских позиций в американских колледжах, получавших федеральное финансирование, были заняты преподавателями, работавшими на неполный рабочий день, или внештатниками.

Влияние неолиберального режима управления наукой выражается в агрессивном продвижении и защите прав интеллектуальной собственности в надежде получить коммерческую выгоду от владения знанием, поскольку существует тесная связь между неолиберальным взглядом на рынок как центр обработки информации и ростом убеждения, что знания могут и должны превратиться в товар. Другим важным направлением трансформации науки стала ее эволюция в сторону приоритета прикладного, по сути, знания, все более выраженный учет мнения явных или неявных заказчиков исследований. Отдельные западные авторы называют это «эпохальным разрывом», утверждая, что вследствие этого появляются основания говорить о «постакадемической науке». Так, авторы коллективной монографии «*Science transformed? Debating claims of an epochal break*», опубликованной в 2011 г., предвзвешивают ее в вводной главе, носящей характерное название «*Science after the end of science?*» («Наука после конца науки?»), где задаются фундаментальным вопросом: насколько важен сегодня традиционный образ науки как рационального способа поиска Истины, если общество ставит перед ней задачу решения существенно более приземленных и насущных проблем, таких как поиск новых способов генерации и хранения энергии, лечения рака и болезни Альцгеймера, инновационных идей для устойчивого экономического

развития. Спрос предъявляется в первую очередь на прикладную науку, и даже если эволюционная биология, неврология и теоретическая физика до сих пор вызывают интерес и любопытство, то самые востребованные результаты исследований в настоящее время находятся, тем не менее, в сфере нанотехнологий, геномной инженерии, биомедицинских исследований или синтетической биологии. Вслед за американскими социологами науки можно задать вопрос: если неолиберальная наука настолько рациональна и востребована, то не означает ли ее победное шествие конца науки в мертоновском смысле, с ее специфическим этосом и механизмами развития?

Перед исследователями науки стоит насущная задача проведения детальных исследований того, как именно неолиберализм трансформирует сферы исследований и разработок в рамках национальных моделей науки. Такого рода исследования требуют не только нового набора исследовательских вопросов, методики и методологии в целом, но также более тщательного анализа того специфического политического, социально-экономического, историко-культурного контекста, в котором существуют как национальные научные сообщества, так и «Республика ученых» в целом. Для современной российской науки такая задача чрезвычайно актуальна.

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

Существующим дискуссиям о прогнозах и последствиях вступления России в ВТО 22 августа 2012 г., как правило, не хватает серьезной эмпирической основы и компетентных экспертных мнений. Такая информация в основном содержится в выступлениях и интервью руководства Министерства экономического развития РФ, и комментариях российских ученых. Очевидно, что процесс реального присоединения России к ВТО и ратификация базовых соглашений внутри организации потребует существенных изменений российского законодательства, пересмотра сложившейся экономической модели. В этом смысле экспертную оценку можно представить, анализируя конкретные сферы, которые затрагивают правила ВТО и в отношении которых российскому руководству предстоит принимать экономические и правовые решения [1].

Процесс ведения переговоров о вступлении в ВТО на протяжении 18 лет оказался чрезмерно зависимым от внешней политики договаривающихся сторон и позволил России установить для себя особый механизм и условия вступления. Это, прежде всего, переходный период, в течение которого государство сохраняет существующие формы государственной поддержки отрас-

лей экономики, приводит в соответствие нормы законодательства с правилами ВТО и создает возможности для эффективной работы российского бизнеса в условиях конкуренции на международных рынках. Этому способствовало подписание Соглашений «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности» (09.12.2010) и «О единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства» (09.12.2011) между странами Таможенного Союза накануне вступления России в ВТО. Характерным стало утверждение поэтапного сокращения мер поддержки сельского хозяйства с 9 млрд. руб. в 2012 г. до 4,4 млрд. руб. в 2018 г., предусмотренных Протоколом о вступлении России в ВТО и в Прогнозе социально-экономического развития России в 2013-2020 гг. Минэкономразвития РФ.

Экономические последствия вступления в ВТО существенно меняют параметры российской экономической модели последних лет: изменение делового и инвестиционного климата, усиление конкуренции, необходимость обеспечения транспарентности «правил игры» в экономике. Как отмечает в своих комментариях российский экономист Владислав Иноземцев «у нас в экономике такой произвол и волонтаризм, что любое ограничение всевластия, в том числе в виде правил ВТО, - это уже хорошо. Нашей сегодняшней промышленностью на 75% владеют оффшоры. Купили в России компанию, а потом, опасаясь каких-то политических потрясений или произвола правоохранительных органов, перерегистрировали ее на оффшор. А зарабатывает она в России» [2].

Однако за общими высказываниями руководства Минэкономразвития РФ о возможности улучшения инвестиционного климата нужно видеть и новые правовые решения, полезные для России. Очевидна необходимость изменения законодательства о внешнеторговой и инвестиционной деятельности, об особых экономических зонах, таможенного и налогового законодательства, защиты интеллектуальной собственности, принятия новой редакции Гражданского кодекса с учетом различий в правовом статусе юридических лиц в России и за рубежом. Вступление в ВТО сохранит неизменными экономические отношения, скорее всего, лишь в двух сферах – в нефтегазовом и военно-промышленном комплексах.

Но уже сегодня, несмотря на критику процесса ратификации Протокола о присоединении России к ВТО, признанного соответствующим Конституции РФ в постановлении Конституционного Суда РФ от 09.07.2012, российское государство осуществило подготовительные меры: с 1 марта 2013 года планируется вступление в силу новой редакции Гражданского кодекса РФ, российский парламент одобрил федеральный закон о Фонде перспективных исследований (инновационной структуры для ВПК), реформировало таможенное законодательство Таможенного Союза, и самое главное – в процессе переговоров добилось максимально возможных барьеров для доступа на российский рынок иностранных банков и иных коммерческих структур [3].

Таким образом, изменение российского законодательства в переходный период после вступления Протокола о присоединении к ВТО, ратифицированного ФЗ от 21.07.2012 позволит в дальнейшем российской делегации участвовать в выработке правил мировой торговли товарами и услугами, и более качественной государственной поддержке тех отраслей экономики, где существенно и неожиданно возрастает конкуренция [4]. В случае возникновения торговых споров каждое государство в составе ВТО получает доступ к административному механизму разрешения споров в ВТО, который очевидно станет более эффективным в отличие от существующей российской судебной системы.

По оценкам Минэкономразвития РФ существует список некоторых стран, которые запретили или ограничили импорт российских товаров, но в ближайшее время должны снять запреты (США – удобрения, спортивное оружие, Китай – трансформаторная сталь, Киргизия – алкоголь, Украина – удобрения, Мексика – сталь, Австралия – удобрения). Он отмечает, что вступление в ВТО предполагает снижение импортного тарифа - на промышленные товары с 10% до 3%, сельскохозяйственную продукцию с 20% до 4,2%. И возникновение негативных последствий здесь зависит от того, насколько существенно тариф влияет на конкурентоспособность продукции. Кроме того, торговые отношения России и США по-прежнему затруднены неотмененной Конгрессом США «поправки Джексона-Вэника», препятствующей доступу российских компаний на американский рынок до сих пор.

Какие негативные последствия вступления в ВТО видит руководство Минэкономразвития РФ?

1. Возрастает объем государственной поддержки сельского хозяйства. Россия будет вынуждена тратить в 2 раза больше финансовых средств на поддержку сельского хозяйства. В таких условиях увеличение бюджетного финансирования государством социальной инфраструктуры и новых рабочих мест в сельской местности, стимулирование создания фермерских хозяйств, расширение возможностей использования земель сельскохозяйственного назначения, обеспечение новой сельхозтехникой – задачи первоочередной важности, которые существенно реформируют сельское хозяйство в «переходный период».

2. Изменяется правовой статус свободных экономических зон в Калининграде и Магадане. Они смогут работать по существующим правилам до середины 2016 года. В этом смысле создание технологического кластера и стимулирование инновационной деятельности в Калининградской области, внедрение экономических стандартов Европейского Союза может стать основой экономического эксперимента по созданию новой модели инновационной экономики в отдельно взятом регионе, где уже создана модель свободной экономической зоны. Для этого у государства есть все необходимые ресурсы и условия.

3. Таможенный Союз со странами, не входящими в состав ВТО. Россия стала единственным государством в составе ВТО, имеющая Таможенный

союз со странами, не входящими в ВТО. Это требует в дальнейшем изменения норм таможенно-тарифного регулирования. Большинство изменений уже утверждено: с даты присоединения к ВТО вступил в Силу Договор о функционировании Таможенного Союза в рамках многосторонней торговой системы от 19.05.2011, вступили в силу решения Комиссии Таможенного Союза 2011 г. о применении международных стандартов к качеству продукции, условиям таможенного оформления товаров, изменения единого таможенного тарифа.

В целом переходный период после ратификации Протокола о присоединении к ВТО (от 2 до 7 лет по группам товаров и отраслям экономики) требует формирования специального органа по взаимодействию с ВТО в существующей системе власти, в том числе для адаптации законодательства и нейтрализации возможных негативных последствий.

В Минэкономразвития РФ полагают, что для этого необходимы:

1. Мониторинг производства основных групп товаров и объема импорта этих товаров - выявление наиболее уязвимых в условиях конкуренции товарных позиций
2. При наличии возросшего импорта – применение специальных защитных мер
3. Перераспределение текущих объемов государственной поддержки
4. Льготный режим для инвестиционных проектов с участием иностранного капитала и технологий с локализацией производства
5. Ограничение доступа иностранных товаров и услуг к механизму государственных и муниципальных закупок, в том числе после введения в действие федеральной контрактной системы (что уже закреплено в Протоколе о недопустимости доступа иностранных компаний к государственным закупкам).

В зависимости от успешности реализации экономических мер Россия получает и внешнеполитические преимущества: статус равного участника в международных институтах (G-8, G-20, АТЭС); применение универсальных правил в мировой торговле; возможности реализации новых международных проектов; принятие благоприятных политических решений (например, отмена США поправки Джексона-Вэника). Таким образом, ВТО становится одним из основных внешнеэкономических стимулов к развитию российской экономики в новом десятилетии.

Литература

1. См.: Доклад рабочей группы по присоединению России к ВТО от 16-17.11.2011; Протокол от 16.12.2011 о присоединении России к ВТО, подписанный в Женеве на VI министерской конференции.
2. См.: Иноземцев В.Л. Для России ВТО – это благо или зло? [www.inozemtsev.net]; Шумилов В.М. Всемирная торговая организация: право и система. М., 2006.

3. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 №17-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора – Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации»; проект новой редакции Гражданского кодекса РФ ко второму чтению опубликован на сайте Государственной Думы РФ, где находится и принятый обеими палатами Федерального Собрания РФ федеральный закон «О фонде перспективных исследований» [www.duma.gov.ru].

4. Федеральный закон от 21.07.2012 №126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15.04.1994» [www.pravo.gov.ru].

ПОТЕНЦИАЛ КОМПЛЕКСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. В. Петров

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

В современном мире знания стали значимым фактором производства, обеспечивающим наивысшую отдачу от инвестиций. Что касается конкурентоспособности и устойчивости, экономика любой страны требует реализации потенциала знаний, рынков кадров и инноваций, инвестиций в сферу образования, которые по темпам роста должны опережать скорость развития экономики. По всем этим позициям российская экономика, как известно, сильно отстает. Поэтому в настоящее время в России назрела необходимость перемен в сфере образования (а также науки), которая связана с рядом важнейших социально-экономических и социокультурных факторов развития важнейших сфер общественной жизни [1, с.17]. В силу своей консервативности, система образования не всегда успевает оперативно реагировать на меняющиеся запросы современной науки и производства. В настоящее время она переживает глубочайший кризис, который является следствием системного кризиса всего общества на фоне существенного ослабления государственной поддержки науки и образования.

Сложившаяся ситуация во многом является итогом попытки реформаторов в конце прошлого века перейти к демократическому обществу через либеральное реформирование тоталитарной системы, которая имела серьезные отрицательные последствия [2, с.107]. Прежний общественный порядок был разрушен, а новый, формирующийся в условиях идеологического вакуума, не имел национальной идеи, что и породило хаос в переоценке ценностей, деморализовало людей. Вместе со сломом старого строя были уничтожены многие достижения: произошел резкий спад производства, затем - дальней-

шее обнищание населения, варварское ограбление и невиданное расслоение народа. В руках 10 % населения оказалось более половины национального богатства, которое используется зачастую в корыстных интересах. На десятилетия отброшены наука, здравоохранение и само образование. Из-за низкого престижа научного и педагогического труда усилилась утечка лучших специалистов за границу и в иностранные фирмы. В результате таких реформ возникло резко поляризованное, бюрократическое и коррумпированное общество, сочетающее в себе как признаки демократической системы, так и черты, присущие автократическим режимам [3, с.136]. Сфера образования оказалась лишена государственной материальной поддержки. В таких условиях вузы оказались на грани выживания и были вынуждены «работать на рынок», удовлетворяя сиюминутные потребности общества, стремясь хоть как-то восполнить утрату государственного финансирования. В конечном итоге это привело к тому, что количество студентов вузов увеличилось практически в три раза за 7 лет (с 2,6 млн человек в 1993/94 учебном году до 7,4 млн в 2010/11 г.), при том, что численность школьников уменьшилась за тот же период с 21,1 млн до 13,2 млн человек [4]. Соответственно, число поступающих в вузы достигает 90% от числа выпускников школ. Казалось бы, это хорошо, что количество студентов увеличивается - многими исследователями подчеркивается, что общество будущего будет, по всей вероятности, основываться на информации и на знаниях, поэтому в таком обществе будет востребован высококвалифицированный, грамотный, образованный специалист. Но сегодня в России 24% вчерашних студентов устраивается на должности, не требующие высшего образования, а работать по той специальности, по которой учились, начинают менее 50% выпускников вузов. Можно обозначить три основных причины, почему так происходит: мы готовим *не тех, не тогда и не так*.

Во-первых, *не тех* - речь идет о качестве абитуриента, которое в общей массе неуклонно снижается: единый государственный экзамен (ЕГЭ), являющийся одновременно и формой итоговой аттестации школьника, и вступительным экзаменом в вуз, позволяет оценить не реальный уровень знаний выпускника школы, а минимальный порог успеваемости - пороговый уровень, свидетельствующий об освоении школьной программы [5, с.155]. Этот порог понижен Рособрнадзором до 20 баллов из 100 по иностранному языку, 21 балла по математике и 36 баллов по русскому языку [2, с.150] (для сравнения - во Франции в 2011 году успешно сдало экзамен на аттестат зрелости в 2011 г. 85,6% школьников, в Германии этот показатель в 2011 г. составил 82,6%, а в России доля школьников, не прошедших ЕГЭ остается всего 3,3-3,6%).

Во-вторых, *не тогда* - система образования, будучи весьма консервативной, не успевает отслеживать динамично меняющиеся требования социума - мы готовим специалистов, которые требовались в необходимом объеме вчера, а не сегодня. Отвечая на сиюминутные требования рынка разрабатываются и утверждаются новые рабочие программы, вузы открывают новые специ-

альности для набора *сегодняшних* абитуриентов (о качестве которых мы говорили выше), но анализ того, какие специалисты будут востребованы на рынке труда через 4-6 лет, т.е. когда принятый абитуриент закончит свое обучение, не проводится. Наверное, каждый вуз и не должен проводить подобный анализ, но сотрудничество со специализированными научно-исследовательскими институтами и аналитическими центрами необходимо. В результате количество невостребованных выпускников вузов увеличивается.

В-третьих, *не так* - практически трехкратный рост числа студентов и удвоение количества вузов (с 514 до 1114 за 1992-2010 гг.) не обеспечивается увеличением профессорско-преподавательского состава: количество преподавателей увеличилось за тот же период всего в 1,5 раза - с 220 000 до 342 000 человек. Сегодня отношение числа преподавателей к числу студентов в России в 2,7 раза ниже, чем в США. Соответственно, возникает серьезный вопрос качества образования - не случайно по данным ЮНЕСКО к 2010 г. Российская Федерация по качеству высшего образования опустилась в на 29-е место в мире, хотя в 1991 г. советское высшее образование занимало третье место в этом же рейтинге.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно утверждать, что сегодня отечественная система высшего образования выпускает, в основном, человека с дипломом вместо квалифицированного специалиста, способного найти свое место в формирующейся экономике знаний.

Для перелома сложившейся ситуации необходимо изменить подход и к абитуриенту, и к вузу, и к образованию – если окажется возможным связать воедино эти три компонента, то на выходе мы сможем получить востребованного высококвалифицированного специалиста, готового продолжать свою деятельность по приобретенной специальности в условиях модернизации российского общества. А это возможно лишь при грамотном стратегическом комплексном управлении. Как известно, в науке управления различают четыре основных способа управления: по указаниям, по целям, проектное и ценностное. Основа работы государственной машины в системе образования пока что остается по указаниям «сверху». При этом сами руководители уверены, что они работают как минимум по целям. Однако если взять руководящие документы – утвержденные Стратегии 2020, планы, целевые программы, то между провозглашенными там целями и реальными способами достижения этих целей лежит пропасть. Проектное управление в подавляющем большинстве вузов на данный момент недостигаемо в принципе - ему надо отдельно учиться, а потом отдельно практиковать. Когда люди, никогда не занимавшиеся ни тем, ни другим начинают отвечать за его внедрение, дело всегда заканчивается красивым промежуточным отчетом и необходимостью увеличить финансирование. Аналогично с ключевыми показателями эффективности и внедрением электронного документооборота, который зачастую может просто дублировать старое прохождение документов, при этом время нахождения в пути увеличивается, а ответственность теряется. При этом все время и все силы тратятся на оформление новых программ и подготовку мно-

гочисленных отчетов, в то время, как министерство разрабатывает очередные стандарты и требования к средним и высшим учебным заведениям. А высшее образование в России при этом, как мы уже отмечали ранее, явственно деградирует. Кроме этого, ущербная структура организации высшей школы в России укоренена в еще более дикой ущербности гиперцентрализации бюджета в нашей несчастной, жестоко контуженной «вертикаль власти» стране. В такой ситуации любые дельные предложения реформ будут наталкиваться на непреодолимые политико-административные препятствия. [6, гл.9,13]. Поэтому одним из важнейших условий модернизации системы образования в трансформирующейся России является выстраивание грамотного стратегического комплексного управления по проектам и ценностям. В таком случае окажется возможным осуществить не единичные, а системные изменения в российских вузах, что отвечает задачам модернизации высшего профессионального образования в России. В частности, если система абитуриент – вуз – образование станет единой, то подготовка специалистов будет начинаться с довузовской ступени, развиваясь в виде заочных и воскресных школ на базе высших учебных заведений. Такая система, не требуя существенных финансовых затрат, позволит увеличить объем знаний, даваемых потенциальному абитуриенту. И хотя этот объем знаний будет выходить за рамки «обрезанной» школьной программы, но все нормативы и действующие стандарты системы среднего образования будут соблюдаться, т.к. занятия фактически проводятся за пределами школы - либо дистанционно путем развития информационно-компьютерных технологий с помощью заочных школ, либо непосредственно в качестве воскресных школ на базе конкретного вуза. Таким образом, вузы «привяжут» к себе именно тех абитуриентов, которые действительно нацелены на дальнейшее обучение. Кроме этого, окажется возможным «подтягивать» уровень абитуриента до желаемого не «наскоком» за несколько месяцев до подачи документов, а планомерно на протяжении нескольких лет. Возросшее качество абитуриента неизбежно усилит дифференциацию вузов, что может привести к закрытию слабых учебных заведений – в первую очередь, филиальной сети. При этом станет возможным конкурсный отбор не только абитуриентов (даже если Единый государственный экзамен по-прежнему останется единственным критерием отбора), но и профессорско-преподавательского состава, готового повышать свою квалификацию для работы в изменившихся условиях. Кроме того, грамотное стратегическое управление по проектам и ценностям подразумевает тесное взаимодействие с научно-исследовательскими и аналитическими центрами, что позволит вузам реализовать возможность работать на опережение, т.е. готовить специалистов необходимого профиля и требуемой квалификации, готовых к осуществлению инновационной деятельности в условиях модернизации российского общества.

Литература

1. Диев В. С. Многомерный вектор глобализации: начало и основные компоненты // Философия образования. – 2005. – № 1 (12). – С. 15–21.
2. Петров В. В. Инновационное образование в современной России. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 212 с.
3. Наливайко Н. В., Панарин В. И., Паршиков В. И. Глобальные и региональные тенденции развития отечественного образования. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 298 с.
4. Иноземцев: Хорошее образование в России — миф // Ведомости 03.10.2011.
5. Петров В. В. Единый государственный экзамен как барьер на пути развития общества знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы VII регион. научн. конф. молодых ученых Сибири в обл. гуманитар. и социал. наук. – Новосибирск : НГУ, 2009. – С. 153–156.
6. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. - М.: РОССПЭН, 2011.

ВКЛАД ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ МОНГОЛИИ ПРОФЕССОРА НАЦАГИЙН ХАВХА В РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ МОНГОЛИИ

Наваанзоч Х. Цэдэв, Идрээ Бурэн-Улзий
Университет г. Ховд (Монголия)

Монгольская страна и монгольская национальность как одна из колыбелей возникновения развития человечества, также и является одним из очагов интеллектуального развития. История монгольской философии имеет имеет многотысячелетнюю традицию, ученые разных поколений преодолевали преграды исторических времен, развязали неразгаданные узы, выдвигали свои теории и концепций, наряду с обогащением их содержания, творчески развивали эффективность и значения в жизни страны. Последующий этап после 1990 - ых годов стал исторической вехой в развитии Монгольской философии.

Выдвигалась необходимость подробного изучения, разъяснения трудов учёных философов как в общетеоретическом плане, так и в частном прагматическом плане. Одним из ведущих деятелей является Заслуженный деятель науки Монголии, доктор философских наук, профессор Нацагийн Хавх.

Нацагийн Хавх родился в 1944 году в сомоне Сант Убурхангайского аймака. В 1965 – 1971 гг. он закончил Московский государственный университет им М.В. Ломоносова по специальности социолога, в 1984 году – аспирантуру МГУ, в 1993 году – докторантуру МГУ. Кандидатскую степень

по философии он защитил по теме: “Вопросы общих и частных отношений студенческого коллектива”, докторскую степень по социологии защитил по теме: “Закономерность прогресса развития общественного развития”.

В 1993 году Нацагийн Хавху присвоили звание вице-профессора, в 1996 году – профессора. Он работал в Монгольском государственном университете научным работником, преподавателем, завкафедрой, инструктором в Комитете МНРП, секретарем в Посольстве Монголии в Советском Союзе.

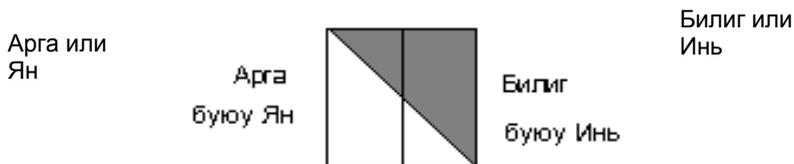
В Монгольском госуниверситете он работал заведующим учебно-методическим центром Буддийской и Монгольской культурологии. Являясь первым социологом, он открыл лабораторию по социологии, а также отделение социологии. Таким образом, он стал одним из основателей социологической науки в Монголии. Создал он Центр Буддийской и Монгольской культурологии, отдел Буддийской философии, положил основы подготовки квалифицированных кадров по социологии. В конце 1980-ых и начале 1990-ых годов распалась так называемая социалистическая система, марксистские социальные учения в некотором отношении не соответствовали реальным обстоятельствам, новой жизни. Именно он сделал деятельный анализ об этих общественных положениях, выдвигали свои теории и концепций, достиг определенных результатов.

Концепция классической методологии Нацагийн Хавха: Профессор Н. Хавх указал, что главным путем выхода из кризисного состояния в монгольской общественной философии является пересмотр с точки зрения классического философского мышления Востока и Запада марксистскую философскую теорию, тем самым обогатить отечественную философию, исправил некоторые поляризованные идеи, унаследовал самое ценное, придал новое значение закономерностям существования и развития современного общественного развития, разъяснил их, при этом предлагал не столько следовать западному и восточному философскому мышлению, сколько необходимо создать такую методологию, в которой соответствующе присутствуют и то и другое, стремился сделать теоретическое учение руководством для практической деятельности людей.

Содержание понятия единства противоречивых сторон рассматривал как билиг Восточной философии, понятие борьбы в Западной философии как арга Восточной философии, путем соответствия одного другому создает вышеназванный способ, сделал первые шаги в моделировании их геометрическими фигурами, что позволил применения их в практике и создал много вариантов решения проблем.

В частности, противоположные стороны, создающие противоречие или арга и билиг в ходе соответствия их признаки и свойства усваивается другим, эта закономерность показана на квадрате (Рисунок 1):

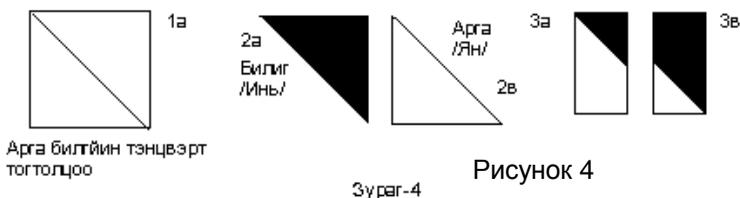
С другой стороны, значение данной формулировки можно рассматривать в связи с перемещением на плоскости пирамидного закона, выражающего общие закономерности мироздания. Это и есть основа – пирамида, содержа-

щая двустороннюю взаимозависимость мироздания, которую можно объяснить данным квадратом. Квадрат можно понимать основными значениями квадрата, то есть можно определить это “квадрат арги и билига”.

В частности:

1. В целом, квадрат и есть те предметы и явления, которые интересуют исследователя. (Рисунок 1, 1а).
2. Два равные треугольника, образованные при делении квадрата диагональю, что выражает закономерную сторону арги и билига, один из них является треугольником стороны арги, другой – треугольником стороны билига. Если арга и билиг будут существовать отдельно, приведет к поляризации – туйлшрал. (Рисунок 2а, 2в).
3. При делении квадрата по середине образуются четырехугольники, они выражают противоречивые отношения, взаимное отрицание друг друга и

4. взаимообусловленность предметов и явления. (Рисунок 4а, 3в).

В общем кругообразное изображение арги и билига (символ) могут быть несколько вариантов. Их шесть. Так, например, изображение рыб самца и самки, находящиеся в центре буквы Соёмбо (герба Монголии) и есть один из вариантов. Это выражает закономерность преобладания билига и соподчинения ему арги.

Любые предметы и явления имеют закономерность арги и билига существования. В этом сторона билига преобладает, сторона арги имеет услуги нисхождения. На следующем этапе сторона арги преобладает, сторона билига имеет услуги нисхождения, при этом развитие предмета и явления находится в состоянии борьбы и распада. Наоборот арга и билиг взаимно переходит друг в друга, такое взаимное соответствие доходит до высшей

точки, то есть объясняется развитие доходит до пика, вершины. Это и есть модель философского мышления или популярная, всеобщая закономерность бытования и развития явлений.

Доктор философских наук Н. Хавх писал: “Если человек хочет достичь Истины, если хочет иметь достоверные знания и представления о соответствии билига и реальности следует правильно думать и мыслить. Каким способом думать и мыслить кому-нибудь, это не воля каждого, поскольку оно зависит от объективной действительности, не зависит от человеческого сознания, когда мыслит согласно закономерностям объективных признаков и свойств, тогда достигнет истинных знаний. Если рассматривать в целом процесс познания, то это создаёт противоречивые обстоятельства. Это называется в учениях научного познания “условием решения проблемы”, в общем, при каждом познании нового любой вступает в такое условие. На определенном этапе развития науки, в случае, когда уже установлены общая теория и закономерности, следует руководствоваться настоящей теорией и мыслить согласно установленным законам, тогда и сможет постигать предметы и явления. Ученые любой специальности, специалисты любой отрасли по мере углубления в предметы исследования, придется ему и выявлять и разьяснять противоречия, ставшие причиной развития и движения. В разных рамках объективной действительности противоречия обнаруживаются по-разному, но во всех представленных схемах имеются общая, популярная система, закономерности и причины. Наука, которая с таких популярных позиций системности рассматривает закономерности объективного мира, правильно объясняет способы мышления это и есть диалектика или билиг”¹. Таким образом, мышление арга и билига было рассмотрено им в рамках популярных концепций, теоретического и практического мышления, принципы, употребляемые на различных уровнях общественной науки были разьяснены им как на уровне теоретической формулировки, так и на многочисленных фактах. Так, есть основания понимать геометрию Эвклида как теорию и учение о сущности мироздания, его изменениях, об общих закономерностях.

Мышление арга и билига разьясняет в геометрическом моделировании философское содержание предметов и явлений, что отражено в монографиях Н. Хавха “Социальная философия Монголии”, Улан-Батор, 2000 г, “Социальная философия”, Улан-Батор, 1999 г, “Философия кочевого животноводства”, Улан-Батор, 1999 г, “Философское значение социальных отношений студенческой молодежи”, Улан-Батор, 2001 г. и других. А также в томах 1,2,3,4,5,6 подробно написано об этом. Вышеобозначенным способом объясняются соответствия классической и отраслевой философии, классической и неклассической философии. Классическая философия имеет роль билига (единства), отраслевые (образования, права, искусства, физики,

¹ Н.Хавх. Монголчуудын нүүдлийн соёл иргэншлийн гүн ухаан. /Нэгдүгээр дэвтэр, хоёрдугаар дэвтэр/. УБ.,2005. Стр 25-26.

химии и т.д.) и неклассические (экзистенциализм, позитивизм, феноменология и т.д.) – роль арг².

Идеи и труды Нацагийн Хавха о социальной философии. Профессор Н. Хавх считал, что социальная философия имеет следующую структуру, в частности:

1. Методология социальной философии или методология мышления классической философии;

2. Общая теория социальной философии, разъясняющей закономерность оказания равномерной услуги во всех сферах социальной жизни, на всех этапах развития, для любой национальности;

3. Специальная теория или учение социальной философии, разъясняющей закономерность существования развития общества данной национальности, а также определенной сферы социальной жизни (социальной структуры, образования, права, экономики, искусства, политики, других отраслей философии). Он считает, что характерно для Монголии: социальная философия, философия кочевого животноводства, философия экономики, права, искусства, образования и т.д., и он создал заметные труды по данным направлениям.

Согласно точке зрения профессора Н. Хавха должна быть отраслевая социальная философия, разъясняющая закономерности существования и развития сфер социальной жизни на принципах классической социальной философии, она и должна иметь следующую структуру.

- Общая методология отраслевой философии или соответствующие принципы, идеи, теоретические учения;
- Общие идеи, учения и теория отраслевой философии;
- Теоретические учения, рассматривающие процессы сфер социальной жизни данной национальности.

Исследования по социологии Нацагийн Хавха: Н. Хавх – первый социолог Монголии. В 1984 году он защитил кандидатскую степень по практической социологии. Согласно его точке зрения должно и быть “Социологическая философия”. В 2005 году он написал четвертый том “Социология. Некоторые направления Монгольской социальной философии”, состоящего из трех книг, в частности:

Первая книга: теория, методология и определенные исследования по социологии;

Вторая книга: Социология молодежи;

Третья книга: Некоторые направления Монгольской социальной философии.

Из концепций Нацагийн Хавха о цивилизационной теории: Профессор Н. Хавх рассматривал одну из наук социальной философии – современный вариант, который разъясняет закономерности развития любой

² Н.Хавх. Боловсролын гүн ухаан. УБ.,1998. Стр 26-35.

национальности, то есть теоретический вариант на примере учёных и представителей цивилизационной теории. Настоящая теория считает, что необходимо ставить Человека с Природой, Запад с Востоком, Великую державу со слаборазвитыми государствами и национальностями, городскую цивилизацию с кочевой в соответствии нужно объяснять закономерностью единства и борьбы, арги и билига, в своей монографии “Социальная философия”, написанной в 1997-1998 гг, разработал один из теоретических вариантов. По его точке зрения развитие человечества можно пойти по моделированной закономерности в ходе единства и соответствия противоположных сторон, то есть, арги и билига – источника развития Человека и Природы, Востока и Запада, кочевки и урбанизации, великих держав и слаборазвитых национальностей: развиваются, также и нисходят. Другими словами, как он объясняет, развитие вещей или явлений идет по прогрессирующей закономерности.

И так Заслуженный деятель науки Монголии, доктор философских наук Н. Хавх стал одним из видных учёных, внесших ценный вклад в Монгольскую философскую науку через свои концепции, методологические подходы, научные труды. Им было написано более 20 монографий, учебников и учебных пособий, кроме того были изданы свыше 150 научных статей, докладов и др.

Наконец нам хочется отметить, что Н. Хавх подверг к резкой критике односторонний, поляризованный подход по рассмотрению противоположных сторон, создающих противоречия, по роли месте одной из них в обществе, сумел синтезировать, поставив их интересы, идеи и роль в соответствии согласно объективной закономерности. Кроме того, он стремился создавать один вариант социальной философии, проделал многостороннюю работу по научным исследованиям, выдвинул свою точку зрения на теоретическом и практическом уровнях, создал самостоятельное методологическое направление. Все это вполне можно рассматривать как историческую заслугу, внесенную им в Монгольское философское мышление.

Главные труды Н. Хавха

1. Первый том – “Сравнительные комментарии содержания Буддийской философии”, 39 п/л, 2003 г.
2. Второй том – “Цивилизационная теория”, 44 п/л, 2004 г.
3. Третий том – “Философия кочевой цивилизации монголов”, 44 п/л, 2005 г.
4. Четвертый том – “Социология. Некоторые направления Монгольской философии”, 42,5 п/л, 2005 г.
5. Пятый том – “Буддийская педагогика и психология, Философия воспитания”, 39,7 п/л, 2006 г.
6. Шестой том – “Диалектика и мышление арги и билига, Соответствие Буддийской и Западной педагогики”, 31 п/л, 2010 г.

**Панельная дискуссия:
«Проблема академической свободы»**

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ПЕРСОНАЛЬНОЕ МНЕНИЕ:
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СВОБОД**

Н. В. Головкин

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

Достаточно часто можно услышать и даже согласиться, впрочем, не вдаваясь в детали, с тем, что «поведение на публике» того или иного лица, причастного к той или иной организации, может «кинуть тень» или даже «серьезно подорвать авторитет» этой организации. Ограничим предмет анализа поведением членов академического сообщества. Что можно сказать о том, имеет ли право преподаватель высказывать свое персональное мнение и активно участвовать в общественных организациях, движениях и т.д. в «свободное от работы время», и как на это должны реагировать общество, профессиональное сообщество и организация, где она работает? Что если бы одна из участниц Pussy Riot была бы профессором, скажем, МГУ? И дело может быть не только в имидже организации. Как вести себя, например, сторонникам рационального критического мышления в современной России (все еще светском государстве), когда уровень лоббирования политических интересов РПЦ в Государственной Думе растет (см., например, [1]) и появление в УК статьи 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан» вполне может послужить основанием для широкого «общественного порицания» тех, кто знает, что «там, где начинается религия, разум заканчивается». Можно ли уволить профессора, если он придерживается определенных политических или религиозных взглядов, или совершает поступки, которые «неожиданно оскорбляют» какую-то часть общества? Несомненно, «тирании общественного мнения» является одной из наиболее серьезных и, в то же время, наименее осязаемых угроз академической свободе.

Одним из примеров того, как профессиональное сообщество может обезопасить себя против «тирании общественного мнения», является точка зрения изложенная в «Изложении оснований академических свобод и должностей» [2], подготовленном Американской ассоциацией университетских профессоров (www.aaup.org): «Преподаватели университетов и колледжей являются и гражданами, и членами профессионального сообщества. Когда они выражают мнение как граждане, институциональные нормы и ограниче-

ния на них не действуют. В то же время, их особая роль в нашем обществе налагает на них особые обязательства. *Как представители системы высшего образования они должны понимать, что их мнение может быть основанием для широкой общественной оценки не только их деятельности, но и представляемых ими институтов.* Им следует быть аккуратными, придерживаться разумных ограничений, уважать мнение других и всегда, где это возможно, подчеркивать, что они говорят от своего лица, а не от лица организации, в которой работают» (курсив мой – Н. Г.).

Внешне все выглядит красиво, но что можно сказать об обосновании этой точки зрения, что можно сказать об этих «обязательствах», может ли их невыполнение стать причиной реального увольнения, как выполнение или невыполнение этих «обязательств» привязано к понятию академической свободы, как связаны академическая свобода и свобода выражения мнения и т.д.? На наш взгляд, то, что происходит, в широком смысле, вне стен университета, не может однозначно свидетельствовать против профессора. В данном случае, по-видимому, возможны несколько направлений рассуждений, оправдывающих свободу выражения мнения, – либо мы рассматриваем свободу выражения мнения как часть общегражданских свобод (в этом случае академическая свобода и свобода выражения мнения это разные вещи и исходной проблемы нет), либо говорим о каком-то сложном характере взаимоотношения свобод и полагаем свободу выражения мнения частью конвенции между профессором и обществом, поддерживающей значимость академической свободы.

Право преподавателя выражать свое мнение без ограничения и независимо от профессиональной принадлежности является его естественным правом гражданина (см., например, [3, р. 89]). И оно не имеет ничего общего со свободой проведения исследований или свободой преподавания, которые являются предметом академической свободы, или с профессиональными характеристиками преподавателя, на основании которых он занимает определенную должность в университете. Тот факт, например, что человек занимает кафедру астрономии, не означает, что он обладает профессиональными знаниями в области экономики. Его право рассуждать о чем угодно, в том числе о том, что лежит за пределами его профессиональной области, является правом, данным любому человеку. Вопрос состоит в том, оставляет ли университет за собой право ограничивать свободу человека, который был принят на должность профессора астрономии?

На наш взгляд, привязка свободы выражения мнения в контексте академической свободы к другим личным и общегражданским свободам, таким как свобода слова или свобода печати, выглядит *недостаточно* убедительно. Предмет гражданских свобод – это отношение между гражданином и государством, но в данном случае ситуация иная, – мы рассматриваем отношения между преподавателем и университетом т.е. отношения другого уровня, – частные. Каким бы ни было обоснование свободы выражения мнения, сложно представить, чтобы оно просто сводит этот аспект академической свободы

к «Первой поправке» (мы говорим о точке зрения американских коллег), даже с учетом того, что преподаватель, как и университет, выполняют особую функцию перед всем обществом.

Хороший пример рассуждения в пользу комплексного понимания соотношения между академической свободой и свободой выражения мнения приводят М. Финкин и Р. Пост [4, ch. 6]. По определению, *академическая свобода* – это свобода реализовывать себя в качестве члена профессионального сообщества в соответствии со стандартами, принятыми в профессорско-преподавательской среде. Она не является индивидуальной свободой говорить что вздумается и учить самым произвольным вещам. Исходный пункт этой свободы – договор между университетом и обществом в целом, связанный с выполнением университетом своей общественно значимой функции. Университет, в его идеальном понимании, служит общественному благу, распространяя и развивая знание, а развитие знания немислимо без свободы исследования. Важно то, что это не договор между обществом и отдельным членом профессионального сообщества, точно так же, как это не договор между университетом и отдельным преподавателем. Это договор, заключенный с профессиональным сообществом, которое, подчиняясь установленным внутри себя правилам профессиональной деятельности. Суть академической свободы не столько, например, в рамках концепции свободы слова, сколько в рамках концепции автономии и коллегиального самоуправления университетского академического сообщества.

Поясним, что хотели сказать М. Финкин и Р. Пост, – академическая свобода касается только того, что происходит «внутри стен университета». Мы не можем требовать, например, того, что профессиональные стандарты обязаны быть применимы к выражению мнения вне области действия этих стандартов. Сами структура и тип аргументации в рамках общественной полемики отличаются от аргументации, характерной для академического дискурса. Профессиональная подготовка и привычка строго следовать правилам выбранной методологии, конечно, помогут профессору астрономии разобраться в тонкостях экономической теории, но вряд ли он будет готов представить свои идеи на суд экспертов и, тем самым, участвовать с других важных составляющих научного дискурса экономистов. Это так. Однако, в случае конфликта, возникает странная ситуация, – в случае конфликта с общественным мнением, университет готов пойти на все ради того, чтобы успокоить общественное мнение и не допустить широкого резонанса, вызванного, скажем, действиями профессора вне стен университета. Администрация, даже если понимает разницу между типами аргументации «внутри» и «вне» стен, пренебрегает собственно академической свободой.

На наш взгляд, следуя ходу рассуждений М. Финкина и Р. Поста, тут возможен компромисс: *университет полностью защищает академическую свободу по отношению к тому, что происходит в его стенах, и не несет никакой ответственности за свободу выражения мнения за пределами университета*. В этом нет ничего необычного. Университет не несет ответственно-

сти за все, что происходит в его стенах. Например, «Моя борьба» или «Молот ведьм», хранящиеся в библиотеке, необязательно свидетельствуют о соответствующей позиции университета, а могут храниться просто как библиографические редкости, представляющие интерес только для академического исследования. И тем более, университет не может нести ответственности за все, что происходит за его стенами, за большую часть того, что говорится или делается сотрудниками.

Приведем еще один аргумент в пользу комплексного понимания соотношения между академической свободой и свободой выражения мнения. Необходимый элемент академической свободы – *творчество*, в том смысле, что член профессионального сообщества будет успешно заниматься исследованиями или адекватно преподавать, только если он способен вариативно и творчески использовать полученные знания и активно развивать творческие навыки. Любое ограничение со стороны университета вызовет, возможно бессознательно, определенный дополнительный *барьер* для самореализации. В определенном смысле, этот барьер может быть следствием *нечеткости* проведения границы между тем, что можно и чего нельзя, между тем, что защищено академической свободой и относится к области допустимого для обсуждения в стенах университета и тем, что, в случае чего, может быть использовано против преподавателя, если свобода выражения мнения не будет защищена академической свободой. Граница между тем, что по-настоящему удовлетворяет требованию профессиональной экспертизы и тем, что, по сути относится к непрофессиональному мнению, может быть очень зыбкой. Ограничение свободы выражения мнения вызовет общую нервную ситуацию, которая, очевидно, может отрицательно сказаться на выполнении преподавателями своих обязанностей, и, как следствие, – университетом своей основной функции. Свобода выражения мнения – это часть контракта между преподавателем и университетом, которая *дополнительно* обосновывает необходимость автономности академического дискурса и защищает академическую свободу, это, своего рода, профилактический тезис, который косвенно способствует выполнению профессиональным сообществом значимых функций.

Университет реализует и поддерживает целый ряд общественных благ, а значит, вправе пользоваться поддержкой общества. В то же время, сама идея независимости мышления и академической свободы может противоречить традиционности и некритическому характеру общественного мнения. И в данном случае, апелляция к некоторой общей идее «обязательств» и ответственного поведения членов профессионального сообщества может лишь помешать. На наш взгляд, ответственность такого рода не должна быть залогом «уважения» общественного мнения, а должна непосредственно быть продолжением идеи академической свободы. Ответственное поведение по отношению к профессиональным нормам поддерживает и утверждает академическую свободу и независимость мышления, ответственное поведение по отношению к общественному мнению – нет. Академическая свобода – это цена, которую платит общество за развитие и получение нового знания, и, в этом

смысле, общество само должно поддерживать шаткое равновесие между автономностью научного сообщества и своей оценкой деятельности этого сообщества.

Литература

1. Винник Д.В. «О лоббистах РПЦ в Государственной Думе». Информационный портал «Сибкрай.ру», 25 сентября 2012. [Электр. рес.] <http://sibkrai.ru/blogs/Vinnik/257/> (Дата обращения: 19 октября 2012).
2. «1940 Statement of Principles on Academic Freedom and Tenure». [Электр. рес.] <http://www.aaup.org/AAUP/pubsres/policydocs/contents/1940statement.htm> (Дата обращения: 19 октября 2012).
3. Searle J. Two Concepts of Academic Freedom. / E. Pincoffs (ed.). *The Concept of Academic Freedom*. Austin, TX: University of Texas Press, 1972. pp. 86–96.
4. Finkin M., Post R. *For the Common Good: Principles of American Academic Freedom*. Yale University Press, 2009.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ТОСКА ПО «НЕМЕЦКОМУ ПРОФЕССОРУ»

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

В тексте, открывающем данный раздел, Н.В. Головки поднимает важную тему академической свободы. Основное содержание можно подытожить в трех тезисах: 1) академическая свобода и свобода выражения собственного мнения должны быть четко разделены, действия в рамках последней не должны негативно влиять на первую; 2) необходимым условием эффективной академической деятельности является уважение не только академической, но и общегражданской свободы слова; 3) академическая корпорация вправе ожидать от общественного мнения отказа от «тирании» и большего уважения. Это особое отношение, по мнению Н.В. Головки, оправдано ролью университета в производстве таких общественных благ как образование и научное знание и должно включать понимание обществом того, что исследователь и гражданин – это разные функции, разные социальные роли, которые должны оцениваться независимо друг от друга.

Позволю себе некоторые замечания в отношении этих тезисов. Но вначале – общий комментарий по поводу академической свободы и угроз в отношении этой свободы. Я придерживаюсь достаточно узкого понимания академической свободы как свободы исследовать или преподавать в рамках некоего контракта. Здесь сразу возникает вопрос – кто является сторонами этого контракта? В своем тексте Н.В. Головки придерживается точки зрения,

согласно которой в основе академической свободы лежит «...договор между университетом и обществом в целом, связанный с выполнением университетом своей общественно значимой функции. Университет, в его идеальном понимании, служит общественному благу, распространяя и развивая знание, а развитие знания немыслимо без свободы исследования». Все это так. Однако нужно понимать, что такой контракт – это не обязательно типовой договор, дающий некоторому идеализированному научному сообществу карт-бланш на проведение любых исследований. Наука – удовольствие дорогое и общество вправе (в лице его экспертных представителей) определять и ограничивать интересы и аппетиты академической корпорации. Понятно, что говоря здесь об «обществе», мы имеем в виду ту науку и то образование, которые полностью или частично финансируются за счет средств налогоплательщиков через государственные механизмы распределения.

Кроме того, на практике этот абстрактный, «идеальный», неписанный контракт между обществом и академической корпорацией конкретизируется в договоре между менеджерами (университетской администрацией) и конкретными преподавателями или научными сотрудниками. И здесь возникает серьезная проблема – как в условиях этого реального (второго) контракта университет может эффективно выполнить свои обязательства по контракту первому – абстрактному и идеализированному. Академическая свобода сотрудников здесь, конечно, необходима. Но это весьма своеобразная свобода, имеющая мало общего с идеей Свободы с большой буквы. Это свобода выполнять определенную работу. О свободе здесь речь идет только потому, что специфика академической деятельности состоит не в выполнении конкретных, узко поставленных задач, а в творческом поиске решений и открытий. Именно поэтому мы и говорим об академической свободе и не говорим, например, о свободе менеджера или свободе водителя такси [см. 1]. Но такая (академическая) свобода лишь фиксирует специфику конкретной производственной деятельности, в нашем случае – научной и образовательной и, по сути дела, является академической обязанностью. Без свободного научного поиска невозможно выполнение профессиональной деятельности и, следовательно, выполнение обязательств по контрактам – как по первому (между обществом и академической корпорацией), так и по второму – (между конкретным исследователем или преподавателем и академической организацией).

Что касается отношения между академической свободой и свободой выражения собственного мнения, то, конечно, на первый взгляд, университет не должен нести ответственности (ни моральной, ни юридической) за выражение личного мнения его сотрудника и Н.В. Головки здесь имеет основания опасаться «тирании общественного мнения». Однако при этом нужно иметь в виду, что поведение сотрудника за пределами университета может наносить организации реальный ущерб – не только репутационный, но и финансовый (например, повлиять на отношение к университету грантовых комитетов или потенциальных спонсоров). Менеджеры университета вполне могут посчи-

тать такую реакцию третьих сторон (на которую они не могут повлиять) достаточным основанием для прекращения отношений с сотрудником, осуществляющим свое право на свободу слова за пределами академического заведения. Сотрудник имеет право на свободу слова. Администрация университета имеет право разорвать контракт, если по ее мнению, такое поведение конкретного сотрудника наносит ущерб эффективному выполнению другого, основного контракта – между академической корпорацией и обществом. Понятно, что здесь возникает большая проблема, связанная с возможными злоупотреблениями конкретных академических чиновников, преследованием ученых и преподавателей за политическую или общественную деятельность и т.д. Но само право администрации прекращать трудовые отношения, вряд ли можно поставить под сомнение. Конечно, в этом случае мы получаем нежелательную обратную связь между свободой общегражданской и академической, но, к сожалению, для членов академической корпорации это еще не самый тяжелый случай.

В своей недавней книге К. Нелсон выделяет 16 угроз академической свободе и среди основных он называет вовсе не политические, а экономические угрозы, влекущие изменение привычных подходов к организации академической деятельности. [2, ch 2]. Так, одну из угроз он называет «неолиберальной атакой на академические дисциплины», об этом же пишут и многие другие исследователи, как зарубежные, так и отечественные. В условиях маркетизации науки и образования под нож идут наименее «продаваемые» курсы и программы, в частности гуманитарные, смена ориентации на быстрые конкретные результаты, растущая зависимость от инвестиций ведет к давлению на исследователей и преподавателей. Еще одной серьезной угрозой академической свободе оказывается глобализация, которая приводит к существенным изменениям в организации работы, например к использованию временных научных коллективов, нанятых для выполнения разовых задач, привлечению более дешевой иностранной научной силы. Такой менеджерский подход ведет к тому, что исследователь и преподаватель все чаще считается не (заведомо) уважаемым членом академической корпорации, которому нужно обеспечить достойные условия для работы, а функциональным элементом в системе производства знаний, который, при желании или необходимости, легко можно заменить.

Перейдем теперь к последнему тезису – о праве академического субъекта на самовыражение и автономности академической и общегражданской свобод, точнее о желательности таковой. Бросает ли тень, подрывают ли репутацию университета действия члена академической корпорации, осуществляемые им в рамках свободы самовыражения или свободы слова? Да, безусловно. И оценить это можно только положительно. К счастью, общественное мнение здесь является здоровым противовесом тому функциональному, менеджерскому подходу к исследователю, отношению к человеку как вешалке для функций, социальных ролей и ипостасей – «ученый», «общественный деятель», «политически активный гражданин». Именно признавая высокую

ценность интеллектуальной деятельности, общественное мнение пока еще воспринимает члена академической корпорации как цельную личность, не только владеющую узкими профессиональными навыками, но и являющуюся тем самым цельным «характером», о котором пишет А. Макинтайр [3]. В своей книге он тоскует об утрате целостного морального сознания, когда такие выражение как «английский инженер» или «немецкий профессор» сразу вызвали в сознании образ цельной личности – одновременно и профессиональной, и высокоморальной, которая могла бы служить примером и образцом. При этом такой запрос на цельный характер неизбежно ограничивает многие виды поведения, которые допустимы для человека, «расщепленного» на социальные роли и функции: «В случае характера роль и личность сливаются более специфичным образом, чем в общем случае; в случае характера возможности действия определены более узко, чем в общем случае» [3, с. 42]. Как мне кажется, нам, как членам академической корпорации, следует не журить общество за «тиранию общественного мнения», пристально следящего за нашими поступками за стенами университета. Следует быть благодарными за то, что общество пока еще сохраняет надежду увидеть в профессорах тот самый цельный «характер», и, по мере возможности, стараться этому запросу соответствовать.

Литература

1. Fish S. Academic Freedom Is Not a Divine Right // *The Chronicle of Higher Education*, 5 September, 2008.
2. Nelson C. No University is an Island: Saving Academic Freedom. N.Y. University Press, 2010.
3. Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Раздел I Социальные исследования

СКОЛКОВО И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

А. А. Гордиенко

Институт философии и права СО РАН

Инновационное развитие, как показывает мировой опыт, процесс глобальный, постепенно охватывающий все страны мира. Речь идет не просто о распространении модернизации и следующей за ней интенции на инновационное развитие на все страны мира. Речь идет о том, что инновационное развитие - это дело не одной страны, а всех стран, так или иначе, модернизированных. Причем разные страны в соответствии со своей культурой вносят в этот процесс свои особенности, которые не просто дополняют, но становятся имманентной составляющей инновационного развития других стран, включая и развитые страны. В своем наиболее полном воплощении процесс инновационного развития, будучи практически-предметным процессом, в тех или иных элементах своего содержания зарождается в локальных социумах и, отображая социокультурную среду этих социумов, как волна распространяется на все страны, встречается с волнами исходящими от других стран. Эти волны, накладываясь друг на друга, обогащаются, придавая инновационному процессу более развитое общечеловеческое содержание. Исторически первым примером этой, так сказать, глобалистской сущности инновационного развития представляет собой взаимодополнение инновационного развития (а тем самым, и выявление и наполнение его содержательной сути), происшедшее в разные периоды между СССР и США. В последующие периоды такое содержательное взаимодополнение инновационного развития происходит в процессе взаимодействия Западных стран с Японией. Затем в этот процесс включились страны Юго-Восточной Азии, и в последующие периоды Китай и Индия.

Вообще говоря, заимствование советского опыта западными странами началось сразу после революции 1917 года. Но особенно оно характерно для стран свободного рынка в годы Великой депрессии (конец 20-х – начало 30-х гг.) XX века, когда в них происходили мощные социально-экономические потрясения. Можно сказать, что тогда «свободный» мир переживал нечто похожее на тот кризис, что переживают ныне страны бывшего СССР. Тогда, также как и сейчас из России, многие люди эмигрировали из стран свободного рынка в СССР, включая ученых, и в этих странах существовал феномен «утечки мозгов»[1]. И выход из этого кризиса был подсказан во многом СССР с его плановой экономикой. Начиная с 30-х годов и, заканчивая нача-

лом 60-ых годов XX века, современные так называемые развитые страны очень много заимствовали у СССР. Это, прежде всего, необходимость повышения уровня благосостояния наемных работников, и соблюдения паритета в доходах наиболее богатых и бедных слоев населения, а также вмешательство государства в процессы, происходящие на «свободном» рынке, это, наконец, необходимость развивать науку, в том числе и при поддержке государства.

Заимствование опыта организации науки в СССР происходило на протяжении всего XX века и, в особенности, в 60-е годы. В 60-е годы для советской фундаментальной науки счастливо совпали во времени три фактора: начало первой волны НТР, государственные приоритеты научно-технического развития и большие ресурсные возможности экстенсивного этапа развития народного хозяйства[2]. Сложившаяся в Советском Союзе мобилизационная экономика и, связанная с ней система централизованного управления наукой, в большей степени соответствовала требованиям первой волны НТР в отличие от американской модели, где произошло усиление плюрализма организационной и функциональной структуры научных исследований[3]. Как отмечает К. Петров: «в этот период отчасти осуществлялся идеал развития науки: в высшей степени продуктивное сочетание целенаправленной народнохозяйственной деятельности с быстро расширяющимся фронтом исследований актуальных научных проблем»[4]. Наукометрический анализ научных открытий СССР показывает, что наиболее результативными, с точки зрения производства принципиально новых знаний, стали 50-е, и особенно 60-е гг., когда было сделано соответственно 34% и 46% всего фонда научных открытий. В то время СССР развивал науку по всему фронту и обеспечивал все направления НТП. Важным моментом является то, что советское государство оказывало помимо финансовой огромную имиджевую поддержку науки. Западные социологи, анализируя причины поразительного для них прогресса советской науки в 60-х гг., с «завистью отмечали невероятно высокий в то время престиж ученого в Советском Союзе, глубокое уважение общества к его труду и даже «героический ореол вокруг ученого»[5].

Все это позволяет заключить вслед за академиком В. Фортовым, что «в советское время мы были великой научной державой. Но не столько потому, что у нас было много науки, сколько потому, что при скромном финансировании мы имели большие результаты, мы тогда тратили на науку в 10 раз меньше, чем американцы: примерно 20 тысяч долларов в год на каждого научного сотрудника, тогда как у них - 200 тысяч. А результаты практически такие же. Потому что наука у нас была организовано очень умно»[6]. Такая организация в наибольшей степени соответствовала природе научного труда, и, прежде всего, она способствовала ускоренному формированию научных школ. Это говорит о том, что в 50-60-е годы прошлого века СССР был одним из лидеров научно-технической революции и освоения четвертого технологического уклада. В результате страна первой вышла в космос, создала ядерную энергетику, добилась военно-технического паритета с Западом. Эти достижения СССР внимательно изучались в странах Запада и в Японии. Здесь на

основе опыта СССР были приняты соответствующие экономические, правовые и организационные меры, но в контексте использования преимуществ рыночной экономики.

К тому времени начал все более явно проявлять себя внутренний кризис самой науки. Как известно после Второй мировой войны, обусловившей все более жесткую привязку быстроразвивающейся науки к потребностям и запросам военного производства, сформировался феномен, так называемой, большой науки – специфических форм институционализации науки, в которых она превращается в некий аналог материального производства. Характерные для большой науки способы социальной организации образуют как бы внешнюю оболочку, которая, опосредуя внутреннюю динамику научного коллектива, формирует ту инерциальную среду, в которой накапливаются энтропийные, по отношению к этому коллективу, процессы. В результате функционирование науки в качестве «служанки материального производства» вызывало не только «мумификацию» первичных коллективов науки и замедление темпов ее развития, но и обусловило становление стагнационных процессов в самом обществе. Эти процессы были характерны и для СССР, и для США.

Однако, именно в советской науке, развивающейся по немецкой модели (когда в отличие от американской модели, где научные учреждения существуют при крупных университетах, в советской модели ставка делается на крупные самостоятельные научные институты) наиболее полно ощущались энтропийные процессы. Преодоление этих процессов намечено было при создании Сибирского отделения РАН. Сибирское отделение формировалось на новых принципах, которые касались не только формальной организации научной деятельности, но также и того микроклимата, в котором жили и работали ученые. В основе формальной организации СО РАН заложен знаменитый «треугольник Лаврентьева»: междисциплинарный подход к научным исследованиям — глубокая интеграция науки и образования — тесная связь с реальной экономикой. Что касается неформального аспекта, то тут ключевыми являются понятия «духа Лаврентьева», «философии управления Лаврентьева», настроения и переживания, формируемые феноменом «лесного города»[7]. Наконец, здесь впервые в мире была реализована пространственная организация жизнедеятельности людей по принципу «когнитивного города». Институциональные инновации основателей СО РАН открывали большие возможности для ученых с нетрадиционным способом мышления. В результате Академгородок оказался прообразом научного комплекса нового типа, который позже назвали технополисом. По типу нашего Академгородка впоследствии будут созданы София Антиполис во Франции, Цукуба в Японии и Теджон в Южной Корее[8]. Это было прямое, масштабное заимствование опыта организации науки в СССР.

Таким образом, основатели Сибирского отделения совершили прорыв в организации науки на несколько десятилетий вперед. Тем самым, Советский Союз на примере Сибирских Академгородков оказался также лидером в ор-

ганизации микросоциума фундаментальной науки. Нельзя не сказать и об еще одном важном достижении советской, российской и, в частности, сибирской науки, которые выражены в деятельности выдающегося ученого и организатора науки академика В. А. Коптюга. Речь идет о концепции устойчивого развития и поисках механизмов и условий для трансформации науки в контексте коэволюционного развития. Такая трансформация предполагает движение от науки, призванной служить целям преобразования природы, к природосберегающей человекомерной науке.

Однако инновации в массовом масштабе возможны там и тогда, где и когда «основные задачи модернизации выполнены, экономика встроена в мировое разделение труда, главным движущим мотивом ее развития становится конкуренция, а потребность в знаниях становится естественной для значительной (если даже не большей) части работников и менеджеров. Более того в странах искусственно стимулирующих инновации, но не сформировавших современные методы экономического развития, инновации и модернизация оставались разделенными: именно это привело к краху экономики Советского Союза, который несомненно, был одним из глобальных инновационных лидеров ряде отраслей»[9]. В 70-80-е годы началось и стало нарастать отставание СССР в освоении и распространении пятого технологического уклада. К тому времени советские ученые запустили человека в космос, начали осваивать Луну. Казалось, что запустить корабль на Луну и сделать автомобиль или телевизор, конкурентоспособные с «SONY» или «TOYOTA», которые бы покупали по всему миру одно и то же. Стоит только захотеть. Однако подобные товары народного потребления требовали маркетинга и дизайна. Но это предполагает диверсификацию общественных отношений: мировой опыт показал, что именно рынок обеспечивает такую диверсификацию. Так или иначе, встала задача расставания с авторитарной командной экономикой.

Таким образом, для СССР настало время заимствования рыночного опыта Запада, включая и моменты государственного и общественного вмешательства в свободную рыночную стихию. Такое заимствование являет собой естественное проявление неравномерности развития крупных мировых центров экономического развития. Но в отличие от западных руководителей времен Великой депрессии, стремившихся не только использовать опыт других стран (прежде всего СССР), но и сохранить национальные социокультурные особенности, сложившиеся в экономической жизни, и завоеванные, к тому времени, позиции своих стран на мировой арене, наши новые российские лидеры не только проглядели самый главный момент в экономическом опыте Запада в XX веке - синтез свободных рыночных начал и государственного и общественного регулирования, они стремятся систематически разрушать такие подходы. При этом цивилизационная роль бывшего СССР в XX веке, его воздействие на развитие страны вообще не признается. В результате, в 90-е годы вместо наращивания модернизации произошла технологическая деградация и деиндустриализация России: к началу XXI века втрое упала доля современного пятого уклада, повысилась доля третьего и реликтовых укла-

дов[10]. Распались многие научные институты и особенно конструкторские школы, был ослаблен инженерный корпус. Тем самым был подорван научно-технический и инновационный потенциал страны.

В этих условиях правящая элита страны реализует проект инновационного развития в форме экспериментальной площадки для разработки и трансфера высоких технологий на основе активного заимствования западного опыта (Сколкова). При этом используется принцип городков-анклавов, успешно работавших в советское время (наукограды, сибирские академгородки, закрытые города (ЗАО)). Этот путь опробован десятилетиями, и он дал реальные плоды. Только все сейчас делается в закрытой форме: практически не привлекаются носители опыта организации таких городков. Но ведь именно они, и прежде всего они, являются тем интеллектуальным гумусом, без которого эксперимент не состоится. «Привлечение профессоров-визитеров из-за рубежа – это не гумус, а мастер-класс»[11].

Безусловно, развитие иннограда «Сколково» при оптимальном его осуществлении будет обеспечивать прорыв, связанный с формированием современных механизмов коммерциализации результатов научных исследований посредством встраивания через Сколково в российскую действительность современной западной венчурной модели финансирования инноваций. Важной может быть роль Сколково и с точки зрения заимствования современного производственного аппарата - индустрии инноваций. Однако первая в России попытка масштабного заимствования западного опыта организации науки и ее связей с практикой, реализуемая в проекте Сколково, должна сопровождаться изучением собственного российского (советского) опыта научной, научно-производственной, инновационной деятельности (включая социокультурные формы организации науки, а также экономико-правовые и организационные формы продвижения ее достижений в практику). Особенно это важно делать с учетом опыта Сибирского отделения РАН, возникновение которого, как было показано, оказало существенное влияние на организацию науки в ведущих странах мира.

Литература

1. Беляева С. Спасибо за готовность // Поиск. 2005, № 5.
2. Несветайлов Г. А. Большая наука в больном обществе // Социологические исследования, 1990, № 11.
3. Иванова Н. И. Формирование и эволюция американской модели науки // Социальная динамика современной науки. – М., 1995, С. 263.
4. Петров К. Курчатовский институт глазами XXI века. // Правда России.. 1995. 1 июня.
5. Мирская Е.З. Человек в науке // Социальная динамика современной науки. - М, 1995, С. 30.
6. Фортов В. Сохранить кадры, научные школы // Инженерная газета. 2002. № 7.

7. Гордиенко А.А. Проблемы и пути развития сибирских академгородков в новых условиях // Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект). – Новосибирск, 2006, С.278-285.
8. Степанов А. Кому нужно экономическое чудо. // Парламентская газета. 2002, 22 марта.
9. Иноземцев В.Л. Движущие силы инноваций: иллюзии и реальность. // Динамика инноваций. – Новосибирск, 2011, С. 146.
10. Евдокимов Ю. Неправда, и к нам приезжали // Российская научная газета. 2003, 8 октября.
11. Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: контекст. // Социологические исследования. 2011, № 5, С. 142.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ И ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

О. В. Нечипоренко

Институт философии и права СО РАН

Г. П. Ковadlo

Институт философии имени Г.С. Сковороды

Национальной академии наук Украины

Проблема социального кризиса в условиях глобализации становится одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем общественных наук. Обострение ряда противоречий, связанных с растущим взаимовлиянием государств в современном мире, нарушением их политической и экономической устойчивости и безопасности, вызванном появлением дополнительных рычагов и механизмов влияния на страны, переживающие масштабные социальные трансформации – актуализирует необходимость определения принципиальных подходов и условий интеграции обществ с переходной экономикой в мировое глобализирующееся сообщество, а также анализ как негативных последствий глобализации, так и новых возможностей для преодоления кризисных явлений. С одной стороны, современное постиндустриальное общество открывает безграничные возможности для роста производительности труда и эффективности производства, повышения уровня жизни основной массы населения Земли. С другой стороны, мы являемся свидетелями усиливающихся процессов социального неравенства и роста бедного населения, а в культурной сфере – вытеснение национальных эстетических и этических традиций моделями, поставляемыми универсальной масс-культурой.

Принципиальные, парадигмальные изменения основных составляющих социального бытия в контексте основного вызова современной эпохи, глобального социально-экономического кризиса - требуют новых способов их постижения и, что вполне логично, становятся главной составляющей дискурса общественных наук. Тема социального кризиса рассматривается как

одна из общезначимых и сквозных в философии XX в. Особую остроту тема кризиса приобретает на рубеже XX-XXI столетий, в условиях развертывания разнонаправленных процессов постсоциалистической трансформации, охватившей около 30 стран в течение 1990-2000 гг. В качестве наиболее примечательных фактов постсоциалистической трансформации отмечается поразительное разнообразие национальных моделей реформирования и результатов преобразований (Д. Норт, Я.Винецки, С. Войт, С. Пейович, Г. Роланд, В. Нее), а также разнонаправленность процессов реформирования: в большинстве трансформирующихся обществ, вопреки декларациям о демократизации и модернизации, происходит перерождение и реанимация авторитарных режимов, растет социальная поляризация и прогрессирует экономическая де-модернизация (Т. Карозерс С. Коэн, Т. Бейчельт, А. Хоффман).

Комплексное исследование опыта постсоветской трансформации предполагает ориентацию как на непосредственные изменения в экономической, политической и институциональной сферах, так и на социальные последствия этих изменений и позволяет рассмотреть сущность и направление развития процессов, разворачивающихся на постсоветском пространстве, в рамках общетеоретической концепции социального кризиса, основывающейся на тесной связи между темпами социокультурной динамики, экономического роста, моделями государственной социальной политики, социальными и политическими тенденциями развития общества. В соответствии с таким подходом, конфигурацию и остроту проблем, с которыми столкнулись реформируемые общества, определяет сочетание кризисных проявлений двух трансформаций (общецивилизационных кризисных процессов и противоречий переходного периода), а механизм разворачивания, специфика и затяжной характер социального кризиса, переживаемого реформируемыми обществами, связаны с двойной структурой предпосылок формирования кризисных явлений - то есть последовательным воздействием на тот или иной социум внешних вызовов глобальной среды и ответных «адаптационных» трансформаций социальных систем, порождающих внутренние кризисные явления, набор и острота которых зависит от выбранной стратегии реформирования. Неадекватный ответ на глобализационный вызов приводит к совокупному дестабилизирующему воздействию кризисных явлений (внешнего и внутреннего порядка). В случае успешных преобразований, направленных на решение, в первую очередь, внутренних проблем стабилизации социальной ситуации в обществе и разрешение внутренних кризисных ситуаций, вызванных трансформацией, источником кризисной динамики выступают цивилизационные изменения и новые вызовы внешней глобальной среды.

Ситуацию усложняет тот факт, что проблема реформирования современных обществ содержит в себе два аспекта: преобразование организационных систем общества (институциональные преобразования политики, экономики) и реформирование социума как уникальной социокультурной системы. Два аспекта реформирования взаимосвязаны. Изменения в институциональной среде неизбежно влияют на доминирующий тип социальной интеграции, на

систему социальных взаимодействий и ценностей, регулирующих социальные связи в обществе. В свою очередь, социокультурная специфика страны подразумевает селективность инноваций, или их определенный темп. Рассогласованность преобразований в этих двух сферах выступает причиной глубокого социального кризиса, крайним проявлением которого выступает дезорганизация социальной системы - как ввиду неэффективности новых институтов, так и ввиду деструктивных тенденций и роста социального напряжения в обществе.

Масштабные изменения социальных институтов порождает ситуацию трансформационного кризиса идентичности, которая обостряется переплетением этих процессов с глобальными тенденциями нивелировки национальных и культурных различий, ставящими под угрозу прежние представления о самобытности, персональной и коллективной идентичности. К специфическим для большинства постсоветских стран условиям, которые осложняют формирование гражданской идентичности, относятся гетерогенность этнического состава населения двух стран, а также последствия социально-политических и экономических трансформаций конца XX в. Разнообразие национальных условий, различия в темпах и стратегиях реформирования определяют вариацию управленческих механизмов и инструментов формирования гражданской идентичности.

Применение отдельных положений теории модернизации позволяет говорить о типологической схожести изменений, происходящих в постсоветских странах с изменениями в других развивающихся странах, и о догоняющем характере этих изменений. Определяющим для развития такого типа является сочетание традиционного и инновационного (модернизационного) элементов. С такой точки зрения, неотъемлемой чертой системной трансформации постсоветских обществ является динамический дуализм, проявляющийся в сосуществовании рыночной и нерыночной систем, противоборство старых и новых ценностей, а для успеха реформ решающее значение имеет не столько темп, сколько рациональность способа их проведения.

По нашему мнению, важным в понимании специфики трансформационных процессов в постсоветских государствах является то, что конечная цель реформирования - создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности - в большинстве случаев не была достигнута, вследствие чего к середине 1990-х гг. наметились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, по своему характеру являющихся квази-рыночными и квази-демократическими, что и обусловило социокультурную специфику развития социального кризиса в этих странах. В практике стран с развитой рыночной экономикой механизмами, выработанными для регулирования социального неравенства, являются социально-ориентированная политика государства и институты гражданского общества, аккумулирующие наиболее актуальные интересы и запросы различных общественных групп в публичной сфере. Однако в постсоветских странах становление гражданского общества происходит в условиях острого

дефицита доверия к существующим общественно-политическим институтам. В результате в общественной жизни генерируются две различные тенденции социально-политического развития: 1) авторитаризм (в долговременной перспективе страны с высоким уровнем неравенства тяготеют к авторитаризму); 2) нестабильный «маятниковый» противоречивый курс внешней и внутренней политики государства. В обоих случаях происходит замедление развития экономики, блокируется ее переход к инновационной стадии, создается социальная почва для популистского авторитаризма и экстремизма.

В условиях системной трансформации эскалация проблем, как правило, сопровождается их усложнением, вследствие чего повышается значимость исследований, которые бы не ограничивались только постановкой научных задач, а являлись фундаментом для будущих социальных инноваций и реформ и способствовали определению путей преодоления кризисных явлений, проявляющихся как в социально-экономической сфере (дезинтегрированность по имущественным и социальным признакам, социальная эксклюзия и депривация), так и в форме кризиса идентичности, кризиса легитимации, предыдущих форм общественной жизни, разрушения традиционной системы ценностей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ*

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

Д. Д. Ешпанова

Институт философии, политологии и религиоведения МОН РК
(Алматы, Казахстан)

Процесс становления в современной России местного самоуправления имеет неоднозначный характер. С одной стороны, положение дел определяется стремлением государственной власти (сначала союзной, впоследствии российской) провести децентрализацию низового звена системы управления путем введения принципов самоуправления. С другой стороны, в ходе становления института местного самоуправления отчетливо проявились тенденции, противоречащие замыслам реформаторов и самой сущности явления, наиболее противоречивыми из которых являются частичное огосударствление самоуправления и «регионализации» муниципальной власти, суть которой заключается в том, что в регионах сформировались такие механизмы регулирования отношений между региональной и местной властью, при кото-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00578

рых слабые органы местной власти оказались зависимы от региональных органов государственной власти, областных администраций.

Данные сравнительного межрегионального исследования 2010 г. наглядно показали наличие существенных различий региональных самоуправленческих моделей, складывающихся в сельских районах Новосибирской и Саратовской областей, затрагивающих такие аспекты, как а) параметры взаимодействия бизнеса и местной власти и б) объем и масштаб социальной поддержки сельского населения со стороны местных бизнес-структур. Обобщение данных межрегионального исследования показывает, что в жизни сельских сообществ Саратовской области слабее (по сравнению с Новосибирской областью) выражены социально-партнерские отношения сельских администраций с предприятиями, как и социально-политическая функция экономических структур.

Объяснение данным различиям не сводится к тому факту, что два региона находятся на разных этапах реформы местного самоуправления (в Новосибирской области, в качестве эксперимента, она, в полном масштабе, осуществляется с 2003 г., а в Саратовской, как и по всей России, с 2009 г.) – так как более ранние данные исследований демонстрируют еще большие региональные различия. Здесь мы напрямую сталкиваемся с фактором зависимости процесса институализации самоуправления от различий в политике региональных властей и социально-экономического контекста функционирования местной власти.

Наиболее очевидны различия в региональных стратегиях аграрного реформирования. Саратовская область была одним из первых субъектов федерации, принявшем (в 1997 г.) Закон о земле, допускаящий полный оборот земель (в том числе продажу) сельскохозяйственного назначения. Первостепенное внимание в аграрной реформе областная администрация отвела процессу становления фермерства, приняв ряд актов о поддержке этого уклада. Результатом реформы стало развитие фермерского уклада. В Новосибирской области Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения был принят в 2003 г., фермерский уклад развился незначительно, и ведущую роль играет экономика крупных сельхозпроизводителей и хозяйств населения, взаимозависимых друг от друга.

По сути дела, фактор региональной аграрной политики привел к преобладанию различных форм сельскохозяйственного производства, среди которых можно выделить социально-ориентированные уклады, то есть способствующие сохранению социальных взаимосвязей (ЛПХ и «крупхозы», симбиотически взаимосвязанные) и экономически-ориентированные уклады, ведущие к распаду взаимосвязей (фермерство и агрохолдинги). Самый важный аспект взаимодействия социально-ориентированных и инновационных, экономически-ориентированных элементов структуры сельского социума заключается в несовместимости укладных форм, которые по своей внутренней социально-экономической природе разнополярны: первая группа больше отражает общественно-коллективные интересы, а вторая – частнособственнические.

Социально-ориентированные хозяйственные уклады сформировались в условиях кардинальных трансформационных преобразований и имеют, прежде всего, адаптивный характер. Реформированные в акционерные общества бывшие колхозы и совхозы продолжали выполнять свои прежние социальные функции; более того, социальное значение крупных предприятий даже возросло. Такие предприятия, метко охарактеризованные как «крупхозы» начали выполнять важную функцию дополнительного ресурсного обеспечения экономики ЛПХ, развивавшейся в качестве наиболее массовой стратегии адаптации к негативным последствиям аграрной реформы. Вслед за форсированием несвойственных экономическим предприятиям социальных функций, «крупхозы» трансформируются в «квазилегитимные» властные структуры, дополняющими локальную модель власти и ресурсно обеспечивающих решение наиболее важных вопросов местного значения.

Самый главный недостаток такой трансформации муниципальной системы в направлении спайки с крупным предприятием заключается в искажении общей направленности социальных и политических процессов, конституирующих особую локальную реальность, в которой место политики занимает лоббирование интересов бизнес-структур и умеренный патернализм, а место экономических стратегий активной интеграции в рынок занимают механизмы адаптации, опирающиеся на квазилегитимные формы и зависимые от них.

В условиях социетальной трансформации, предстающей как процесс с определенной логикой развития и различными по содержанию этапами, описанная модель самоуправления, порожденная конкретными социально-экономическими и политическими обстоятельствами – имеет преходящий, временный характер, будучи сама подвержена изменениям.

Социальные, а затем и квазилегитимные функции предприятий развивались в интересах пассивной адаптации населения к рынку, слову прежней экономической организации социума. Содержание современного этапа развития аграрной сферы составляет отказ от реактивно-пассивных стратегий адаптации (на котором формируются симбиотические и квазилегитимные социальные структуры). Адаптационные экономические формы постепенно приходят в упадок (что связано, в том числе, с курсом государственной аграрной политики на «оздоровление» производителей – т.е., отказ о поддержке нерентабельных хозяйств). В экономику села внедряется действительно инновационные уклады, в том числе представленные вертикально интегрированными экономическими предприятиями с участием банковского капитала (агрохолдинги); возрастает значение фермерские хозяйства, доказавших свою жизнеспособность; постепенно изменяются массовые адаптационные стратегии и формы взаимодействия бизнес-структур с органами самоуправления. Формируется муниципальная модель при которой система формальных институтов самоуправления является основным (или единственным) субъектом локальной политики, а значение предприятий рыночного типа ограничено.

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления. В то же время, учитывая силь-

ную тенденцию к централизации самоуправления и тот факт, что именно крупное предприятие, включенное в процессы управления социально-экономического развития села или моногорода, осуществляло на неформально-практическом уровне структурирование сообщества как субъекта местной власти, представляя его интересы – можно говорить о том, что в процессе такой трансформации исчезает последнее препятствие на пути огосударствления самоуправления. Кроме того, добровольное исключение предприятий из сферы локальной политики, связанное с сознательным стремлением к минимизации социальных издержек, свертыванию социальных программ и функционированию только как субъекта экономических отношений подрывает ресурсную обеспеченность местной власти и приводит к разрушению сложившихся механизмов социальной адаптации населения, что представляет потенциальную угрозу стабильного развития территорий.

О ФАКТОРАХ СОКРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛПХ*

В. В. Самсонов

Институт философии и права СО РАН

Одним из актуальных предметов исследования отечественных социальных наук являются современные процессы развития личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ), образующих важный сегмент сельской экономики и сферу самореализации жителей села. В российском селе подсобное хозяйство в условиях кризиса, вызванного аграрной реформой 1990-х гг. стало ведущей сферой приложения трудовых ресурсов жителей деревни и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающим домохозяйства продуктами питания и денежными средствами, необходимыми для выживания сельских семей. Исследования рубежа веков зафиксировали, что в подавляющем большинстве сельских сообществ сформировался парадоксальный тип социально-экономических отношений, сочетающий в себе черты натурального хозяйства и неформальной экономики и существенным образом зависящий от редистрибутивной политики государства, региональных и локальных акторов социальной политики [1], а сектор ЛПХ развился до уровня специфической формы аграрного производства, значимой для рынка продовольствия в национальных масштабах и представляющей собой один из важных элементов структуры многоукладной сельской экономики.

В последние годы происходит постепенное, но неуклонное снижение значения хозяйств населения в структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции. По данным статистики, пик производства скота и

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00578

птицы на убой в хозяйствах населения был достигнут в 2000 г., когда ЛПХ производили более половины товарного мяса, 58%. К 2009 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 39,5%. За те же годы значительно снизилась роль ЛПХ также в производстве товарного картофеля и по ряду других позиций. Социологические исследования проведенные в Новосибирской области зафиксировали еще более значительное сокращение животноводческой специализации ЛПХ, – в подавляющем большинстве обследованных поселений с 2003-2005 гг. произошло сокращение поголовья общественного стада в 2 раза и более. Сокращение экономического потенциала ЛПХ происходит в масштабах страны в тот момент, когда, казалось бы, объективные факторы должны, напротив, способствовать развитию данной формы самозанятости. Так, численность занятых сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством снизилась с 2000 по 2009 гг. почти на 2,4 млн. чел., в то время как численность трудоспособного сельского населения не уменьшилась, а даже возросла на 1,5 млн. человек по всей стране (по данным статистики).

В чем причины сокращения объема и значения ЛПХ?

Согласно одной из точек зрения, на современном этапе развития аграрной сферы в экономику села внедряется действительно инновационные уклады, представленные вертикально интегрированными рыночными структурами, которые перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума, что, наравне с деградацией производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств («старого», «адаптационного» типа), предоставлявших ранее ЛПХ свои ресурсы на льготной или даже безвозмездной основе – приводит к нарушению сложившихся механизмов адаптации [2]. Безусловно, объективный фактор уменьшения доступной сектору хозяйств населения ресурсной базы имеет важное, первоочередное значение. Однако, как представляется, он не может полностью объяснить фиксируемый масштаб и скорость феномена отказа от ЛПХ – необходимо учитывать также факторы психологического, ценностного характера, а также последствия того курса социальной политики, который реализуется в последние годы.

Первую группу факторов можно условно охарактеризовать как «психологическую усталость» от десятилетий жизни в режиме выживания. Результаты многолетних исследований показывают, что ни стратегия экономической натурализации, ни многоканальная модель адаптации (совмещение трудовой активности домохозяйств в сфере ЛПХ и одновременная работа в «крупнозе») не дают удовлетворительных результатов в сфере материального благосостояния жителей села – прежде всего, в силу низкой экономической эффективности и высокой трудоемкости такой деятельности. Успехи в социально-экономической адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда, зачастую специалистами неаграрного профиля, с ограниченным использованием техники. Ретроспективный анализ результатов социологических исследований, прове-

денных в период с 2001 по 2012 гг., показывает, что к числу наиболее актуальных проблем респонденты относят безработицу, пьянство, распространение бедности и нищеты. Во всех обследованных ареалах денежные доходы населения крайне низки: подавляющая часть домохозяйств находится ниже официального порога бедности, причем, сравнение данных различных лет не показывает положительной динамики этой проблемы. Доминирующее настроение жителей села определяется неуверенностью в своем будущем и повышенной тревогой, происходит постепенное накопление социального негатива среди различных групп сельского населения

Вторая группа факторов связана с высоким уровнем сельской безработицы, «застойный», долговременный характер порождает депрофессионализацию и социальную исключенность, крайним проявлением которой является маргинализация значительных слоев сельского населения, обусловленная феноменом двойной эксклюзии (депривирующее влияние общего неравного правового положения всего сельского социума и безвыходной жизненной ситуации отдельных домохозяйств и индивидов).

Третья группа факторов имеет ценностно-нормативное измерение, связана со сферой ценностных установок жителей села, влияние на которые оказывает весь процесс постсоветской трансформации и особенности социальной политики государства. Чтобы уяснить значимость ценностных факторов в динамике экономических структур сельского социума необходимо осознать, что активность селян в собственном хозяйстве подчинена специфическим этическим, ценностным установкам, коренящимся в трудовом этосе крестьянства, а само подсобное хозяйство в некотором смысле наследует крестьянскому хозяйству. Таким образом, подсобное хозяйство представляет собой некую ценность, понимание которой позволяет понять такие парадоксы, как, например, фактически бесплатный труд сельских жителей в первые годы реформ в упадочных коллективных хозяйствах, прекративших выплачивать зарплату. Интенсификация производства в подсобном хозяйстве жителями села, потерявшими работу, – также во многом определяется ценностными установками «крестьянского характера». Современные социальные условия жизни способствуют ослаблению ценностных установок, лежащих в основании трудового этоса. В первую очередь сказывается влияние значительного статусно-ролевого и имущественного неравенства. Негативный характер имеет рефлексия не столько по поводу несправедливого распределения материальных благ, а первоначальных условий стратификации. Это в частности, выражается в том, что с годами число сторонников пересмотра приватизации 1990-х гг. не сокращается, а наоборот, возрастает, а представление о том, что добросовестный труд в наши дни не может стать причиной успеха и источником легитимного благосостояния – широко распространено среди населения. В последнее время очередным объектом широкой рефлексии несправедливых оснований социально-имущественной стратификации является коррупция, общественный интерес к которой обусловлен тем, что

она ясно иллюстрирует несправедливый характер оснований социальной дифференциации.

В селе негативное влияние на ценностные установки, лежащие в основании трудовой активности оказывают низкие доходы от сельскохозяйственной занятости и низкая рентабельность ЛПХ, обусловленная примитивной технической базой хозяйств. Помимо этого в последние годы, как и в городе, существенную роль в осознании некоей бесперспективности труда значительной частью жителей села играет ситуация социального неравенства, имеющая свою, сельскую специфику, в немалой степени связанную с особенностями социальной политики государства. Дело в том, что ставшая уже привычной и воспринимаемая как вполне справедливая дифференциация между предпринимателями, руководителями хозяйств, специалистами, с одной стороны и основной массой селян, с другой, в наши дни дополнилась новыми статусными оппозициями, возникающими вследствие реализации федеральных социальных мероприятий, направленных на повышение пенсий и доходов отдельных категорий лиц, занятых в бюджетных организациях (милиция, учреждения образования и здравоохранения). В результате доходы пенсионеров зачастую существенно превышают доходы работающих, а разрыв в доходах между бюджетниками и остальными жителями села оказывается фактически непреодолим при любой степени интенсификации крестьянского, аграрного труда. С точки зрения экономическо-социального потенциала ЛПХ, ситуацию осложняет тот факт, что новые «средне-зажиточные» слои пенсионеров и бюджетников, находясь в относительно комфортных условиях, гораздо в меньшей степени оказались заинтересованы в таком дополнительном источнике доходов, как малорентабельный и тяжелый труд в своем личном хозяйстве, которое вновь становится действительно «подсобным». Некоторые эксперты усматривают дополнительную проблему и в возросших в последние годы объемах социальной поддержки государством населения, проносящегося иждивенческими настроениями «социальных трутней».

Как и в предшествующие годы, ценность крестьянского труда объективно подрывается недостаточным уровнем его оплаты, в сравнении с трудом горожанина, что порождает существенные и необоснованные различия в уровне жизни между городом и селом. Однако эта проблема имеет давнюю историю и как, представляется, ее решение связано с реализацией такого типа аграрной политики, которая отменяет необходимость в ЛПХ и как основной сферы приложения трудовых ресурсов и как подсобной экономической формы – за счет создания принципиально новых комплексных подходов к социальному и экономическому развитию села, предпосылки которого можно видеть в декларирувавшейся в советский период политики «слияния города и деревни», или в современных концепциях агрогородов.

Литература

1. Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Сибирское село в условиях реформ. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 160 с.

2. Нечипоренко О.В. Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме: модели и стратегии развития Вестник НГУ. Философия. 2011. Т.10. Вып. 4. С. 78-86.

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ
КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
«ЦЕНТРА» И «ПЕРИФЕРИИ»
(НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-КУЗБАССКОЙ ГОРОДСКОЙ
АГЛОМЕРАЦИИ)***

В. В. Иванова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

В настоящее время в условиях интенсивных трансформационных процессов феномен городских агломераций становится более обсуждаемым среди учёных. Большинство авторов рассматривают только экономико-управленческие и производственные аспекты городских агломераций (Зубаревич Н.В., Муллагалеева З.З., Шабашев В.А., Пузанов А.С., Голованова С.В. и др.), забывая, что городская агломерация – это не только экономическая, но и социальная система, сложная социально-экономическая система, которая формируется естественным образом.

Существует множество подходов к определению агломерации, но всех их объединяет единый критерий, который позволяет называть их агломерацией – это не только совокупность поселений, но и пространство между ними, представляя собой целостную территорию. Так среди фундаментальных свойств агломерации Лаппо Г.М. (1997) выделяет близость входящих в нее поселений, интенсивные взаимодействия, функциональная взаимодополняемость составляющих элементов и динамизм функционирования и развития. В составе городских агломераций выделяют «ядро» (наиболее крупный город) и «периферию».

Цель данного исследования – сравнить возможности предоставляемые «центром» и «периферией» и выявить их влияние на уровень социального самочувствия жителей городской агломерации. Выявив возможности предоставляемые «центром» и «периферией» мы можем говорить о разнице потенциала различных территорий, входящих в состав городской агломерации.

В октябре 2011 г. был проведен социологический опрос пассажиров (был опрошен 701 человек) пригородных электропоездов и автобусов Новокузнецка. Анкета пассажира включала в себя вопросы о направлениях, регуляр-

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ и администрации Кемеровской области (проект 10-06-98012-р-Сибирь-а).

ности и целях поездки, а также блок вопросов об удовлетворенности условиями, предоставляемыми местом жительства, их оценку по сравнению с Новокузнецком.

Анализируя субъективные оценки возможностей поселений, входящих в Южно-Кузбасскую городскую агломерацию, по сравнению с Новокузнецком стоит отметить, что жители периферии более высоко оценивают возможности для работы, отдыха, воспитания детей и медицинского обслуживания, имеющиеся в Новокузнецке, что является отражением как интенсивности агломерационных связей на данной территории, так и потенциала для их развития. В то же время, такие характеристики как отношения между людьми, криминогенная обстановка, экологические условия, большинство жителей считают более благоприятными в своем поселении, что свидетельствует о привлекательности также и своего места жительства, а, следовательно, о наличии потенциала именно маятниковых миграций, являющихся важным индикатором агломерационных взаимодействий.

Для повышения надежности оценки сложившейся ситуации и прогнозирования развития агломерации целесообразно привлечение оценок восприятия условий жизнедеятельности населением и построение на этой основе индикатора социального самочувствия населения, который можно использовать в качестве результирующего показателя социального благополучия городской агломерации. На основе вопросов, касающихся сравнения условий жизни в Новокузнецке и других населенных пунктов (в анализ не были включены жители Новокузнецка), был построен индекс социального самочувствия, приписываемый индивиду в зависимости от его ответов на вопросы, касающиеся сравнительных оценок возможностей для работы, отдыха, условий для воспитания детей, медицинского обслуживания и пр. Построение индекса социального самочувствия базировалось на принципе шкалы суммарных оценок, что позволило выделить 3 группы маятниковых мигрантов, различающихся по уровню социального самочувствия.

Результаты анализа показали, что наибольшую долю (18,1%) составляют жители со средним уровнем социального самочувствия и наименьшую – жители с высоким уровнем социального самочувствия (11,7%), доля жителей с низким уровнем социального самочувствия – 15,7 % (в анализ не были включены жители Новокузнецка). Жители с низким уровнем социального самочувствия живут преимущественно в радиусе до 30 км от Новокузнецка (38,5%). Представители группы со средним уровнем социального самочувствия в основном живут на расстоянии 31-60 км от Новокузнецка (42,3%). Существенная доля жителей с высоким уровнем социального самочувствия проживают в радиусе 61-90 км от Новокузнецка (32,4%). Таким образом, было выявлено, что чем дальше расположено место проживания индивида от Новокузнецка, тем ниже частота его поездок и тем выше его уровень социального самочувствия, и наоборот.

Итак, Южно-Кузбасская агломерация – это компактное расположение населённых пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объ-

единённых в сложную многокомпонентную социально-экономическую динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями. Основными признаками формирующейся агломерации являются: маятниковые миграции; полторачасовая доступность по транспортным коридорам; наличие регулярного пригородного транспорта; общность аэропорта, железнодорожного узла-терминала; плотное расселение вдоль транспортных коридоров и др.

Подводя итоги сказанному, очевидно, что социальное самочувствие жителей является индикатором социального благополучия, поскольку именно оно является одним из важнейших результирующих показателей, несущих на себе отпечаток всех процессов, происходящих в агломерации, и может, служить индикатором ее конкурентных позиций.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

М. В. Рогова

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Исследования сельских сообществ России широко представлены в работах ряда ученых из европейской части России. На примере северных территорий проработаны теоретические и методологические основы исследования социально-экономической адаптации сельских сообществ в монографии Морозовой Т.В. [1]. Подробная характеристика и описание исследовательских практик представлены в качестве методологии двойной рефлексивности, коллектива авторов московской школы социологии под руководством Т. Шанина [2]. Данная работа интересна тем, что сам исследователь, как правило, является городским человеком, и его попытка постичь законы и сети сельского сообщества приводит к определенным размышлениям, что и лежит в основе методологии. На примере исследований сельских сообществ Прибайкалья, мы убедились в необходимости и полезности данного методологического подхода. Тем более, что ни один исследователь не может гарантировать правильное восприятие и описание им сельского сообщества, если речь идет о таких сложных объектах исследования как неформальные связи, теневые экономические схемы и прочие скрытые явления. В данном случае все это будет зависеть от профессиональных, и что не менее важно, личностных характеристик исследователя.

В качестве одного из предметов исследования мы рассматривали земельные ресурсы сельских сообществ: их конкурентоспособность, развитие, методы освоения. Как правило, для муниципальных образований земельные ресурсы являются практически единственным источником доходов. Следствием этого являются практически неизбежная монополизация земельного

рынка, спекуляция земельными участками, конфликты интересов и предвыборная борьба за право распоряжения ресурсами. Коммерческий интерес к земле обостряет эти процессы до такой степени, что при продаже участков игнорируются даже статусы земель и принадлежность их к категориям сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых природных территорий. В этом случае продажа соответствующего земельного участка происходит негласно, что осложняет задачу исследователя при попытке отобразить количество проданных земель и реального роста территории поселений.

Обозначить проблему с распродажей земельных ресурсов помогли методы качественной социологии, а именно экспертные и глубинные интервью с местными жителями. Они получили широкое применение в проекте по изучению местного самоуправления в сельских сообществах Прибайкалья [3]. Продуктивные диалоги сложились с представителями среднего и малого туристического бизнеса. Причем наиболее открытое интервью получилось с бывшей городской жительницей, ныне сельчанкой, проживающей в одном из поселений на байкальском побережье. Полученные интервью открыли масштабы продажи земельных ресурсов, которые сознательно занижались главами администрации поселения.

Следующим шагом исследования стало обращение к данным агентств недвижимости, которые находятся в открытом доступе, в силу своей специфики. По этим данным был произведен подсчет количества земельных участков, выставленных на продажу во всех поселениях, расположенных на берегу Байкала.

Затем были просмотрены данные статистики о землях в собственности граждан по округам России и регионам Сибири. Процент собственности граждан на землю оказался очень низким, по сравнению с собственностью государства и муниципалитетов. Но научная гипотеза о существенном расхождении данных на региональном и локальном уровне была подтверждена тем количеством земельных участков, которые уже состоят в собственности граждан и предлагаются к перепродаже муниципалитетами. Большинство земельных участков выкуплено агентами и выставлено на продажу уже по завышенной цене. На фоне того, что земля поселений на побережье Байкала оказалась распроданной коммерсантам и перекупщикам, сельская молодежь стоит в многолетней очереди на получение земель для постройки дома и организации домашнего хозяйства. Те участки, которые предлагают агентства недвижимости, молодым сельским жителям просто не по карману. Таким образом, распорядившись землей, исходя из своих коммерческих приоритетов, администрации муниципалитетов проигнорировали решение насущных проблем сельских сообществ.

Исследования данной проблематики затрагивают вопросы, связанные с будущим сельских сообществ и сельской местности в целом. Закрытая для исследователя тема неформальных сделок по продаже земельных участков открывается в беседах с небезучастными к судьбе своего поселения жителями. Их прогнозы и опасения отражают зачастую больше истины, чем фор-

мальные отчеты и программы развития администраций. В реальности лучшие земли отданы под застройку коммерческому контингенту, который в большинстве своем приезжает в село лишь на короткий летний сезон. Приезжие не вмешиваются в жизнь поселений, но и никак не поддерживают связи с местными жителями, а потому не могут считаться полноценными участниками сельских сообществ. Таким образом, по данным статистики приезжие бизнесмены пополняют состав населения, но на деле оказывается, что сельской молодежи, которая фактически определяет будущее сельской местности, негде жить и строиться. Рефлексии по отсутствию перспектив, озвученные местными жителями, предоставляют возможности для исследования даже таких закрытых тем, как неформальная экономика в сельских сообществах.

Литература

1. Морозова Т.В. Сельские сообщества России в региональном измерении. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 200. Москва, Московский общественный научный фонд, 2008.
2. Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук; РОССПЭН, 2002. – С. 9-30
3. Местное самоуправление: борьба за ресурсы, поиск ресурсов (сельские сообщества Прибайкалья). Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 188. М.: МОНФ; ЦНСИиО (г. Иркутск), 2007.

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛИЗАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2000 – 2010 гг.

С. Е. Ильин

Новосибирский государственный университет

Изучение феномена социализации является одной из центральных задач совокупности наук, которые ставят своей целью рассмотрение механизмов взаимодействия общества (как надындивидуальной целостности) с его конкретными представителями – людьми.

Несмотря на то, что термин «социализация» прочно вошел в научный оборот лишь в 60-е гг. XX в., к настоящему времени уже сложилось значительное число его толкований. Параллельно с их выдвиганием неоднократно высказывалась мысль, что ряд существенных сторон содержания понятия «социализация» нуждается в дальнейшем уточнении и пересмотре [1].

Вектор работы в данном направлении нашел отражение в отечественных диссертационных исследованиях социализации, проведенных в последние

десять-пятнадцать лет (хронологические рамки обусловлены доступностью именно этого кластера диссертаций). Их рассмотрение позволяет сделать несколько заключений.

Во-первых, не вызывает сомнений актуальность для отечественных исследователей понятия «социализация», что подтверждается количеством диссертаций, посвященных изучению связанной с этим понятием проблематики.

Во-вторых, в большинстве случаев понятие «социализация» признается в общих чертах утвердившимся. В результате целью исследований чаще всего становится раскрытие специфики тех или иных сторон социализации, тогда как число работ, посвященных процессу ее изучения, оказывается в десятки раз меньшим.

Несмотря на то, что, фактически, каждая диссертация начинается с рассмотрения трудов предшественников в соответствующем направлении, лидирующее место среди них занимают работы, написанные до 80-х гг. XX в. (такими авторами, как Дж. Г. Мид, Ч. Х. Кули, Т. Парсонс, К. Роджерс и др.).

Между тем, широкое обращение к изучению феномена социализации в условиях наличия большого числа научных дисциплин, неоднозначно связанных между собой, не могло не предоставить в распоряжение исследователей дополнительных данных. В этих условиях требуется систематизация имеющихся на сегодняшний день представлений о социализации как феномене, т. е. работа, направленная на анализ подходов к изучению социализации как понятия.

В связи с последним обстоятельством приходится констатировать размытость границ определения понятия «социализация». Как правило, в его состав входят такие конструкции, как «и т. д.», «и пр.», что подразумевает актуальную невозможность дать определение, которое было бы исчерпывающим. В основании данной проблемы лежит отсутствие решения вопросов социальной онтологии, что проявляется в привлечении по ходу описания феномена социализации разнородных теоретических компонентов без экспликации механизмов их объединения.

Кроме того, складывается впечатление, что в контексте изучения социализации не хватает теорий среднего уровня. Даже если принять во внимание философскую направленность ряда работ, исследующих социализацию, преобладающей тенденцией в них является уточнение понятия социализации применительно к практическим задачам (таким, как социализация школьников), тогда как вопрос о создании теорий, описывающих менее конкретные способы социализации, остается открытым.

В данном ключе следует еще раз обратиться к вопросу о том, что именно претерпело изменения за годы изучения феномена социализации. Это могут быть соответствующие реалии социальной жизни; комплекс представлений научного сообщества об этих реалиях и адекватности тех или иных подходов к их изучению; а также и то, и другое. С учетом того, что рассмотрение реалий социальной жизни осуществимо в рамках конкретных научных дисциплин, привлечение философии представляется более перспективным при ис-

следовании, направленном на выявление (на базе конкретно-научных заключений) инвариантов, свойственных феномену социализации, что невозможно без создания целостной теории, описывающей механизмы реализации социализации.

Литература

1. Озеров А. И. Социальный аспект изучения социализации личности с учетом классического, неклассического и постнеклассического этапов развертывания научной рациональности. Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 178 с. С. 135.

ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ И ЕДИНЫЙ БАНК СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А. Ю. Гилев

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Основную роль в социологических исследованиях несомненно занимают первичные данные. На их получение и анализ направлены все исследовательские силы. Выполнив свою функцию эти данные чаще всего уходят на полки архивов, в ящики столов, а иногда и в утиль. Но они еще представляют определенную ценность! Для некоторых наук (таких как демография и экономика) такие данные являются основными. Для социологии в большинстве случаев важны первичные данные, собранные специально для определенной задачи. Но часто есть вероятность сделать новые выводы по данным, которые уже были использованы. Современные технологии позволяют с большой скоростью и степенью надежности анализировать и обрабатывать большие объемы данных, а что даже более важно для вторичных данных - появляется возможность создания больших банков данных с быстрым и надежным доступом. Создание единой базы данных результатов социальных исследований важный шаг на пути развития социальной науки. И не только, накопление большого массива знаний об обществе это один из важных факторов, необходимых для осуществления достоверного и корректного моделирования социальной реальности.

Необходимость моделирования окружающей реальности бесспорное условие продуктивного и процветающего существования мирового сообщества в настоящее время. Применимость разного рода моделей для определенных ситуаций это сложная задача стоящая перед научным сообществом. Физические и математические законы и принципы предлагают свой инструментарий и понятийный аппарат для конструирования моделей общества. И что тоже важно - появляется техническая возможность проводить такого рода опера-

ции с использованием современных технических устройств. Тем не менее вторичный анализ данных позволяет приблизить идею "идеального конструирования" любого из вероятных сценариев развития общества.

Сложность создания единой базы данных состоит в отсутствии определенных стандартов для заполнения такой базы. Существует множество способов для обработки количественных данных, вернее даже сказать, множество способов "оцифровать" эти данные, ввести их в компьютер для дальнейшей обработки. И вот на этом этапе не существует единого стандарта, единой программы для "оцифровки" данных, программ для использования социологами в своих целях существует достаточно много, это, конечно, определенной конечное число, но все же на сегодняшний день отсутствует возможность составления банка данных в едином формате в силу достаточно большой степени фрагментированности сферы специализированных программ для обработки количественных данных. Единого решения этой проблемы нет, определенно нельзя выбрать единственную программу для всеобщего использования, а остальные объявить "вне закона". Собирать данные в едином месте определенно стоит, несмотря на степень фрагментированности этих данных. Пусть создание единого банка данных социологических исследований лишь гипотетическая возможность, но не стоит пренебрегать теми данными что уже были проанализированы для решения других задач, возможность повторного использования данных остается, и они помогают нам делать новые выводы об объекте исследования, как, например в динамике, добавив "современных/актуальных" данных к уже имеющимся, так и используя другие приемы анализа данных получить новые выводы.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ И «КОНСТРУИРОВАНИЕ» ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

С. А. Мадюкова

Института философии и права СО РАН

Актуализация темы этнокультурного неотрадиционализма и проблем воспроизводства этничности в его контексте во многом определяется социокультурными, экономическими и политическими трансформациями, происходящими в последние десятилетия на постсоветском пространстве. В последнее время внимание ученых – социологов, этнологов, философов акцентируется на идентичности, что особо актуально для современной России с новыми аспектами формирования постсоветских идентичностей. Здесь, как замечает В.А. Тишков, «этнический фактор стал одним из важнейших параметров общественной жизни и приобрел манифестные, а во многих случаях - конфликтные формы»[1].

Россия – страна больших территорий, полиэтничное государство с множеством различающихся регионов. Регион есть системная целостность, в рам-

ках которой важное значение имеют не только территория с ее ресурсами, экономика, управление, но и культура, в том числе традиционная культура коренных для этого региона народов. Все эти компоненты в комплексе формируют его отличительность, которая оказывается востребованной в условиях глобализации. Социальные и культурные процессы неотделимы от процессов этнических, поскольку в полиэтничных регионах на современном этапе повышается роль этнокультур, в частности активизируются именно собственные этнические элементы традиций. Это связано с тем, что современное российское общество столкнулось с необходимостью самоопределения, необходимостью искать новые нормативно-ценностные ориентации для своей жизнедеятельности и создавать новые границы своей идентичности в условиях усиления взаимоотталкивания различных социальных слоев, этнических общностей и субъектов власти, которые пытаются в процессе своей самоидентификации опереться на возрождаемые или «придуманные» собственные культурные традиции.

Общемировые глокализационные тенденции накладываются в России на специфическое историческое наследие, а именно наследие советского периода, что дополнительно актуализирует существование этнокультурного неотрадиционализма, когда в условиях постсоветской реальности неотрадиционализм трансформирует само назначение традиции. Она выступает в качестве постоянно воспроизводимой знаковой системы, посредством которой осуществляется функция этнической идентификации, на основе которой индивид ощущает свою общность с социумом. Таким образом, становится очевидным значение традиции как меры идентичности общества и способа социокультурной самоидентификации. Разрешение кризиса идентичности оказывается связано со становлением и развитием самобытной неотрадиции.

Происходящие в современном российском обществе процессы, таким образом, в некоторой степени определяются наследием советского периода. В СССР политика была в большей степени направлена на формирование единой советской идентичности, чем на стимулирование процессов локальной этнической идентификации, что в конечном итоге должно было способствовать становлению в границах СССР единой гражданской идентичности, основанной на социально-классовом самосознании. Советскую национальную политику с точки зрения воспроизводства этничности нельзя оценивать однозначно: ограничения в одной сфере сочетались с предоставлением возможностей в других. Посредством урбанизации образа жизни и ментальности, русификации и т.д. открывался новый социокультурный горизонт, отличающийся от прежнего, основанного на традиционных этнических культурах.

Однако, в оценке В.А. Тишкова, «доминирующей среди российских и зарубежных экспертов является парадигма «распада империи» и «национального возрождения» народов бывшего СССР, которые реализуют признанный международным сообществом принцип права на самоопределение. Эта концепция предполагает, что основной причиной распада СССР как тоталитарного государства с многоэтничным составом населения явилось угнетенное

дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подверглась насильственной деформации в целях реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа»[2]. Несмотря на дискуссионность столь однозначно негативной оценки ситуации, здесь вскрывается комплекс проблем, связанных с изменением типа социализации и инкультурации, и, следовательно, социокультурной адаптации, вызванных распадом СССР, что привело к росту актуальности локальных, в том числе, этнических, идентичностей. Стоит согласиться с Е. Филипповой, утверждающей, что «в постсоциалистическую эпоху появляются новые факторы, влияющие на формирование идентичностей. Большинство прошлых критериев самоидентификации утратили смысл. Вряд ли может чувствовать себя уверенно человек, осознавая себя "бывшим гражданином бывшего СССР" или "бывшим членом КПСС". К тому же глубокий политический и экономический кризис разрушил прежнюю социальную структуру. В итоге этническая принадлежность оказалась для многих наиболее очевидной и приобрела характер психологического убежища. Эта переоценка значимости этнического фактора, отчасти объясняющаяся заметной ролью, которую политические движения, позиционировавшие себя как этнические, сыграли в свержении коммунистического режима, породила (а иногда возродила), с одной стороны, противоречия между структурами, выступающими от имени этнических групп, и центральной властью - и, с другой стороны, напряженность, доходящую порой до насильственных конфликтов, между различными этническими группами»[3]. В современной России этничность стала не просто средством политической мобилизации, но и формой терапии. Обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям стало средством сохранения целостности этнической общности.

В исследовательской литературе, посвященной анализу феномена неотрадиционализма наиболее полно проанализирован его этнополитический аспект[4]. По мнению Л. Гудкова, неотрадиционализм «включает в себя 1) идею «возрождения» России (тоска по империи, старческие сожаления и сетования о прежней роли супердержавы в мире), 2) антизападничество и изоляционизм, а, соответственно, — ревитализацию образа врага как функциональную составляющую собственных позитивных значений «русского», 3) упрощение и консервацию сниженных представлений о человеке и социальной действительности»[5]. Особо Гудков акцентирует внимание на ностальгии по советскому прошлому: «Чем сильнее было разочарование и утрата кредита доверия, надежд на руководство страны, чем резче было неприятие власти, тем сильнее становилась ностальгия по утраченному ближайшему прошлому, которое воспринималось как время умеренного благополучия, спокойствия, стабильности и уверенности в будущем»[6] и «возрождении великой державы»[7], называя данное явление также «феноменом квазитрадиционализма»[8]. Содержание неотрадиционализма описывает и Э.А. Паин «Произошел переход от идеи осуждения советского строя к его идеализации»[9]. Отмечая при этом, что «неотрадиционалистские «мнения и взгляды» вначале были вовсе

не расхожими и не массовыми, сформировались именно в элитарных слоях и уже затем были искусственно оживлены в обществе» [10]. Подобные настроения были слабо заметны сразу после распада Союза, они появились позднее, как одно из проявлений идеализации советского прошлого в условиях разочарования настоящим, и вполне вероятно, что они со временем утихнут, как обычно утихает всякая ностальгия» [11].

Однако данная позиция представляется в достаточной степени однозначной, не учитывающей существование не только просоветских, но и антисоветских настроений - примером последних может служить ревитализация обрядов жизненного цикла и актуализация локальных этнических идентичностей. В эмпирических исследованиях, проводимых Сектором этносоциальных исследований ИФПР СО РАН в республиках южной Сибири (Алтай, Тыва, Хакасия) выявлена определенная вариативность мнений о вопросе существования этнических традиций и обрядов в советский период. В серии интервью (с молодежью и экспертами вышеуказанных республик) выявлено следующее. «Традиции всегда существовали, даже в советское время, потому что мои родители, по крайней мере, знают традиции»; «Все-таки Советский Союз повлиял на наши традиции» (из интервью с ученицами 8 и 11 класса Тувинского республиканского лицея); «Даже в советское время существовали шаманы, они лечили скрытым образом, и после того как в 93-м, что ли, году создали организацию, вообще шаманов много собралось» (из интервью с ученицей 11 класса Тувинского республиканского лицея); «Не думаю, что они (традиции - С.М.) умирали. Конечно, частично восстанавливаются некоторые забытые, а большая часть передается от поколения к поколению» (из интервью с ученицей 11 класса Тувинского республиканского лицея). Мнение это в корне отлично от экспертного мнения учителя из Республики Алтай: «Я обобщила свой многолетний опыт и составила свою авторскую программу, и у меня-то цели какие были как у учителя: ведь традиции и обычаи в советские времена совсем в пух и прах раскритиковали, и церкви закрыли, и все-все-все, да? И тогда даже традиционную национальную одежду алтайцев сжигали на костре...» (из интервью с учителем Национальной гимназии г. Горно-Алтайска).

Обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям стало средством восстановления утраченного коллективного достоинства и сохранения целостности этнической общности. При этом вновь следует оговориться, что при обращении к прошлому прежде всего, «вспоминается» то, что созвучно настоящему, актуализируется им, причем нередко селекция такого рода проводится с предубеждением, идеализирующим или искажающим былое. В настоящее время традиция не может быть точно такой же, какой она была, скажем, 100 лет назад уже по той причине, что условия жизни изменились. Проблемная ситуация состоит в том, что обращение к прошлому, к традиции, происходит тогда, когда с ними уже произошел определенный разрыв. Известно, что в советский период старались забыть досоветские традиции, а реформаторы 1990-х гг. базировали свою деятельность на абсолютном

отрицании советского опыта. Но даже если бы сохранялась высокая степень преемственности, очевидно, что традиция в традиционном обществе и возрожденная в современных условиях традиция – не одно и то же.

Признавая факт существования феномена неотрадиционализма в российской постсоветской реальности, не все современные исследователи оценивают данный феномен положительно. Так, например руководитель ЦНСИ в Санкт-Петербурге В.М. Воронков утверждает, что «наблюдаемые сегодня попытки "возродить" (фактически же сконструировать из обрывков знаний о прошлом) прежние традиции представляют социологический интерес сами по себе лишь как образцы инсценировки. ... Трансмиссия традиционных ценностей через социализацию новых поколений была разрушена, да и жизнеспособность сконструированных образцов ничтожна в условиях совершенно другого в сравнении со временем бытования традиционного общества исторического контекста».

Таким образом, советский период в истории России оказал огромное и неоднозначное влияние на массовое сознание: формирование локальных (в том числе этнических) идентичностей, ревитализация обрядов, существование этнокультурного неотрадиционализма во многом обусловлено существованием советского периода. Подводя итог, можно констатировать важное значение этнокультурного неотрадиционализма для идентификации российского сообщества. Оно «распознает» себя через выбор и интерпретацию собственных историко-культурных традиций. Как показывают данные многих авторов, а также результаты наших собственных конкретно-социологических исследований, самоидентификация посредством обращения к собственной культурной памяти является для современного российского общества более продуктивной, чем поиски идентичности в мире «чужих» (прежде всего, западных) идеалов, ценностей и смыслов.

Литература

1. Тишков А.В Этничность и национализм в постсоветском пространстве [электр. ресурс] Режим доступа: <http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/reg/tishkov.htm>; дата доступа 26.09.2007.
2. Тишков А.В Этничность...
3. Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России. // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Материалы 11 ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2-8 октября 2004 г., Ренн. Москва, 2005. С. 158-159.
4. Гудков Л.Д.. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ/Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова; М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН, 2002. 356 с. С.124-147. Паин Э.А.. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М.:Новое издательство,

2004. 248 с.; Он же. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., Институт социологии РАН, 2004. 328 с.

5. Гудков Л.Д.. Русский неотрадиционализм... С.129.

6. Там же. С. 131.

7. Там же. С.134.

8. Там же. С.141.

9. Паин Э.А.. Между империей и нацией... С. 71.

10. Там же. С. 72.

11. Там же. С. 83.

12. В.М. Воронков. Доминирование неписаного права и особенности (пост)советской публичной сферы // Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции. Краснодар, 22-24 августа 2000 г./ Отв. Ред. А.Н. Мануйлов.-Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С. 231.

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНЕ

Е. С. Мохначева

Камский институт гуманитарных и инженерных технологий (Ижевск)

Обобщая опыт формирования и развития организаций инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства в Удмуртской Республике, подчеркнем, что особую роль среди организаций инфраструктуры в республике играет Удмуртский государственный фонд поддержки малого предпринимательства (далее УГФПМП), образованный 15 декабря 1995 года, и учредителем которого является Правительство Удмуртской Республики. Общее руководство и контроль над деятельностью этого фонда осуществляется Попечительским советом фонда, в состав которого входят представители министерств и ведомств Удмуртской Республики, утвержденные Постановлением Правительства Удмуртской Республики [1, с.11].

За годы своей деятельности УГФПМП в соответствии с Республиканской целевой программой по государственной поддержке и развитию малого предпринимательства в Удмуртской Республике участвовал в формировании ряда организаций инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, как регионального, так и муниципального уровня. Этими организациями (например, автономным учреждением Удмуртской Республики «Республиканский бизнес-инкубатор» и др.) широко практикуется в их повседневной деятельности проведение специализированных семинаров, тренингов, посвященных различным правовым и экономическим аспектам открытия собственного дела и осуществления инновационной деятельности.

На наш взгляд, реальную поддержку малым инновационным предприятиям оказывает автономная некоммерческая организация «Региональный науч-

но-технологический парк «Удмуртия» (Технопарк «Удмуртия»), созданная в 1998 году Удмуртским государственным университетом совместно с УГФПМП. За эти годы Технопарк «Удмуртия» активно занимался коммерциализацией научных разработок в области создания товаров народного потребления, медицинского оборудования, лекарственных препаратов, учебно-школьного оборудования, мультимедиапродукции (презентационные диски, учебные пособия, компакт-диски по точным наукам, содержащие полнотекстовые учебники и монографии классиков науки и образования, и др.), а также осуществлял ряд совместных крупномасштабных проектов. Так, на основе разработок факультета медицинской биотехнологии Удмуртского государственного университета на Ижевском радиозаводе была создана опытно-экспериментальная линия по отработке технологии и получению экспериментальных серий биопрепаратов крови – иммуноглобулина и альбумина с улучшенными показателями качества для вакцинации домашних и сельскохозяйственных животных.

К проведению научно-исследовательских работ и работ по коммерциализации научно-технических разработок малых фирм Технопарка «Удмуртия» постоянно привлекаются студенты не только Удмуртского государственного университета, но и других вузов города, в том числе Ижевской государственной медицинской академии.

В последние годы активизировался процесс формирования вузами структур поддержки инновационного предпринимательства. В рамках реализации предпринимательской стратегии Ижевского государственного технического университета (далее ИжГТУ) с 2006 года ведет деятельность студенческий бизнес-инкубатор.

Коммерциализация инновационной деятельности через бизнес-инкубатор предполагает создание комфортных стартовых условий для субъектов малого предпринимательства, оказание помощи в выведении конкурентоспособных разработок на рынок, развитие инновационной деятельности студентов, аспирантов, творческих коллективов вузов и создание дополнительных рабочих мест [2, с. 79].

В настоящее время прорабатывается технико-экономическое обоснование создания Технопарка Удмуртской Республики, который будет координировать согласованные действия функционирующих объектов инновационной инфраструктуры республики, в том числе Республиканского бизнес-инкубатора, Бизнес-инкубатора ИжГТУ, Технопарка «Удмуртия», технопарка «Ижробо», Регионального центра наноиндустрии Удмуртской Республики и центров трансфера технологий при ведущих вузах и научных учреждениях республики [3, с.48].

На муниципальном уровне разработана концепция поэтапного создания в 2012-2017 годах (1 этап - 2012-2013 годы; 2 этап - 2014-2015 годы; 3 этап - 2016-2017 годы) инновационно-производственного технопарка «Глазовский» г. Глазова Удмуртской Республики.

Таким образом, за годы рыночных преобразований в Удмуртии создана государственными структурами развития предпринимательства, а также вузами, сеть организаций инфраструктуры поддержки субъектов инновационного предпринимательства, в развитии которой прослеживается тенденция активного участия муниципалитетов.

Литература

1. Мохначева Е.С., Горшков Е.В. Анализ становления и развития системы государственной поддержки предпринимательства в Удмуртской Республике // Предпринимательство Удмуртии. Справочно-методическое пособие. – Ижевск: Министерство экономики Удмуртской Республики, АНО «Республиканский центр содействия развитию предпринимательства и страхового рынка в Удмуртской Республике», 2005. С. 9-15.
3. Якимович Б., Михайлов Ю., Пушкарев А. Приоритетные направления научной деятельности // Высшее образование в России. 2007. №2. С.77-88.
4. Радыгина С.В. Создание технопарков как инструмент развития инновационной деятельности региона / С.В. Радыгина // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2010. Вып. 3. С.46-49.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Д. Ешпанова, Г. А. Нарбекова, Н. Ж. Биекенова

Институт философии, политологии и религиоведения МОН РК
(Алматы, Казахстан)

Более двадцати лет в казахстанском обществе идут процессы социально-политической модернизации. За это время сменились режим и институты власти, элиты и системы политических ценностей. Пришло новое поколение, чьи идейно-ценностные и политические ориентации формируются в реалиях, отличных от тех, которые сопровождали жизнь их родителей.

По мнению российского исследователя Шестопал Е.Б. человеческое лицо политики в значительной степени зависит от ценностей – субъективных предпочтений людей, их представлений о желаемых или нежелательных событиях и общественной значимости тех или иных явлений. Именно ценности во многом обуславливают специфику человеческого поведения и выбора в сфере политики. На ценностной основе формируется активное отношение человека к политике, выражающееся в его целенаправленных действиях, благодаря этому политика доходит до жизненных оснований личности. Сама возможность политического действия начинается с ощущения гражданского достоинства – восприятия себя как ценности, как благой и необходимой силы [1].

Что касается казахстанских реалий, то для уверенного, поступательного социально-экономического развития Казахстана, как не раз подчеркивал Президент РК Н. Назарбаев, требуется стройная идеология развития и консолидации, которая может сплотить казахстанцев и определить среднесрочные и долгосрочные перспективы развития казахстанского общества и государства. На сегодняшний день подобная идеология, как целостный комплекс идейно-ценностных и политических ориентаций населения, отсутствует, хотя сами эти ориентации в разрозненном и неявном виде, несомненно, имеют место в общественном сознании казахстанского общества.

Существующее расхожее мнение об «идеологическом вакууме», возникшем в постсоветский период, на наш взгляд, является не совсем точным. Во-первых, действительно, на смену идейно-политическому расколу конца 1980-х – начала 1990-х гг. пришло отторжение значительной части общества от каких бы то ни было ценностных ориентиров. Но в реальной жизни самые разные идеологические концепции продолжали существовать, возникать, развиваться, образовывать различные комбинации точек зрения, концепций, общественных или групповых целей. Любое общество и составляющие его люди не могут существовать, не оценивая с определенных социальных позиций окружающую их действительность, получаемую ими информацию и не формируя (часто – на стихийном уровне) те цели, которые они хотели бы достигнуть.

Оказалось, что в условиях ломки общественных ценностей один и тот же человек может одновременно по одним вопросам придерживаться неолиберальных ценностей, по другим – националистических, по третьим – социалистических. Социальные ценности людей обычно не ограничиваются одной целью, создавая не столько целостность, сколько парадоксальность, нередко – совмещая несовместимое [2].

Во-вторых, с неменьшим основанием, чем об «идеологическом вакууме», можно говорить о перепроизводстве идей, концепций, версий происходящего; в определенном смысле это – не столько дефицит идей, сколько растерянность общества перед их изобилием при отсутствии каких-либо общезначимых критериев, которые позволяли бы осуществлять более или менее рациональный выбор идейных позиций. В таких условиях идейные комплексы «работают» как чисто «мифологические», а их выбор определяется почти исключительно сиюминутными политическими интересами.

В-третьих, даже по истечении двадцати лет все еще чрезвычайно значимы сохраняющиеся в обществе остаточные явления прежней идеологичности. Смена идеологии, если и произошла, была зачастую поверхностной – на уровне деклараций. Глубинные слои сознания оказались подвержены сильной инерции [3].

Социальные трансформации постсоветских стран проходили в сложных социокультурных условиях, так как традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы политического сознания, доминирующие стратегии политического поведения в определенной мере препятствовали усвое-

нию демократических норм и укоренению демократических институтов. Как и в большинстве транзитных обществ, демократический переход на всем пространстве *postsoveticus* сопровождался ценностной делегитимацией институциональных нововведений.

Результаты наших прошлых исследований показывают противоречивость процесса перехода от унифицированных форм идеологии советского периода к множественности этих форм в постсоветский период. Можно отметить, что в выборе демократических ценностей массовое сознание еще не устойчиво и противоречиво. Такие ценности, как справедливость, свобода, достоинство – стали для казахстанцев приоритетными. Вместе с тем, в выборе других либерально-демократических ценностей, таких, как собственность, реформы, рынок – общественное мнение не сложилось.

Особо значима для казахстанцев ценность справедливости. Возможно, каждый человек понимает ее по-своему. Но она является важной характеристикой сознания и поведения большинства – именно в соответствии с этой ориентацией люди оценивают, насколько по их мнению, справедливо относятся к ним на работе, насколько удачно сложилась их жизнь в целом, что делают местные и государственные органы власти для их благополучия.

В массовом сознании наших граждан по-прежнему присутствует понимание справедливости как равенства доходов. Так более половины опрошенных считают, что в советское время доходы распределялись более равномерно, чем в настоящее время. А сегодня, на неравномерность доходов указали 65% опрошенных. Такое распределение казахстанцами оценивается как несправедливое. При этом около 40% считают, что в сравнении с советским периодом их социальное и материальное положение улучшилось (НИП «Социальная стратификация современного казахстанского общества (социально-политический анализ)», ИФиП МОН РК. – 2009).

Перспективы в достижении богатства и социального успеха оцениваются неоднозначно. Более половины опрошенных отрицают наличие в настоящее время равных стартовых условий, но и «оптимистов» достаточно много – 29%. Подавляющее большинство опрошенных (80,16%) считают, что выходцы из обеспеченных семей имеют лучшие возможности для достижения успеха. Вместе с тем, также значительна доля тех, кто считает, что люди из малообеспеченных слоев общества могут достигнуть успеха (58,56%). Шансы молодых на социальный успех оцениваются высоко, около 70% респондентов считают, что им (молодым) легче интегрироваться в новое общество, чем людям старшего поколения. Аналогичные тенденции обнаружили в исследованиях казахстанского социолога Салтанат Ермахановой. Она пишет: «Несколько обнадёживают ответы экспертов на вопрос: «В какой мере жизненный успех современного жителя Казахстана определяется его личными усилиями, качествами и способностями, а в какой - внешними условиями и обстоятельствами, не зависящими от него?». Ответы на данный вопрос можно интерпретировать как оценку степени свободы человека и меру либерализации общества. Около половины (44%) ответило, что жизненный успех современ-

менного казахстанца в равной мере определяется как его личными качествами и усилиями, так и внешними условиями и обстоятельствами; практически каждый пятый (22%) эксперт полагает, что в большей мере определяется его личными качествами и усилиями, нежели внешними условиями и обстоятельствами; 15% экспертов считают, что жизненный успех целиком определяется личными качествами и усилиями, такое же количество экспертов считает, что он в большей мере определяется внешними условиями и обстоятельствами, нежели его личными качествами и усилиями. Доля же тех, кто уверен, что жизненный успех целиком зависит от внешних условий и обстоятельств, составила лишь 4%» [4, С.136].

Таким образом, результаты нашего исследования говорят о том, что:

- в массовом сознании отчетливо выражены уравнилельные ориентации, понимание справедливости как равенства;
- зачастую равенство понимается как «равенство доходов»;
- одновременно присутствует в массовом сознании понимание справедливости как «равенство возможностей».

Сегодня либеральные установки присущи в большей степени успешной части граждан, доля которых в составе населения незначительна. Более того, либеральные ориентации основаны, скорее, не на экономических факторах, а на духовно-культурных. В сознании казахстанцев продолжает доминировать ориентация на государственный патернализм, в результате чего сохраняется пассивная форма адаптации и стремление переложить ответственность на других, в частности, на государство.

Анализ социологической информации (НИП «Основные идейно-ценностные и политические ориентации населения Казахстана», Институт философии и политологии МОН РК. - 2007) показывает, что, хотя в казахстанском обществе политические ориентации стали разнообразными, весь вопрос в том, что основные убеждения группируются вокруг нескольких политических ориентаций: социал-демократических – 21%, либерал-демократических – 13,52%, национал-патриотических - 11,76%.

Проведенные исследования показали, что идейно-политический плюрализм не только не стимулирует процесс политической социализации, но и приводит к размыванию общих представлений. На сегодняшний день около 40% населения не идентифицируют себя с какими бы то не было идейно-политическими течениями. Причем среди русского населения таковых оказалось 48,34%, среди казахского 37,11%. В сфере идеологии «кризис идентичности» связан с утратой привычной определенности и унифицированности мировоззрения.

Следует учитывать, что идеологическая дифференциация носит достаточное условный характер, в действительности отражая не восприятие тех или иных идеологических доктрин, а отношение к социокультурным мифам, стоящим за этими идейно-политическими течениями. Доминирующей идеологии на сегодня нет.

Результаты социологических исследований, проведенных Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан в 2011 году, показывают, что среди населения преобладают настроения консерватизма, при этом данное определение, в основном, не приветствуется [5, С.62]. Казахское общество достаточно дифференцировано по политическим взглядам. Так консервативных взглядов придерживаются 14,4% респондентов, которые выступают за умеренность в реформах. 12,8% опрошенных являются сторонниками демократизации политической системы. 12,7% высказываются в поддержку идеи социальной справедливости и за преобладание государственной формы собственности. Около десяти процентов – 9,2% респондентов придерживаются взглядов, согласно которым Казахстану нужно развивать свой, особый путь (национал-патриоты). Примерно каждый четвертый (19,3%) из опрошенных не идентифицирует себя ни с одним из идеологических течений [5, С.32].

Интересным, на наш взгляд, является вывод о том, что в понимании вопросов экономики респонденты либо либеральные консерваторы, либо социал-демократы, в понимании же политики наблюдается преобладание модернизаторов.

Не просто важной, но и определяющей в оценке казахстанских реформ представляется проблема собственности и ее изменений в ходе либеральных экономических реформ. Вопрос о собственности и отношении к ней со стороны общества и государства сегодня выдвинулся на авансцену политической жизни, общественного сознания и общественной мысли.

Основная проблема взаимоотношений наших граждан с собственностью заключается в том, что собственности этой у них мало, как мало опыта и навыков выстраивания рациональных практик ее использования [6].

Опрос, проведенный сотрудниками Института философии и политологии (НИП «Социальная стратификация современного казахстанского общества (социально-политический анализ)», ИФиП МОН РК. – 2009), выявил парадоксы в отношении населения к частной собственности, в которой отразились противоречия реформации общества. С одной стороны, в массовом сознании собственность идентифицируется с личным имуществом (автомашина, квартира, дом и т.д.), т.е. собственность воспринимается через категорию потребления. С другой стороны, под частной собственностью подразумевается только собственность, приносящая доход, в связи с этим отметим, что 62,60% опрошенных ответили, что ничем не владеют.

Факт того, что больше половины казахстанцев называют в качестве частной собственности только ту, которая ориентирована на получение дохода, свидетельствует о том, что она действительно становится нормой жизни. Такое понимание собственности фактически выявляет степень реального, а не декларативного принятия частной собственности, бессознательной легитимизации различных ее видов. На этом основании мы можем предполагать, что преобладает позитивное отношение к собственности.

Получение доходов от собственности еще не вошло в массовые экономические практики. В связи с этим приходится отмечать, что сбережения, акции, ценные бумаги имеются лишь у небольшой части наших граждан (на это указало 1,34% опрошенных). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что сбережения не выполняют функцию страхования населения на случай неблагоприятных обстоятельств.

Насколько казахстанцы являются «рыночниками» в отношении собственности? Практически каждый пятый (18%) эксперт полагает, что большинство населения уже освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и действует согласно им. По мнению 43% экспертов, большинство населения их ещё не освоило, но со временем освоит. По оценкам 7%, большинство населения ещё не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и не освоит в ближайшей перспективе. Каждый четвертый (25%) считает, что большинство населения ничего не имеет - ни собственности, ни финансовых сбережений, а потому живёт одним днем. Остальные 7% полагают, что в стране нет цивилизованного рынка, поэтому рациональные рыночные принципы здесь не работают, а действуют совсем другие законы, типа «кто смел, тот и съел» [4, С.129].

В массовом сознании на вопрос о том, какой собственник лучше – государственный или частный, однозначного и простого ответа нет. Как видно из анализа ответов, работа в государственном секторе представляется казахстанцам предпочтительней (45,9%), по сравнению с частным (19,75%) и смешанным (21,68%) секторами. За годы реформ вместе с потерей иллюзий о том, что «невидимая рука» рыночной экономики сама сможет регулировать существующее в обществе неравенство, заметно усилились и без того достаточно распространенные «прогосударственные» настроения казахстанцев.

В Республике Казахстан приватизация реализовывалась в соответствии с разработанной программой: государственные предприятия и организации преобразовывались в частные или смешанные государственно-частные акционерные компании и товарищества. Сегодня отношение населения к итогам приватизации носит неоднозначный характер. Оно формируется во многом через призму оценок происходящих изменений. Для того, чтобы понять это отношение необходимо посмотреть, как респонденты ответили на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что приватизация государственной собственности сделала богатыми меньшинство и бедными большинство?» С таким мнением полностью согласилось 45,46% опрошенных граждан, скорее согласных оказалось 18,23%, полностью несогласных 7,14% и скорее не согласных 11,00%, затруднились с ответом 18,15%. Такой выбор по сути дела означает, что в глазах общества приватизация оценивается как несправедливая.

Таким образом, социальные изменения оцениваются казахстанцами неоднозначно, но и в то же время отсутствуют крайние пессимистические оценки. Развитие Казахстана шло в трудных, часто экстремальных исторических и природных условиях, что отложилось в менталитете налетом своеобразного фатализма, признающего неодолимую силу обстоятельств. Как меняется со-

отношение между «фаталистской» и «активистской» позицией трудно сказать. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в настоящее время имеет место «фаталистская» позиция, однако, она все же не является подавляющей. Считая predeterminedность стартовых условий определяющими в достижении успеха, все же не отрицается роль индивидуальных усилий человека, а значит, и индивидуального начала вообще.

Литература

1. Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 90-х годов. - М., 2000. - С. 96-97.
2. Тощенко Ж.Т. Социология. - М., 2005. - С. 344.
3. Рубцов А.Б. Наказание свободой. Полис. № 6. - М., 1995. - С. 11.
4. Ермаханова С.А. Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: социокультурный аспект. - Новосибирск, 2009. - С. 129.
5. Социально-политическая стратификация казахстанского общества (по результатам социологического исследования КИСИ и научно-исследовательского проекта ИфиП). - Алматы, 2011. - 128 с.
6. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. - М.: Наука, 2006. - С.13.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2011 г. В г. НОВОСИБИРСКЕ)

Д. В. Ушаков

Институт философии и права СО РАН

В конце XX - начале XXI века во многих европейских государствах политика ассимиляции, как и принципы мультикультурализма в отношении мигрантов, адаптации их детей и внуков, не привели к социальному сплочению, а во многом способствовали осложнению межэтнических отношений, росту национализма, который наиболее остро проявился в молодежной среде. Российское общество, в последние десятилетие также столкнулось с проблемой взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения. Новосибирск как крупный поликультурный город относительно недавно также ощутил на себе усиление миграционных потоков. Сегодня остро встают вопросы согласования интересов и культурных традиций уже проживающего населения и нового, приходящего со своими традициями, нормами жизни и правилами поведения, возникают проблемы этического воспитания молодежи, проявляющиеся в нетерпимости, неуважительном отношении к представителям другой культуры. Регулирование межэтнических и межконфессиональных отношений требует научного обоснования решений, принимаемых соответствующими органами управления, информационного обеспечения деятельно-

сти образовательных и воспитательных учреждений, национально-культурных автономий и организаций. Кроме этого введение в школьные предметы нового курса «Основы религиозных культур и светской этики» также актуализирует потребность в изучении этнической специфики и конфессиональных предпочтений, как у современных подростков, так и их родителей.

В 2011 г. по заказу Управления общественных связей и Управления образования Мэрии г. Новосибирска, было проведено социологическое исследование, посвященное изучению воспроизводства этнической структуры в системе межэтнических и конфессиональных взаимоотношений населения г. Новосибирска. В ходе исследования было опрошено 1374 человека: 414 взрослых граждан; 372 школьных педагогов (классных руководителей); 588 молодых людей в возрасте 13 – 20 лет, обучающихся в школах, гимназиях, профтехучилищах и техникумах г. Новосибирска. Основное внимание в исследовании было уделено молодежи, так как именно среди молодых людей в силу возрастных особенностей проблемы межэтнических взаимоотношений могут проявляться наиболее остро. В социологических опросах помимо русских приняли участие армяне, азербайджанцы, татары, узбеки, украинцы, езиды, казахи, киргизы, цыгане, корейцы, немцы, таджики, тувинцы, арабы, белорусы, буряты, греки, грузины, кубинцы, курды, удмурты, уйгуры, чеченцы.

В результате проведенного исследования было выявлено, что национальная (этническая) принадлежность очень важна для большинства взрослых и молодежи (90 и 78% русских, 88 и 75% других народов). Взрослые люди в первую очередь считают себя россиянами, национальная идентичность стоит на втором месте по степени значимости, а на третьем – то, что они считают себя новосибирцами. У молодежи национальная (этническая) принадлежность стоит на третьем месте: молодые люди считают себя в первую очередь россиянами, потом новосибирцами, и лишь затем представителями своего народа (своей национальности).

Большинство взрослого населения (56%) оценивает межнациональные отношения в г. Новосибирске – как «нормальные, терпимые», 20% - как «благожелательные» и 12% - «дружеские», что в целом их позитивно оценивают 88% горожан. Негативные оценки состояния межнациональных отношений сравнительно невелики, как «напряженные» их оценили 10% опрошенных, а как «недружеские» только 2%. Среди молодежи г. Новосибирска подавляющее большинство (74%) – нейтрально относятся к представителям других национальностей, 19% - ответили, что им в целом нравятся общаться с людьми другой национальности, так как от них можно узнать много нового. И лишь 7% молодых людей занимают интолерантную позицию, считая, что от представителей других народов лишь одни неприятности. При этом данные психологического тестирования старших подростков показали, что 65% обладают высокой степенью толерантности, 34% - средней, и лишь 1% - низкой степенью толерантности к представителям других народов. Более того,

если в 2005 году из списка в 38 народов молодые люди отметили, что с симпатией относятся лишь к 9 народам, то в 2011 году симпатии молодежи людей были выражены уже в отношении к представителям 17 народов. Более чем в два раза улучшилось отношение к чеченцам, заметно уменьшение антипатий и к другим народам.

Большинство классных руководителей (67%), так же оценивают качество межнациональных отношений в своих классах позитивно: дружескими их признали 48% экспертов и благожелательными – 19%. Нейтральными, ровными их считают 23% педагогов. Отрицательные оценки оказались незначительными: как терпимые их оценили только 9% классных руководителей и как враждебные – 1%. И все же негативные оценки показывают, что фактически в 10% классов с межнациональным составом отношения сложились непростые. Наиболее часто учащиеся (61%) и учителя (65%) сталкиваются с присваиванием прозвищ, кличек в зависимости от национальной принадлежности, высмеиванием отдельных национальных черт, ругательствами и неприличными высказываниями в отношении к людям другой национальности. С такой формой как соперничество за лидерство конкуренция, среди ребят разных национальностей, которое может быть и простым соревнованием, и не перерасти в борьбу и конфликт, но потенциально подготавливает к нему, сталкивались 55% молодых людей и 58% педагогов. С фактами оскорблений по национальному признаку, угрозами сталкивались 47% молодых людей и 33% классных руководителей. Следующими по частоте столкновения оказались факты физического насилия – избиение, драки, как непосредственное воплощение намерений в подавлении и подчинении, с ними сталкивались 29% учащихся и 20% педагогов. С одной стороны, в целом степень остроты проблем межличностного общения (в порядке их возрастания до угрозы открытого физического конфликта) можно оценить как низкую. Однако, с другой стороны, частота столкновения с этими проблемами, выраженная в количестве ответов, а также содержание ответов молодых людей впечатляют. Кроме фактов прямого психологического давления, физического насилия и вымогательства, с другими проблемами межнационального общения на личностном уровне, так или иначе, сталкивались более половины молодежи, что подтверждает все же наличие высокой степени скрытой, латентной напряженности в сфере межнациональных отношений.

Вместе с тем за последние годы многие образовательные учреждения, уже выработали вполне конкретные методы, способствующие снижению уровня межнациональной напряженности среди молодежи: использование специальных методик в преподавании, введение новых предметов, дополнительных факультативов, и различных педагогических мероприятий. Так, 21% классных руководителей отметили, что дополнительные факультативы и спецкурсы для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей проводятся в их классах, несколько больше экспертов (38%) указали, что подобного рода мероприятия проводится в их образовательных учреждениях. Введение факультативных занятий по изучению истории, культуры, религий, и

традиций разных народов считают необходимым 40% классных руководителей. Принимая во внимание и без того значительную перегруженность школьной программы, 20% классных руководителей ответили, что такой необходимости нет, а 40% учителей затруднились ответить на вопрос о необходимости их введения. Вместе с тем при условии внедрения курса «Основы религиозных культур и светской этики» в школах не только для 4 – 5го, но и до 10го класса, а так же изучения всеми школьниками основ не только разных религий, но и светской этики, (а не какого-либо одного модуля по выбору родителей) – он может стать достаточно эффективным средством для решения современных проблем этноконфессиональных отношений среди российской молодежи.

В целом для гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений имеются существенные ресурсы, но также требуется продолжение целенаправленной планомерной работы по созданию и внедрению в учебно-воспитательный процесс эффективных методик, акцентированных на гармоничное формирование личностных, этнокультурных и общечеловеческих ценностей, обуславливающих сохранение и развитие новосибирского сообщества на основе принципов интернационализма и единства многообразия.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА (ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

В. С. Кан

Тувинский институт гуманитарных исследований
(Кызыл, Республика Тыва)

Цель данной публикации – дать краткую характеристику миграционной ситуации в Туве, которая по причине пограничного и изолированного положения региона от остальной страны имеет особенности. Начало строительства железной дороги и освоение месторождений полезных ископаемых усиливает интерес исследователей, представителей власти и крупного бизнеса к этой теме. Ожидается, что реализация проектов повысит миграционную привлекательность региона, что отразится на всех сферах его жизнедеятельности.

В ходе комплексного исследования «Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений (2009-2010 гг.)» [1] и других [2] мы выясняли желание уехать/остаться, причины возможной миграции, отношение к притоку приезжих[3]. Материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. дают возможность отследить динамику этносоциальных изменений в республике [4]. Специализированные сборники, регулярно выпускаемые Тывагостатом (2008-2012 гг.), позволяют определить направление и объемы миграции, не-

которые социально-демографические сведения о мигрантах, а также мотивах, побудивших их к смене места жительства [5].

Миграционная привлекательность региона продолжает снижаться, о чем говорит сохраняющееся с 2005 по 2011 гг. отрицательное сальдо внешней миграции [6, с. 7].

Таблица 1

Миграция населения Республики Тыва (2005-2011 гг.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Численность при- бывших	7324	6835	6863	6771	8323	8030	8713
Численность выбывших	8145	8035	8564	8798	9783	9781	12573
Миграционный прирост	- 821	-1200	-1701	-2027	-1460	-1751	-3860
из нее: в пределах России	-819	-1208	-1791	-2091	-1572	-1809	-3909
международная	-2	8	90	64	112	58	49

Миграционная активность местного населения в 2009-2010 гг. по сравнению с 2008 г. ослабла. Повлияло, вероятно, и то, что мировой финансовый кризис в меньшей степени коснулся экономики и социальной сферы Тувы. В республике мало коммерческих банков, крупных финансовых корпораций и промышленных предприятий, деятельность которых находится в зоне риска.

Результаты опросов в 2009-2010 гг. говорили о значительном миграционном потенциале трети местного населения (таблица 2).

Таблица 2

*Хотелось бы Вам уехать из республики?
(данные по населению Тувы в целом)*

	2009	2010
Да, на длительное время	21,7%	17,9%
Да, навсегда	6,0%	6,2%
Нет	65,7%	70,8%
Затрудняюсь ответить	6,6%	5,1%

В 2009 г. установки на отъезд из региона были выражены у 27,7% опрошенных, в 2010 г. – у 24,1%, из них 6,1% – «навсегда» (среднее значение за два года). Для доминирующей части местных жителей Тува остается привлекательной для работы и проживания (2009 г. – 65,7%, 2010 г. – 70,8%). Причем число опрошенных, разделяющих такую позицию, в 2010 г. выросло на 5,1%. Обнаружена прямая зависимость в данном вопросе от возраста и национальности респондента: чем старше человек, тем меньше он хотел уехать из Тувы, а русские в два раза чаще, чем тувинцы выражали желание уехать «навсегда».

Динамика национального состава в 2002-2010 гг. подтверждает этот факт. Численность тувинцев к 2010 г. увеличилась с 235513 до 249299 чел. (с 77% до 82%), а доля русских сократилась с 61442 до 49434 чел. (с 20,1% до 16,3%).

Регион не является привлекательным и для представителей других национальностей. Их численность в межпереписной период тоже уменьшилась: с 2,9% до 1,7% (с 6513 до 5124 чел.). В республике проживает 877 хакасов, 628 киргизов, 512 армян, а также азербайджанцы, грузины, узбеки и др. [4, с. 11].

В 2011 г., несмотря на начало строительства железной дороги, резко увеличился миграционный отток из Тувы, убыль составила 3860 чел., что на 45,4% больше, чем в 2010 г. [6, с. 8].

Мигранты оседают, в основном, в соседних регионах Сибири, более благополучных в социально-экономическом отношении: Красноярском крае, Республике Хакасия, Новосибирской, Томской и Иркутской областях. Часть мигрантов направляется в европейскую часть страны, прежде всего, в г. Москва и г. Санкт-Петербург. Минимальный процент миграционного обмена приходится на зарубежную миграцию, причем сальдо данного показателя является положительным. В республику по квотам прибывают рабочие из Китая и стран СНГ. В 2011 г. это были преимущественно люди со средним (27,3%) и средним специальным образованием (29,9%) [6, с. 14].

Нередко миграции местного населения придается политический и этнический характер. Однако данные миграционных служб и опросов рисуют другую картину. На смену места жительства людей толкали обстоятельства личного, семейного характера (32,9% прибывших и 26,9% выбывших), учеба (12,8% прибывших и 33,7% выбывших) или работа (32,% и 23,4% соответственно) [6, с. 13].

Формируют почву для миграционных настроений, в первую очередь, экономические трудности и связанные с ними неблагоприятные социальные явления (высокая безработица и преступность, распространённость пьянства и наркомании, ухудшение межнациональных отношений, понижение общей культуры населения и др.).

Усиливает социальную напряженность в Кызыле и близлежащих к нему районах непрекращающийся приток сельского населения, в основном из числа тувинцев. Если в 2002 г. в столице проживало 104105 чел., то в 2010 г. – 109906 чел. (+5801 чел.). Число жителей пос. Каа-Хем - административного центра Кызылского района выросло на 43% (!), с 10463 до 15019 чел. (+4556 чел.). Люди стремятся любой ценой закрепиться в городе из-за низкого качества образовательных и медицинских услуг на селе, отсутствия работы и культурного досуга, распространённости пьянства и неблагоприятной криминальной обстановки, «моды» на комфортный образ жизни.

Этот процесс, происходящий стихийно и не сопровождающийся своевременными сдвигами в развитии социальной сферы, усиливает существующие и порождает новые социальные проблемы: высокая конкуренция за рабочие места, нехватка жилья и мест в детские сады, перегруженность школ, самоза-

хвататы земли близ столицы, превращение дачных участков в жилые микрорайоны и т.д.

Это приводит к ухудшению социально-психологического состояния русских и части «городских» тувинцев, усилению миграционных настроений в их среде. Это отмечали эксперты и в 2008 г., и 2012 г.: «состояние межнациональных отношений устойчивое, но нехорошее. Открытых высказываний нет. Но внутри ощущение есть. Если раньше люди были вместе, то сейчас ощущается разделение. Люди искусственно выстраивают культурную дистанцию. Углубляется разделение по национальному признаку»; «общая ситуация - давящая обстановка. Под национальным флагом никто не выступает. Но внутри ощущение есть»; «русские уезжают потому, что у них есть реальная возможность устроиться в других русскоязычных регионах, беспрепятственно, в отличие от тувинцев. Кроме того, русскоязычных в Туве становится мало, а им хочется жить в своей сфере (самоидентификация, культурная реализация)» [2].

Отъезд носителей русского языка и культуры имеет много негативных последствий: ослабление кадрового потенциала; ухудшение положения русского языка, вследствие сужения практики его применения в учебных группах и трудовых коллективах (мононациональных по составу); нарастание интолерантных настроений. Тенденция в направлении формирования установок на этническое разделение, замкнутость у тувинцев, проживающих в моноэтнических районах, налицо.

Федеральным и местным властям необходимо поддерживать регулярный научный мониторинг этносоциальных процессов в Республике Тыва, Сибири и России, в целом, и с его учетом проводить политику, направленную на преодоление существующих и предотвращение новых проблем.

Литература

1. Исследование проведено сотрудниками сектора социологии ТИГИ при поддержке гранта РГНФ (проект №09-03-63205а/Т) и гранта Председателя Правительства РТ для поддержки молодых ученых. В нем реализована многоступенчатая стратифицированная выборка с пропорциональным распределением по типам населенных пунктов и маршрутным способом набора респондентов по квотируемым признакам (пол, возраст, образование). Методом стандартизированного интервью в августе 2009 г. было опрошено 1159 человек, в июле 2010 г. – 1191 человек в 13 районах Тувы.

2. Были использованы материалы из экспертных интервью исследования современного этносоциального положения русскоязычного, в том числе русского населения Тувы, проведенного Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN по заказу Министерства регионального развития РФ в 2008 г.

3. Кан В.С., Харунова М.М.-Б., Монгуш А.А. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва в связи со строительством железной дороги и

освоением месторождений (по результатам социологических исследований 2009-2010 гг.). Кызыл, 2011.

4. Итоги ВПН 2010 года по Республике Тыва. Кызыл, 2012.

5. Миграция населения Республики Тыва за 2007 год. Статистический бюллетень. Кызыл, 2008; Демографический ежегодник Республики Тыва. Статистический сборник. Кызыл, 2010; Миграция населения Республики Тыва за 2010 год. Кызыл, 2011; Миграционные процессы в Республике Тыва и влияние отдельных факторов. Аналитическая записка сост. Л.П. Милкиной. Кызыл, 2012и др.

6. Миграционные процессы в Республике Тыва и влияние отдельных факторов. Аналитическая записка сост. Л.П. Милкиной. Кызыл, 2012.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЫ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В. Д. Курганская

Институт философии, политологии и религиоведения МОН РК
(Алматы, Казахстан)

Современный этап экономических и политических реформ с необходимостью обуславливает процессы, связанные с качественным изменением социальной структуры казахстанского общества. Социальная трансформация затрагивает и политическую сферу. Это проявляется в том, что происходит расслоение людей по признаку политического статуса, т.е. формирующиеся социальные группы различаются друг от друга не только по объему власти и привилегий, но и по характеру убеждений, которые проявляются в определенных политических ориентациях, схожесть которых и образует политические страты.

«Нормальная» политика появляется там, где естественное (непреодолимое в принципе) разнообразие групповых интересов реализуется в системе партийно-политического представительства, соревновательности и соперничества». Однако либерально-демократические ценности в социально поляризованном обществе нуждаются для своей защиты в метадемократической инстанции принятия политических решений. Президентская форма правления как модель политической организации, включающей в себя «элементы просвещенного авторитаризма» (Н.А. Назарбаев), своим легитимирующим основанием имеет приоритет ценностно-смыслового основания политической консолидации гражданского общества над ее процедурно-правовым механизмом. Поэтому не случайно, что на предложенные респондентам вопросы о наиболее желательных для них типах социально-политического устройства и формах политической власти в Казахстане в социологическом исследовании получены ответы, свидетельствующие о том, что президентская или президентско-парламентская республика является наиболее предпочтитель-

ной моделью социально-политического устройства для основной массы населения Казахстана [2, С. 53.].

Число сторонников сильной президентской власти примерно равно числу респондентов, которые хотели бы упрочения системы разделения и баланса властей. Фундаменталистские проекты восстановления ханской власти или перехода к исламской теократии не находят сколько-нибудь серьезной поддержки респондентов.

Современная демократическая политическая система есть система партийно-политического представительства и механизм согласования групповых интересов разнообразных социальных групп. Эти принципы в той или иной мере реализуются и в политической системе Казахстана. Однако партии, существующие в казахстанском обществе, пока что не стали институтом политического представительства всех слоев населения, а партийные образования имеют рыхлую, искусственно созданную электоральную базу. По критерию вовлеченности в партийно-политические институты основную массу населения РК можно считать деполитизированной, не идентифицирующей себя с партиями или движениями как самостоятельными политическими силами, консолидированными на основе осознания социальными группами своих общегражданских и корпоративных интересов. В нашем социологическом опросе, проведенном в 2011 г., лишь 8,5% респондентов дали утвердительный ответ на вопрос: «Существует ли в РК политическая партия (общественно-политическое движение), цели и программные установки которой Вы разделяете». Хотя в то же время 21,9% опрошенных отметили, что народно-демократическая партия «Отан» приносит ощутимую пользу, и 51,7% респондентов отметили, что она в целом полезна.

Качественное изменение типа культурно-цивилизационного развития Казахстана сопровождается формированием принципиально иной системы ценностных ориентаций массового политического сознания всех слоев населения. Государственная поддержка социально ориентированной рыночной экономики означает системное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека и, прежде всего, на становление его как субъекта собственного благополучия. Новые системы социально-политических приоритетов основаны на реальном расширении прав и свобод граждан страны, на создании условий для более широкого выбора ими форм собственной жизнедеятельности, на расширении масштабов социально-политической активности как одного из важнейших факторов общественного развития.

В таком контексте, как правило, утрачивают свою критическую функцию либеральные требования свободы слова, право на политическую оппозицию и т.д. Но на практике дело обстоит несколько иначе: отсутствие интереса к оппозиционной партийной деятельности имеют иные истоки. С одной стороны, не все основные группы интересов получают доступ к сфере принятия политических решений. Это чревато резкой радикализацией требований со стороны оппозиционных групп, что должно было бы повлечь за собой всплеск политической активности, в том числе и экстремистского характера.

С другой стороны, несмотря на наличие в стране объективных предпосылок для обострения социальных противоречий, это не привело к масштабным и организованным политическим акциям населения.

Известная апатия, политический индифферентизм населения, на наш взгляд, объясняются, во-первых, тем, что дифференцированные интересы социальных групп, в том числе и объективно антагонистические, еще не осознаны как таковые; во-вторых, отсутствием интегрирующего эти интересы политического субъекта. Профсоюзы деградировали в политическом плане, а партии и политические движения не имеют достаточной социальной базы. В конечном счете, все «замыкается» на государстве, которое и монополизирует функции политического субъекта. Этим положением и создается такой социально-политический и нравственно-психологический климат, при котором для значительной части населения РК, в том числе и представителей интеллигенции, партийно-политические объединения и размежевания становятся бессмысленными, к ним теряется интерес.

Для наших целей можно взять за основу систему политического позиционирования, предложенную в одном из исследований российских социологов [1] и модифицированную с учетом казахстанских реалий.

Данная схема политического позиционирования населения нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях. Анализ и конкретизация системы политической стратификации в казахстанском обществе позволяет выделить следующие типы страт:

Демократы – это люди, которые признают необходимость плюрализма партий и мнений, политическую оппозицию, а также то, что единственный путь обретения политической власти – это выборы. Кластер демократов в Казахстане, впрочем, как и в других странах, не является однородным. Он включает в себе группы, которые различаются по степени радикализации либеральных ценностей:

радикальные либералы, или «западники», для которых единственной приемлемой политической моделью общества является демократия западного типа;

либералы-консерваторы, признавая основные либеральные ценности, вместе с национал-патриотами считают, что необходимо основать практику социального реформирования и на тех позитивных ценностях, которые были выработаны и выстраданы в историческом прошлом страны;

социал-либералы, ориентированные, как и прагматики, на гармоничное соединение принципов рыночной экономики и социального государства. Основная формула, которой они придерживаются, состоит в следующем: «да» – рыночной экономике, «нет» – рыночному обществу.

Прагматики – это группа, которая во главу угла ставит выгоду, материальный интерес, ее представители опираются на собственные силы, они не ориентированы жестко на какую-либо идеологию. Для них все равно, какой порядок в стране, лишь бы был Порядок, возможность зарабатывать столько, сколько сможет.

Коммунисты – это страта, представители которой убеждены, что социалистический строй в наибольшей степени соответствует казахстанским реалиям (в широком смысле). Имеется в виду не столько доктринальные постулаты коммунизма (их сегодня вряд ли кто сможет воспроизвести, в том числе и партийные лидеры), а то, что сохранилось в народном сознании: порядок, мощная социальная политика государства, относительное социальное и экономическое равенство и т.д. При этом они, не без оснований, исходят из того, что социализм не ведет с необходимостью к тоталитарному режиму.

Национал-патриоты. Для этой группы характерна ориентация и опора на национально-этнические ценности. Она тоже не однородна и включает в себе представителей как крайнего (националистического) направления, так и тех, кто выступает за сохранение полиэтничности казахстанского общества при доминантной роли титульного этноса.

Исламисты. В основе формирования этой страты лежит убеждение о необходимости построения в Казахстане (как части Центрально-Азиатского региона) исламского государства, опирающегося на религиозные ценности ислама.

Данные российских социологов о процентном распределении опрошенных по выделенным кластерам политических позиций по многим параметрам являются очевидными и ожидаемыми, но по некоторым позициям выглядят неожиданными и парадоксальными. Результаты, полученные российскими социологами, представляют интерес и для нас, поскольку векторы трансформации социально-политических и экономических структур в наших странах близки, а по многим позициям совпадают. В исследовании российских социологов выяснились следующие закономерности:

анализ политических ориентаций представителей различных социально-профессиональных групп дал такую картину: «Значительная часть демократов и прагматиков – инженерно-технические работники и высококвалифицированные рабочие; среди западников чаще встречаются предприниматели; коммунисты наиболее широко представлены неработающими пенсионерами; треть патриотов составляют рабочие (различных уровней квалификации); более половины тоталитаристов – непроизводственная интеллигенция» [1, С. 87.];

чем моложе респонденты, тем ближе они к либеральному полюсу политических убеждений. Наиболее молодая группа респондентов придерживается прозападной ориентации. Средний возраст тех, чьи политические взгляды характеризуются прокоммунистической ориентацией, перевалил за 50 лет, причем 18 - 29-летних среди «коммунистов» всего 5,3%;

образовательный уровень повышается по мере смещения к «либеральному» полюсу. Если среди «коммунистов» и «тоталитаристов» большинство имеют низкий уровень образования, то среди «демократов» преобладают люди с высшим образованием.

Эти выводы интересны, но их нельзя принимать как совершенно адекватное отражение реального положения дел. Кроме того, в исследовании рос-

сийских социологов можно обнаружить противоречивые выводы, нестыковки. Например, данные о том, что «среди «тоталитаристов» большинство имеют низкий уровень образования», плохо согласуются с данными о том, что «более половины тоталитаристов – непродуцированная интеллигенция». Или, скажем, тезис о том, что национал-патриоты «тяготеют, скорее, к либерально-рыночным взглядам», противоречит их позиционированию как представителей политических ориентаций «правого» толка, противопоставленных «западникам», – т.е. именно той группе, для которой либерально-рыночная идеология является определяющей.

Представляют интерес данные российских социологов о соотношении распределения респондентов по кластерам социально-политических убеждений и их распределению по социально-экономическим стратам (Таблица 1). По этой таблице можно проследить четко выраженную связь между политическим самопозиционированием и социальной самоидентификацией: чем ниже уровень социально-статусной самоидентификации, тем больше вероятность «правизны» политической ориентации.

Таблица 1. Распределение кластеров политических убеждений по социально-экономическим стратам (в %)

Социальный статус	Социально-политический кластер						В целом
	«Демократы»	«Западники»	«Прагматики»	«Коммунисты»	«Патриоты»	«Тоталитаристы»	
Наивысший, «элита»	1,3	0	0	0,6	0,7	0	0,1
Высший	0,7	4,5	0	0,6	0,3	0	0,2
Между высшим и средним	8,6	15,9	5	1,8	2,6	0	2,2
Средний	43,7	59,1	32	21,1	31,7	26,9	30,6
Между средним и низшим	31,1	9,1	24	36,3	33,3	26,9	35,7
Низший	12,6	11,4	24	31	23,8	30,8	27,5
Самый нижний, «дно»	1,3	0	10	8,2	5,9	15,4	3,3

Нельзя не согласиться со следующим рассуждением: «Вряд ли все из тех, кто сегодня стоит на прокоммунистических или прототалитаристских позициях, были таковыми в начале реформ. Обида людей может быть искоренена лишь путем позитивных изменений в образе жизни – в смысле облегчения доступа к более высоким статусным и ценностным позициям» [1, С. 88-89]. Учитывая то обстоятельство, что именно восприятие своей восходящей или

нисходящей мобильности в социально-статусной структуре общества определяет эмоциональную окраску социального самочувствия и динамику политического позиционирования (а также электоральные предпочтения как выражение и маркер политического самоопределения), можно утверждать с достаточной долей категоричности, что в настоящее время в Казахстане преобладает вектор левой (если придерживаться классификации А.Ф. Анурина) политической ориентации.

ХАКАССКИЕ И РУССКИЕ СЕЗОННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ГОДИЧНОГО ЦИКЛА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. М. Чистанова

Хакасский Государственный Университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

Существует широкий спектр праздников: семейные праздники, промышленные праздники, религиозные, а также существует календарные праздники, то есть праздники, связанные с временными циклами:

22 декабря – день зимнего солнцестояния, является самым коротким днем. Этот день характеризуется как период сна природы, в этот период был распространён голод;

22 июня – день летнего солнцестояния, самый долгий день и самая короткая ночь. В русской культуре отмечается Иван Купала – народный языческий праздник, обряды которого связаны с природой и травами. В хакасской культуре празднуется Ку:н Пазы – встреча большого Солнца;

22 сентября – день осеннего равноденствия. В этот период день почти равен ночи. В русской культуре празднуется Вересень, а в хакасской отмечается праздник Уртун Той;

22 марта – день весеннего равноденствия. В русской культуре традиционно отмечается народный цикл Масленица. Обряд связан с проводом зимы и встречей весны. Также празднуется хакасский праздник Чыл Пазы (Голова года) – день встречи нового года.

Масленица – древний славянский праздник, традицией которого являются проводы зимы и встреча зимы. Также праздник носил названия Березня, Комоедница. С появлением Христианства Масленица была оттеснена на задний план Пасхой и Великим постом, и теперь она привязана к Пасхе, то есть празднуется за 56 дней до Пасхи, в канун Великого поста. Кроме того, в мире существует много аналогов славянской Масленицы:

Вастлавьи – праздник, традиционно отмечаемый жителями Европы. Полухристианский – полуязыческий праздник. Идея праздника – весеннее возрождение сил природы.

Марди Гра (фр. Mardi gras, «жирный вторник») – празднуется перед началом католического Великого поста. Мировой аналог славянской Масленицы,

отмечается во многих странах. Из городов США самые массовые и пышные празднования проходят в Новом Орлеане. Традициями праздника являются костюмированные представления по поводу встречи весны, поедание соляных символов, сожжение куклы-тотема;

Sächsilüüte – швейцарский праздник, парад гильдий. Является, по сути, проходами зимы и встречей весны. Люди украшают себя цветами, многие одевают традиционные костюмы. Символом зимы является снеговик, который сжигают, символизируя смену зимы весной;

Чыл-Пазы (хак., Голова года) – хакасский праздник, празднуется в день весеннего равноденствия, это время начала таяния снега, кукования кукушек, первого грома.

В работе поставлены следующие задачи:

идентифицировать традиционные мировоззрения славян и хакасов на примере Масленицы и Чыл Пазы;

провести сравнительный анализ традиций.

Масленица и Чыл Пазы являются языческими праздниками. Масленица – древний славянский праздник, носит также название День солнца. Ранее отмечался в день весеннего равноденствия, как и Чыл Пазы. Масленица включает в себе те же ритуалы, что и хакасский Чыл Пазы, которые в работе рассматриваются в сравнении.

Обряды Масленицы и Чыл Пазы связаны с пробуждением жизни, встречей весны и проходом зимы. Традиционно праздники проводились в день весеннего равноденствия, но позже Масленицу стали отмечать в феврале, так как этот языческий праздник с приходом христианства оттеснили на задний план Пасха и Великий пост. В канун Чыл Пазы вытряхивались ковры, приводилась в порядок мебель, одежда, вся посуда в доме натиралась до блеска, все вымывалось и вычищалось, но хозяева жилища должны были оставить под порогом соринку, чтобы не вымести со всем мусором свое счастье, так как под порогом обитал Покровитель Порога – Иркін Ээзі. Собственно, поэтому с давних времен порог юрт, жилищ считался: на него не разрешали садиться, рубить на нем мясо. К Масленице также начинали готовиться заранее: убрали дом, готовили еду, доставали праздничную одежду. Также хакасы в день Чыл Пазы готовили еду, угощали ей гостей, как и в традиции Масленицы – гостеприимное угощение со своего очага. Еще один символ Масленицы – блины, которые символизируют солнце круглой формой и золотистым цветом. В Чыл Пазы готовится блюдо патхы – сметанная каша из ячменной муки, которая также символизировала весеннее солнце.

Для хакасов священным деревом является береза. В праздник на нее навешивались ленточки-чалама. Данный ритуал носит название ритуал Очищения. Чалама должны быть белого, красного, зеленого и голубого цветов, черные чалама не допускались, так как этот цвет олицетворяет горе, болезнь, печаль. Цвета лент отождествлены с добрыми силами, так белый цвет является символом верности и преданности, символизирует сакральную чистоту и истину; голубой цвет означает благополучие, гармонию и согласие; красный

олицетворяет собой жизнотворные лучи Солнца или языки пламени в очаге, дарующие тепло, пищу и спокойствие; зеленый цвет – цвет листьев, трав, символ материальности и вечности живой природы. Черные чалама, ассоциируемые с горем, человек должен завязать узлом, а затем сжечь. Завязывая чаламу узлом, человек завязывает свои несчастья, болезни, обиды и неприятности и освобождает себя от них. Подобный ритуал очищения присутствует и в Масленице. Чучело Масленицы сжигают на костре, таким образом, сжигается все зло, болезни, а также вся злая сила Земли. Так, можно наблюдать, что в обоих ритуалах присутствует огонь очищения. Береза является также и символом Масленицы: обрядовую куклу-чучело делали из соломы и тонкого ствола березы. А также обязательностью в наряде девушек в масленичные гуляния являются венки с цветными яркими лентами, в которых можно узнать хакасские чалама.

Таким образом, похожие традиции, ритуалы и обряды доказывают идентичность мировоззрения славян и хакасов. А также календарные циклы и природа объединяют все народы и культуры.

Литература

1. Казачинова Г.Г., Татарова В.К., Чыл Пазы – Голова года. – Издательство «РОСА», 1997.
2. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию института./ Отв. Ред. Кирилловская Е.В. – Абакан: Издательский отдел «Роса» ХРИПК и ПРО, 2004.
3. Народные праздники Хакасии. Учебное пособие. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1999.
4. Капица Ф.С., Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. – 2-е изд. – м.: Флинта: Наука, 2001.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РАЗВИТИЯ МУЗЕЕВ НА АЛТАЕ

Е. А. Нестеров

Томский государственный университет

К настоящему времени существует пробел в изучении развития культуры на Алтае, диктующий необходимость восстановления истории и таких культурных учреждений, как музеи. Наиболее ценными в деле решения указанной проблемы являются письменные источники.

Впервые от лица власти уничтожение памятников истории было запрещено циркуляром министра внутренних дел 1826 г. «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о запрещении разрушать их». В циркулярном положении министра государственных имуществ 1841 г. «О находи-

мых в земле казенными крестьянами древних монет» была прописана последовательность собирания памятников: от того, кто непосредственно нашел старинную вещь, – к сельскому или волостному начальству, оттуда в Министерство государственных имуществ и, наконец, в Императорскую Академию наук.

Одновременно в законодательных актах нашло отражение формирование государственной охраны исторических памятников. В 1859 г. император Александр II утвердил «Положение об учреждении Императорской Археологической комиссии при Министерстве императорского двора». На Археологическую комиссию, как первое государственное учреждение в области охраны культурного наследия в России, возлагались задачи сохранения культурных ценностей.

Начатое в период самодержавия получило продолжение при Советской власти. Для сохранения, и ознакомления «широких масс трудящихся» с памятниками искусства и старины Декретом Совнаркома РСФСР вводился обязательный государственный учет культурных ценностей.

В 1920 г. постановлением Алтайского губернского отдела народного образования «О первой государственной регистрации предметов искусства и старины» предписывалось ставить на учет все культурно-исторические памятники ценности Алтая.

В законодательных источниках первых послереволюционных десятилетий сохранялась установка на сохранение и изучение в музеях памятников истории и культуры. В дальнейшем, в постановлениях ВЦИК и СНК РСФСР 1928 и 1934 гг., указывалось на необходимость усилить в музеях научно-исследовательскую и просветительскую работу.

В послевоенное время документы издавались постановления, которые способствовали формированию государственной системы охраны культурного наследия, при этом музеи назывались основными хранилищами памятников культуры.

С обновлением системы власти и управления в России с начала 1990-х гг. развернулась разработка законодательных актов, направленных на сохранение культурных ценностей и развитие музейного дела.

На региональном уровне также продолжается нормативно-правовое творчество в сфере сохранения культурного наследия и музейного дела. Постановлением Алтайского краевого Законодательного собрания в 1994 г. утверждено Положение об охране земель историко-культурного назначения в Алтайском крае. Отношения в сфере сохранения объектов культурного наследия на территории Алтайского края регулируются Законом 2005 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае», принятым Алтайским краевым Советом народных депутатов. Однако специального закона о музеях, подобно тому, какой был принят в Томской области, на Алтае до сих пор нет.

В целом в XIX – начале XXI в. сложился обширный круг источников законодательного характера, которые показывают государственную политику в

музейной сфере России, в том числе и на Алтае. Данная группа письменных источников обладает достаточно высокой степенью достоверности информации и позволяет заметить правила и нормы, устанавливаемые государством, выявить и оценить цели и задачи, которые государственные власти ставили перед музеями на разных этапах исторического развития, а также методы и средства их реализации, стимулировавшие или же тормозившие музейную работу.

Следующую группу письменных источников составляют делопроизводственные документы, по которым возможно проследить развитие научных основ хранения и использования музейных предметов и коллекций в XIX – XX вв.

Особый интерес вызывают публикации редких документов, позволяющие получить представление о собрании Барнаульского горного музеума, о научно-фондовой и экспозиционной работе в XIX в.

Корреспонденции и хроники культурной жизни в периодической печати сообщают об открытиях новых музеев на Алтае, о пополнении музейных собраний, о культурно-образовательных мероприятиях в музеях.

В справочных изданиях содержатся сведения о составе музейных собраний, направлениях работы, просветительских услугах, о посещении музеев, т. е. социальной востребованности музейных учреждений в то или иное время, об особо ценных для науки коллекциях.

Документы личного происхождения, прежде всего дневники и воспоминания, повествуют о впечатлениях авторов мемуаров от знакомства с алтайскими музеями. При описании собрания Барнаульского горного музеума в XIX в. различными исследователями и путешественниками постоянно указывалось на разнообразие музейных коллекций.

В музеографических изданиях разного времени приводятся сведения о количестве и составе музейных собраний Алтая, а также о месте нахождения, материале, назначении, размерах, форме, технике изготовления, историко-культурной принадлежности, способе поступления предметов в музей, использовании в экспозиционно-выставочной и культурно-просветительской работе.

ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИЦИИ БАРНАУЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. Е. Шумилова

Институт истории СО РАН

В годы Первой мировой войны помимо осуществления предварительного следствия и дознания по фактам происшествий и препровождения задержанных в судебные органы, полиция Барнаула занималась также целым рядом других задач. Среди них можно выделить контроль за соблюдением правил

торговли и реализацией продовольственных товаров. Эта новая обязанность стала особенно актуальной с введением в годы войны фиксированной таксы на товары первой необходимости.

Отметим, что в годы войны намного вырос объём работы полиции в сфере обеспечения учёта населения в связи с прибытием в город большого количества беженцев. Кроме всего прочего, чины полиции дежурили в воинских присутствиях, занимались надзором за военнопленными, обеспечивали многочисленные мобилизации. Говоря о масштабах работы с военнопленными, следует заметить, что в 1915 г. по приказу Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича с территории Прибалтики (главным образом из Латвии) на территорию Алтайского округа было депортировано около 100 тыс. человек [1].

О недостатке кадров и загруженности полицейских чинов работой свидетельствует то обстоятельство, что зачастую полицейские чины были вынуждены совмещать две должности. Так, после того как в июле 1915 г. приставной полицейский надзиратель Пешков из г. Барнаула был назначен становым приставом в с. Белоярское в городской полиции ему не удалось найти замену [2]. Его и свою работу в течение нескольких лет был вынужден выполнять окольный надзиратель второго участка Кравченко.

Проблему с недостатком кадров в штате полиции решать все же пытались. Так, в Барнауле в первый год войны городская Дума ввела в штат полиции 20 городских для общего усиления правоохранительной структуры, однако уже в феврале 1915 г. по причине несбалансированности доходных и расходных статей город был вынужден отказаться от дополнительных городских [3].

В 1916 г. городские власти обратились к губернатору с просьбой возбудить ходатайство перед МВД об исключении из расходной части бюджета такой затратной для Барнаула в военное время статьи как «содержание полиции» [4]. Данная просьба обосновывалась тем, что согласно закону от 23 января 1916 г. в 14 городах за счёт государственных средств усиливалась полицейская команда (один городской полагался на 400 жителей) [5]. Однако ходатайство было отклонено в связи с тем, что данный закон не распространялся на Сибирь. Было объявлено, что город обязан самостоятельно содержать полицейскую команду, обеспечивая её денежным содержанием, жильём, обмундированием и вооружением, согласно утверждённым нормам.

Недостаток финансирования не мог не отразиться на деятельности полиции. В силу дефицита средств в городском бюджете управа стремилась сэкономить на всём, даже на такой важной статье расхода как вооружение полиции. Об ужасном состоянии вооружения полиции свидетельствует, например, тот факт, что 11 июля 1915 г. городская управа прислала в полицейское управление 25 отремонтированных шашек для вооружения городских [6]. Однако ремонт был произведён так небрежно, что осматривающая шашки комиссия признала их для употребления совершенно негодными.

Несмотря на то, что полиция в финансовом плане полностью зависела до 1917 г. от городских органов самоуправления, по вопросам организации и

служебной деятельности она подчинялась губернской администрации, что существенно увеличивало бюрократическую волокиту. Невозможность контролировать городскими властями действий полицейской администрации, неподчинённость им в финансовых вопросах, создали благоприятную почву для всевозможных злоупотреблений. Лишь в мае 1917 г., когда полиция была переименована в милицию, местные органы самоуправления впервые законодательным путём получили возможность руководить деятельностью местных органов правопорядка. Снизилась бюрократическая волокита: теперь город мог отдавать распоряжения чинам милиции, не вступая в переписку с губернской властью.

Много проблем существовало и в сфере управления местными учреждениями правопорядка. К началу Первой мировой войны в городе ещё даже не было учреждено отдельного управления полиции, городская полиция действовала в составе уездной. Согласно штатному расписанию полицейского управления в Сибири уездный исправник являлся также и главой городской полиции. В 1916 г. в управлении барнаульской полиции, по свидетельствам очевидцев, «творилось что-то неладное» [см.: 5]. Кроме исправника, временно исполняли обязанности исправника два его помощника, секретарь управления и три столоначальника, причём никто из руководства управления не был утверждён в должности.

Таким образом, в годы войны объём работы сотрудников правоохранительных учреждений значительно увеличился. Однако из-за дефицита кадров, экономии на вооружении полиции, а также недостатков в управлении служащими правопорядка не всегда удавалось справиться с поставленными задачами.

Литература

1. История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы /под. ред. Курицына В.М. М. 1998. С. 10.
2. Жизнь Алтая. 1915. № 160.
3. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 450. Л. 85.
4. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 166-167 об.
5. Жизнь Алтая. 1916. № 137.
6. Москвитин Ю.Н. Полиция (милиция) Барнаула 1914 – 1918 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 250.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О. А. Осташкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

Информационное общество является объектом пристального изучения многих западных и отечественных исследователей. Они отмечают существенные трансформации различных сфер жизнедеятельности общества: экономики, политики, культуры, государства, образования, семьи и др. Каждая из сфер преломляется и изменяется под воздействием целого ряда факторов, в фокусе же нашего внимания находится сфера труда и занятости, в частности профессиональные стратегии личности.

Нас интересует, прежде всего, как в современном обществе меняется восприятие пространства и времени, а так же как эти изменения отражаются на профессиональных стратегиях личности. Ради ясности, обозначим ключевые характеристики понятия «профессиональные стратегии», которые мы будем анализировать в выше изложенном контексте.

Говоря о стратегиях мы, прежде всего, подразумеваем наличие целеполагания, конструирование плана или замысла, «способность личности осуществлять самопроецирование в будущее». [2] Это те притязания, которые человек осознает как достижимые и предполагает использовать имеющиеся у него средства и ресурсы. Безусловно, на уровень притязаний влияют как объективные (статус личности, представления о том, чего можно достичь, характерные для того или иного сообщества/стандарты достижимости) так и субъективные условия (мотивация на успех, способности личности, психологические характеристики).

Профессиональные стратегии являются структурным элементом жизненных стратегий. Для последнего понятия, как отмечаем Абульханова-Славская, важна способность - решать жизненные противоречия, которые «проявляются в умении соединять свои индивидуальные возможности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих». [1, 247]

Формирование «профессиональных стратегий» происходит, в том числе, с учётом организационного контекста, где значимым является структура организации – вертикальные и горизонтальные возможности перемещение. В условиях современного общества, где всё большее распространение приобретают сетевые организационные структуры с плоской иерархией, передвижение осуществляется, в большей степени, в горизонтальной плоскости.

Таким образом, ключевые характеристики «профессиональных стратегий» интересные нам с точки зрения пространственно-временных трансформаций: наличие цели (направленность в будущее), влияние среды организации/общества и динамика взаимоотношений личности и организации.

Трансформация профессиональных стратегий с точки зрения пространственного измерения, прежде всего, связана с новыми веяниями, которые несёт в себе информационное общество. Во-первых, современный рынок труда можно охарактеризовать как гибкий, неопределённый и полный риска. Сегодняшние работники все реже связывают свою трудовую деятельность с одним предприятием. Время, когда человек получая свою первую работу, тру-

дился там до пенсии – кануло в Лету, ему на смену пришло время краткосрочных контрактов. З. Бауман сравнивает место работы с кемпингом, где люди «останавливаются на несколько ночей, и его можно покинуть в любой момент, если не предоставлены обещанные удобства или представленные вдруг разонравились» [2. С. 31]. Договорённость между работником и работодателем по поводу зарплаты, условий труда, функциональных обязанностей и долгосрочности контракта обсуждается индивидуально – развивается контрактная система трудовых отношений. Работа от контракта к контракту все чаще прерывается периодом безработицы. Неопределённость и риск стали восприниматься как норма, они вплетены в ткань социальной реальности. Привязка к определённому месту работы, которая раньше гарантировала стабильность и успех, сегодня скорее сменяется мобильностью.

Во-вторых, в связи с широким распространением сетевых структур, перемещения внутри организации строятся в большей степени по горизонтали. Такого типа организации, подразумевающие децентрализацию подразделений, наделяют каждую структурную единицу автономией, что открывает дополнительные возможности для мобильности из филиала в филиал.

В-третьих, развивающиеся технологии позволяют переместить работу в виртуальное пространство. Ты можешь открыть интернет-магазин, проводить интернет-конференции, читать лекции в сети и пр при этом совершенно не важно, где ты физически находишься, главное – это доступ к технологиям, обеспечивающим тебе выход к сконструированному рабочему месту.

Профессиональные стратегии подверглись изменениям и с точки зрения временных перспектив. Сам термин «стратегия» в своём исконном значении как искусство полководца, предполагает дальнейшую задачу; план, охватывающий длительный период времени. Для этого требуется способность прогнозировать будущее, чтоб можно было построить цепь хорошо продуманных, спланированных и логически соединённых жизненных событий. В нынешних условиях неопределённости, гибкости и риска подобный план фактически неосуществимым, поскольку «владение ситуацией» является той чертой, отсутствие которой у наших современников особенно бросается в глаза» [2, 65]. Таким образом, профессиональные стратегии превращаются в несвязанные короткие траектории, неожиданные и незапланированные переплетения в непостижимом будущем.

Но такая ситуация приводит к тому, что мы вынуждены развивать в себе новые компетенции одна из которых - управление неизвестностью. Это «не только компетенция планировать и организовывать, но прежде всего компетенция быть открытым возможностям (стечению обстоятельств) в которых кажется непланируемым типичное (par excellence) своё собственное будущее»[4,12]

Таким образом, профессиональные стратегии в информационном обществе уже не привязаны к одному месту, а строятся на перемещении из одной организации в другую, соответственно из одной точки пространства в другую. Мобильность становится гарантом уверенности в будущем. Более того,

рабочее пространство теперь не ограничивается физическим пространством и может реализовываться в новом локусе – виртуальном. Во временной же перспективе мы имеем дело со стратегиями, разделёнными на эпизоды.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. [Текст] М: Мысль., 1991. – 299с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. [Текст] М.:Логос,2005. - 390с.
3. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора [Электронный ресурс]// Мир России, 2005, №2 – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/920/013/1220/2005_n2_p97-125.pdf - Дата доступа: 24.10.2012.
4. Vinken H. New Life Course Dynamic? Career Orientations, Work Values and Future Perceptions of Dutch youth // Young. 2007 Vol 15(1): P.9-30 URL: <http://you.sagepub.com/cgi/content/abstract/15/1/9> (дата обращения: 15.06.2012).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

А. Ю. Ткаченко

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Одиночество — социально-психологическое явление, эмоциональное состояние человека, связанное с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с людьми и/или со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции.

Одиночество разделяется на два типа: явное и неявное одиночество. Первое возникает при дефиците общения с людьми, человек хочет общаться, но не может. Гораздо чаще встречается одиночество в неявной форме. Человек постоянно находится в окружении людей, общается с ними, но в то же время чувствует себя отчужденным. Все эти люди ему не нужны, точнее, он не испытывает к ним особой любви и привязанности, они для него легко заменимы. [2; с. 26-43].

В преклонном возрасте реальность старения влечет за собой много причин одиночества. Умирают старые друзья, и хотя их можно заменить новыми знакомыми, мысль, что ты продолжаешь свое существование, не служит достаточным утешением. Взрослые дети отдаляются от родителей, иногда лишь физически, но чаще из эмоциональной потребности быть самим собой и иметь время и возможность заниматься собственными проблемами и взаимо-

отношениями. Со старостью приходят опасения и одиночество, вызванное ухудшением здоровья и страхом смерти [4; с. 77].

Все исследователи сходятся на том, что одиночество в самом общем приближении связано с переживанием человека его оторванности от сообщества людей, семьи, исторической реальности, гармоничного природного мироздания. Но это не означает, что пожилые люди, живущие в одиночку, все испытывают одиночество. Можно быть одиноким и в толпе и в кругу семьи, хотя одиночество среди старых людей и может быть связано с уменьшением числа социальных контактов с друзьями и детьми.

Исследования, проведенные Перланом и его коллегами, вывели гораздо больше фактов одиночества среди старых одиноких людей, которые проживали с родственниками, чем среди других стариков, которые жили одни. Оказалось, что социальные контакты с друзьями или соседями оказывают большее влияние на благополучие, чем контакты с родственниками.

Контакты с друзьями и соседями снижали их чувство одиночества и повышали чувство собственной пригодности и ощущение, что тебя уважают и другие [3; с. 117].

Уровень и причины одиночества в понимании пожилых людей, зависят от возрастных групп. Люди в возрасте 80 лет и старше понимают значение термина «одиночество» не так, как представители других возрастных групп. Для престарелых одиночество ассоциируется со снижением деятельности, обусловленной нетрудоспособностью или невозможностью передвижения, а не с отсутствием социальных контактов.

Проведенные исследования социологов показали, что большинство пожилых людей (56%) проживают вместе с детьми, причем в 45% таких семей есть внуки, 59% пенсионеров имеют супруга (супругу). Одинокими составляют 13%. Если среди опрошенных пенсионеров чувство одиночества как реальный факт отмечают 23%, то для одиноких этот показатель - 38%. [1; с. 65].

Помощь одиноким людям иногда должна состоять в том, чтобы изменить ситуацию, а не личность. В решении проблемы одиночества важное значение приобретают системы социальной реабилитации и социальной помощи престарелым. Социальная реабилитация представляет собой комплекс социально-экономических, медицинских, юридических, профессиональных и других мер, направленных на обеспечение необходимых условий и возвращение этой группы населения к достойной жизни в обществе. К проблеме одиночества у пожилых приводит также и нереализованность или затруднения в плане участия в общественной деятельности. Наиболее остро эта проблема, на наш взгляд, стоит в России. В ряде развитых стран эта проблема решается вполне успешно, путем налаживания социальных контактов пожилых и их вовлечения в разного рода общественные инициативы, спектр которых весьма велик. Таким образом, пожилые люди не ощущают, что они одиноки, так как они постоянно активны и задействованы в чем либо.

В целом по России около полутора миллионов граждан старших возрастов нуждаются в постоянной посторонней помощи. [5; с. 70].

Тенденции к прогрессирующему нарастанию одиночества в пожилом и старческом возрасте в настоящее время и в будущем обостряют эту проблему, делают важным углубленное ее исследование силами не только медиков, но и социологов, демографов, экономистов, психологов.

Литература

1. Лазарева Л.П. Геронтология: Курс лекций. - Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2006. - 167 с.
2. Новикова, Т. Г. Эксперт по инновационной деятельности в образовании: качества, способы отбора/Т. Г. Новикова. //Педагогическая диагностика.-2006.-N 3.
3. Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты: Сб. трудов / Под ред. А.В. Флинта. - М.: Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия, 2007 – 190 с..
4. Российская энциклопедия социальной работы. Под ред. Панова А.М., Холостовой Е.И. ИСР М., 2007 г. – 147 с.
5. Страшникова К.А., Тульчинский М.М. Социально- психологическая помощь и поддержка пожилых в культурной среде - М.: Академия, 2005.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В УПРАВЛЕНИИ ШКОЛОЙ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

А. А. Костюнина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

В нынешних условиях изменения демографической ситуации в стране, снижения государственных объемов финансирования, перехода на подушевое финансирование образовательных учреждений школам приходится доказывать свою состоятельность, значимость не столько государству, сколько общественности. Школа стоит перед необходимостью самостоятельного обеспечения процесса социализации, включающего и обучение, и воспитание, и развитие, что требует привлечения дополнительных средств и разнообразных ресурсов из внешней среды.

Школа как социальная организация, с одной стороны, является частью социального пространства социума; с другой – сама создает определенную среду для развития и социализации находящихся в ней людей, с третьей – является особым учреждением, призванным выполнять предписанные государством функции. [1]

Директор школы в своей управленческой деятельности сталкивается с рядом противоречий. Во-первых, при взаимодействии с органами управления образованием. Несмотря на внешнюю демократизацию, провозглашение свобод и прав, в ряде субъектов Российской Федерации сохранилась жесткая

диктатура органов образования. Получить новый автономный статус, предполагающий ряд свобод, стало затруднительным по ряду причин. Администрация школ либо отказывается от него, действуя ритуально, по инерции или из принципов изоморфизма (действуя «как все»). В других случаях местные органы управления образованием, занимаясь распределительными функциями, не стремятся делегировать полномочия по причине личных выгод. В таких городах и районах школы смирились с административным консерватизмом и робко выполняют указания. Школы Республики Хакасия столкнулись с подобным консерватизмом.

Во-вторых, директор ведет управленческую линию внутри школы. С одной стороны, все понимают необходимость делегирования некоторых функций управления субъектам образовательного процесса: родительским комитетам, ученическим самоуправлениям, педсоветам, общественным органам [2]. Однако, директора школ Хакасии, ссылаясь на инерционность и пассивность таких структур, предпочитают принимать решения индивидуально, привлекая разве что своих заместителей и некоторых учителей. Руководителям школ «хлопотно» совещаться по каждому вопросу с некомпетентными на их взгляд людьми.

Да и сами участники образовательного процесса не стремятся активно вовлекаться в процесс принятия управленческих решений. По данным исследования [1], даже родители обучающихся не демонстрируют заинтересованность по отношению к школе, им важны исключительно успехи собственного ребенка. Они не думают о том, что успех в учебе детям может принести только грамотно построенный образовательный процесс, для которого необходимо функционирование всех сторон школы, а так же вовлеченность и контроль родителей. Поэтому и посещают школу родители зачастую лишь во время собраний или по вызову классного руководителя.

В-третьих, школа как организация создана государством, однако её существование обусловлено институциональными характеристиками. Она существует для удовлетворения потребности общества в передаче знаний и социализации. Государству необходим дисциплинированный исполнитель, на образование которого и даются ресурсы. Потребности же общества в формировании творческой, самостоятельной, активной, образованной личности не находят своей реализации. Образовательные учреждения вынуждены переходить к системе самоуправления, к необходимости искать негосударственные источники финансирования.

Школе необходимо налаживать отношения также с так называемым местным сообществом. Местное сообщество школ Республики Хакасия нельзя оценить как активное, жизнеспособное. Это, как и в случае с родителями, происходит по причине отсутствия идентификации себя с ней. Ему не хватает сплоченности, заинтересованности, рационального взаимодействия со школой с целью совместного развития. Оно имеет зачастую скудные представления о школе и ее деятельности.

Школа должна осознать, что теперь она самостоятельный и самодостаточный организм. Если есть необходимость привлечения сообщества к решению школьных проблем, то именно ей должна принадлежать инициатива побуждения его к этому. Директора городских школ республики практически бездейственны здесь. Понимая инерционность сообщества, не желая прилагать лишних усилий, они не стремятся взаимодействовать со школьным окружением. В большинстве своем они работают в том же образовательном пространстве: с досуговыми, культурными, спортивными центрами, другими школами, с детскими садами и учреждениями дополнительного образования.

Директора могут и должны уметь использовать свои предпринимательские навыки для привлечения инвестиций из бизнес-структур. Для того чтобы школа могла занять надлежащее место в обществе, выжить в конкуренции с другими школами, она должна адаптироваться к этой внешней среде. Только при условии согласованного многофакторного взаимодействия, при условии применения предпринимательских стратегий можно успешно решать проблемы школы, достигать ее целей и целей ее участников.

Литература

1. Зеленецкая Т.И., Костюнина А.А., Мараева И.В. Механизмы взаимодействия школы и местного сообщества в процессе государственно-общественного управления. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010.

2. Пинский А.А. Общественное участие в управлении школой. Школьные советы. – М., 2004.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ОЦЕНКАХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ШКОЛЫ №25 г. АБАКАНА

Н. В. Игнатова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

Образование – это один из главных аспектов жизни любого человека. В свете динамического развития нашего общества перед системой образования России встают задачи повышения качества общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся. Решение этой проблемы в значительной степени связано с профильным образованием, так как профильное образование позволяет обеспечить высокое качество обучения, улучшить стартовые возможности выпускников школы для поступления в средние и высшие профессиональные учебные заведения, повышая тем самым доступность послешкольного образования [3]. Изучение эффективности профильного образования занимает важное место в нише социологических следований, что говорит о проблемах в его реализации. Наиболее широко известными являются про-

блемы информационных каналов, по которым школьники получают информацию о профилях. Кроме того, как показывает практика, школьники не до конца осознают важность данного нововведения и определяясь с направлением, руководствуются не рациональными причинами, а скорее психологическими, то есть идут в те профили «куда поступают друзья и одноклассники». Еще одной основной проблемой профильного образования является не эффективное выполнение им своих функций [1]. В свете данных вопросов нами было проведено социологическое исследование, посвященного изучению эффективности профильного образования, с точки зрения учащихся средней общеобразовательной школы №25 города Абакана. Было опрошено 87 учащихся, из них 44 девятиклассника и 43 одиннадцатиклассника.

Главной задачей опроса девятиклассников является анализ предпрофильной подготовки в МОУ СОШ №25 города Абакана. Так 15,9% учащихся 9 классов ответили, что предпрофильной подготовки в их школе нет, хотя таковая официально закреплена в положении о предпрофильной подготовке в школе №25. Одиннадцатиклассникам так же был задан такой вопрос. Не смотря на то, что они уже прошли стадию предпрофильной подготовки, они не смогли дать конкретного ответа по поводу ее существования.

Основным информационным каналом, по которому ученики получают информацию о профильном обучении в их школе, являются учителя. На втором месте среди девятиклассников являются старшие ученики, среди одиннадцатиклассников – родители. Относительно полноты информации – учащимся 11 класса информации вполне достаточно, а вот учащимся 9 класса явно необходимо большее количество часов, посвященных консультациям о содержании профильного обучения.

Что касается самого профильного обучения, то, по мнению одиннадцатиклассников, профильные классы от универсальных отличает, в основном, углубленное изучение отдельных предметов, что не совсем соответствует его основным функциям и задачам. Выбор профиля в большинстве случаев обусловлен соответствием будущей профессии школьников, с которой определились практически все. Что касается качества профильного обучения, то большинство респондентов удовлетворены обучением по профильной программе и оценивают его эффективности выше среднего.

Наиболее соответствующим всем параметрам оказался милицейский и социально-экономический классы.

В целом, по мнению учащихся 11 класса профильное обучение в МОУ СОШ №25 оценивается как эффективное. Однако были выявлены и существенные недостатки. Так, информационные каналы являются достаточно открытыми, но не несут того объема информации который необходим школьникам. Предпрофильная подготовка так же оценивается довольно низко: большинство школьников говорит о необходимости дополнительных консультаций, тестов по профориентации. Кроме того, как уже было сказано, около пятой части школьников вообще не знают о ее существовании, что, несомненно, является недоработкой администрации школы по внедрению

профильного образования в школе №25. Это так же является и противоречием, ведь положение о предпрофильной подготовке в школе имеется [2], но вот основные его пункты не выполняются. А так как предпрофильное обучение является основой профильного, то отсюда и проблемы в реализации программы профильного обучения и не выполнение им основных своих функций, зафиксированных в положении о профильном обучении на старшей ступени общего образования.

Однако основной проблемой, которую удалось выявить, является то, что школьники средней общеобразовательной школы № 25 не осознают важность профильного обучения. Не все учащиеся, при выборе профиля руководствуются объективными параметрами, часть из них делает свой выбор в пользу друзей и учителей, преподающих в данном классе.

Литература

1. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования [Электронный ресурс] // Вестник образования. – 2012. – №12. – URL: <http://academy.odoport.ru/documents/akadem/seminar4/profil.htm> (дата обращения 26.04.2012).
2. Положение о предпрофильном обучении в МОУ СОШ №25 г. Абакана Республики Хакасия.
3. С.В. Дмитриева. Индивидуализация обучения как способ повышения доступности и качества образования [Электронный ресурс] // Учительская газета. – URL: <http://www.profile-edu.ru/content.php?cont=415> (дата обращения 22.04.2012).

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К. Л. Чебыкина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

Осуществление духовно-нравственного развития и воспитания личности является первостепенной задачей современной образовательной системы. Среди путей ее осуществления предлагается приобщение к системе ценностей традиционных российских религий, изучение «Основ православной культуры».

Православная педагогическая культура складывалась в России на протяжении длительного исторического периода. Все учебные заведения Российской империи во второй половине XIX в. разделялись на высшие, средние и низшие. К разряду низших образовательных школ относились уездные и городские училища, а также «начальные училища разных наименований». Этих

«разных наименований» было свыше двадцати, и каждая отдельно поименованная школа ориентировалась в своей деятельности на особые законодательные акты.

Внутренняя структура начального образования, в свою очередь так же состояла из школ трех ступеней. К первой ступени относились одноклассные училища – большая часть земских и церковно-приходских школ (далее ЦПШ), школ городского самоуправления, приходских училищ. Срок обучения в них обычно устанавливался трехгодичный, в одноклассных ЦПШ – двухгодичный. Особым типом школ первой ступени были школы грамоты, срок обучения в них редко достигал двух лет, знания были самыми минимальными.

Вторую ступень начального образования составляли двухклассные училища: министерские «образцовые» училища, второклассные ЦПШ. Учебный курс первого класса двухклассных училищ был аналогичен одноклассной школе. Второй класс давал дополнительный курс начального образования.

Третью ступень начальной школы составляли многоклассные училища. К ним относились училища уездные и городские. Срок обучения в уездных училищах был трехлетний, а в городских – шестилетний. Из всех начальных училищ выход в среднюю школу давали только уездные училища.

Административная реформа, проведенная Александром II, – освобождение многомиллионного населения от крепостной зависимости – не могла не отразиться на деле просвещения. Народное образование переходило из подчинения одного ведомства к другому, от светской власти к духовной, создавались как церковно-приходские, так и земские школы. Однако, в 70-е гг. XIX в. развитие земских школ негативно начинает влиять на сложившиеся нравственно-христианские устои бытия, что проявлялось в нарастании народных волнений. Это является одной из главных причин усиления внимания к духовно-просвещенческой миссии Церкви, роли ее институтов в жизни общества. Законодательное оформление церковные школы получают в результате Высочайше утвержденных 13 июня 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах», цель – утверждение в народе православного учения и христианской нравственности.

С момента своего возникновения Енисейская епархия включала 170 приходов, подразделявшихся на 20 участков. К 1 января 1887 г. в епархии действовало 44 ЦПШ и 16 школ грамоты. Спустя десять лет насчитывалось 142 действующие школы.

Школы располагались при храме, иногда в отдельном доме, или в церковной часовне. Чаще помещение для школы нанимали. Это была одна или 2 небольших комнаты, в которых должны были заниматься 15-20 детей. К примеру, помещение школы села Лугавского было устроено на средства церковно-приходского попечительства, но при ежегодно увеличивающемся числе учеников помещение становилось крайне неудобным и теным[1].

Принимали в школу мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 14 лет независимо от этнической, конфессиональной и социальной принадлежности:

русские православные, автохтонное население, дети казаков, раскольников и другие. Так в Верхне-Усинской ЦПШ обучалось 16 детей раскольников[2], в Лугавской ЦПШ 2 ученика из еврейской семьи, 2 из семьи католиков[3].

Особенностью обучения было отсутствие возрастного деления классов: дети разного возраста занимались вместе. Учебный год, с учетом сезонных полевых работ начинался 1 октября и заканчивался 16 мая. Включал 200 учебных дней в год по 6 часов в день[4].

Церковно-приходские школы должны были дать детям основы православного учения и первоначальные полезные знания. Школьная программа была утверждена Святейшим Синодом. На изучение Закона Божьего отводилось 70 уроков, русской истории – 80, чистописанию – 200, диктанту – 100, чтению – 200, арифметике – 150 и грамматике – 50 уроков[5]. Сравнение учебных программ начальных школ Ведомства Православного Исповедания и Министерства народного просвещения доказывает необоснованность обвинений церковной школы в клерикализме. Предметы религиозного цикла в ЦПШ занимали столько же места, сколько и в светских.

Высшее управление церковными школами осуществлял Училищный совет при Священном Синоде. В епархии церковными школами управляли местные архиереи при посредничестве епархиальных училищных советов и их уездных отделений. Непосредственное наблюдение в приходах за школами было поручено назначаемым епархиальной властью окружным наблюдателям (2-7 чел.). Енисейским епархиальным училищным советом от 27 августа 1887 г. было учреждено создание Попечительного Комитета[6], под председательством окружного протоиерея, с приглашением в члены окружных исправников, помощников прокурора, земских и волостных старшин, а так же благочинных, главною задачей которого являлась забота о благосостоянии ЦПШ.

Таким образом, подтверждение законами страны права православного духовенства нести просвещение народу, объединение правительственных и социальных усилий в развитии церковно-приходских школ выступили основными условиями их деятельности. Предметы религиозно-нравственного цикла при обучении давали значительный воспитательный эффект и создавали образ благочестивого человека.

Литература

1. Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 270. Л. 133.
2. Там же. Л. 144.
3. Там же. Л. 132.
4. Там же. Л. 133.
5. Там же.
6. АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 281 а. Л. 105.

Раздел II Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

ВОЗМОЖНЫЙ МИР, В КОТОРОМ ТЕОРЕМА ГЁДЕЛЯ НЕ ДОКАЗАНА

Е. В. Глебов

Новосибирский государственный медицинский университет

Практически с момента публикации в 1931 году теорема Гёделя послужила основанием множества теоретико-методологических и гносеологических построений. При этом зачастую область интерпретации лежит далеко от арифметики и логики, для которых доказаны математические теоремы Гёделя. «В философии математики весьма значительное место занимает обсуждение так называемых философских следствий из важных математических результатов. Такого рода обсуждения ограничительных теорем Гёделя и Тарского заполняют журналы и книги, производя впечатление, что интерпретация математических теорем почти неизбежно следует из формулировки самих теорем» [1]. Более того, именно интерпретации в духе утверждения «любая система аксиом неполна» и следствий из этого утверждения, и считаются «Теоремой Гёделя». Независимо от того, к какой области относятся эти «аксиомы», или то, что автор интерпретации считает таковыми. Пик подобных интерпретаций приходится на 1970 – 1980-е гг., однако вплоть до нынешнего времени такие интерпретации широко распространены, включая учебники по философии, концепциям современного естествознания, теории аргументации и т.д. Таким образом, эта формулировка «Теоремы Гёделя» является важным фактором современного сциентоориентированного мировоззрения и источником множества гносеологических построений как философского, так и квазифилософского характера. В отличие от математической интерпретации такую формулировку можно именовать «метафизической теоремой Гёделя»

Однако, поскольку существуют сомнения не только в адекватности интерпретаций, но и доказанности собственно теорем Гёделя [2], мы имеем право рассмотреть возможность истинности утверждений, отрицающих расхожую формулировку «любая система аксиом неполна», или, во всяком случае, предполагающую возможность неистинности этой формулировки. В данной работе мы будем исходить из возможности истинности утверждения

«существуют аксиомы и следствия из них, которые образуют полную систему».

В этом случае допустимы суждения:

1. «не существуют аксиомы и следствия из них, которые образуют полную систему».

2. «существуют аксиомы и следствия из них, которые образуют полную систему».

3. «возможно, существуют аксиомы и следствия из них, которые образуют полную систему».

4. «возможно, не существуют аксиомы и следствия из них, которые образуют полную систему».

Первый и четвёртый варианты определяют общепринятую теорему Геделя в формальной и модальной логике. Второй и третий предполагают существование возможного мира, в котором истина достижима путём последовательных интерпретаций. Это возвращает нас к варианту старой марксистской теории приближения к абсолютной истине. Однако возможен и вариант постижения абсолютной истины путём интроспекции возможного мира, в котором реализуются языки истины и лжи [3]. В качестве примера рассмотрим 2 аксиомы. 1. Любое отрицание Бога – есть сатанизм. 2. Бог есть непознаваемое благо. Это канонические утверждения христианской теологии. Следовательно: Всё познаваемое благо – есть сатанизм.

Отсюда, как правило, делают вывод, что всякий стремящийся познать благо – сатанист. (В частности, таковы марксисты). Однако не всё так просто. Как известно, квантор всеобщности эквивалентен отрицанию существования противоположности. Проще говоря – «всё» - это тоже самое, что «обратного не существует». То есть: Не существует познаваемого блага, которое не есть сатанизм. Законен вопрос – а что, всё-таки, существует? Известно, если чего-то не существует, то МОЖЕТ существовать только противоположное ему. Актуализировать это потенциальное существование можно только указанием на пример реально существующих объектов этого возможного класса (семантика Крипке). То есть, если нам дано, что «Акулов не бывает» - то могут существовать тигры – но как минимум котёнка мы должны предъявить. Так вот, в окончательной форме Следствия из аксиом, кроме кванторов, у нас есть 3 понятия – познаваемое, благо, сатанизм. Соответственно, применив указанный аппарат, избавившись от всех лишних кванторов, мы можем сформулировать только три возможности существования, и для непустоты этих классов к каждой нужен пример из реальности.

Итак, вариантов три:

1. Если существует, то существует непознаваемое благо, которое есть сатанизм.

2. Если существует, то существует познаваемое неблаго, которое есть сатанизм.

3. Если существует, то существует познаваемое благо, которое не есть сатанизм.

Реальная сущность из класса 1: собственно теоретический сатанизм (обратите внимание, что вдобавок это и есть перевернутое определение Бога из аксиомы 2). Например, концепции избранной расы и/или религии, «золотого миллиарда» и т.п.

Реальная сущность из класса 2: практический сатанизм. Всяческие мерзкие деяния, например, любая тоталитарная секта.

Реальная сущность из класса 3: научное познание. Например, позитивистская теория познания.

Существенным для такого исследования является также методический принцип анализа фактов, как эмпирического обобщения информации о серии наблюдений, проводимых в соответствии с твёрдо оговорённой методикой. Дело в том, что, как правило, рассуждая о фактах, на самом деле имеют в виду неструктурированную грудку данных и сведений, называя именно это «эмпирикой». Информация есть взаимосогласованное кодирование фактов действительности. При этом согласование есть не процедура, организуемая взаимодействующими субъектами, а процесс, рассматриваемый как исторически сложившийся, и обуславливающий и процедуры согласования, и формы кодирования. Данные – информация, зафиксированная в квазистатистическую форму для долговременного хранения. В рассуждениях, зачастую даже философских, хранение как целевая причина фиксации свёртывается или даже отбрасывается. Всегда следует помнить, что информация – это процесс, и в этом смысле порождается и соотносится с понятием действительности тоже как процесса, информация функционирует в действительности как среде. Когда, пусть даже неосознанно, подменяют, в том числе уравнивают информацию и данные, получаются рассуждения о реальности как о статических результатах, то есть ложная объективность. Грубая ложность возникает, когда в данных цель хранения отброшена, мягкая – когда свёрнута. Когда информацию и данные путают и не проводят чёткого разграничения, их смешивают в произвольных комбинациях, получая вместо них сведения.

Таким образом, возможно существование семантических интерпретаций отсутствия теоремы Гёделя в реальном мире, который достаточен для существования возможности обнаружения абсолютной истины в исторических, философских, математических исследованиях. Если достижима реализация математической и метафизической теоремы Гёделя на физический мир, то возможны аксиомы, которые соответствуют абсолютной истине.

Литература

1. Целищев В.В. Математика и философия: технические детали и философские интерпретации. // Философия науки № 2 (13) 2002, Новосибирск, 27 – 43
2. Бессонов А.В. Мифы о теоремах Гёделя // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского конгресса. Том 1. – Новосибирск: Параллель, 2009. С. 127

3. Глебов Е.В. Философское значение логического анализа «расширенного семантического рая». // Современная логика: Проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы VII Общероссийской научной конференции. 20-22 июня 2002 г. СПб, 2002, стр. 226 – 228

ЯЗЫКОВЫЕ КАРКАСЫ Р. КАРНАПА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРИТИКИ В.А. СМИРНОВА*

М. И. Ниязова

Томский государственный университет

Одним из предрассудков неопозитивизма, а зачастую и аналитической философии, является положение о том, что строгости мышления, строгости анализа можно добиться, только прибегнув к тщательно разработанному формальному языку – «идеальному языку», языку логики. Интенсивное развитие логики в начале прошлого века только способствовало его укоренению. При помощи логического анализа предлагалось решать («устранять») даже самые фундаментальные проблемы – метафизические.

На наш взгляд, эти допущения слишком сильны, даже для логиков. Однако можно сделать ряд ограничений, например, отказаться от претензии на универсальность: на языке логики (язык логики предикатов первого порядка – М.Н.) невозможно сформулировать вообще всё, она не претендует на полное описание мира. Логический аппарат следует использовать при решении вполне конкретных вопросов (принцип прагматизма), и логика должна разрабатываться в соответствии с теми задачами, которые перед ней стоят. Нечто подобное предлагал австро-американский логик Рудольф Карнап, он называл это «принципом толерантности», в соответствии с ним нельзя говорить о какой-то одной правильной языковой форме, каждый язык «заточен» под что-то вполне определенное. Принципиально, что всем синтаксическим структурам позволено быть в логике, но только синтаксические правила должны быть чётко сформулированы.

Р. Карнап демонстрирует нам восприимчивость к конструктивной критике, что, вообще говоря, не всегда характерно для философов, и если аргументы оппонентов достаточно убедительны, то он пересматривает свою позицию, вносит в нее коррективы.

* Исследование выполнено в рамках государственного контракта №14.В37.21.0986 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России", мероприятие 1.2.1, проект "Семантическая недоопределенность и ее онтологические следствия в философии информации и коммуникации".

Основным произведением Р. Карнапа является «Значение и необходимость», где он излагает свой знаменитый метод семантического анализа, получивший название метода экстенционала и интенционала. Понятия экстенционала и интенционала являются экспликатами таких терминов как объём и содержание понятия соответственно. В логической семантике Карнапа экстенционалами могут быть не только отдельные «индивиды», но и абстрактные сущности, а именно классы и свойства. Молодой коллега и ученик Р. Карнапа Уиллард Ван Ормэн Куайн усмотрел в этом платонизм и стал настаивать на том, что нельзя бесосновательно «гипостазировать» эти сущности, следует доказать, что они «действительно существуют» [1.С. 68]. Карнап ответил на эти возражения в своей статье «Эмпиризм, семантика, онтология» (1950), где была сформулирована концепция языковых каркасов.

Чтобы продемонстрировать возможность строго научного подхода при допущении «существования» абстрактных объектов, Карнап предлагает уточнить понятие существования: существование в рамках определенного языкового каркаса или же «реальное» существование этих объектов вообще. Языковой каркас – это искусственный язык, подчиненный конституирующим его правилам. Онтологические обязательства относительно какого-либо рода объектов принимаются нами еще на этапе создания/выбора каркаса – при задании алфавита языка. Только тогда, когда задаются переменные, например, для абстрактных объектов, мы должны признать их существующими (разумеется, во внутреннем смысле).

Построение различных языковых каркасов позволяет упрощать формализованные языки, избегать изошрённых номиналистических построений. В этом состоит их главная практическая ценность этой концепции. Онтологические предпосылки влияют исключительно на принятие каркаса, но это влияние, опять же, не метафизическое, не теоретическое, а исключительно практическое. То есть «вопрос о допустимости объектов определенного типа или абстрактных объектов вообще как десингатов сводится к вопросу о приемлемости языкового каркаса для этих объектов».[2. С.315]

Вопрос о том, как соотносятся язык и реальность, заменяется на вопрос об отношении между языком и онтологией, которая этим языком «предлагается», которая задается при принятии этого языка. Таким образом, экзистенциальные суждения относительно определенных типов объектов будут являться аналитическими, ведь эти типы задаются при построении каркаса, а экзистенциальные суждения относительно индивидуальных объектов, будь то вещи или физические объекты (пространственно-временные точки), получают своё логическое значение при помощи эмпирического исследования (обращения к фактам). Но важно отметить, что утверждения существования отдельных индивидов, например, в каркасе для чисел, тоже будут аналитическими, ибо числовой ряд задаётся при помощи математической индукции. Тезис о том, что следует проводить дистинкцию между аналитическими и эмпирическими суждениями, – еще один спорный момент среди философов т.н. «прагматического поворота» в аналитической философии.

На наш взгляд, отечественное философское сообщество недооценивает вклад Р. Карнапа в современную философию. Об этом свидетельствует то, что основные его работы так и не были переведены на русский язык (в первую очередь, это «Der Logische Aufbau der Welt» и «Logische Syntax der Sprache»), а также то, что количество публикаций о нем оставляет желать лучшего. Впрочем, определенный «интеллектуальный отклик» в отечественной философской традиции идеи Р. Карнапа всё-таки получили. Наиболее заслуживающей внимания является критика концепции языковых каркасов со стороны основателя российской логической школы Владимира Александровича Смирнова.

Одним из главных следствий концепции языковых каркасов является элиминация онтологического вопроса (это вышеупомянутый «внешний вопрос») из сферы философии. Карнап объявляет его лишенным «познавательного значения». В.А. Смирнов категорически не согласен с этим тезисом. Идеальные объекты всегда в той или иной степени являются моделями действительности, степень определяется принятыми способами идеализации. И тогда «вопрос о принятии системы абстрактных объектов есть познавательный вопрос». В таком случае, очевидно, что «вопрос о «реальности» идеальных объектов есть вопрос о том, являются ли идеальные объекты моделями реального мира».

Литература

1. Макеева, Л. Б. Язык, онтология и реализм. [Текст] / Л. Б. Макеева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом высшей школы экономики, 2011. – 310, [2] с.
2. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике: Пер. с англ. / Общ. ред. Д. А. Бочвара. Предисл. С. А. Яновской. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с.
3. Смирнов В.А. О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р. Карнапа) // Владимир Александрович Смирнов / Под ред. В. Л. Васюкова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 367 с.

ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

А. Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН

В февральском номере «Journal for General Philosophy of Science» было опубликовано две статьи, очерчивающих перспективы развития общей философии науки. В обеих подчеркивается рост специализации исследований в области философии науки. Отмечается, что если в период Нового времени и в позитивистской философии основное внимание философов уделялось раз-

работке и обоснованию научной методологии, то сейчас нет подобной темы, объединяющей усилия философов.

Псилос [1] выделил три основных этапа, выделяющихся пониманием науки. Одно из них восходит к Аристотелю, предполагавшего существование единственного знания – эпистемы, отражающей глубинную структуру мира. Основой системы Аристотеля являлись метафизика сущностей и дедуктивная эпистемология.

Следующий этап Псилос связывает с кантианской рефлексией по поводу механики Ньютона. В основе системы Канта положены не индуктивный трансцендентальный метод, дающий синтетическое априорное знание, и идея единства науки. И.Кант развивал свою критическую философию имея в виду механику Ньютона.

Исторический поворот в философии науки Псилос связывает с именем П.Дюгема, рассматривавшего науку и эпистемологию как глубоко исторические процессы. Историческая эпистемология привела Дюгема к идеи роста научного знания, которую в дальнейшем оспаривал Т.Кун.

В статье Х.Раддера [2]*, подчеркивается возросший интерес постуновской философии к историческим деталям научной практики. Общая эпистемология науки, основные теории рациональности и современный научный метод были раскритикованы постмодернистами. Натурализованная эпистемология требует привлечение результатов когнитивных наук, поскольку обоснование процессов наблюдения и выдвижения теорий должны опираться на психологию. Кроме того, натурализация в целом имеет антиредукционистское направление и ограничивает применение общей философии науки в области частных наук.

Изменения касаются также и понимания облика науки. В философии Нового времени под термином «наука» понималась, прежде всего, физика. Общая философия науки при обсуждении многих проблем, касающихся отношения теории и эксперимента, рассматривала отношения развитых теорий, подобных математизированным физическим теориям, и высокотехнологических экспериментов. Таким образом, неявно понимание науки в философии ориентировалось в основном на физику. В современной философии науки сильны антиредукционистские настроения, которые, напротив, устремляют внимание философии на такие частные науки, как геология, химия, биология, психология и др.

Цитируемые выше статьи описывают общие тенденции, сложившиеся в западной философии науки. Насколько четко подобные тенденции прослеживаются на постсоветском пространстве? Тенденцию отказа обсуждать методологические вопросы следует признать общей, широкая критика позитивизма и уточнение ряда открытых вопросов имела место в 1960-е и заметно уменьшилась сегодня. Достаточно влиятельная на западе традиция обсуждать

* *Radder H. What Prospects for a General Philosophy of Science? // Journal for General Philosophy of Science. 2012. Volume 43, Issue 1, pp 89-92.*

проблемы научного реализма, вышедшая на философскую сцену в 1960-х и находящаяся на пике популярности еще двадцать лет спустя, в России была представлена достаточно слабо [3]. Программа натурализации эпистемологии была представлена более значительно, в частности, в Московском институте философии был образован сектор эволюционной эпистемологии, чья тематика, по-видимому, достаточно близка к натурализованной эпистемологии.

Достаточно широко представленными остаются направления философии отдельных наук: философия физики, геологии, биологии и др., тесня традиционные для нашей страны философию математики и логику. Но в целом, следует согласиться с Псилосом в том, что конститутивная наука как таковая является теоретической абстракцией, с которой мы работаем как философы.

Вопросы, формулируемые в рамках изучения данной теоретической абстракции, касаются достаточно традиционных тем исследования отношения математизированной теории и фактов, роли опыта и конвенции в научном познании, оснований рациональности и объективности. Таким образом, следует признать что хотя объект метафизики природы общий и не зависит от способа исследования, темы и методы текущих исследований исторически обусловлены.

Но в целом следует отметить падение интереса в нашей стране к рациональной философии и масштабное увлечение европейской континентальной философией, которая в свою очередь, не однородна и представлена целым спектром различных направлений. Таким образом, тенденция ухода от обсуждения общих тем философии науки прослеживается и в России, но характер философствования иной, во многом обусловленный значительным влиянием иррациональной философской традиции.

Литература

1. Psillos St. What is General Philosophy of Science? // Journal for General Philosophy of Science. 2012. Volume 43, Issue 1, pp 93-103.
2. Radder H. What Prospects for a General Philosophy of Science? // Journal for General Philosophy of Science. 2012. Volume 43, Issue 1, pp 89-92.
3. Юлина Н. С. Проблемы метафизики в американской философии XX века. М., Наука, 1976.

ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ И «ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ»

М. Н. Шалдяков

Томский государственный университет

Одной из самых актуальных и дискуссионных тем для современной аналитической философии является проблема следования правилу. Внимание к этому вопросу привлёк Сол Арон Крипке, опираясь на предложенную им

оригинальную интерпретацию философии позднего Витгенштейна, в первую очередь его «Философских исследований» и «Заметок по основаниям математики». Споры по поводу проблемы следования правилу, скептического парадокса и скептического решения не утихают с конца семидесятых годов и проходят как в историко-философской, так и в собственно философской плоскостях. Такое внимание к проблеме вызвано, во-первых, важностью правил (в том или ином виде) для всех областей человеческой деятельности, а, во-вторых, оригинальностью и, можно сказать, экстравагантностью идей высказанных Крипке, по всей видимости, не последнюю роль здесь сыграл и авторитет Людвиг Витгенштейна для аналитической философии. В данной работе мы намерены изложить свой собственный взгляд на эту проблему. Следует сразу отметить, что мы не принимаем позицию Крипке не в плане интерпретации Витгенштейна, не как собственно философскую позицию, а также считаем неудовлетворительным предложенное им решение скептического парадокса.

Мы считаем адекватным нашим целям вначале сформулировать ряд тезисов, а затем перейти к более детальному изложению нашей позиции.

Крипкенштейн соглашается со скептиком, а позиция Витгенштейна, напротив, не допускает скептицизма.

Крипке делает упор на роли сообщества, Витгенштейн на роли практики.

Апелляция к мнению сообщества не разрешает парадокс, она является стремлением к тому, чтобы «обойти» его. Скептическое решение скептической проблемы — это не решение, а отказ от решения.

Скептическая проблема, по сути, основана на бессмыслице, это бессмыслица даже очевидна (язык, математика и т.д. возможны, ибо существуют, и не всегда требуют согласия сообщества). Единственным корректным решением скептической проблемы может быть демонстрация этой бессмыслицы в явном виде. Аргумент к мнению сообщества применим к одному из крайних случаев нашей практики, распространять его на все существующее и возможные случаи правилоприменительной практики, значит редуцировать всё многообразие правилоприменительных практик к одному, весьма специфичному, их виду. А редуccionизм в отношении следования правилу означает редуccionизм по отношению к языку. Можно сказать, что здесь мы имеем дело с языковыми играми типа «понравься сообществу» или точнее «сделай так, чтобы большинство членов сообщества проинтерпретировало большинство твоих действий как согласующиеся с правилом ...». Этот подход можно назвать интерпретационизмом, а значит против него применима критика Витгенштейна, демонстрирующая, что «интерпретация повисает в воздухе». То есть мы мы полагаем, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» не ставит скептическую проблему, а критикует подход к языку, при котором интерпретация выполняет роль необходимого посредника между правилом и действиями в соответствии с этим правилом. Интерпретация связывает правило и действие «внешним» образом, напротив, такая связь должна быть внутренней, то есть грамматической. Вопрос об основаниях, в соответствии с

которыми мы следуем правилам, сводится к вопросу об основаниях для принятия того или иного языка. Бессмысленно задавать такой вопрос по отношению к естественным языкам: мы не выбираем принимать или не принимать (и если принимать, то какой) естественный язык в качестве первого, мы просто обучаемся ему, а значит его правилам или, что тоже самое, действуем в соответствии с этими правилами.

Крипке, стремясь показать, что наши предшествующие действия не могут быть основанием действий последующих, придаёт проблеме следования правилу темпоральный характер. Но для грамматической связи временной аспект совершенно неважен. Она действует всё то время, когда применяются правила, она действует в том числе и тогда, когда правило применяется в первые (понятно, что такой момент должен быть, а также, что никаких предшествующих ему применений этого правила быть не может).

Также следует отметить, что решение, предложенное Крипке, носит универсальный характер. Оно подходит для всех языковых игр, и в соответствии с ним для всех языковых игр должны применяться условия утверждаемости, а не условия истинности. Подобная претензия на универсальность, во-первых, противоречит одному из основных тезисов Витгенштейна, а, во-вторых, существующему положению дел. Витгенштейн самым явным образом отрицает возможность найти общий признак для всех языковых игр, Крипке пытается сделать это, когда приписывает им всем условия утверждаемости как необходимую черту. Кроме того, нам достаточно обратиться к разнообразию реальных практик для того, чтобы заметить, что для некоторых из них подходят условия истинности, а для других условия утверждаемости. Выбор тех или других условий зависит от выбора «формы жизни», в рамках которой мы действуем, в некоторых случаях у нас нет такого выбора.

Следует отметить, что мы ни в коем случае не претендуем на окончательное решение затронутых в статье вопросов, более того, мы не уверены в возможности подобного решение, а также считаем весьма сложной задачу по преодолению, закрепившемуся в философском сообществе представлению о проблеме следования правилу, которое мы считаем не вполне корректным. Тем не менее, мы считаем возможным и даже необходимым работу в этом направлении.

Литература

1. Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008 год.
2. Витгенштейн Л. Голубая и Коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008 год.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Астрель, 2011 год.
4. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Издательство Томского университета, 2005 год.

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ – ПРОДУКТ МНОГОМЕРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

М. М. Уткина

Сибирский федеральный университет

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 2012 № 12-03-00193а, проект «Когнитивно-информационный анализ общества знания»

Современное состояние социума, рассматриваемое как «общество знания», вызвало настоятельную потребность в переосмыслении феномена знания и его статуса. И речь идет не только о таких типах знания как обыденное, художественное, религиозное или даже мистическое, ибо соответствующие им типы познавательной деятельности никогда не определяли знание как самоцель. Наука же всегда определяла свой статус как «сферы по производству знаний». Какие новые веяния в этот ее статус привнес новый тип социальности, основанный на технологиях управления знаниями, информационными потоками и внедрении инноваций.

А.Л.Никифоров [1; 63], приводит ряд доводов в поддержку философско-научного определения знания, согласно которому «знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений». С этой точкой зрения можно согласиться, только если рассматривать научное знание как некое явление, существующее в одномерной реальности. Не спасает ситуации и дополнения В.Н Поруса об историческом и культурно обусловленном характере знания [2]. Это добавляет идею эволюционности и реляционности научного знания, но в целом картинка остается плоской. Современная действительность такова, что «плоский» мир – это идеальный конструкт, с полной элиминацией нелинейности. Реальный мир – это сложноорганизованная диссипативная система, в которой даже малое на нее воздействие может привести ее в новое состояние, при чем принципиально непредсказуемое и необратимое. Последствия этого очевидны - в обществе формируются различные дискурсы, которые выполняют функцию истинного знания. Любое знание, в том числе и научное это всего лишь правдоподобная версия интерпретации события. Каждый участник научного сообщества неявно становится носителем своего видения мира. Наличие этих миров подтверждается существованием несоизмеримых научных теорий, каждая из которых соответствует идеалам научной рациональности, то есть обоснована, системна, истинна (не на 100%) и интерсубъективна. Пожалуй, первыми, кто обратил внимание на это, были Т. Кун и П. Фейерабенд. «В духе концепции языковых игр они указывали на то, что конкурирующие и сменяющие друг друга научные теории дают разные и даже несовместимые определения одному и тому же понятию» [3; 9]. Таким образом, ученый, исследующий тот или иной фрагмент действительности, становится заложником информационных игр, создает образ (информацию - знание) действительности, правдоподобный только в его инерциальной системе.

Что есть «научное знание» сегодня? Прояснение понятия должно производиться из его принципиальной коммуникативной природы. Научное знание

всегда есть выражение действий коллективного субъекта. Оно не порождается индивидуальным субъектом (личностна только идея знания или «предзнание») и не принадлежит кому-то в отдельности. С одной стороны ученый, социализируясь, приобретает к научному сообществу, подверженному давлению парадигмы, а также в процессе образования становится носителем суммы знаний, полученных до него, то есть он как бы неявно вступает в ситуацию коммуникации с другим ученым.

С другой стороны коммуникативность есть способ преодоления несоизмеримости научных теорий, как ситуация установления взаимопонимания – консенсуса. Еще Л. Фейербах писал: «Идеи возникают только из общения, только из разговоров человека с человеком. Не в одиночку, а с кем-нибудь вдвоем, приходим мы к понятиям, приходим вообще к разуму. Два лица необходимы для порождения человека как в физическом, так и в духовном смысле: сообщество человека с человеком есть изначальный принцип и критерий истинности и всеобщности. Даже достоверность бытия других внешних мне вещей для меня опосредована достоверностью наличности другого человека, вне меня сущего. Что я вижу в одиночку, в том я сомневаюсь, только то, что видит и другой человек, становится для меня достоверным» [4; 133]. Л. Фейербах писал это, не подозревая об идее нелинейности мира и мышления, но придание его высказыванию многомерного звучания позволит приблизиться к пониманию и нахождению выхода из сложившейся ситуации. Научное знание есть продукт со-единения этих несоизмеримостей. И речь не идет о создании какой-то единой универсальной теории, описывающей и объясняющей мир как нечто однозначно данное. «Знания – результат коллективного осмысления суммарного опыта различных людей [5; 286]. Лишь получая выражение в языке, индивидуальные навыки и мнения становятся элементами общей субъективной реальности».

Таким образом, многомерный мир диктует нам и многомерное видение специфики существования научного знания.

Литература

1. Никифоров, А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы / А.Л. Никифоров // Эпистемология и философия науки. – 2009. - Т. XXI. - № 3. – С. 61-73.
2. Порус, В.Н. Теория «сходства» против «лингвистического поворота», или Блуждание в Хэмптон-Кортском лабиринте / В.Н. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2009. - Т. XXI. - № 3. – С. 77-80.
3. Волков, А. В. Коммуникативная природа научно-познавательной деятельности / А. В. Волков // Философия и проблемы гуманитарного знания. – 2009. - № 1. - С. 8-13.
4. Фейербах, Л. Основные положения философии будущего / Л. Фейербах // Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. – М. : Наука, 1995. – Т. 1. – С. 90-145.
5. Гусев, С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика / С.С. Гусев. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.– 352 с.

ПРОБЛЕМА «НАБЛЮДАТЕЛЯ» В СТРУКТУРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Г. С. Бакулин

Новосибирский государственный университет

В теоретическом аспекте современной квантовой теории стало уже традиционным употребление понятия «наблюдатель». Вопрос, связанный со статусом данного понятия имеет не физический, а философский (мировоззренческий) характер, поэтому его необходимо рассматривать в рамках философии физики. Вытекает же он непосредственно из вопроса об измерении в квантовой теории. Так, например, в традиционной интерпретации квантовой механики, «наблюдатель» представлен как то, что позволяет квантовому объекту проявить себя в «классической реальности». В некоторых подходах он включается в сами уравнения (Х. Эверетт, Ф. Лондон и Е. Бауэр), описывающие суперпозицию состояний. В других его значение доводится до положений о роли сознания в квантовых измерениях (М.Б. Менский). Это в свою очередь ведет к тому, что физические явления теряют свой объективный статус и нарушаются методологические принципы, на основе которых выстраивается физическая теория. Это говорит о том, что понятие «наблюдателя» является лишним в структуре физической теории, ведет к противоречиям осложняющих понимание теории и приводит к следствиям, которые уходят далеко за рамки физической теории.

Причиной появления «наблюдателя» в квантовой теории, как верно отмечает К. Поппер [Поппер, 1998] являются те методологические принципы, из которых исходит позитивизм. Если рассматривать структуру физической теории, то «наблюдатель» появляется уже на первом этапе ее построения, когда на основе методов наблюдения и эксперимента появляются опытные данные, которые через обобщение и выявления закономерностей образуют эмпирические законы. Понятие «наблюдателя» первоначально может входить в физическую теорию не явным образом, но основываясь на мировоззренческих установках позитивизма, с нашей точки зрения, это понятие проникает в состав принципов и гипотез, которые на основе эмпирических законов дают общие законы, составляющие основу физической теории. Таким образом, данное понятие становится ключевым и присутствует в теории в явном виде.

Так в копенгагенской интерпретации «наблюдатель» становится основной фигурой в описании экспериментальных ситуаций уже у Дж. фон Неймана, который ясно отметил, что под «наблюдателем» он имеет в виду не только измерительный прибор, но и человека, обладающего «субъективным восприятием». В ситуации квантового измерения Дж. фон Нейман делит мир на три части: I) наблюдаемый объект, II) измерительный прибор и III) «наблюдатель». Граница между субъектом и объектом измерения может быть проведена двумя способами: 1) либо между I(объектом) и системой II + III (прибор + «наблюдатель»); либо 2) между комплексами I + II (объект + прибор) и III («наблюдатель»). Таким образом, эта граница может произвольно смещаться.

Такой подход согласуется с постулируемой Н. Бором невозможности отделить поведение атомных объектов от их взаимодействия с измерительными приборами.

Если говорить об условиях появления «наблюдателя», то они имеются как в структуре самой физической теории, так и в особенностях самой квантовой механики. В данной работе рассматриваются условия связанные только с физической теорией, из которых мы выделяем два:

1) Эмпирические и теоретические обобщения имеют одинаковую формальную структуру, хотя содержательно они качественно различны. Так, например, они используют индуктивное обобщение и дедукцию, правила логики и математики.

2) Нельзя выделить резкой границы отделяющей наблюдаемое от ненаблюдаемого, т.е. нет явного перехода от эмпирическим к теоретическим понятиям [Карнап, 2008]. Это же затрагивает и теоретические и эмпирические законы, между которыми так же нет явного перехода.

Проникая в теорию за счет вышеуказанных условий и методологии позитивизма как причины, «наблюдатель» в концептуальном отношении может быть выбран в качестве тела отсчета, что связано с операционалистическим подходом. В самом же эксперименте он сливается с прибором, относительно которого фиксируются квантовые события. Но важно отметить, что система отсчета – это продукт и инструмент теории, в то время как «наблюдатель» не является следствием теории и не является универсальным [Бунге, 1975]. Кроме того что «наблюдатель» не являются первичными понятиями теории и не следуют из ее аксиом и постулатов, он не может являться и референтом физической теории [Бунге, 1975]. Кроме этого, с точки зрения методологии, в процессе познания важно само противопоставление субъекта и объекта, а не их слияние в одно целое. Это демонстрируется тем, что измерение это не явление природы, а операция связанная с техникой. Помимо этого, на наш взгляд способность субъекта «творить реальность в процессе измерения» связана с тем, что не проводится различие между понятиями объекта и объективной реальности. Объект становится таковым, вступая во взаимодействие с субъектом, в то время как объективная реальность подразумевает независимое от субъекта существование. Когда объект отождествляется с объективной реальностью, то изменения в объекте происходящие при взаимодействии с субъектом экстраполируются на реальность, которая приобретает статус вторичной в отношении субъекта.

Таким образом, понятие «наблюдателя» является лишним в структуре физической теории, ведет к противоречиям осложняющим понимание теории и следствиям, которые уходят далеко за рамки физической теории, которая должна быть теорией физических систем. Задача теоретической физики состоит в объяснении мира таким, каков он есть, независимо от нашего восприятия, поэтому формулировка закона должна быть универсальной и не зависимой от условий наблюдения.

Литература

Бунге М. Философия физики / Пер. Молчанова Ю. Б. - М.: Изд-во Прогресс, 1975.

Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки / Пер. Р. узавина Г.И. Изд. 4-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Попер К.Р. Квантовая теория и раскол в физике: Из постскриптума к «Логике научного открытия». - М.: Логос, 1998.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СЕТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ФИЗИКИ (СМПФ)

Е. А. Безлепкин

Новосибирский государственный университет

Методологический принцип – система, эксплицируемая через накопленное теоретическое и метафоретическое знания и функционирующая на всех уровнях физического познания, которая возникает в результате стремления-деятельности человека к познанию мира и накладывает функциональные ограничения на его познание и видение. Мир, таким образом, задается через практическую деятельность человека и оказывается теоретизированным.

Далее, метод – более общее образование. Методологические принципы детализируют метод.

Эпистемологический (структурный) анализ любого методологического принципа на синхронном уровне состоит из совокупности внутренней и внешней непротиворечивостей. Внутренняя – построение непротиворечивой структуры принципа, внешняя – построение непротиворечивой системы принципов самих по себе и взаимодействия между ними.

Ниже, в связи с анализом работ [1-4], представлена модель СМПФ.

Верхний уровень составлен с опорой на анализ принципа унификации из работы [4]. Средний уровень составила часть схемы из статьи А. Л. Симанова [3]. Связующий принцип – принцип всеобщей универсальной связи. Нижний уровень составила схема из монографии А. Л. Симанова, А. Стригачева [2]. Связующий принцип - принцип сохранения.

Таким образом, получилась интегральная СМПФ. В центрах уровней находятся три принципа, которые мы назвали первичными, или порождающими, что говорит об их сущностной связи. Это первая группа. Вторая группа – связующие принципы: всеобщая связь и сохранение. Третья группа – все прочие принципы.

1 объяснение

2 простота	3 унификация	4 математизация
	5 всеобщая связь	
6 причинность	7 наблюдаемость	8 связь состояний
	9 сохранение	
10 соответствие	11 симметрия	12 относительность
	13 дополнительность	

Таким образом, внешний анализ МП может состоять в перечислении совокупности непосредственных связей исследуемого МП с сопряженными ему. Далее попробуем обрисовать эти непосредственные связи.

1. *Верхний уровень.*

1-2 Сущностный аспект: объяснение должно быть максимально простым.

1-3 Объяснение должно отвечать тенденции к объединению всех полученных ранее знаний.

1-4 Формальный аспект: наглядное объяснение строится на принципе аналогии, математическое объяснение в этом смысле оказывается более фундаментальным (так, квантовая механика не может быть объяснена наглядно, а только математически).

2-3 Сущностный уровень достижения единства картина мира на основе понимания единства мира.

3-4 Формальный уровень достижения единства картина мира на основе общности математического языка.

2-5 Принцип всеобщей связи в этом смысле – это принцип единства мира. Сущностное единство знаний.

3-5 Единство картины мира (унификация) возможно при условии всеобщей взаимосвязи явлений и единства мира.

4-5 Приложилось математического языка к принципиально разным явлениям мира подчеркивает его единство и всеобщую взаимосвязь явлений.

2. *Средний уровень.*

5-6 Всеобщность причинной взаимообусловленности явлений; идея детерминизма.

5-7 Принцип наблюдаемости требует связи основных теоретических понятий с опытом.

5-8 Принцип всеобщей связи на чувственно не воспринимаемом микроуровне.

6-7 Принцип причинности только тогда имеет смысл суждения о явлениях в мире опыта, когда в качестве причин и следствий в конечном счете оказываются лишь наблюдаемые факты.

7-8 Фиксирует момент устойчивости в изменении.

6-9 Без действия причины состояние объекта сохраняется (например, силы, приложенные к телу, выводят его из состояния движения по инерции).

7-9 Частное: теоретические конструкции наблюдаемых величин должны подчиняться уравнениям, инвариантным относительно калибровочных преобразований.

8-9 Стремление объекта сохранить свою индивидуальность.

3. *Нижний уровень.*

9-10 Соответствие указывает на необходимость сохранения, поскольку оно может выступать в форме преобладания (существование инвариантных элементов в процессе познания).

9-11 Каждый закон сохранения однозначно соответствует той или иной симметрии уравнений (теорема Нетер).

9-12 Принцип относительности говорит об инвариантности (сохранении) физических законов.

10-11 Частное: соответствие при предельном переходе от группы Лоренца к группе Галилея.

11-12 Ковариантная форма записи уравнений (инвариантность соответствующих уравнений по отношению к некоторому семейству преобразований (группе симметрии)).

10-13 Любое описание природы основано на использовании представлений, введенных и определенных классической теорией, на чем основан, например, предельный переход от СТО к классической механике.

11-13 Единство противоположных пространственно-временного и энергетически-импульсного описаний объекта.

12-13 Отрицание возможности существования абсолютного прибора.

10-12 Утверждение противоположности абсолютному, отрицание возможности достижения абсолютной истины.

9-13 Трактовка смысла постоянной Планка как закона сохранения через корпускулярно-волновой дуализм.

Важно отграничить МПФ от собственно принципов физики, вроде принципа постоянства скорости света или принципа квантования механических величин.

Принципы физики связаны с так называемыми метаоснованиями науки. Метаоснования – это постулаты о структуризации внешнего мира, которые мы выражаем через философские категории, такие как: материя, пространство, время, движение и так далее.

Таким образом, построенная нами сеть методологических принципов физики должна способствовать дальнейшему методологическому анализу как научных теорий, так и самих принципов в аспекте внутренней и внешней непротиворечивости.

Литература

1. Методологические принципы физики. – М.: Наука, 1975.

2. Симанов А. Л., Стригачев А. Методологические принципы физики: общее и особенное. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1992.
3. Симанов А. Л. Опыт разработки системы методологических принципов естественнонаучного познания – I // «Философия науки», №1 (9), 2001.
4. Безлепкин Е. А. Обоснование методологического принципа унификации в теоретической физике // «Философия науки», №2 (52), 2012.

История философии в новом интеллектуальном контексте

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВ ВО ВЗГЛЯДАХ Д. ЛОККА

А. С. Конов

Кемеровский государственный университет

Джон Локк излагает свои мысли о гражданском и политическом в своем труде именуемым как «Два трактата о правлении». Известно, что Д. Локк, считал, что каждый индивид рождается свободным, имея полный набор прав и свобод естественного закона, в той же мере какими обладают и другие люди родившиеся на земле. И по природе этих прав индивид не только охраняет свою собственность, жизнь, например, но также, и судить тех людей, кто заслуживает по его убеждению наказание за правонарушение.

Политическое общество по мнению Дж. Локка : «Ни одно политическое общество не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления всех членов этого общества, то политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом». То есть полномочия по разрешению правовых вопросов среди людей, состоящих в данном обществе, а также по наказанию преступников отдается обществу, которое в свою очередь формирует орган по решению данных проблем. Исходя из данного предположения, ученый выделяет две категории людей[1;310-311]:

те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться, и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе;

те, кто не имеют такого общего судилища, я имею в виду – на земле, все еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, когда нет никого другого, сам является судьей и палачом.

Мы видим, что Д. Локк включает в понятие общество гражданское комплекс всех норм и взаимодействий индивидов с нормами, а так же между собой, наличие организаций осуществляющих жизнедеятельность, а общество политическое – это общество, которое опосредованно властными органами, включающими в себя органы законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти и граждан, что обращаются к органам власти, тем самым взаимодействуют с ними. Необходимо подчеркнуть, что политическое общество одно из необходимых сообществ, для поддержания правопорядка и безопасности в гражданском обществе.

Дальнейшее повествование в его работе определяет механизмы взаимодействия гражданского и политического общества с государством. Первый – это механизм доминирования в решении вопросов правового характера. Государство получает власть от граждан устанавливать наказание кои применяют за различные нарушения, совершенные индивидами состоящими в данном обществе и, в свою очередь, какие нарушения того заслуживают. Также сюда включается наказание за ущерб, нанесенный любому из его членов любым из тех, кто не входит в это общество. Взаимодействие индивидов в рамках данных организаций, а также их создания и позволяет говорить о нахождении в гражданском обществе. Базой такого общества служит законодательная власть, отданная на управление коллективного органа, например, парламента.

По мнению Дж. Локка социальная организация гражданского общества основывается именно на том, что: «каждое отдельное лицо стало наравне с другими, самыми ничтожными людьми подданным тех законов, которые оно само как член законодательного органа установило; точно так же никто не мог по своей собственной власти избежать силы закона после того, как этот закон был создан»[1;316]. Не нарушая законы гражданского общества, мы будим в нем состоять, а если мы перейдем черту закона, тогда, согласно законодательной базе, нас постигнет наказание вне зависимости от статуса и местоположения, которое мы занимаем в обществе. То есть механизм доминирования включает в себя принцип верховенства закона данного общества.

Второй механизм – это некий аспект целостности структуры гражданского общества, а также правило выживания для политического общества, ведь если нет согласия большинства, то вся законодательная база является, по меньшей мере, эфемерной посылку, поскольку законы не будут отвечать интересам гражданского общества как нечто целого. Итак, механизм согласия, подразумевает то, что движет любым индивидом при формировании гражданского общества По мнению Дж. Локка – это большинство, вернее согласие отдельно взятого большинства, составляющее гражданского общество, именно согласие определяет «вектор движения». То есть, при отсутствии согласия большинства, мы не только констатируем отсутствие своеоб-

разного «вектора движения» политического общества, а также отсутствие гражданского общества, либо их дробления на более мелкие составляющие по консолидационным интересам. Таким образом, утверждает Дж Локк, единственное, что могло дать начало законному правлению в мире: «все совершается посредством одного лишь согласия на объединение в единое политическое общество, а это и есть весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими» [1;319]. То есть данный механизм является основанием любого политического общества и его составляет – это согласие любого количества свободных людей, способных образовать большинство, на объединение и вступление в отдельно взятое общество.

В заключении говоря о механизмах взаимодействия необходимо отметить, что данные механизмы являются взаимозависимыми, олицетворяя сущностную структуру организации гражданского и политического общества, однако они не являются единственными, которые участвуют во взаимодействии гражданского и политического общества.

Литература

1. Локк Дж., Сочинения: В 3 т./Пер. с англ. и лат. Т. 3/Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988.— 668[1] с: ил., 1л. портр. – (Филос. наследие).

ВЕЩЬ В СЕБЕ КАК МНИМОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ОНТОТЕОЛОГИИ

М. Ф. Литвинов

Воронежский государственный университет

Немецкая классическая философия – один из основополагающих периодов становления философской мысли, «достигшей» предельности логической полноты своего выражения. Вот почему к немецкой классической философии можно подходить исходя из различных ракурсов, всегда в итоге, как это принято теперь замечать после хайдеггеровской деструкции классической метафизики, сходящихся в единой точке онтотеологии. Однако, несмотря на кажущуюся простоту узнавания в философских изысканиях немецких классиков темы «забвения бытия», единый философский корпус преемственной проблематики немецкой классической философии всегда был внутренне раздран разнонаправленными ориентациями мысли утвердить и тут же снять зависимость «мышления» от вне-положенной ему реальности. Начало этому напряженному сосуществованию положил коперниканский переворот Канта, позволивший впоследствии вобрать открывшуюся скептическому взгляду бессмысленность вещей самих по себе. К сожалению, эта трансценденталистская зависимость от не-представляемого внешнего, так и не был подхвачен мыслью преемников Канта, воспринявшей его скорее как вызов, нежели как

свой исток. Но сам факт борьбы окрепшего до абсолютного идеализма с чуждостью и абсурдностью сферы «не-Я», представленный в стремлении найти эту предельную логическую форму выражения всеобщей субъективности, подспудно свидетельствует о непрекращающемся противостоянии этих вышеозначенных ориентаций мысли. Раскол в стройную череду дискредитирующих друг друга идеалистических учений, свойственный не в меньшей степени и панлогистической системе Гегеля, о чем можно судить хотя бы по материалистическому его прочтению Марксом, внес и поспособствовал его эскалации именно Кант своей критикой идеализма.

Итак, узловыми точками рассуждения об онтотеологии немецкой классической философии являются «вещь сама по себе» и планомерно отвоевывающий у нее пространство теоретического выражения всеобщий субъект. Содержательно немецкая классическая философия представляется здесь не просто как пронизанная идеей «высшего сущего», но именно как вершина онтотеологичности мысли, нашедшей во всеобщем субъекте адекватное и цельное свое выражение.

Исходя из современного неприятия модернистской онтотеологии, которой, конечно же, проникнута мысль и немецкого Просвещения, стоит отметить, что в итоге, требования философии всеобщей субъективности открыть механизмы, посредством которых наше сознание подступилось бы к пониманию космологической универсальности, оказались затруднением классического европейского рационализма погрязшего в горделивом обожествлении одинокого субъекта. Немецкие классики «создали культ Субъекта и Я в смысле трансцендентальных основ этого Субъекта и Я» [3, с. 263]. В этом разоблачающем, а в пределе децентрирующем абсолютность «Я» прочтении немецкой классической философии вновь заявляет о себе контроверза того, что чисто условно может быть названо созерцанием и спекуляцией, или – противостояние дополняющих друг друга фигур Канта и Гегеля: Канта – как критика рациональной психологии, космологии, теологии; Гегеля – как мыслителя, сумевшего представить кантовскую вещь в себе как «простое явление».

Выступая критиком эмпиризма и догматического рационализма (которые, как это показал Делёз, не столь уж различны в утверждении целей, руководящих человеческим разумом, либо из естества, либо из божественной предустановленной гармонии), Кант в своей философии трансцендентальной субъективности верен принципу «эмпирического реализма», как впрочем, и силе разуму. Однако, аргументация Канта против идеализма не ослабляет последний, но наоборот упрочивает его позиции. Оплотом этого эмпирического реализма у Канта выступает вещь сама по себе (трансцендентная нам позитивность самоидентифицированного «плоского» по Мерло-Понти внешнего бытия: такое понимание вещи самой по себе делает обвинение Гегелем Канта в излишне нежных чувствах к вещам достигающим цели). Любая же вещь, будь она хоть сколько в себе, предстаёт как объект намерения, в случае кантовского критического идеализма – недостижимого предела познания. «Его

в-себе вытекает из движения; но хотя понятие движения и противопоставляется объекту, движение своей однозначной откровенностью утверждает последний, наделяет его значением» [2, с. 22]. Если бы кантианская данность вещи самой по себе не содержала бы ничего от утверждающего её движения, она была бы в принципе невозможна для-себя. Критические замечания Готлоба Эрнста Шульце по поводу критической философии объективности существования вещей в себе здесь как нельзя кстати. Следовательно, онтология, как форма трансцендентальной теологии, выводящая первосущность из одних только трансцендентальных понятий, имплицитно утверждает себя не столько в послекантовских попытках нейтрализовать вещь в себе (субъективным или абсолютным идеализмом, или же – антропологическим материализмом), сколько уже и в кантианской философии. Как и в случае инверсии, законодательно, утверждающей идеализм (только из порядка мира мы можем дедуцировать непреложность сущностей), в трансцендентальной философии Канта заявляет о себе скрытая зависимость абсолютного и неизменного порядка трансцендентальных условий от порядка самого мира: «то, что представляется нам как формирующее Природу, само должно с необходимостью подчиняться принципам того же рода (или, скорее, тем же самым принципам)», что и принципы, управляющие ходом наших рассуждений» [1, с. 157]. Будущая тотальность спекулятивной мысли онтологии в итоге впервые заявляет о себе.

Литература

1. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делёз. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 480 с.
2. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас; ЦГНИИ ИГИОН РАН. – М.-СПб.: Университет. Книга, 2000. – 416 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

ИСТОРИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО (П. РИКЕР «ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ЗАБВЕНИЕ»)

А. Б. Аникина

Институт философии и права СО РАН

Вопросы, поставленные перед теорией познания в рамках постмодернистской критики рационализма, все еще вызывают споры в гуманитарных науках. Суть данных вопросов можно свести к отрицанию существования референциальной связи между внеположенной субъекту реальностью и теориями, описывающими положение дел в этой реальности

И раньше высказывались сомнения в возможности познания прошлого, так как оно не доступно нашему непосредственному восприятию. Но с провозглашением мира «игрой языка», история лишилась даже той реальности,

которая становилась недоступной, безвозвратно уходя в прошлое. Объект исторического познания воспринимается постмодернистами как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой, тем самым, и источник, и труд историка сделались результатом художественной деятельности. История стала неотличима от вымысла.

Георг Иггерс, историк и теоретик историописания, так сформулировал актуальную повестку для исторического познания: «Сегодня задача состоит в том, чтобы найти такое решение в рамках исторической теории, которое соединило бы модернистское представление об «истине» и постмодернистскую приверженность «интерпретации», чтобы осознать литературность исторических изысканий и, тем не менее, не свести их полностью к вымышленности» [Iggers 125]. Первые шаги на пути синтеза двух противоположных подходов уже сделаны. Мне бы хотелось рассмотреть в этом отношении труд французского философа Поля Рикера «Память, история, забвение». Рикер предлагает свое решение проблемы, чем история отличается от вымысла: он акцентирует внимание на том, что история «становится репрезентацией прошлого, — коей не может быть вымысел, по крайней мере, по заложенной в нем интенции» [Рикер 265]. Таким образом, ключевым в разрешении означенной проблемы оказывается понятие репрезентации.

Применительно к историческому познанию Рикер использует понятие «репрезентация» в трех значениях:

1) как способность памяти хранить образ отсутствующей вещи, осуществляя тем самым воспоминание как ре-презентацию ранее воспринятого;

2) как «приоритетный объект объяснения/понимания в плане формирования социальных связей» [Рикер 330], который позволит реализовать проект «тотальной истории»;

3) репрезентация как фаза историографической операции, когда исследование историка завершается публикацией книги или статьи, которая, таким образом, представляет обществу и результаты этого исследования, и события прошлого.

Такая многозначность отнюдь не является недостатком определения, но воплощает в себе подход и метод Рикера. Такой подход предполагает определение понятия с учетом разнообразных его словоупотреблений, не только путем простой их конъюнкции, но, скорее, во взаимопересечении и взаимной поддержке различных его смыслов. Именно единство трех указанных значений понятия «репрезентация» позволяет истории быть репрезентацией прошлого. В концепции Рикера такая конструкция гарантирует, что в процессе исторического исследования мы представляем именно то, что «было на самом деле». Во-первых, хотя исторические свидетельства, как и индивидуальные воспоминания человека, не являются точным и однозначным отражением событий, тем не менее, «у нас нет ничего лучшего, чем свидетельство и критика свидетельства, чтобы подтвердить историческую репрезентацию прошлого» [Рикер 393].

Во-вторых, репрезентация как объект исследования позволяет получить представление о социальных связях и механизмах и обо всем, что составляет «ткань» социальной реальности. В концепции Рикера главным объектом изучения исторической науки являются «люди во времени». Так как люди – существа социальные, то их идентичность определяется и проявляется именно во взаимосвязи с другими. Эти взаимосвязи управляются социальными механизмами, которые не описаны как таковые ни в одном источнике, но мы можем судить о них лишь по их проявлениям, которые только и могут быть тем или иным образом зафиксированы в источнике.

Адекватность интерпретации свидетельств в некоторой степени проверяется, а в некотором смысле и обеспечивается построением нарратива, изложением результатов труда историка в связном тексте. Это представление о репрезентации как операции письменного репрезентирования по замыслу Рикера, снова сближает историю и память. Точно также мы выстраиваем доступные нам воспоминания, соотнося более ранние моменты с более поздними, устанавливая между ними логические или воображаемые связи, и таким образом получаем связное представление о событиях своей жизни. История производит те же операции, опираясь не на воспоминания, а на свидетельства, превращаясь в «научную наследницу памяти» [Рикер 331].

Таким образом, то, что раньше служило аргументом против возможности познания прошлого, Рикер обратил в то, что единственно только и обеспечивает возможность исторического познания. Пусть свидетельство является результатом художественной деятельности – это единственное, что позволяет нам судить о прошлом; пусть историк пользуется воображением, создавая нарративы – но это то, что позволяет придать связность и наглядность историческим изысканиям; события прошлого более недоступны нам, но никто не может сделать так, чтобы их никогда не было.

Мы понимаем (как и сам Рикер), что данная концепция имеет ограничения. По-прежнему остается спорным вопрос того, на чем основана наша уверенность, что репрезентация является именно представлением о некоей реальности. Применительно к индивидуальным воспоминаниям Рикер оставляет этот вопрос без ответа, называя его «маленьким чудом узнавания» [Рикер 66, 689]. В истории же «чудо узнавания» не имеет аналогов, и потому Рикер утверждает, что этот разрыв между прошлым и нашим знанием о нем никогда не будет полностью преодолен [Рикер 689].

Литература

1. Iggers G. A search for a post-postmodern theory of history) // History and Theory 48 (February 2009).
2. Рикер П. «Память, история, забвение», М., «Издательство гуманитарной литературы», 2004.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НАУКИ Р. ИНГАРДЕНА

Е. А. Тимощук

Владимирский филиал Нижегородского государственного
лингвистического университета

Р. Ингарден – ученик Э. Гуссерля, основателя философского учения феноменологии. Феноменология – это учение о предпосылках всякого мышления. Вследствие того, что в феноменологии делается упор на исследовании актов сознания, онтологическая тематика у Гуссерля не имеет самостоятельного значения. Оставаясь на феноменологических позициях, Р. Ингарден восстанавливает бытие, проводя тончайшую демаркацию природы социокультурных объектов. Одним из типов социокультурных объектов выступают научные представления. Наука в данной статье понимается как специфическое общественное явление, чья устойчивость поддерживается направленностью сознания участников контактной группы.

В сочинении «Спор о существовании мира» Р. Ингарден вступает в дискуссию с Э. Гуссерлем в отношении зависимости мира от сознания [1]. Ингарден исходит из того, что с позиции трансцендентальной феноменологии невозможно установить существование независимого от сознания мира. Любые попытки сказать что-то о мире не прибегая к сознанию обречены на неудачу. Так феноменология заводит себя в тупик в вопросе о существовании мира. Ингарден полагает, что решить это противоречие можно лишь выйдя за пределы феноменологического метода. Поэтому он разделяет философию на онтологию и метафизику и переводит проблему существования мира в область метафизики. Онтология есть чистая философия, посредством которой мы открываем и устанавливаем необходимые связи между идеальными качествами благодаря интуитивному анализу содержания идей. Онтология Ингардена ставит вопрос не о наличном существовании, а о возможном существовании, а также о необходимых условиях существования различных объектов.

Р. Ингарден является сторонником многослойной онтологии. Он в четыре основных сферы бытия:

- 1) абсолютное (стационарное);
- 2) идеальное (вне времени);
- 3) реальное (темпоральное и, вследствие этого, бесконечно дробное, делимое и нечеткое);
- 4) чисто интенциональное (вневременное или кажимо временное).

Абсолютное бытие – это бытие Бога, который существует постоянно и независимо от всего [2]. Идеальное бытие присуще научным объектам. Это число в математике (в том числе и отрицательное число, $\sqrt{-1}$); точка, линия в геометрии; идеальный газ, идеальный кристалл, абсолютно чёрное тело в физике; справедливость, честь, совесть, истина в праве. Теоретическое познание построено на оперировании идеальными объектами. «Электрон остав-

ляет след в камере Вильсона», «большая печька Вселенных», «кипение физического вакуума», «торможение кварков» – так интерпретируется физическое явление в некоторой довольно символической модели.

Реальное бытие – это существование наличных вещей, доступных чувственному познанию. Интенциональное бытие есть существование социокультурных объектов, порожденных проективностью сознания, потребностью в самовыражении, идентификации (художественные произведения, этническое, религиозные убеждения).

Наука получает материал из реального бытия (эмпирические факты), а также идеального бытия (теоретические установки), обрабатывает результаты исследования в поле идеального бытия и стремится воплотить результаты исследования в реальном бытии.

Ингарден различает 4 вида онтологической зависимости: 1) зависимость обособленной вещи от другой для поддержания своего существования, 2) генетическая зависимость, когда одно от другого зависит в своем происхождении, 3) зависимость в своем существовании и качественной определенности от другого, 4) полная зависимость, когда одно сосуществует с другим как полное целое.

И научные и социорелигиозные объекты имеют сходные зависимости: они имеют своим источником сознание и зависят в своей качественной определенности от работы сознания. Однако поскольку наука и религия имеют разные цели, которые в самом общем виде можно определить как инструментальную и экзистенциальную, идентичность этих объектов хранится разными социальными средами. Демаркация религии и науки идет на пользу поддержанию их самождественности.

Идеальные объекты науки не нуждаются в точной материализации, более того, она невозможна (идеальный газ, число, линия). Попытка физикализации идеальных объектов вызывает улыбку: «Я знал, что $\sqrt{-1}$ нисколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, -2, -3, и $\sqrt{-1}$, и $\sqrt{-2}$, и $\sqrt{-3}$. Где есть один человек и другой, естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и -человека, и -2 людей, и -3 людей и n-людей = $\sqrt{-m}$ людей... Мы взяли $\sqrt{-1}$ и сели в нем за стол...» (В. Хлебников. Скуфья скифа. 1916).

Однако наука не может отказаться от идеальных объектов. Юристам необходимы понятия объективности, истинности, справедливости, хотя никто не может найти в природе эти объекты. Без идеальных объектов математики, геометрии невозможна архитектура, информатика, современное естествознание.

Наука сегодня вынуждена учитывать онтологическую неоднородность. Социальное памятование уже не может уже осуществляться через универсальность, общезначимость. Существование культурных ценностей и смыслов продолжается в разнородных художественных, религиозных и иных группах [3].

Многослойная онтология Ингардена позволяет оценить особый статус социокультурных объектов, отказаться от редукционизма по отношению к ним

[4]. Их существование определяется индивидуальным и коллективным сознанием и поэтому помещается в особый экзистенциальный модус. Так, чтобы для верующего православного существовала икона, должна быть не просто расписанная красками доска. Существует нематериальный фактор сознания, на основании которого принимается или не принимается икона как существующий в духовном статусе объект. Это зависит, в частности, от её сакрализации. Более того, икона должна продолжать служить посредником между человеком и Богом. Если, допустим, икона попадает в музей, она перестаёт существовать для верующего в своём духовном статусе, но не перестаёт существовать как физический объект и как произведение искусства.

Таким образом, социокультурные объекты в феноменологии Р. Ингардена обладают двойственной зависимостью: с одной стороны, они зависят от физических носителей, с другой – они порождены интенциями общественного сознания, которое является определяющим в поддержании их устойчивости. Интенциональная природа социокультурных объектов делает их онтически хрупкими.

Литература

1. Ingarden, R. *Spyr o istnienie swiata*. 3 vols.. 3rd critical ed. Danuta Gierulanka ed., Warszawa, 1985.
2. Ingarden R. *Times and Modes of Being*. Illinois, 1964. P. 157.
3. Ingarden R. *Ontology of the work of art*. Athens, Ohio, 1989. P. 259.
4. Ingarden R. *Ontology of the work of art*. Athens, Ohio, 1989. P. 260.

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Т. Ю. Седыченко

Новосибирский государственный университет

Исходная позиция классического холизма заключается в следующих положениях:

Целое больше суммы своих частей.

Целое – носитель законов, свойств, качеств, которых нет в его частях.

Части могут быть познаны только через целое.

Приоритет целого по отношению к частям в онтологии, гносеологии, аксиологии, методологии.

Таким образом, целое, во всех положениях холизма противопоставлено его же частям; вместе с тем, как состоящее из частей, целое всегда делимо, следовательно, не существует иначе как совокупность своих частей.

Соотнесем основные положения холизма с постулатами Спинозы:

1. Субстанция (целое) – есть нечто большее (в количественном и качественном отношении), чем сумма модусов. «Субстанция по природе первее

своих состояний»[1: 254], и «Все, что только существует, существует в Боге» [1: 263].

2. Свойства, качества, законы действия субстанции отличны от свойств, качеств, законов отдельных модусов. Вместе с тем, согласно Спинозе «все, что происходит, происходит по одним только законам бесконечной природы Бога» [1: 267].

3. Модусы познаются через субстанцию и друг через друга: познание вещей есть бесконечное познание бога.

В физическом мире вещей целым является любое тело (явление, идея). Его целостность нарушается, когда оно лишается какой-либо части. Эта часть либо разрушается, либо становится частью другого целого. В этом случае часть должна познаваться не только через одно свое изначальное целое, а также как часть других всевозможных целых. Часть (модус) всегда есть модус субстанции. Однако в физическом мире как один модус порождается другим модусом, так первый может рассматриваться не только через порождающий его, но и через любой другой (любое другое целое), к которому может быть причастен. Исходя из этого, часть всегда многофункциональна, преобразует свои свойства и качества, согласно «правилам» того целого, в котором находится. Поэтому часть не может сводиться только к своему изначальному целому.

4. Приоритет субстанции по отношению к частям в онтологии, гносеологии, аксиологии, методологии Спинозы заключается в том, что философ понятием субстанции охватывает всю совокупность всего, что составляет универсум, то есть все свойства, качества, связи, законы действия, которые присущи самим вещам. Вместе с тем, понятие субстанции он и противопоставляет ее же, субстанции, конкретным модусам, тем самым как бы отделяя ее от вещей, рассматривая отдельно. Если рассматривать субстанцию как равную сумме целостных частей, то в этом случае каждая конкретная часть, в отличие от, так сказать, «узкого» холистического понимания (см.выше), рассматривается во всех своих возможных качествах, свойствах, связях, видоизменениях и законах действия.

Таким образом, во-первых, целое не может быть отделено от его частей, т.к. субстанция имманентна всем вещам; субстанция сама по себе неделима в том смысле, что она не может быть разделенной на две или более части, каждая из которых - самостоятельная субстанция. Видимые конечными модусы есть ее проявленные модификации, для удобства называемые нами частями, так как по Спинозе «части <материи> различаются только модально, а не реально»[1: 266]

Вводя понятие целостной части, необходимо рассмотреть также концепцию целостности Я. Смэтса, выявляя, между тем, существенные отличия его «философии целостности» от классического холизма. Позиция этого автора заключается в следующем:

1.Целостный объект не состоит из отдельных, то есть абсолютно обособленных, частей. Концепция целостности рассматривает объект как цельный,

неделимый, в котором часть не является отдельной физической частью, входящей в состав целого.

2. Целостная сложная система развивается из целостности простейшей и становится носителем свойств, качеств, которых не было у исходной микро-системы (эволюционная концепция).

3. Целостный объект познается через внешние и внутренние свойства, качества, и др.; составляющие системы через взаимосвязи и взаимозависимость образуют целостный мир.

4. Приоритет целостности над целым – неделимости над делимым.

Так как в системе Спинозы выделяются т.н. «части» - модусы, не соответствующие в полной мере рассматриваемым в классическом холизме и отсутствующие у Смэтса, будем понимать эти «части» как относительно целостные.

Итак, специфику холизма Спинозы можно охарактеризовать следующим образом:

1. Единство совокупности частей (модусов), обладающих относительной целостностью, составляет целое (субстанцию).

2. Части, обладающие относительной целостностью, – носители свойств, качеств и т.д., которые характеризуют целое.

3. Часть, обладающая относительной целостностью, познается через внешние взаимосвязи и внутренние свойства, качества и т.д., т.к. все эти явления есть проявление субстанции.

4. Часть (модус), обладающая относительной целостностью, не сводится только к более обширному, или порождающему целому, но может быть сведена к возможным другим целым.

Целостная часть целостна во всех внутренних и внешних проявлениях, независимо от того целого, в котором она находится, и ее свойства, качества, законы действия преобразуются в зависимости от данной конкретной целостности. Целостность может увеличиваться и уменьшаться, нарушаться и воссоздаваться. Так, целостность человека как модуса субстанции способствует его самосохранению, нарушение целостности (например, пассивный аффект у Спинозы) ведет к его уничтожению/самоуничтожению, что будет рассмотрено в дальнейшей работе.

В таблице ниже приведены основные рассмотренные положения, а также аксиологические, методологические принципы, о которых мы считаем важным упомянуть.

	Онтология	Гносеология	Аксиология	Методология
Холизм	$\mathbf{Ц} > \sum \mathbf{Ч}$ (СБ $>$ \sum М)	Ч через Ц (М через СБ)	Ценность Ц (ценность СБ)	Целое - анализ-синтез
Целостность	$\mathbf{Ц} \geq \sum \mathbf{цЧ}$ (СБ \geq \sum цМ)	Ц через цЧ (СБ через цМ)	Ценность цЧ (ценность цМ)	Анализ цЧ (анализ цМ)

Редукционизм	$\text{Ц} = \sum \text{Ч}$	Ц через Ч, Ч через Ч	Часть и целое равнозначны	Анализ и экстраполяция
--------------	----------------------------	-------------------------	------------------------------	------------------------

Ц – любое целое, Ч – часть этого целого (собственная или входящая извне), цЧ – относительно целостная часть; в скобках приведены аналогии из философии Спинозы: СБ – субстанция, М – модус субстанции, цМ – модус, понимаемый целостно (во свех возможных свойствах и пр.), как относительно целостная часть.

Литература

1. Спиноза Б. Сочинения: В 2т. Т.1. – СПб.: Наука, 2006. – 489 с.
2. Новейший философский словарь. – Мн.: Изд-во М. Н. Скаун, 1999. – 896 с. (ст. Холизм).

ЧТО ТАКОЕ ПРОТО-СТРУКТУРАЛИЗМ?

А. С. Нилогов

Хакасский технический университет
(Абакан, Республика Хакасия)

Прото-структурализм представляет собой восполнительное звено в цепочке «прото-структурализм – структурализм – постструктурализм» и посвящён изучению антиязыка и прото-письма. Традицию прото-структурализма основал Жак Деррида, когда ввёл понятие «прото-письма», обозначающего помимо системы всех различий (или различий, – *différance*) языка ещё и платоновскую модель естественного языка как такового, предзаданного человечеству в виде констант и универсалий, развёртывание которых может не обязательно совпасть со смертью самого последнего из языков, а быть пролонгированным на примере антиязыка. Чтобы оправдать необъективируемый статус прото-письма (а иначе вся теория прото-письма не более чем «о-грамматология», то есть приблизительная наука о прото-письме), Дерриде необходима особая семиотическая система – антиязык, структура которого напоминает естественный человеческий язык, но позволяет избежать множества противоречий, включая в свой состав возможность номинации таких референтов, чья номинация проблематична или вовсе недоступна посредством естественного языка.

Прото-структурализм занимается изучением следующих дисциплин: 1) грамматология как наука о прото-письме, 2) антиграмматология как наука о прото-антиписме, 3) философия антиязыка, подразделяющаяся на: 1) собственно философию антиязыка, которая исследует классы антислов, 2) философию антиречи в проблематике телепатического мышления – семиотика телепатии, 3) философию антиписьма, в рамках которого вырабатываются

способы фиксации анτισлов как на естественном языке, так и на естественном антиязыке.

Антиязык в узком смысле (анти)слова – это совокупность классов анτισлов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка. Антиязык можно сравнить с подводной частью айсберга, являющейся условием существования его надводной части – наличного языка, – причём под подводной частью мы понимаем в том числе и идеальную комбинаторность языка быть именно практически бесконечным инструментом создания языковых единиц, хотя обычно под языковой комбинаторикой понимается лишь механическое умножение сущностей – статистическим увеличением количества высказываний, что может быть признано весьма спорным, учитывая принципы «произвольности языкового знака» и «двойного членения».

В свете общей теории языка и общей теории антиязыка следует различать такие абстрактные образования, как естественный (обще)человеческий язык и естественный (обще)человеческий антиязык. Общее языкознание занимается первым, а философия антиязыка – вторым.

Прото-структурализм вопрошает об основаниях семиотического строения языка и антиязыка, последний из которых является условием как прото-письма, так и его последующих вариантов – конкретных языков. Понятие прото-структурализма возмещает те пробелы в грамматологии Дерриды, которые приводят к серьёзным прекословиям при рассмотрении гипотетической (по методологической установке Дерриды) науки о прото-писме сквозь призму автореферентности.

Деконструкционизм Дерриды венчает собой перформативную парадоксальность всей истории философии, оправдывая презумпцию перформативного парадокса с методологической точки зрения, – если то или иное общее утверждение не проходит верификацию на собственную автореферентность, подтверждающую её противоречивый характер, значит такое утверждение может быть признано истинным, поскольку перформативная парадоксальность предполагает изначальный статус общего высказывания, не подпадающего под действие автореферентности, – в противном случае – перформативный парадокс остаётся в зачаточном состоянии, отрицая тем самым свойство презумпционности. Прежде чем понять смысл тютчевского высказывания «мысль изречённая есть ложь», его нужно изречь, а уже затем приставить к презумпции. Перформативная парадоксальность лежит в основе прото-письма. Автореферентизация является восполнительным научным методом наряду с верификацией и фальсификацией. Терминологически равноправно можно употреблять как «автореферентная верификация», так и «автореферентная фальсификация».

Антислово – это номинатор-означаемое без означающего или с частичным означающим (например, при переходных явлениях между языком и антиязыком – название для трансцендентного числа π).

Антиязык представляет собой совокупность классов антислов, а вернее – названий для таких классов. В настоящее время лексикон антиязыка насчитывает свыше сотни классов, первым среди которых стал класс футурологизмов.

Класс футурологизмов всегда превышает весь наличный лексикон естественного общечеловеческого языка, поскольку такой класс невозможно полностью объективировать по модели Дерриды в прото-письмо как из будущего самого естественного языка (платонизм языка, опрокинутый в будущее, когда общечеловеческого языка уже не будет, а класс футурологизмов в виде необъективируемого прото-письма навечно сохранит свой онтологический статус), так и из будущего самого прото-письма, – но для этого уже необходимо прото-антиписьмо, или финито-письменность.

ОБРАЗ КОСМОСА И ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ НА РИМСКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЭТАПЕ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

М. В. Эйхгольц

Воронежский государственный университет

Обращение к римско-эллинистическому периоду античной культуры обусловлено его значимостью для становления традиционных в европейской философии представлений о социальности. На данном этапе происходит ряд коренных изменений мировоззренческого, политического и социально-экономического характера, что обуславливает иное, по сравнению с периодом высокой классики, восприятие и трактовку общества как специфической формы совместного бытия людей. Угасание полисной системы и становление империи явились причиной мировоззренческого кризиса. Одной из базовых характеристик полисной формы общественного бытия является специфическое восприятие полиса его членами: связанность с другими людьми здесь не только мыслится, но и переживается. Будучи проекцией космоса, полис дает человеку ощущение дома и освобождает его от мучительного поиска своего места в мире. Империя же с ее огромным географическим пространством, этнической разнородностью и централизованностью порождает в человеке ощущение неприкаянности. Несмотря на то, что власть некоторым образом персонализируется в лице императора, фактически она во многом приобретает черты анонимности. Каждый гражданин полиса знал его старейшин, видел их, слышал их голоса, был знаком с их характерами и историями жизни. Фигура императора, напротив, знакома абсолютному большинству граждан империи лишь опосредованно, через издаваемые им законы и, как следствие, становится абстрактным воплощением власти.

Такая деперсонализация власти и закона влекут за собой ряд изменений в традиционном античном мировоззрении. Меняется и характер философов-

вания на социальные темы: в философию проникают мотивы пессимизма и мировоззренческого кризиса, общество в значительной степени утрачивает самоочевидность, и, как следствие, приобретает актуальность вопрос об обосновании совместного и упорядоченного бытия индивидов.

Исходной точкой системы координат античного мировоззрения на римско-эллинистическом этапе по-прежнему остается космичность, однако изменения в общественно-политическом устройстве влекут за собой изменения в восприятии и трактовке космоса. Хотя космос и трактуется как «общий дом богов и людей» [1; 153], социальный порядок все меньше воспринимается как нечто «домашнее», свое; законы социума начинают пониматься в формальном аспекте, отделенном от живых человеческих переживаний.

Данная тенденция наиболее отчетливо обнаруживает себя в произведении Цицерона. В фокусе его философских интересов находятся категории права и закона, которые, по его мнению, пребывают в неразрывной взаимосвязи и дополняют друг друга. Характерно, что данные категории для Цицерона онтологичны и напрямую связаны с представлением о мире как разумном упорядоченном божестве. Человек включен в этот всеобщий порядок и относится к нему как часть к целому. В силу непосредственной причастности космосу человек наделен разумом – мыслительная способность является проекцией универсального разума: «Первая связь между человеком и божеством – в разуме... А так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом» [2; 96].

Следствием данной логики становится обожествление закона, в том числе и общественного: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное... Предполагать полную или частичную отмену такого закона – кощунство; сколько-нибудь ограничивать его действие не дозволено... и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем... На все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон...» [2; 64] Пафос этого рассуждения указывает на то, что категория закона для Цицерона, будучи воплощением божественного разумного порядка, обладает не только онтологическим, но и сакральным значением.

Таким образом, на римском этапе проблема обоснования общественной связи решается в рамках космичности, присущей античному мировоззрению в целом. Порядок человеческих отношений видится естественным продолжением и прямым следствием общемирового порядка. Однако данный этап представляет собой определенный качественный сдвиг в истории развития представлений о социальности как специфической форме связанности индивидов. С изменением образа космоса изменяются и представления об обществе: обширность территорий и этнографическое разнообразие Римской империи делает неуместным платоновский идеал всеобщей братской любви и заботы. Теперь в качестве объединяющего начала выступает безличный закон, унифицирующий мировой порядок.

Данная тенденция находит свое воплощение в феномене римского права, где понятие справедливости выводится из равноправия. Классик древнеримской юриспруденции Цельс-младший определяет право как «ars boni et aequi»[3] – науку доброго и равного. Это свидетельствует о том, что отношения в обществе больше не понимаются по аналогии с внутривидовыми (структура рода по определению подразумевает иерархичность). Априорное равноправие, напротив, подразумевает анонимность, абстрагирование от личных качеств индивида.

Таким образом, можно сделать вывод, что на римско-эллинистическом этапе исторического развития античности как целостного социокультурного феномена определяющим фактором в аспекте понимания социальности является свойственная античному мировоззрению космичность. В ходе античной истории представления о космосе видоизменяются, однако сама мифологема остается исходной точкой координат мировосприятия.

Литература

1. Цицерон. О природе богов, II, 155 // Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985.
2. Цицерон. О государстве. О законах // Цицерон. Диалоги. – М.: Наука, 1966.
3. Дигесты Юстиниана / Науч. ред. Л.Л. Кофанов и др.; Пер.: Л.Л. Кофанов и др. — Т. 1, кн. 1-4. – М.: Статут, 2002.

Социально-философские исследования

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЙ

А. В. Бутина

Институт философии и права СО РАН

В современной России все большее внимание к себе привлекают сообщества, формирующиеся вокруг экспертной функции – интеллектуалы и представители так называемого «креативного» класса. Растет популярность жанров экспертной оценки, политического и социально-экономического прогнозирования. Адресом обращений интеллектуалов, как правило, выступает политическая элита. Однако проекты профессиональных производителей идей, содержащие критику status quo, часто оказываются востребованными субъектами гражданской активности. Целью настоящего исследования является

попытка ответить на вопрос, чем обусловлено взаимодействие интеллектуалов и участников общественных движений, и каковы его результаты.

В основе определения интеллектуалов, используемого в настоящем исследовании, лежит дефиниция американского социолога Р. Коллинза: «интеллектуалы – это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи» [5, с. 62]. То есть идеи, которые верны или значительны вне какой-либо локальности, и вне зависимости от того, применит ли их кто-нибудь на практике. В аспекте гражданского участия интеллектуалами следует считать таких профессиональных производителей идей, которые аккумулировали символический капитал в области своей научной, экспертной или исследовательской деятельности, а затем конвертировали его в публичной сфере.

Объектами анализа в исследовании выступают случаи интеграции интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации, характеризующиеся успешной реализацией проектов; наличием отношений взаимной заинтересованности и формированием площадок для диалога. В числе исследуемых случаев: 1) сотрудничество интеллектуалов рабочей партии с синдикатом им. Хуана Монтальво (Эквадор, 1926-1944); 2) опыт интеграции интеллектуалов-католиков в движение против строительства ГЭС (Бразилия, 1979-1992 гг.); 3) деятельность «группы Сан-Анхел» и субкоманданте Маркоса в Сапатистской армии национального освобождения (Мексика, 1994 г.); 4) участие интеллектуалов в движении безземельных рабочих (Бразилия, с 1985 г. по настоящее время); 5) сотрудничество интеллектуалов из клуба «Опыт и будущее» с Комитетом защиты рабочих (Польша, 1979-1982-е гг.); 6) развитие центров публичной политики (Россия, 1990-е – нач. 2000-х гг.); 7) деятельность движения «Альтернативы» (Россия, с 1996 г. по настоящее время). Безусловно, это далеко не полный список, однако сравнительный историко-теоретический анализ перечисленных в нем позиций позволяет выявить ряд общих закономерностей, касающихся определения условий и результатов продуктивного взаимодействия интеллектуалов и субъектов низовой самоорганизации в типологически схожих условиях.

Отправной точкой анализа является микроситуация взаимодействия, представляющая собой интерактивный ритуал здесь-и-теперь общения интеллектуалов, лидеров и гражданских активистов, то есть установление отношений сотрудничества в результате личного контакта. По мнению Р. Коллинза, микроситуация взаимодействия «проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макросколько угодно большого масштаба» [5, с. 67]. Механизм взаимодействия состоит в том, что обстоятельства, сочетающие высокую степень сосредоточения внимания друг на друге, порождают чувство членства, связанное с когнитивными символами, и наделяют эмоциональной энергией отдельных участников, заставляя их испытывать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают нравственно верным. Так на собраниях приходских общин в 1970-1990-е гг. в Бразилии, организованных христианскими активистами, часто делили трибуну интеллектуалы и участники движений. В

России и Польше в качестве диалоговых площадок выступали академические кружки, домашние семинары, а с середины 1990-х гг. – школы гражданского образования и социальные форумы. Кроме того, исследуемые случаи представляют собой опыт продолжительного сотрудничества. Успех первого взаимодействия выступает фактором положительного подкрепления – обуславливает последующее обращение субъектов гражданской активности к интеллектуалам.

Анализ случаев также показал, что ключевую роль в движениях играют лидеры. Они участвуют в развитии сети сторонников и трансляции информации и убеждений, устанавливают личные контакты с интеллектуалами, выступают непосредственным объектом процесса замены обывательских установок фреймами коллективных действий. Чтобы мобилизовать участников движения, необходимо сформировать в сознании активистов определенный образ реальной ситуации и направить на участие в конкретных акциях, а также нейтрализовать оппонентов. Процесс динамики установок в ходе совместных интерактивных ритуалов можно разложить на ряд этапов: интеллектуалы, во-первых, способствуют осознанию того или иного социального факта как проблемы, во-вторых, обозначают причины и возможные сценарии развития проблемной ситуации и, в-третьих, определяют ключевые пути достижения желаемой ситуации.

В результате анализа случаев, можно заключить, что интеграция интеллектуалов в деятельность гражданских активистов оказала влияние на целый ряд аспектов развития практик низовой самоорганизации:

1. Формирование идентичности участников движений и их сторонников. Например, посредством публикаций в СМИ и публичных выступлений интеллектуалам удалось сформировать коллективную идентичность участников движения против строительства ГЭС и движения безземельных рабочих в Бразилии (1980-е гг.), определить их в качестве пострадавших от действий властей [8; 9].

2. Динамика установок гражданских активистов. Программа политического образования, развернутая интеллектуалами Пастырского земельного комитета с конца 1980-х гг., способствовала развитию политического сознания, коллективной воли, а также трансформации убеждений участников движений от фаталистических к ассертивным [10].

3. Агрегирование и артикуляция требований участников самоорганизующихся групп и движений.

4. Методы действия, формы и способы достижения целей. Интеллектуалы могут способствовать как радикализации методов достижения требований, так и, напротив, быть апологетами и агентами мирного лоббирования. В Мексике субкоманданте Маркос выступал одним из идеологов вооруженного восстания Сапатистской армии национального освобождения (САНО) 1 января 1994 г. в индейском штате Чьяпас, результатом которого стало подписание федеральным правительством первых «соглашений Сан-Андреса», предполагающих изменение мексиканской конституции и признание в ней прав и

культуры индейских народов, а также права на автономию и самоуправление индейских общин и населенных ими территорий. Однако, заслугой Маркоса является также последующая ориентация активистов САНУ на проведение консультаций с местным населением, а также ненасильственных акций давления на правительство с целью выполнения последним заключенным договоренностей [6; 11].

5. Развитие организационного потенциала субъектов гражданской активности. В исследуемых случаях роль интеллектуалов заключалась в мобилизации ресурсов субъектов низовой гражданской самоорганизации, важнейшими из которых выступают социальные ресурсы. Интеллектуалы в представленных случаях участвуют в аккумуляции организационных, информационных, а зачастую и материальных источников и резервов. Стоит отметить, что влияние интеллектуалов на разных этапах эволюции движений неодинаково, особое значение оно имеет на начальных стадиях, когда происходит формирование репертуара коллективных действий, интенсификация общения и развитие активистской среды.

В процессе интерактивных ритуалов интеллектуалы оказывают влияние на когнитивные установки лидеров движений. Безусловно, успех сотрудничества зависит от множества факторов, но значение профессиональных производителей идей заключается в развитии и поддержании символической сферы движения, в формировании установок коллективных действий и формулировании целей и стратегий для лидеров.

Литература

1. Братковский С. «Опыт и будущее» или в какой степени этот опыт может послужить будущему // Новая Польша. – 2004. – № 6.
2. Гуадараме Р. Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994-2002 гг. // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1.
3. Католицизм и свободомысле в Латинской Америке в XIX-XX вв. (Документы и материалы). – М., 1980.
4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002.
5. Сова О.Н. Сапатисты XXI века: этапы, концепция и методы партизанской борьбы в Мексике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3.
6. Becker M. Indigenous communists and urban intellectuals in Cayambe, Ecuador (1926-1944) // IRSH. – 2004. – № 49.
7. Ondetti G. Repression, opportunity and protest: explaining the takeoff of Brazil's landless movement // Latin American politics and society. – 2006. – № 48.
8. Rothman F. D., Oliver, P. E. From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979-1992 // Mobilization. – 1999. – № 4.

9. Starr A., Martinez-Torres M.E., Rosset P. Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimento sem terra // Latin American Perspectives. – 2011. – № 1.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КОНСЕРВАТИЗМ» И «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ»

М. В. Быховец

Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

На рубеже прошлого и нынешнего столетия термин «консерватизм» был одним из наиболее популярных как в среде политиков, так и исследователей. В наше время определять подобным образом свои политические пристрастия стало как то не «модным», да и интерес к исследованию консерватизма стал существенно меньше. Во многом это связано с политическими реалиями существующего президентства, курс которого был ориентирован на модернизацию, а поднятые в статье Д.Медведева «Россия, вперед!» [1] проблемы активно обсуждаются в экспертном сообществе вплоть до настоящего времени [2]. Одной из дилемм выявленных экспертами, является соотношение модернизационных процессов, во многом происходящих по линии вестернизации общества, с системой традиционных ценностей. В связи с этим термины «традиция» и «традиционализм» стали весьма востребованы, но их содержание зачастую остается весьма размытым. На наш взгляд представляется актуальным остановиться на проблеме их содержательного наполнения и соотношения с понятием «консерватизм».

Существует довольно большое количество определений традиционализма, которые представляют его как тип мировоззрения, ориентированный на прошлое, выступающий за сохранение традиций, признающий их роль и значение в социальной системе. Центральным понятием здесь, как видно из самого термина является понятие традиции. Поэтому на определении традиции стоит остановиться более подробно. Так В.Л. Абушенко предлагает следующее понимание: «Традиция – это универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах» [3, с. 724]. Э. Шилз: «Традициями являются верования, образцы и правила, вербализованные в большей или меньшей мере, но никогда полностью, полученные от предшествующего поколения в процессе непрерывной трансмиссии между поколениями» [4, с. 320-321]. Эти и другие определения фиксируют понятие традиции как нечто передаваемого из прошлого и присутствие механизма этой передачи. Но возникает закономерный вопрос, все ли наследуемое из прошлого является традицией и где критерии выявления традиции? Следовательно, необходимо развести понятия «традиция» и «насле-

дие», и выявить, как они соотносятся. В исследовании Е. Шацкого «Утопия и традиция» предлагается определить традицию как: «образцы ощущений, мышления и поведения, которые ввиду их действительной или мнимой принадлежности к общественному наследию социальной группы оцениваются её членами положительно или отрицательно» [4, с. 367]. Причисление того или иного образца к социальному наследию является необходимым условием для превращения его в традицию. В состав же наследия входят и элементы, не подлежащие какому-либо оцениванию, и элементы которые оцениваются, не потому что произошли из прошлого, а с точки зрения их положительных свойств. Следовательно, традиция часть наследия, которая оценивается данной общностью с позиций ценности его как принадлежности к прошлому. Происходит отождествление традиции с наследием данной социальной группы, в результате чего прошлое становится главной ценностью. Каждая вещь или явление признаётся положительной и отрицательной в зависимости от своего происхождения. И давность, и новшество рассматриваются как ценности абсолютно самостоятельные. Для принятия идеи и социального института достаточно суждения об их возрасте. Таким образом, традиционализм - это мировоззрение, которое освящает все наследие в целом, которое превращается в позитивную традицию, проникая во все сферы жизни. По отношению к традиции возможно три типа отношения: первый, это практически нерелексивное существование как бы внутри традиции. Здесь представляется уместным привести парадоксальное высказывание Р. Арона: «Традиционализм содержит в себе всегда своего рода противоречие. Если традицией называют образ жизни и мышление, унаследованный от предшественников, то традиция людьми скорее переживается, нежели осознаётся. Поскольку она очевидна, постольку никто ее такой, не представляет. Коллектив обнаруживает отличие своих обычаев и ценностей, сравнивая себя с другими коллективами. Тем самым он ослабляет свою традицию, которая уже не принимается без предварительного размышления над тем, откуда известно, что это традиция одна из многих. Традиционные общества не знают традиционализма, поскольку не знают своей исключительности» [4, с. 377]. Иными словами, лишь сравнение с другими вариантами построения социокультурной жизни или угроза разрушения существующего миропорядка, приводит к формированию двух типов отношения к традиции. Первый - противостояние ей и противопоставление некой иной системы ценностей и как альтернатива второй – когда из всего многообразия традиции выбираются отдельные элементы и теоретически обосновывается необходимость их сохранения и защиты. Из этих попыток рождается «идеологический традиционализм», по выражению Е. Шацкого, или более принято в научном сообществе определение, предложенное К. Мангеймом, «отрефлексированный традиционализм» [5], под которым и принято подразумевать такое явление как консерватизм. Таким образом, под понятием консерватизм, подразумеваются попытки теоретически обосновать и концептуализировать истинность неких базовых, исходных, наиболее значимых ценностей традиционного понимания

социальной реальности и доказать их актуальность для дальнейшего существования и развития общества. Но речь, не идет о неизменном сохранении всей системы традиционного общества, консерваторы со времен Э. Берка, признают необходимость реформирования, но настаивают на постепенности и продуманности тех или иных преобразований.

Таким образом, на наш взгляд, представляется не очень уместным определять свою позицию как традиционализм, не настаивая на сохранении всей системы ценностей и уклада жизни, что в реалиях отечественной истории последних десятилетий не представляется возможным. Если же мы выступаем за сохранение и необходимость учитывать при проведении реформирования неких определенных элементов социокультурной традиции (особенности менталитета, язык, мораль, художественную культуру, элементы общественно-политического устройства и пр.) более уместным, на наш взгляд, говорить о консервативной позиции. Что позволяет «реабилитировать» консерватизм как политическую ориентацию и вернуть исследовательский интерес.

Литература

1. Медведев Д. Россия, вперед! // Российская газета (федеральный выпуск). - 2009, 11 сентября.
2. Модернизация России: информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Костина. – М.: Изд-во МосГУ. – 2012. – 383 с.
3. Абушенко В.Л. Традиция // Новейший философский словарь, Минск, 1999. – С. 724-726.
4. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 455 с.
5. Манхейм К. Консервативная мысль / Диагноз нашего времени. [Пер. с нем. и англ. Левина М. И. и др.]. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. С. Воронина

Новосибирский государственный технический университет

Одной из актуальных проблем современного общества на сегодняшний день является проблема глобализирующегося социума. Глобализация, как процесс, связанный с природой человеческого общества, с идеей мирового единства, характерен всей истории, но наглядно он проявился в конце XX века. Сегодня понятие «глобализация» используется для обозначения исключительно широкого спектра социальных процессов и явлений: экспансии западной культуры во все регионы мира, появления и развития транснациональных корпораций, ослабления суверенитета национальных государств, роста международной торговли и усиления международного разделения тру-

да, роста миграционных потоков и формирования мультикультурных сообществ. Технологические, информационные, экологические процессы создания общемирового пространства давно перешагнули национальные границы государств, далеко опередив теоретическое осмысление, вызванных ими последствий в жизни человеческого сообщества.

В научной литературе исследуются разнообразные проблемы, связанные с феноменом глобализации. Благодаря постоянно появляющимся исследованиям, которые затрагивают разного рода аспекты этой проблемы, теория глобализации дополняется новыми идеями, тем самым развивается и совершенствуется. При этом определения термина глобализации, рассматриваемые различными научными дисциплинами, порой не только не являются взаимодополняющими, но даже противоречат друг другу. В связи с этим необходимо отметить, что такая непримиримость споров в области изучения глобализации свидетельствует о необходимости комплексного и внимательного ее исследования.

Специфика глобализации проявляется в том, что она, нося в целом общемировой характер, оказывает влияние не только на процессы, протекающие на макроуровне, но и самым непосредственным образом влияет на повседневную жизнь людей, меняя их систему ценностей, мышление, поведение, которое формируется в процессе постоянного контакта с представителями разных культур, а также под воздействием средств массовой информации. В результате мы наблюдаем, что происходит идентичная трансформация семейных, культурных ценностей в различных регионах мира, унификации стилей одежды, образцов моды и т.д. В связи с этим, российский ученый Г.Г. Пирогов с тревогой указывает на одно из основных противоречий глобализации, состоящее в том, что «вместо взаимного культурного обогащения происходит процесс культурной нивелировки по наиболее низким стандартам поп-культуры. Вместо разнообразных систем ценностей, присущих каждой цивилизации, происходит установление единой шкалы ценностей, где все измеряется деньгами и наживой» [1].

Следует отметить, что глобализация в ее нынешней форме актуализирует социально-философский критический анализ, проведенный предшествующей эпохой, особенно философами, писателями, которые исследовали суть «экономического человека», отсутствии духовности, как важнейшей составляющей межличностных отношений при капитализме. Обращение к этому анализу важно, поскольку глобализация в ее неолиберальной редакции явно или неявно исходит из безальтернативности и универсальности рыночного, капиталистического, потребительского общества, в котором человек мыслящий, чувствующий, верящий, любящий превращается в человека преимущественно потребляющего. В капиталистическом обществе, которое стремится стать эталоном, единственной моделью цивилизационного развития, экономические ценности глобализируются, а духовно-нравственные ценности оказываются периферийными. Обоснованность подобной характеристики человека связана с ролью рынка в формирующемся глобальном мире, его экономико-

центричностью. В новой глобализирующей реальности инструментом превращения человека целостного в человека одномерно-рыночного выступает экономическая глобализация, усиление роли рынка в мире. Так, согласно распространенной точке зрения в западной литературе, «глобализация – это процесс, в результате которого государство – центричные институты и условия жизни общества размываются в пользу структур отношений, возникающих между субъектами, действующими в подлинно глобальном, а не просто международном контексте. Финансово-экономическая глобализация рассматривается при этом как главная причина размывания позиций и институтов государства: извне - через факт существования и деятельность ТНК; изнутри – через объективно имеющее место усиление всех видов сепаратизма и сопротивления глобализации» [2].

Глобальные проблемы, обострившиеся в современности, являются, в первую, очередь закономерным результатом развития отношений между человеком и природой, итогом социального прогресса общества в целом [3]. Для решения глобальных проблем необходим серьезный научный анализ происходящих глобальных изменений с позиций той роли, какую глобализация играет в жизни человека и общества. Такой анализ поможет нам понять характер и направление изменений в современном обществе, помогая поставить диагноз общему состоянию мирового сообщества. А правильный диагноз – это залог успешного лечения.

Литература

1. Пирогов Г.Г. Стратегия глобализации в условиях цивилизационного многообразия мира // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002. – с. 225
2. Косолапов Н.А. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №11 – с. 5 - 6
3. Зарецкий В.М. Глобализация как тенденция развития человеческого общества // Международная научно-практическая конференция на тему: «Глобализация: исторические предпосылки, эволюция и перспективы для человечества» [Текст], 2012. – с. 113.

ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОНТРАБАНДЫ И СУДЬБЫ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ

О. А. Довгополова

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Память – странная вещь, даже если мы говорим о памяти индивидуальной, а не о коллективной. Она требует не только готовности носителя/носителей помнить, но и определенного горизонта, в котором то, что пом-

нится, встраивается в картину нынешнего мира. Если мы говорим о человеке науки, то контекстом его пребывания в памяти оказывается, в первую очередь, теоретическая, университетская традиция. Любопытно, что иногда именно память в контексте традиции играет со своими объектами в странные игры.

Образы исследователей, в силу разных причин находившихся в «пелене забвения», претерпевают метаморфозы. Оказывается, что возвращенная фигура «несколько отличается» от подлинной. Одним из теоретиков, обращение к наследию которого вызывает именно такие мысли, оказывается историк Перт Михайлович Бицилли (1879–1953), преподававший в Новороссийском (Одесском) и – после эмиграции в 1920 г. – в Софийском университетах. Стратегии помещения П.М. Бицилли в традицию (способ помнить исследователя) и являются объектом размышления автора данного текста.

Теоретическая позиция П.М. Бицилли делала его «невозможным» в советской исторической науке. Схожая ситуация наблюдалась и в Болгарии, где антимарксистская позиция историка стала причиной его увольнения из университета без пенсии (1948 г.).

Переиздание работ историка в 90-е годы XX в. вызывало у читающих ощущение дежавю – текст «Элементов средневековой культуры» [3] казался странной смесью знакомых исследований (от французских анналистов до А.Я. Гуревича). Между тем наиболее известные работы П.М. Бицилли издавались в период с 1916 («Салимбене» [2]) по 1925 («Очерки теории исторической науки» [1]).

Заметив, что многое в работах П.М. Бицилли было нам известно по другим источникам, мы подходим к определению сути феномена интеллектуальной контрабанды. Феномен интеллектуальной контрабанды в чистом виде обнаруживается в пространствах с выраженным идеологическим контролем. Контрабанда есть незаконное перебрасывание через границу определенных ценностей. В случае интеллектуальной контрабанды это ценности, запрещенные на данной территории. В ситуации невозможности цитировать напрямую источник, признанный «вредным», автор может попытаться проговаривать значимые идеи, не называя источник. «Протаскивать» идею запрещенного автора незаконно, контрабандно. Автор этих строк уже обращался к проблеме интеллектуальной контрабанды в контексте теоретического наследия П.М. Бицилли [4], поэтому здесь позволит себе конспективно изложить суть проблемы.

Говоря о вероятном контрабандном присутствии идей П.М. Бицилли в советской гуманитаристике, обратимся к изданной в 1972 г. монографии А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Как название, так и очень многие содержательные моменты монографий П.М. Бицилли и А.Я. Гуревича не просто перекликаются, но вызывают ощущение очень внятной отсылки. Знакомясь с «Категориями средневековой культуры» в студенческие времена, автор этих строк усматривал в книге трансляцию идей школы Анналов. Однако при сопоставлении хотя бы введений к «Элементом

средневековой культуры» П.М. Бицилли и «Категориям средневековой культуры» А.Я. Гуревича «контрабанда Бицилли» становится очевидной.

Отметив факт контрабандного присутствия П.М. Бицилли в советской исторической науке, попробуем представить себе, насколько феномен контрабанды оказывается действенным в восстановлении традиции. Публикация работ, которые были знакомы нам по контрабандным операциям наших предшественников, не оказываются достаточным условием для перезагрузки традиции. Те тенденции, которые были заложены в трудах П.М. Бицилли, пришли на нашу территорию в виде совсем других веяний. Поэтому зачастую и сегодня в книгах П.М. Бицилли прочитывается то, что известно по более «магистральному» направлению авторитетной французской школы. В результате в работах П.М. Бицилли прочитываются только Анналы. В этом контексте им пренебрегают как историком, якобы лишь наметившим то новое направление в медиевистике.

Законным оказывается вопрос – что удаётся пронести через частокोल идеологических запретов, а что не проходит и навсегда остаётся вне внимания и понимания вскормленных контрабандой? Ведь очевидно, что «недремлющее око» возможно обманывать только до определённого предела, чем-то неизбежно приходится жертвовать в героической попытке протащить ценность в запрещенное пространство.

П.М. Бицилли не предтеча Анналов. Он шире. Контрабанда не привела его в советскую науку, дошёл лишь маленький фрагмент. И вот в этом контексте возникает законный вопрос – а что же не прошло? И, если мы присмотримся к тому, что не прошло, не появятся ли у нас дополнительные ракурсы видения проблемы развёртывания научных традиций? Не может ли оказаться, что методологическая ценность изучения контрабанды как раз в рассмотрении того остатка, который контрабандным путём не проводится?

Память об исследователе вычерчивается странными линиями. В советское время П.М. Бицилли присутствовал в гуманитарном пространстве в виде контрабандного слепка на фоне официального портрета эпигона буржуазного позитивизма. В девяностые портрет историка, казалось, обретает контуры метра, которого вот-вот поставят в ряд других великих, как только переиздадут, изучат. В начале второго десятилетия XXI века странным образом фигура П.М. Бицилли начинает отсылать к феномену университета, к проблеме бытия гуманитария в разрушающемся мире, раскрываться в контексте обозначившихся в последние десятилетия направлений постмодернистской философии истории.

Литература

1. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. – 334 с.
2. Бицилли П.М. Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII в. – Одесса, 1916.

3. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры // П.М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 107-231.

4. Довгополова О.А. “Casus Бицилли”: феномен интеллектуальной контрабанды и судьбы научных традиций // Эсхатос-П: философия истории в контексте идеи «предела»: сб. статей. – Одесса : ФЛП «Фридман А.С.», 2012. – С. 203-225.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА*

А. М. Горбунова

Уральский федеральный университет

Исторический опыт развития общества наглядно свидетельствует о том, что все крупнейшие социальные преобразования, когда-либо проводившиеся, были успешны настолько, насколько в них ответственно и сознательно действовал человек.

Я считаю, в современном мире существует проблема сужения понятия «ответственность», которое включено в систему ценностей, обуславливающих как духовную, так и материальную стороны жизни человека и общества в целом. Ответственность в большей мере воспринимается лишь как ответственность за последствия действий. Но не стоит забывать, что ответственность является не только регулятором поведения человека, но и важнейшим показателем его деятельности во всех сферах социума.

Так как наше общество построено на связях между индивидами, где ключевым моментом является взаимодействие их, то можно смело сказать, что социальная ответственность играет роль определяющего фактора в поведении индивида. Все это составляет содержание исходных оснований социальной ответственности человека как личности и дает возможность раскрыть понятие социальной ответственности как многогранного социально-философского явления.

Социальная ответственность возникает тогда, когда поведение индивида, имеет общественное значение и регулируется социальными нормами.

И в заключении хочется сказать, что каждый из нас должен стремиться к ответственности! Чтобы общество стало более ответственным, нужно, на мой

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (XXXVI очередь – мероприятие 1.3.1, гуманитарные науки), проект «Национальное примирение в России, трансформации религиозных традиций» (Соглашение № 14.А18.21.0707)

взгляд, провести глобальную переоценку ценностей в сознании людей, с целью повышения авторитета данной социально-философской категории и улучшения качества жизни людей.

Литература

1. Аристотель «Сочинения: В 4-х т. Т.4./Пер. с древнегреч.; Общ.ред. А.И.Доватура.- М.:Мысль, 1984г.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984. № 1985. М.: Наука, 1986г.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

М. С. Палопеженцева

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Беспрецедентные в истории человечества информационно-коммуникативные возможности, присущие новому информационному режиму, явились тем фундаментом, на котором базируются все глобализационные процессы [3]. Это приводит к тому, что каждый человек, зачастую помимо своей воли, пользуется продукцией масс-медиа ежедневно: полностью ограничить себя от их влияния сегодня не представляется возможным. К фоновой информации можно отнести прослушивание радио в машине или в общественном транспорте, новостные блоки на поисковых сайтах или в электронной почте, авторские передачи или выпуски новостей на телевидении.

За последние десятилетия система средств массовой информации претерпела значительные изменения: и по набору функций, и по способам организации, и по возможностям общения со своей аудиторией. И на ее трансформацию повлияли не только технический прогресс и появление новых возможностей для массовой коммуникации и трансляции информации, но и изменения в социуме, который уже вошел в активный процесс глобализации и формирует свои предпочтения и интересы совсем в ином ключе. Так, современные средства массовой информации и органично взаимосвязанные с ними средства и каналы телекоммуникации в условиях информатизации и совершенствования информационных технологий консолидируются и образуют глобальную информационно - коммуникационную систему (ГИКС), кардинально изменившую базовые параметры информационной среды [3].

Исследователи выделяют два основных глобальных изменения системы СМИ: слияние технологий (перевод различных типов информации в цифровой формат) и конвергенция различных типов масс-медиа (обмен функциями,

универсальность каналов передачи информации, появление синтетических жанров) [2].

Также в число приобретённых характеристик СМИ следует отнести:

1. Стирание барьеров между различными каналами трансляции информации и формами ее существования;
2. Возможность глобального охвата аудитории единым контентом;
3. Быстроту прохождения информационных сообщений;
4. Интеллектуализацию информационной инфраструктуры.

В свою очередь общество, так или иначе состоящее из различных аудиторий разных СМИ, в силу глобализации влияющих на общественную эволюцию факторов приобрело такие черты как информационная проницаемость (прозрачность), информационная зависимость и информационная сенсibilизация (чувствительность к информационным импульсам) [3]. Современные технологии позволяют СМИ транслировать идентичные сообщения сразу огромному кругу людей, охватывая практически все мировое сообщество. Так как темы и факты, распространяемые средствами массовой информации, схожи друг с другом, происходит формирование общественного мнения о той или иной проблематике или о том или ином явлении действительности в масштабах всего мирового сообщества. Глобализация предполагает объединение, слияние, стирание различий между народами, обычаями, экономиками. И преодолеть территориальные границы и информационные барьеры помогают именно средства массовой информации, образуя особую информационную среду, которая является связующим звеном между разными общностями и системами.

Исследователи отмечают следующие признаки нового общества, которое вошло в информационное измерение: принципиальное изменение механизма восприятия мира, а также формирование коллективного сознания до уровня общечеловеческого [1]. Сегодня восприятие мира в основном формируется глобальными средствами массовой информации, которые с помощью информационных технологий и отбора фактов рисуют у аудитории иллюзию объективной реальности, что, как было рассмотрено выше, невозможно в принципе. Так как СМИ всего мира практически синхронно рассказывают о важных для мирового сообщества (которое также вовлечено в процесс глобализации и имеет общие интересы) событиях, многократно повторяя и дополняя свои сообщения, то можно сделать предположение, что при этом картина мира оказывается идентичной у огромных масс людей. Так, исследователи допускают возможность появления коллективного сознания всего человечества [1].

Делая выводы, необходимо отметить следующее. Средства массовой информации и процесс глобализации современного мира неразрывно связаны друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние. Так, СМИ являются одним из факторов или движущих сил процесса глобализации, составляя единое информационное поле, объединяющее в себе информационные потоки и массовое сознание. Глобализация же, в свою очередь, повлияла на

структуру и внутреннюю организацию самих средств массовой информации, которые не только имеют тенденцию терять уникальность, укрупняться и вливаться в состав мировых медиакорпораций, но и склонны к унификации технических средств и появлению синтетических жанров и форм работы. Коренные изменения претерпевает и общественное мнение, которое формируется на основе транслируемых в СМИ сообщений и превращается в коллективное сознание человечества.

Литература

1. Братимов О.В., Горский Ю.М., Деягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Деягина. – М.: ИНФРА-М, 2000.
2. Вартанова, Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ / Е.Л. Вартанова // Информационное общество. – 1999. – вып. 5.
3. Сляднева Н.А. Функция СМИ в обществе периода глобализации / Н.А. Сляднева. – Режим доступа: <http://misit.ucoz.ru/load/6-1-0-46>.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Современное социальное познание отличается усложнением своей структуры, нарастанием в нем тенденций междисциплинарности. История как наука, изучающая процесс становления общества, вынуждена соответствовать новым требованиям, предъявляемым к ней современностью. В настоящее время уже сами профессиональные историки говорят о неизбежности формирования нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить происходящие в мире перемены, критически преодолеть европоцентристскую перспективу и т.п. В данном случае, как отмечает Репина Л.П., одним из важнейших вопросов становится вопрос о том, «как меняется статус истории в системе научных дисциплин, какое место она занимает в системе ценностей современной культуры?»*

Чтобы ответить на этот вопрос нужно обратиться к современному эпистемологическому пространству исторической науки, а именно к вопросам о соотношении исторической науки и социальной памяти, о понятии когерентности в рамках теории историописания и проблеме объективности.

* Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39.

Что касается первого вопроса, то это обширная область исследований, которая образуется на пересечении непосредственно истории и социальной психологии. Понятие коллективной памяти, разработанное М.Хальбваксом, было поставлено им практически в антитезу к историческому знанию. Он считал, что память – это динамичный и живой контекст бытия социума, а история – всего лишь нечто наподобие склепа, где хранятся мертвые остатки прошлого. Родственные мысли звучат и в концепции «мемориальных мест» П.Нора. Однако, на наш взгляд, подобного рода выводы проблематичны. История и память находятся в сложном диалектическом отношении друг с другом. Прошлое реконструируется в историческом исследовании при посредстве механизмов изъятия определенного объема информации из достаточно аморфного содержания социальной памяти, после чего оно структурируется и оформляется в повествование. Эта написанная история так же становится гармоничной частью социо-культурного контекста своего времени, репродуцируя дальнейшие формы существования социальной памяти. Общество, как и отдельный человек, есть то, что оно помнит о себе. История в данном случае остается незаменимым компонентом выстраивания и поддержания самосознания социума, культурной и национальной идентичности.

Касаясь проблемы когерентности в истории, мы пришли к заключению, что в настоящий момент рассматривать историю как глобальный проект, который призван раскрыть некую единую логику либо самого исторического процесса, либо ведения исторического исследования, уже нецелесообразно. Когерентность – это, в первую очередь, свойство мышления, а не реальности. Прошлое слишком противоречиво и многообразно, чтоб быть заключенным в некую единую схему развития. Феномен фрагментации современной историографии (появление таких направлений как социальная история, микроистория, культурная история и др.) не представляет собой ничего разрушительного для корпуса исторической науки. Это ее адекватный ответ на требования современного гуманитарного познания, стремящегося охватить максимальным количеством методов и подходов всю сложную и многогранную картину социальной реальности. Никто не отрицает важности наличия определенных программ исследования в историческом познании, но они представляют собой необходимые методологические и дисциплинарные границы, в которые ставит себя сам исследователь, исходя из требований научной рациональности.

Что же касается проблемы объективности в историческом познании, то и здесь определяющим фактором является то, что классическое понимание этого понятия уже давно не является эпистемологическим стандартом. Как писал еще в начале прошлого века М.Блок: «Мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность – это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллек-

туальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне»*. Как бы парадоксально это не звучало, но понимание объективности как принципа познания на постнеклас- сической стадии развития науки существенным образом трансформирова- лось. Объективность приобретает диалектические черты, так как объект поз- нания не существует вне субъекта. Понятие объективности расширяется и специализируется сообразно со спецификой конкретной исследовательской области.

Итак, историческое эпистемологическое пространство становится обла- стью методологического и предметного синтеза всего корпуса общественных наук. Это обусловлено тем, что история, как одна из сфер социального поз- нания, ориентированная на изучение состояний общества в прошлом, впло- не правомерно может опираться на теоретический аппарат остальных социо- гуманитарных дисциплин, изучающих современность. Если позитивистская парадигма предполагала, что задача истории в сборе эмпирического материа- ла для остальных социальных наук, то теперь эти же науки выступают в ка- честве теоретического ресурса для исторических исследований. Здесь, конечно, нужно видеть и позитивные, но и негативные следствия. Позитивным можно однозначно считать уже упомянутую синтезирующую роль историче- ского познания, вполне успешно ассимилирующего теоретические достиже- ния всего блока социо-гуманитарных наук. Однако не стоит забывать и о том, что междисциплинарный синтез не должен обернуться «междисциплинарной историей», т.е. раздробленностью дисциплины на множество несвязных меж- ду собой областей исследования. Это на данный момент самая актуальная задача историографии.

О МОДЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Н. Н. Власюк, Б. О. Майер

Новосибирский государственный педагогический университет

В современных условиях резко возрастает значимость разрешения гло- бальных проблем, угрожающих существованию всего человечества. Многие из этих глобальных проблем появились и актуализировались к настоящему времени вследствие необузданной и неуправляемой экономической деятель- ности, по словам Дж. Сороса [1], «рыночного фундаментализма» современ- ного человеческого общества, безо всякой меры извлекающего природную ренту и увеличивающего антропогенную нагрузку на весь земной шар, что само по себе уже угрожает сохранению человеческой популяции. Среди воз- можных сценариев совершенствования общества в условиях естественных

* Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. – С.14.

природных ограничений особое место занимает концепция устойчивого развития как важнейший проект развития человечества в XXI в. При этом устойчивое развитие может пониматься двумя различными способами в соответствии с двумя проектами науки [2]: как искусственно управляемая социальная устойчивость (в метафизическом проекте науки) и как совершенствование общественных отношений (в диалектическом проекте науки).

Сам термин «устойчивое развитие общества» появился в рамках метафизического проекта науки как реакция управленческой и политической элиты общества на назревшие социальные проблемы в условиях прогнозируемых природных ограничений на пути развития экономики рыночного фундаментализма. И проведение Конференции ООН в Рио-де-Жанейро 12 июня 1992 г. свидетельствует об этом: «Приговором данному (европейскому) проекту науки предстают решения Конференции ООН на уровне глав правительств и государств... Она была посвящена защите окружающей среды и развитию цивилизации. Там же сформулирована концепция устойчивого развития общества, иногда, впрочем, понимаемая как концепция выживания западного мира за счет Востока, за счет России, за счет Юга и т. д. Тем не менее, решения конференции раскрывают комплекс негативных последствий для человечества от реализации либеральных программ в мировом хозяйстве, от либеральных притязаний и вызванных ими социальных конфликтов регионального, межконтинентального и глобального уровня... Результаты конференции, не укладывающиеся в систему западного проекта науки, чрезвычайно актуализируют поиски спасительного проекта науки, альтернативно господствующей ныне версии» [2, с. 6].

В рамках метафизического проекта науки до настоящего времени не существует определенности в понимании сущности устойчивого развития. Так, если к 1989 г. насчитывалось более тридцати определений устойчивого развития, то сегодня их число достигает ста. Определения отличаются друг от друга акцентом на различных локальных проблемах, таких как: сохранение биоразнообразия и природных ресурсов, равновесие между экономической деятельностью и состоянием окружающей среды, устойчивый рост экономики, справедливые отношения между поколениями, межрегиональная справедливость, качество жизни, культурные ценности и др., где и «справедливость» и «качество» могут пониматься и понимаются по-разному в зависимости от аксиологии авторов и принадлежности их мышления к тому или иному типу рациональности.

Например, одним из влиятельных направлений является направление «экопессимистов», считающих кризис в системе «природа–общество» непреодолимым. Такой позиции придерживаются У. Каттон, Н. Георгеску-Реген, Э. Ольсен. Так, предложенная в 1978 г. американскими учеными У. Каттоном и Р. Данлэпом Новая Экологическая Парадигма утверждает фундаментальную зависимость человека и общества от биофизической среды обитания: люди живут в конечной биофизической среде, которая налагает существенные ограничения на все виды деятельности.

Общим для подобных концепций является сопоставление глобальной экономической системы с живым организмом (экономический эволюционизм), особенно ярко проявившееся в концепции количественного роста как основной цели и как основного индикатора «развития» экономики, хотя количественный рост и не играет, как хорошо известно, главной роли в эволюции живых организмов или биологических систем. Более того, количественный рост (гигантизм), как правило, есть признак вырождения, снижения адаптивных возможностей живых организмов по отношению к возможным изменениям среды обитания [3]. При этом адептами неограниченного экономического роста забывается, что количественный рост даже с чисто математической точки зрения рано или поздно должен остановиться, причем с самыми неблагоприятными последствиями и что существуют фундаментальные различия между экономическим ростом (количественным) и экономическим развитием (качественным). Фактически игнорируется один из основных законов диалектического процесса о глубокой динамичной взаимосвязи и взаимном переходе количества и качества. Несмотря на то, что в основе генезиса концепции устойчивого развития находилась экологическая проблематика, понимаемая изначально в рамках метафизического проекта науки исключительно как снижение нагрузки на окружающую среду, дальнейшая логика развития с неизбежностью показала, что в анализе способов устойчивого развития нельзя ограничиваться только экологическими проблемами. Необходимо также включить в рассмотрение культурные, поведенческие, организационно-управленческие, наконец, духовно-нравственные особенности современного общества. В целом, в области осмысления направленности и содержания устойчивого развития можно отметить явные признаки дефицита духовной культуры и современного диалектического мышления, что во многом определяется состоянием системы образования, ориентированной сейчас в основном на технократическое мышление.

Как уже выше отмечалось, концепция устойчивого развития появилась в качестве ответа на вызовы, возникшие в результате многовекового развития метафизического проекта науки и связанной с ним либеральной экономики в форме рыночного фундаментализма. Хотя при этом рассмотрении социальных, экономических и экологических параметров в едином комплексе стало уже общепризнанным, тем не менее практически отсутствует понимание того факта, что современный глобальный кризис есть естественный результат предыдущего пути развития западного общества с присущим ему типом рациональности (западной, метафизической). Как следствие существующие критерии устойчивого развития формулируются, в основном, в рамках категорий метафизического проекта науки – управление обществом и экономикой по воли властной элиты, еще большего подчинения природы и общества воли управленцев, решение проблем одной части мира за счет других регионов и стран и др.

С другой стороны, устойчивое развитие возможно альтернативно рассматривать как смену состояний общества, каждое из которых на своем этапе

исторического развития характеризуется совершенством общественных отношений, понимаем как синергизм и внутри общества, и между обществом и природой. Здесь необходимо подчеркнуть, что без методологической четкости отнесения способов анализа проблематики устойчивого развития к тому или иному типу рациональности и соответствующему типу общества невозможно избежать эклектичности и ограниченности понимания встающих проблем.

Более того, сама логика развития современного общества (мировой кризис как результат метафизического типа рациональности) заставляет обратиться при анализе возможных путей дальнейшего устойчивого развития общества к диалектическому типу рациональности, к диалектическому пониманию самого устойчивого развития. В рамках диалектического типа рациональности общество устойчивого развития – это общество совершенствования общественных отношений на всех уровнях: хозяйственно-экономическом, политико-управленческом, культурном, образовательном, духовном и т. д., совершенствования отношений между регионами и странами, в конце концов, совершенствование отношений в мировом масштабе в гармонии и синергизме человека и природы.

В таком понимании концепция устойчивого развития становится человеко- и социально- ориентированной, направленной в будущее на сохранение социального и культурного разнообразия и совершенства, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов, а не на локальное латание проблемных зон современности. При этом достижение достойной жизни для всех граждан мира должно стать главной целью мирового сообщества в рамках устойчивого развития. Для устойчивого развития, понимаемого диалектически, в первую очередь необходимо создание более совершенного общества на всех без исключения уровнях человеческой организации. В глобальных масштабах необходимо также сохранить культурный капитал и культурное разнообразие, а также более полно использовать практику устойчивого развития, имеющуюся в недоминирующих культурах. В рамках такого устойчивого развития необходимо в корне изменить общественное и индивидуальное сознание человека с привычного либерально-рыночного, доминирующего потребительского начала на духовно-нравственное. Только тогда он может быть способен освоить совершенство общественной жизни и способствовать ее совершенствованию, вкладывать свое совершенство в совершенство общественной жизни.

Литература

1. Сорос, Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1996.
2. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода / Н. М. Чуринов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.
3. Лемм, С. Сумма технологий / С. Лемм. – АСТ, Terra Fantastica, 2006.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С. С. Православский

Воронежский государственный университет

В современных условиях продолжающейся методологической неопределенности в сфере социальной философии, порождаемой так до конца и не проясненным вопросом о теоретическом статусе наук об обществе или шире, *geisteswissenschaften* методологических споров XX века, происходит медленный, но неуклонный рост скептицизма относительно базовых, парадигмальных понятий. На данный момент под сомнение поставлены все теоретически и методологически значимые концепты социальных наук, начиная с самого понятия социального. Установка Э. Дюркгейма, согласно которой: «Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества»[2.с.14] в современной теоретической ситуации находится в незавидном положении, в силу дискуссионного характера содержания понятий «общество» и «сущность общества». «Социологизм» Дюркгейма, прочно утверждавший, в свое время, необходимость объяснять социальные факты, исходя из социальных фактов (что и мыслилось в рамках «принципа социальности»), не редуцируя социальную реальность к другим ее формам, был погребен под антипозитивистской критикой метода, и под феноменологической критикой онтологических и антропологических интуиций в осмыслении человека и его места в обществе. Понятие социальности при этом все больше размывалось и теряло теоретическую отчетливость.

Чтобы вновь вернуться к истокам социальной науки и попытаться обнаружить действительные связующие нити ее методологии, необходимо обратиться к базовому в парадигме социальных наук концепту социальной реальности, социальности как феномена культуры. При этом, учитывая проблемный характер исследуемого объекта, неопределенность его границ и наличие альтернативных интерпретаций, необходимо перейти к рассмотрению понятия «принцип социальности» с новых теоретико-методологических позиций. Если у Дюркгейма социальная реальность как таковая была несомненным, объективным полем социальных фактов, то для современного исследователя, столкнувшегося с теоретическими трудностями этого концепта, прямое обращение к нему невозможно. Следует выяснить вопрос о теоретических истоках и методологической обоснованности самого понятия социального, прежде чем выносить какое бы то ни было суждение о характере социальной реальности («реалистическом» или «номиналистическом») и методологическом потенциале интеграции этого концепта в рамках некоего «принципа» в социальную науку.

Мы можем выделить три принципиальных момента в понимании социальности в современной научной парадигме. Во-первых, взаимность, или шире – взаимодействие индивидов между собой. Во-вторых, наличие моду-

сов или уровней, качеств этого взаимодействия по отношению к рациональности или другим факторам. И, в-третьих, наличие общей структуры, в рамках которой происходит взаимодействие, то есть наличие социального целого. Как раз относительно третьего момента и ведутся наиболее напряженные дискуссии, так как он касается дихотомии «номинализм-реализм» и «макро»-«микро» в теоретической социологии. Тем не менее, несмотря на дискуссионный характер теоретического статуса социального целого, мы считаем нужным включить этот момент в число основополагающих характеристик социальности, так как само понятие социального в той или иной мере имплицитно подразумевает целостность, и если следует отказаться от нее, то тем самым следует отказаться и от понятия социальности, что и предлагается в некоторых теоретических подходах.

Так, Ф.И. Гиренок отмечает: «Социальные науки умерли потому, что перестало существовать социальное. Суть социального состоит не в массах, которые вышли на сцену мировой истории, а в иллюзиях. Социальное является как результат встречи массы с большими иллюзиями, носителями которых она становится. Большие иллюзии тотализируют социум, а это значит, нам нужно выбрать либо хаос и жизнь без иллюзий, либо порядок и тоталитарный утопизм как скрепу социального».[1] Несмотря на то, что дискуссионность подобного положения очевидна, оно, тем не менее, представляет важную и актуальную позицию в современных социально-философских изысканиях. Действительно, в силу того, что социальность как феномен являлась для теоретической социологии, по сути, всего лишь «допущением», и не получила детальной теоретико-методологической разработки, ее основания с приходом постструктуралистских методологий оказались легко размываемыми, открывая путь для полной деструкции концепта социальности, а в месте и ним и понятия «общество». Концепция конца социального и иллюзорного характера социальной реальности – яркая констатация этих социально-философских тенденций.

С другой стороны, если попытаться отыскать причины такой теоретической уязвимости социальности, можно обратиться к мнению А.В. Кошелева о том, что: «...исследованию подлежали различные стороны общественной жизни, не раскрывающие саму суть ее генетической возможности. Феномен социальности остался в стороне от изучения, как и череда идущих на смену прежним новым социальных событий и новых возможных способов их изучения».[3.С.136] Таким образом, перед современной общественной мыслью возникает выбор – либо заново обратиться к собственным основаниям, и пересмотреть содержание и объем понятия «социальность», либо исчезнуть за отсутствием собственного предмета.

Литература

1. Гиренок Ф.И. Хвост ускользающей субъективности [Электронный ресурс] – Exlibris - Независимая газета. - Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-07-31/4_science.html (Дата обращения 25.09.12)

2. Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение. – М.:Камин, 1995. – 346 с. С. 14

3. КОШЕЛЕВ А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии //Социологические исследования, № 8, Август 2009, С. 134-139, С. 136

РАЦИОНАЛЬНАЯ «ЭКОНОМИЯ ВЛАСТИ НАКАЗЫВАТЬ»

М. В. Пырина

Уральский федеральный университет

Французский мыслитель М. Фуко вводит понятие «экономии власти наказывать» для определения цели судебно-правовой реформы конца XVIII в., как улучшения распределения наказания: наказывать можно менее строго, но универсально. Эпоха Просвещения формирует отвращение к кровопролитию – она вырабатывает рациональные способы наказания за преступления, вмещающая принудительный труд или каторгу. Характерной чертой наказания становится его рациональная эффективность.

У истоков нового понимания цели и меры наказания стоит выдающийся мыслитель Ч. Беккариа. Именно его работа «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) послужила теоретической опорой для формирования нового взгляда на наказание за преступление. Идеи Беккариа представляют собой неразрывную связь философских и правовых воззрений. Его произведение оказало влияние на западных и отечественных мыслителей, поскольку он предвосхитил многие принципы уголовно-правовой реформы. К его идеям обращались такие ученые: Н. С. Таганцев, А. Ф. Кистяковский, М. Фуко и мн. др. Беккариа приходит к выводу, что наказание должно не столько наводить ужас, сколько просвещать и исправлять преступника. Следует отметить, что один из важнейших аспектов указанной реформы уголовного законодательства связан с изменением самих преступлений: по признанию Фуко, наиболее распространенными стали экономические преступления: различные виды мошенничества [7, 115]. Если сами преступления видоизменились, значит необходимо изменить наказания за преступные деяния. Так, обращаясь к вопросу о смертной казни, Таганцев считает, что всякая карательная система вырабатывается народной жизнью и предназначается для служения ее интересам. Следовательно, любая юридическая реформа (в том числе уголовно-правовая) для того чтобы иметь жизненную силу, должна стоять в непосредственной связи с юридическим мировоззрением народа.

Мне представляется убедительной идея о том, что реформы в уголовном праве, можно объяснить видоизменением права в соответствии с общим уровнем образования, нравами, особенностями экономической жизни, политического устройства государства в ту или иную эпоху. Человек XVIII века воспринимает мир не через призму микрокосма и макрокосма, не через веру,

как это было в Античности и Средневековье, а через свой разум. Полагание человека на собственный разум предопределило возможность рационализировать и меры наказания за виновные деяния. В условиях превалирования экономической составляющей жизни общества юристы приходят к осознанию, что необходимо использовать преступника как рабочую силу: по сути дела, смертную казнь предлагают заменить принудительным трудом. Тем самым рациональная экономия власти наказывать становится мощным средством к прогрессу во всех сферах общественной жизни.

Как утверждал О. Конт, порядок является основным условием прогресса и формирования рационального образа жизни в новейшей цивилизации, поскольку признается непрерывное улучшение человеческой природы. Поэтому даже в борьбе с аномальными явлениями, с преступностью, законодатель не должен забывать, что он служит общей цели государства – развитию народной жизни, а тем самым и общему прогрессу человечества и осуществлению его рациональных идеалов.

В Новое время нередко самые разные проявления человеческой жизни рассматриваются с точки зрения экономической выгоды [6, 84]. Подтверждением этого служат те положения в УК, которые заменили телесные наказания на трудовую жизнь на каторге.

Для Таганцева образцом судебной реформы была Пруссия при Фридрихе II (1712-1786), который преобразовал судостроительство и судопроизводство, установив рациональный порядок вместо произвола.

Кистяковский считал, что, оставляя преступнику неприкосновенными тело и жизнь, можно извлечь из наказания за преступление выгоду. Он писал о том, что основание колоний заставило англичан искать рабочие руки, поэтому они довольно рано стали перевозить людей в колонии за те виды преступлений, за которые до того они казнили смертью. Яркие примеры дает и история России. Так, А. Солженицын в своем художественном исследовании «Архипелаг Гулаг» приводит поражающие воображение факты. За время с 1921г. по 1954 г. за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.380 человек, Труд репрессированных использовался для возведения Беломорско-Балтийского канала ИТЛ, Днепро ГЭС, Кемеровские лагеря и мн. др.

Принятый в 1996 году и введенный в действие с 1 января 1997 г. УК РФ означал собой к признанию приоритетности ценностей, связанных с гуманистическим подходом к защите безопасности личности, охране прав и свобод граждан [2, 75]. Ведь правовые государства декларируют отказ от установки на первостепенность защиты собственной безопасности в пользу охраны прав и свобод граждан.

Итак, начиная с Нового времени, преступника рассматривают как нарушителя общественного договора и виновного перед обществом, а не как виновного перед Богом. Реформы юристов были продиктованы изменением во взглядах людей: человек стал уповать на свой разум и рационально подходить к разрешению любого вопроса, в том числе и уголовного наказания.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлении и наказании / Чезаре Беккариа; Спб.: Инфра-М, 2010. – 186
2. Кашепов В.П. Об особенностях современного уголовно-правового законодательства / В. П. Кашепов // Журнал российского права. - 2005. - N 4. - С. 74-86.
3. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни / Кистяковский А.Ф., прив.-доц. уголов. права в Киев. ун-те. – 2-е изд. – С.-Пб.: А. Ф. Пантелеев, 1896. – 353 с.
4. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / О. Конт; Пер с фр. И. Шапиро. – Спб.: Либроком, 2011. - 81
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. – 544
6. Таганцев Н.С. Курс уголовного права / Н.С. Таганцев; СПб., 1902. – 374
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; Под ред. И. Борисова; Пер. с фр. В. Наумова. – М.: AdMarginem, 1999. – 478

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Д. М. Рыманов

Государственный медицинский университет
(Семей, Казахстан)

Основная гносеологическая схема анализа познания включает субъекта, наделенного сознанием и волей, и противостоящий ему объект природы, независимый от сознания и воли субъекта и связанный с ним только познавательным (или праксеопознавательным) отношением. В гносеологии важны такие отношения как субъект – объект и субъект – субъект. Для теории управления важно и то и другое. В роли субъекта выступает участник управленческих отношений (человек), а в роли объекта – организация. Обе стороны находятся в постоянном познавательном процессе, руководство стремится выявить и использовать нужные им качества у рабочего, а тот в свою очередь познает систему, в которой работает.

Поскольку познавательный процесс в любой области деятельности человека происходит зачастую эмпирически, то нам важна именно эта сторона вопроса. В управлении, к практике менеджера относят принятие решений - важнейший элемент менеджмента, его так же называют продуктом управления, тем самым подчеркивая значимость в управленческом процессе. Однако, насколько «принятие решений» значимо, настолько оно и многозначно в своих определениях. Истоки термина «принятия решения» восходят к психологии, в которой суть объяснений сводится к волевым актам и последовательности действий направленных на достижение какой-либо цели. Или, в рамках

той же психологии, принятие решения рассматривается как ответ на вызов внешней среды, под которой нужно понимать сложившуюся ситуацию, требующую вмешательства или преобразования со стороны субъекта познания (См. 1). Ныне, данное понятие вышло далеко за рамки психологии, его можно встретить во многих естественных и гуманитарных науках, тем самым, такое положение, дает основание считать его междисциплинарным образованием. Кроме того, необходимо отметить гносеологический характер «принятия решений», а точнее тот факт, что вне зависимости от той области, в которой применяется данное понятие, оно остается в поле зрения комплекса проблем и вопросов теории познания. Оно является своеобразным звеном связывающим теорию и практику, субъект познает объект, используя все доступные ему способы и методы, тем самым минимизирует риски и пытается максимально избежать неопределенных ситуаций, на этом этапе он, безусловно, встречается с фундаментальными гносеологическими вопросами, связанными с истинным знанием, вернее тем что считает за истинное знание, как его приобрести, как избежать ложных суждений, получить адекватные знания к предмету или процессу, в отношении которого, собирается принять решение.

Переходя к сути понятия «принятие решений», необходимо вначале раскрыть «решение». Решения сопровождают человека на протяжении всей его жизни, они принимают разный характер в зависимости от степени сложности, или точнее степени видимой сложности со стороны индивида. Одни решения даются человеку легко, часто без рефлексии, субъект не отдает отчета в том что принимает решение, оно выступает как само собой разумеющийся факт. Другие видятся более сложными, на них затрачивается большее количество времени и усилий. Однако, несмотря на то, что решение – это то, с чем сталкивается каждый человек, однозначности в его понимании нет. «Понятие «решение» представляет, вне зависимости от сфер, в рамках которых оно используется, определенную мыслительную деятельность, совершаемую субъектом (индивидуальным или коллективным) с целью уменьшения кокой-то неопределенности, неточности, неоднозначности и т.д. в сложившемся положении дел» [1;104]. В данном определении подчеркивается мыслительная деятельность индивида, направленная на познание какого-либо объекта, с целью ликвидации неопределенных ситуаций. Таким образом, в нашем исследовании, предварительно можно определить решение как исключительно теоретическое образование. А именно, решение здесь выступает в роли некоего процесса мыслительной деятельности по поиску ответов на поставленные задачи внешней среды. В данном случае, фундаментальные вопросы теории познания, касающиеся получения истинного знания, определения знания и незнания, поиск методологии с помощью которой достигается истинное знание и многие другие проблемы влияют на формирование решения.

«Решение – процесс и результат выбора цели и способа ее достижения. Решение служит связующим звеном между познанием и тем или иным вариантом поведения, действия человека. Принятие решений – сложный мыслительный процесс, предполагающий предварительное осознание цели и спо-

соба действий, проработку различных альтернатив. Важнейшей особенностью этого процесса является его волевой характер. В принятии решения интегрируются знания, интересы, мировоззрения человека»[2;1]. Следовательно, можно определить «решение» как теоретический конструкт, который связывает представление о действительности и саму действительность, он направлен на преобразование окружающего мира и приведение его в соответствии с представлениями о нем. Можно так же определить решение как стремление к преобразованию, некий вектор направления к намеченной цели, а «принятия решения» как следующий шаг после «решения», который связывает теорию с практикой основываясь на воле субъекта. Как было уже отмечено, каждый человек принимает огромное количество решений по различным поводам и этот процесс весьма неоднозначен и сложен, поэтому, зачастую в трактовке таких понятий как «решение» и «принятие решений» пользуются принадлежностью, например, «педагогическое решение», «экономическое решение» «политическое» и так далее, в рамках данной работы рассматривается управленческое решение. В менеджменте часто используют такое понятие как «теория принятия решений», подчеркивая тем самым с одной стороны наличие множества различных специализированных теорий, а с другой, принадлежность к управленческой мысли. Приведем пример объяснения данного словосочетания, которое за исключением некоторых незначительных изменений, присутствует у многих исследователей по данному вопросу. «Теория принятия решений – это совокупность методов и моделей, предназначенных для обоснования решений, принимаемых на этапах анализа, разработки и эксплуатации сложных систем различной природы: информационных, технических, производственных, организационно-экономических и др. Отличительная особенность используемых методов состоит в том, что они применяются для формализации определенного вида человеческой деятельности, ориентированного на установление наилучшего варианта действий. Выбор методов зависит от класса анализируемых проблем, среди которых выделяются структурированные и слабоструктурированные» [3;9]. В данном важно подчеркнуть следующее, то что принятие решений имеет свои этапы – анализа, разработки и эксплуатации. Эти ступени часто называют иначе: постановка задачи, формирование решения и выбор решения. На каждом из перечисленных этапов принятия решения, управленец выступает в роли субъекта познания, который стремится не просто найти правильное решение или выход из какой-либо сложившейся ситуации, но определяет, ищет и оценивает знание. Таким образом, гносеологические вопросы о том, что есть знание, каким образом его получают и насколько знание соответствует истине, в менеджменте выступают не в пассивной роли теоретических мировоззренческих проблем, а как значимые узловые моменты помогающие принять верное решение. На каждом из его этапов важны свои вопросы, так на первом, когда необходимо определить проблему и сформулировать цели, проявляется вопрос о том, как определить знание? Под знанием, в данном случае, нужно понимать проблемную ситуацию, по отношению к которой

собираются принимать решение, а для того чтобы её выявить необходимо видеть целостную управленческую картину, которая словно мозаика состоит из множества частных и общих проблем. Таким образом, на первом шаге не только определяют знание, а точнее знание проблемной ситуации, но и признание его таковым, отсюда вытекает еще один комплекс гносеологических вопросов, а именно знание-вера, поскольку признание влечет за собой веру в то, что ранее было объявлено знанием. Вступая на второй этап, менеджер сталкивается с проблемой интерпретации знания, а так же его множественностью и соответствию истинности. А поскольку в процессе формирования решения, субъект принятия решения вынужден работать с неопределенностями и рисками, то и круг эпистемологических проблем неминуемо расширяется. Так же, можно предположить, при переходе на третий этап принятия решений, субъект сталкивается с проблемой единое-многое, в данном случае следует понимать множественность возможных решений и необходимость выбора только одного. Теория-практика – еще один комплекс вопросов гносеологического характера, как уже было отмечено, принятие решений направлено на преобразование окружающей действительности, приведение её в соответствие теоретическим конструктам разума субъекта принимающего решение. С одной стороны, имеется эмпирическая направленность, которая выступает главной целью, а с другой, огромное значение придается логике принятия решения. Что более значимо и каков процесс перехода одной стадии в другую, каково влияние или взаимовлияние теории и практики? Эти и многие другие вопросы носят фундаментальный гносеологический характер, знание сущности которых, призвано осуществить правильные с точки зрения управления решения.

Литература

1. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: «Канон+» «Реабилитация», 2009.
2. Диев В.С. Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений. // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Том 8, выпуск 1.
3. Черноморов Г.А. Теория принятия решений. – Новочеркасск: Ред. Журн. «Изв. Вузов. Электромеханика», 2002.

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВОЗВЫШЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Е. А. Рузанкина

Новосибирский государственный технический университет

Концепция возвышенного исторического опыта изложена голландским философом Ф.Р. Анкерсмитом в монографии «Возвышенный исторический опыт» [1]. В своей работе Анкерсмит выделяет два смысла понятия возвы-

шенного исторического опыта: 1) сама реальность (воплощенная в знаковых событиях, таких как Великая французская революция), которая меняет идентичность субъекта и характер историописания, и 2) экзистенциальный опыт историка, выраженный в его текстах. Анкерсмит использует метафору «природы», чтобы зафиксировать радикальную чуждость прошлого настоящему: в случае встречи настоящего и преодолевающего время прошлого субъект «сталкивается прошлым как с радикально «другим» - как с природой». Именно поэтому возникает иллюзия утраты – мы чувствуем, что история превратилась в «природу». Прошлое, таким образом, превращается в автономную для современного человека реальность, имеющую свои законы, свое время и пространство существования, с которой взаимодействует («коммуницирует») историк. В ходе познания истории мы не «приспосабливаем» мир под себя, а исследуем то, что было частью нас самих, но стало вдруг странным и неизвестным. В возвышенном историческом опыте прошлое открывается историку как таковое, историк пребывает в нем, проходит сквозь него, но при этом оно сохраняется как что-то устойчивое, сохраняет свою сущность, чуждость настоящему бытию. Различие между прошлым и настоящим наиболее сильно концентрируется в феномене ностальгии, которая выступает как способ переживания прошлого в настоящем, как бы возвращающий нам прошлое.

Примеры подобного ностальгического переживания чуждого, радикально «другого» современному российскому человеку советского прошлого встречаются в постсоветской культуре чаще в художественных текстах, нежели в научной историографии. Наиболее показательны в данном случае два эпизода романа В. Пелевина «Generation «П».

1) «Однажды во время прогулки Татарский остановился у закрытого на обед обувного магазина. За его витриной оплывала в летнем зное толстая миловидная продавщица, которую Татарский почему-то сразу назвал про себя Манькой, а среди развала разноцветных турецких подделок стояла пара обуви несомненно отечественного производства. Татарский испытал чувство мгновенного и пронзительного узнавания. Это были остроносые ботинки на высоких каблуках, сделанные из хорошей кожи. Желто-рыжего цвета, простроченные голубой ниткой и украшенные большими золотыми пряжками в виде арф, они не были просто безвкусными или пошлыми. Они явственно воплощали в себе то, что один пьяненький преподаватель советской литературы из Литинститута называл «наш гештальт», и это было так жалко, смешно и трогательно (особенно пряжки-арфы), что у Татарского на глаза навернулись слезы. На ботинках лежал густой слой пыли – они были явно не востребованы эпохой» [2, с. 14-15].

2) «Курсовая по истории, которую он писал в Литинституте, называлась «Краткий очерк истории парламентаризма в России». Он уже ничего из нее не помнил, но был совершенно уверен, что в ней хватит материала на три концепции, не то что на одну. Приплясывая от возбуждения, он направился по коридору ко встроенному шкафу, где хранились его старые бумаги. Через

полчаса поисков стало ясно, что курсовой он не найдет. Но было уже как-то не до нее – разбирая скопившиеся в стенном шкафу залежи, он нашел на антресольной полке несколько объектов, хранившихся там еще со школьных времен: изуродованный ударами туристского топорика бюст Ленина (Татарский вспомнил, что после экзекуции сам спрятал его в труднодоступном месте, опасаясь возмездия), тетрадь по обществоведению, заполненная рисунками танков и атомных взрывов, и несколько старых книг.

Все это переполнило его такой безысходной ностальгией, что работодатель Пугин вызвал в нем отвращение и ненависть, после чего подвергся полному вытеснению из сознания вместе со своим «Парламентом» [2, с. 39].

Феномен ностальгии фиксируется в современной российской действительности не только как часть художественной реальности, но и в материальных объектах. Этот факт анализирует историк культуры Михаил Ямпольский в статье с показательным в контексте обсуждаемой концепции возвышенного исторического опыта названием «Настоящее как разрыв». Автор приводит примеры таких объектов культурной ностальгии: московское метро, старые песни, фильмы, телевидение, а также «ностальгические товары, выдающие себя за товары советской эпохи, - мороженое “за 48 копеек”, сырки в шоколаде, шоколад “Аленка”, докторская колбаса и прочее» [3, с. 55]. Таким образом, отмечает Ямпольский, место памяти как инструмент актуализации истории, переживания прошлого в настоящем, подменяется названием – именем, придающим иллюзию неизменности двум абсолютно разным реалиям (мороженому фирмы «Нестле» и мороженому Государственного холодильника номер 1), которые имеют связь между собой исключительно через фикцию имени. Тем не менее, заметим, что такая номинальная репрезентация советского прошлого успешно функционирует в постсоветской культуре наряду с репрезентациями другого рода.

Показательной также представляется фиксируемая исследователями разница в восприятии даже совсем недавнего советского прошлого в момент его непосредственного переживания и в последующей рефлексии. Авторы специального выпуска журнала «Новое литературное обозрение», посвященного 1990 году [4], описывают эту разницу в следующих выражениях: «Приступая к чтению стенограмм [Первого съезда народных депутатов России], я ожидала, что мои нынешние впечатления будут отличаться от тогдашних, но не ожидала, что до такой степени. То, что не замечалось и составляло общий фон политической жизни, сегодня выступает на первый план и оказывается на удивление современным. Разговоры с коллегами-наблюдателями подтверждает, что мое восприятие не уникально» [5, с. 167]; «1990 год отложился в моей памяти совсем не таким, каким я “снова увидел его” 16 лет спустя» [6, с. 515]; «Анализ воспоминаний, отраженных в массовых опросах, показывает, что по прошествии недолгого, но очень существенного срока 1990-е подверглись не только гомогенизации, перекрашиванию в один цвет, но и ревизии. Мнение о том, что это было десятилетие исторического прорыва, изменившего к лучшему судьбы чуть ли не половины человечества, исчезло

из обихода» [7, с. 503]. Здесь мы также можем наблюдать отмеченную Анкерсмитом особенность прошлого выступать для нас как чуждое, странное и неизвестное, – хотя еще недавно бывшее частью нас самих. То, что изменение восприятия событий 1990-х годов произошло за довольно короткий период, как раз подчеркивает масштаб как происходивших событий, так и последующей трансформации сознания постсоветского человека, пережившего смену картин мира или, иначе, смену исторических репрезентаций. Именно в этот момент заявляет о себе возвышенный исторический опыт, когда «переходя таким образом от одной репрезентации к другой, человек должен быть пройден, пусть в течение краткого времени, через ужасную пустоту между отдельными репрезентациями, пережить состояние незащищенности, оставшись на мгновение вообще без всякой репрезентации самого себя» [1, с. 95]. Хотя Анкерсмит анализирует смену исторических репрезентаций на примере Великой Французской революции, очевидно, однако, что его характеристику данного явления можно отнести и к другим историческим событиям подобного масштаба, в том числе и к периоду перестройки и распаду СССР: «...революция действительно произвела решительную перестановку в совокупности истин, необходимых для правильного понимания общественного и политического мира, в котором жили люди. Революция породила множество новых исторических истин, истин столь драматичных и неотвратимых, что ни один разумный человек не мог уже довольствоваться пусть даже высшими истинами, которые существовали при старом порядке. Поэтому целые континенты истин теперь исчезли с карты релевантного знания мира и были заменены чрезвычайно тревожными истинами, рожденными революцией. Или, другими словами, поколение, пережившее революцию, перешло от одной репрезентации мира к другой» [1, с. 95].

Именно поэтому, говоря о конфликте репрезентаций советского исторического прошлого в постсоветской культуре, нельзя не отметить резкую реакцию профессиональных историков на такие работы А.И. Солженицына, как «Архипелаг ГУЛАГ» и цикл «Красное колесо». Популярность в обществе данных художественных произведений и, во многом, восприятие их почти как документальных, на наш взгляд, связано как раз с релевантностью для постсоветской культуры тех истин о человеке и мире, которые несли в себе данные произведения, безотносительно к объективным научным истинам, присутствующим и/или отсутствующим в них. Таким образом, попытки репрезентации советского периода истории как возвышенного исторического опыта наполняют новым значением процессы, происходящие в постсоветской культуре.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007.
2. Пелевин В. Generation «П». - М.: Вагриус, 1999.

3. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // НЛЮ. 2007. № 83 (I).
4. Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2007. № 83 (I, II). Специальный выпуск «1990 год: Опыт изучения недавней истории».
5. Михайловская Е. Политические слова как вещи, или опыт чтения одной стенограммы // НЛЮ. 2007. № 83 (I).
6. Гусейнов Г. Шок невозвратности // НЛЮ. 2007. № 83 (II).
7. Левинсон А. 1990-е и 1990-й: социологические материалы // НЛЮ. 2007. № 83 (II).

ПРАВОВАЯ ЗНАКОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

О. В. Павлышин

Национальная академия внутренних дел (Киев, Украина)

Как известно, оформление семиотики в качестве самостоятельной науки произошло благодаря исследованиям В.В. Иванова, Ю.С. Степанова, Б.А. Успенского, а на Западе – Р.О. Якобсона, Г. Кресса, Р. Барта, Р. Ходжа, Дж. Фиска – ученых, интересующихся знаковыми характеристиками культуры и применяющих знаковую теорию в процессе анализа ее феноменов. Большое значение для её становления имела научная деятельность тартуско-московской школы семиотики во главе с Ю.М. Лотманом, а в новейший период – исследования политической и политико-правовой жизни Г.Г. Почепцова, И.А. Лебедева, Р.А.Рахимова, А.Г.Хабибулина [см.: 3, 5, 6], В.П.Сальникова, Е.И.Шейгал, а также семиотический анализ социальной реальности Ю.В. Романенка и А.В. Чантурии, учебные издания Е.С. Никитиной, Н.Б. Мечковской, Е.В. Савеловой и других специалистов.

Большое значение для развития семиотики права имели труды известных философов и юристов прошлого, которые осуществляли философский (логический) анализ языка юриспруденции, а также исследователей XX-XXI века. В частности, заслуживают внимания работы Бернарда С. Джексона, Роберты Кевелсон, Яна М. Брокмана, Д. Карцо, Н.А. Власенко, А.А. Денисовой, Р.А. Рахимова и А.Г.Хабибулина, В.В. Речицкого, А.К. Саркисова, Н.И. Хабибулиной, А.А. Мережка, И.Л. Честнова, Н.В. Разуваева, В.Д. Титова и С.Э. Зархиной, других ученых современности, а также специальные исследования, посвященные разработке отдельных аспектов данной проблематики – работы О.М. Балинской, Д. Бочарова, В. Гончарова, О.В. Горяинова, С.Г. Проскурина, Н.И. Сатохиной, Е.А. Тюгашева и других авторов [см.: 1, 2, 4, 7-14].

Не вызывает сомнений то, что междисциплинарные исследования права с позиций семиотики могут составить конкуренцию многим другим теоретико-

методологическим подходам, способствовать разрешению фундаментальных проблем философско-правовой науки, а также принести практически ценные для юриспруденции результаты.

Современный философско-правовой дискурс все чаще обращается к интересу субъективизму как способу обоснования права и тяготеет к интегративным теориям права, что свидетельствует об отходе от классического противостояния юснатурализма и юридического позитивизма как типов правовопонимания. Появление коммуникативных теорий права, подтверждая такой вывод, стимулирует развитие нового теоретико-методологического инструментария, терминологического аппарата, который может использоваться и в процессе изучения знаковой природы права.

Вместе с тем, семиотико-правовые исследования требуют формирования и разработки адекватной категориальной базы, которая отвечает собственным исследовательским запросам и подходам, учитывает как общесемиотические традиции, так и особенности правовой предметной сферы. С этой целью ученые, которые интересуются знаковой проблематикой в праве, предлагают собственные определения, задавая исходные точки семиотико-правового дискурса. Одними из таких ключевых понятий, которые имеют фундаментальное значение для становления и развития этой отрасли знаний, являются понятия "правовой знак" и "правовая знаковая конструкция", именно они заслуживают особого внимания исследователей.

Правовая знаковая конструкция - это интегральное сочетание правовых знаков, которое имеет самостоятельное правовое значение. Правовая знаковая конструкция является интегральной составной частью правовой реальности, устойчивым и содержательно целостным сочетанием правовых знаков. Конфигурация правовых знаков, воплощенная в ней, отражена в отдельном правовом понятии. То есть правовая знаковая конструкция является интегральным знаковым образованием, имеющим отдельное, самостоятельное правовое значение, и этим отличается от сложного правового знака, который также состоит из нескольких знаков, однако они не содержательно, а по своей совокупности объемно дополняют, синонимично усиливают определенное одно понятие.

Семиотико-правовые понятия "правовой знак" и "правовая знаковая конструкция" характеризуют специфику устройства права как знаковой системы, раскрывают его сложную, иерархическую структуру, определяют первичные и основные частицы знаковой системы права, таким образом, имеют особое значение для понимания сущности и специфики организации правовой реальности, важного предмета философско-правовых исследований современности, объекта интереса как правоведов, так и представителей других отраслей знания, ценного стимула для научно-исследовательской активности мыслителей новейшего периода.

Правовая знаковая конструкция отражает логику права, указывает на самостоятельно значимый правовой феномен. Конкретизируя идею права, она обозначает отдельное правовое явление и наряду с правовым знаком является

важным элементом когнитивной структуры правовой реальности, раскрывает содержание и сущность структур, в которые организовано правовое бытие, характеристики и свойства права как объекта познания.

Литература

1. Бочаров Д. Проблема тлумачення юридичних текстів у контексті концепту «смерті Автора» / Дмитро Бочаров // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 4-5 грудня 2009 р.). – Львів : Край, 2009. – С. 56-65.

2. Денисова А.А. Семантика терминов общей теории права (парадигматический аспект): Дис... канд. филолог. наук: 10.02.01. - Москва , 1992.

3. Лебедев И.А. Семантика и семиотика в культуре тоталитарных обществ: миф, символ, ритуал: Дис ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2006.

4. Мережко А. Юридическая семиотика и юридическая герменевтика // Юрид. практика : еженедельная профессиональная газ. – 2002. - № 8 (218). – 20 февр.

5. Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии. — К. : Глобус, 1994. — 152 с.

6. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа / Р.А. Рахимов, А.Г. Хабибулин // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59.

7. Речицький В. Символічна реальність і право / В. Речицький. – Л.: ВНТЛ–Класика, 2006.

8. Саркисов А.К. Семиотика права: Историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Коломна , 2000. – 222 с.

9. Сатохіна Н. Розуміння у здійсненні права: антропологічний вимір / Наталія Сатохіна // Антропологія права : філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : Матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 4-5 грудня 2009 р.). – Львів : Край, 2009. – С. 289-301.

10. Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. – Харьков: ФИНН, 2009. – 432 с.

11. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1996. – 146 с.

12. Хабибулина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона: теоретико-методологическое исследование: Дис... доктора юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург , 2001 - 335 с.

13. Честнов И.Л., Разуваев Н.В., Харитонов Л.А. Социальная антропология права современного общества. – М.: ИВЭСЭП, 2006. – 248 с.

14. B.S. Jackson, *Semiotics and Legal Theory*. - London, Routledge & Kegan Paul, 1985.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

М. В. Семеникова

Новосибирский государственный университет

В тезаурусе западно-европейских языков город и цивилизация объединены одним корнем – *civitas*, так как город изначально воспринимался как средоточие социального порядка и культуры, как объект рационализации, место, где возможно реализовать общество справедливости, разума и добродетели. К сожалению, в современной ситуации с этим сложно согласиться. Города отражают жесткую систему социальной дифференциации: город расколот на элитные, «дорогие» центры, заполненные магазинами и развлекательными центрами, которые не доступны большинству жителей, и окраины – часто небезопасные районы, где царит преступность и человеческие пороки – проституция, наркомания и так далее. Также можно отметить развитие пригородных районов, где предпочитают устраивать свою жизнь обеспеченные люди, стараясь заборами, охраной и другими системами безопасности защитить себя и свою семью от «тлетворного» влияния городов. Современные социологи, культурологи, философы и другие исследователи города бьют тревогу не только по поводу исследования данного комплекса проблем, но и поиска стратегий и возможности изменения ситуации. Многие из них пишут о необходимости конструирования нового городского пространства, пригодного для полноценной реализации каждого городского жителя. Дэвид Харви, англо-американский географ, называет это отстаивание права на город, то есть право каждого в городе быть разным, возможность жить в комфортной среде и по максимуму реализовывать свои возможности.

В данной работе, хотелось бы рассмотреть, как различные исследователи подходят к изучению городского пространства и процессов, происходящих между различными объектами, в нем расположенными. Важно отметить, что пространство можно рассматривать не только как характеристику объектов и отношений между ними, но и как результат формирования и изменения под влиянием специфических черт этих объектов. То есть пространство трактуется не только как физический феномен, но и социокультурный, взаимосвязанный с другими социокультурными процессами и явлениями. Целью данной работы является выявление основных подходов к изучению социокультурного пространства города, а также попытка выяснить, как концептуализированы пространство и пространственные изменения в рамках данных подходов.

Подходы, использующиеся для изучения городского пространства можно поделить на следующие группы:

Анализ морфологии города.

Социо-структурный подход.

Исследование культурного восприятия городского пространства.

Анализ локации практик в городской среде.

Анализ морфологии города. Под морфологией города понимается распределение различных артефактов в городском пространстве: парков, жилых районов, развлекательных центров, транспортных узлов и так далее. Этот подход обычно используется географами и архитекторами, и не включает рассмотрение социальных акторов и их взаимодействия. Этот подход полезен для исследования городского пространства, так как его методологические, экономические предпосылки имеют реальное воплощение в облике городов. Например, Дж. Бейтер в своих работах описывает основные принципы планирования и организации пространства советских городов: ограниченный размер городского поселения и пространственное равенство в распределении единиц общественного потребления, ограничение времени на преодоление расстояния между местом проживания и местом работы, рационализация движения транспортных потоков. Эти принципы отразились в пространственных формах советских городов. Данный морфологический анализ необходим для целостной интерпретации городского пространства, так как физическая среда определенным образом организует человеческую деятельность, задает специфические формы социального взаимодействия, но также сама среда может являться социокультурным продуктом.

Социо-структурный подход. В рамках данного подхода проводится анализ пространственного распределения изначально определенных групп городского населения, делая акцент на сфере социологических конструктов в отличие от предыдущего подхода. Главная исследовательская стратегия – это наложение определенных представлений о социальной структуре на пространственную организацию города. То есть пространство включается во взаимодействие различных социальных акторов. Пьер Бурдьё утверждал, что нет такого пространства, которое не иерархизировано и не отражает социальную дистанцию, которая настолько замаскирована в городском пространстве, что кажется естественным порядком вещей.

Наибольшее количество интерпретаций социо-пространственных отношений в городе дано западными марксистами в 1960-70-х годах. Для теоретиков этого направления городское пространство представляет собой не что-то инертное и нейтральное, а как нечто конфликтное и полное противоречий. Интерес представляют работы современных антропологов и географов, использующих данный подход для описания специфики процессов урбанизации в современных крупных городах. Например, Дэвид Харви, указывает на феномен «фетишизации товаров», когда под влияние многочисленной рекламы (баннеры, вывески, витрины магазинов) людям навязывают определенные желания и образ жизни.

Культурные образы города. Для исследователей, использующих данный подход, город представляет собой уникальную культурную форму в современной цивилизации, которая может формировать новую личность. Интерес вызывает не только анализ специфической культуры города, но и исследование связи культурных городских различий с пространственной организацией. В этом подходе также выделяются два направления: рассмотрение города как

композиции сообществ (например, вопросы адаптации различных групп горожан к интенсивности городской жизни) и культурного восприятия городского пространства (например, тема культурных ландшафтов – экспонирование человеческих черт на натуральный ландшафт и территорию).

Анализ локации практик в городской среде. Основателем этого подхода считается Льюис Вирт, который утверждал, что именно действие является предметом исследования города. Действие, вслед за Зиммелем, он определял как организованное многообразие, и эти относительно стабильные формы организации социального действия являются ключевыми для понимания городской среды. Для этого подхода характерно сведение понятия действия к телесным аспектам действия и взаимодействия в городском пространстве. Использование этого подхода позволяет уловить динамику процессов организации и изменения городского пространства. Например, в некоторых советских исследованиях была представлена специфическая разновидность этого подхода, которая рассматривала действие как жизнедеятельность, которая являлась составляющей образа жизни. В этих исследованиях разнообразные виды активности классифицировались (дом, работа, досуг и так далее), а потом анализировалось их пространственное распределение.

Рассмотрев данные подходы, можно увидеть различные грани понимания социокультурного пространства города и специфические аспекты, которыми занимаются исследователи в различных областях научного знания. Городское пространство необходимо изучать в двух аспектах: как инструмент формирования социальных отношений и практик городских жителей и как результат специфических устоявшихся социальных структур и образа жизни людей. Перспективой дальнейшего исследования социокультурного пространства города может служить рассмотрение его как динамической структуры и места для реализации различных практик по изменению городской среды для оптимизации жизнедеятельности ее жителей.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФЛОСОФИИ Н. БОББИО

М. А. Томюк

Уральский федеральный университет

Норберто Боббио – выдающийся современный итальянский философ, правовед, политолог и мыслитель, который внес огромный вклад в развитие многих общественных наук. В фокусе научных интересов Н. Боббио классические учения политической философии, история политических идей, политика и мораль, политика и право, права человека и др.

На конференции «Партии и культуры» (Милан, 1977) Н. Боббио делает доклад «Интеллектуалы и власть», в котором он дает объяснение того, кто такие интеллектуалы. Боббио Н. объясняет, что в своем докладе он хочет об-

меняться идеями о том, чего желают интеллектуалы, которые относятся к какому-то либо политическому движению или партии. В качестве примера он приводит две противоположные точки зрения. Так, по мнению Ж. Сореля, интеллектуалы являются паразитарным слоем буржуазного общества, В. И. Ленин же считал, что интеллектуалы – это «необходимое звено для создания революционной партии» [1].

Н. Боббио дает разъяснение того, кто же такие интеллектуалы: интеллектуалы – это те, кто занимается только умственным трудом (это даже и артисты, романисты, поэты и др.). Н. Боббио предлагает свою типологию интеллектуалов. В основание типологии положены такие критерии, как определение, этические основания, долг, акцент, образование, пренебрежения, характер. Он выделяет два типа интеллектуалов: идеологи, эксперты (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Типологизация интеллектуалов по Н. Боббио

типы интеллектуалов / критерии	Идеологи	Эксперты
Определение	те, кто создают руководящие принципы, ценностями, идеалами и оформляют «концепцию мира»	те, кто обеспечивают власть средствами познания, то есть помогают принять правильное решение
Этические основания	«этики добрых устремлений»	«этике ответственности»
Долг	быть верным определенным принципам	предлагать средства, адекватные целям и отдавать себе отчет в последствиях, которые могут исходить из предлагаемых средств
Акцент	на цели	на средства
Образование	гуманитарное	техническое
Пренебрежения	средствами	целями
Характер	этический	прагматический

Различия между идеологами и экспертами не исключают некоторое сходство. Эксперты и интеллектуалы рассматриваются как советники правителей. Если идеолог или эксперт отступят от своего долга, то тут же становятся безответственными. Еще одно общее проявляется в создании и написании манифестов, хотя до технического прогресса, считалось, что манифесты могут писать только идеологи. Однако физики, которые выступили за опасность распространения ядерного оружия, доказали иное.

Задача интеллектуала, считает Н. Боббио, – это «выдерживание идей, постановка проблем, выработка программ или только лишь общих теорий», в то время, как задача политика – «принятие общих решений» [1]. Политик дол-

жен выстроить линию действия, то есть траекторию развития и в этом ему помогают совершенно разные, противоречивые, противоположные идеи, ценности, идеалы и стимулы, которые возможно ему предлагают интеллектуалы.

Заметим, что в истории философии и ранее размышляли над проблемами отношения между интеллектуалами и политиками, да и фигура философа-короля или короля-философа не нова. Это еще раз подчеркивает актуальность данного доклада Норберто Боббио. В другой речи посвященной торжественному открытию факультета политических наук и социологии в Барселоне Боббио пишет (вспоминает Микелеанджело Боверо): «Недоверие в рассмотрении платоновской утопии философа-короля, а также в противоположном смысле короля-философа, я всегда уважительно преклонялся к кантовскому утверждению: “Бесполезно ждать, что король начнет философствовать или, что философы станут королями или хотя бы будут желать этого, так как обладание властью неизбежно портит свободу суждения разума”. Мне это утверждение кажется очень красивым, так как обладание властью – развращает» [2, р. 4].

Литература

1. Семигин Г. Ю. Антропология мировой политической мысли [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php (дата обращения: 21.09.2010).

2. Bovero M. La Teoria generale della politica di Norberto Bobbio. Torino, 1999.

ДЕВИАЦИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ (МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ)

А. В. Пономарев

Новый сибирский институт (Омск)

Т. М. Пономарева

Омский экономический институт

Сегодня общепринято, что девиантное поведение в форме коррупции, является неотъемлемым фактором управленческих отношений в России, что не позволяет эффективно управлять развитием современного общества.

Проблематика исследований в данной сфере обусловлена подменой понятий в существующем отношении государства и общества, неотработанностью механизма использования понятийного аппарата к действиям или бездействиям чиновников.

В современной науке недостаточно изучена проблема девиантного поведения в управленческих структурах. Затрагивая вопросы ненадлежащего поведения государственных служащих, ученые, как правило, пишут о единичных случаях нарушений общепринятого поведения, не исследуя явление

комплексно. Актуальность системного подхода в изучении обусловлена применением теории аномии. Теория аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона еще не применялась в исследованиях российских учёных связанных с факторами девиации, как принято говорить, коррупционным поведением государственных служащих.

Практическая значимость исследования заключается в привлечении общественного внимания к реальному восприятию обществом управленческой девиации. На современном этапе законодатель и наука не имеют детально проработанной терминологии отклонений от нормального (надлежащего, установленного, должного) поведения.

В условиях социальной нестабильности поведение людей часто находится вне ординарных рамок, имеет тенденцию к отклонению от стандартов и становится все менее предсказуемым. Такое поведение может рассматриваться как потенциальная угроза социальному порядку. Сложившееся в настоящее время состояние кризиса позволяет говорить об актуализации данных тенденций.

Определение причин отклоняющегося поведения тесно связано с пониманием структуры и самой природы этого явления. Социальная практика показывает, что форма и характер девиантного поведения обусловлены сочетанием элементов различного уровня — биологических, психических и социальных. В той или иной форме девиации в качестве доминирующего может выступать каждый из этих элементов или их определенное сочетание, которое складывается в ту или иную детерминирующую целостность. В зависимости от того, какому из элементов придается на практике доминирующее значение, в рамках той или иной теории определяются и основные причины этого поведения.

Тенденции современной науки в изучении различных форм девиации позволяют говорить об актуальности изучения девиантного поведения как объекта исследования. Как социальное явление девиация в отечественной науке имеет необычную судьбу. Ее изучение обусловлено в основном исследованиями в сфере юридических наук. Видными представителями данного направления являются В.Н. Кудрявцев [1], И.С. Ной [2], А.А. Герцензон [3, 4].

Первые социологические исследования девиации были основаны именно на проблемах криминологии [5, 6, 7, 8].

Одним из первых в истории науки систематизированных методологических подходов к изучению девиантного поведения является теория аномии.

Понятие аномии впервые сформулированное Э. Дюркгеймом еще в своей первой книге «О разделении общественного труда» (1893 г.), в книге «Самоубийство» (1897 г.) [9] получило дальнейшее развитие и глубокую разработку. Аномия - (от франц. *anomie* - беззаконие, безнормность) - такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно. Теорию аномии ввел в социологию Э. Дюркгейм как часть своей историко-

эволюционной концепции, опирающейся на противопоставление «традиционного» и современного промышленного обществ.

Концепция Э. Дюркгейма получила свое развитие в методологии американского социолога Роберта Мертона [10]. Он попытался применить дюркгеймовские понятия аномии и социальной солидарности, анализируя социальную действительность США.

Мертон выделил пять реакций на дилемму цели – средства, четыре из которых представляют собой девиантные адаптации к условиям аномии: конформизм, новация, ритуализм, ретритизм, бунт [11].

Методология исследования девиации знает также иные теории: культурного переноса (сходство между способом выработки девиантного поведения и способом выработки любого другого стиля поведения) [12], теорию конфликта (влияние интересов правящего класса на составление и исполнение законов), теорию стигматизации и ряд других [13]. Согласно теории стигматизации, девиация определяется не самим поведением, а реакцией общества на такое поведение. Одним из первых исследователей методологии девиации был французский ученый Габриэль Тард (1843-1904), еще в конце XIX в. сформулировавший теорию подражания для объяснения девиантного поведения.

Таким образом, методология изучения девиантного поведения имеет длительную научную историю. Несмотря на это, ни одна теория на сегодняшний день не способна дать полного объяснения девиантному поведению в управленческих структурах. Каждая высвечивает какой-то один важный источник отклонения поведения от нормы, а девиантное поведение может принимать множество форм. Поэтому следует тщательно анализировать каждую форму девиации для определения задействованных в ней специфических факторов.

Девиация – это различные формы отклоняющегося от установленной нормы поведения, отступление от общепринятых принципов, норм морали и права.

В теории девиации принято выделять негативные отклонения, наносящие обществу ущерб, препятствующие социальному развитию, и позитивные отклонения, связанные с различного рода творчеством. Необходимо не только выделять отклонения в поведении от существующих в обществе норм, но и выявлять, как общество относится к социальным отклонениям. В таком случае говорят о социально одобряемых отклонениях и социально осуждаемых (неодобряемых). Как показывает практика, большинство граждан России относятся к мелким взяткам, которые позволяют им получить преимущество в социальных отношениях (обойти очередность, восстановить срок и т.п.) положительно. Многочисленные формы отклоняющегося поведения свидетельствуют о состоянии конфликта между личностными и общественными интересами.

Таким образом, исходя из методологии аномии, следует различать два вида девиантного поведения: созидательной и разрушительной направленности. Основным критерием определения характера девиантного поведения является

ся не форма его реализации, в частности наличие атрибута насилия, а уровень справедливости перераспределения источников пополнения жизненной энергии. Агрессивный вид девиации, как в прямой, так и в смешанной форме нацелен на преодоление фрустрации (крушения надежд) путём неадекватного в сложившейся ситуации перераспределения социальных благ, достижения цели без учёта интересов окружающих людей, несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счёт ухудшения адаптационных условий другой. В управленческих структурах в подобных случаях речь идет о коррупции.

Коррупция – совершение должностным лицом в управленческих структурах социальных действий, отклоняющихся от установленных правовых норм и доминирующих социокультурных ожиданий, общепринятых правил выполнения социальных ролей в сфере власти, влекущих за собой злоупотребление служебным положением, ущемление интересов общества в целом или большей его части, связанных с получением выгоды.

Изучению коррупции и борьбе с ней посвящено множество работ ученых юристов, однако в науке не сложилось комплексного подхода к исследованию данной формы девиации. Возможно, разработка методологии станет позитивным шагом в решении проблем отклоняющегося поведения в управленческих структурах.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования. М., 1998.
2. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: СГУ, 1975.
3. Герцензон А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / Под ред. Г.М.Сегала и Ц.М.Фейнберг. М.: Красный печатник, 1930.
4. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М.: Юрид. лит., 1965.
5. Гишинский Я.И. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1988.
6. Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4.
7. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб.: СПб филиал ИС РАН, 1993.
8. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд. / Изд. подгот. Вал. А. Луковым. СПб., 1998.

10. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299-313.
11. Девятко И. Ф. Мертоновский корректив к парсоновской версии структурного функционализма // Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М., 1994. С. 202-204.
12. Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: Учебник / Под ред. Ю.Г. Волкова. М., 2003.
13. Там же.

ИЗУЧЕНИЕ «ПРЕРЫВАНИЯ» ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

А. В. Ткаченко

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Восприятие исторического времени является значимой методологической проблемой для современной гуманитаристики. Историческая наука говорит о конфликте истории и памяти, о проблеме восприятия истории в целом. В философии присутствуют различные вариации на тему «конца истории», в массовом сознании ширятся увлечения идеями от конца света до наступления новой эры. Все это актуализирует обращение к переживанию исторического времени в различные эпохи – ведь на фоне других времён собственное предстаёт под новым углом зрения.

В связи с этим, мы предполагаем продуктивным обратиться к ситуациям ощущения разрыва исторического времени в отдалённые эпохи. Этот феномен не достаточно изучен, но является актуальным в связи с возрастающим интересом к переживанию истории, и именно в этом «пределе» это переживание ощущается наиболее ярко. Представленное исследование осуществлено на материалах анализа средневековой культуры. Мы попытались рассмотреть представления о разрыве исторического времени в средневековом народном сознании и сделать на основании этого методологические выводы, которые могут быть применены и в исследовании другого материала.

Парадокс заключается в том, что мы привыкли воспринимать средневековое время исключительно линейным. Вместе с тем средневековые источники дают нам многочисленные примеры «выпадения» из исторического времени. Принято считать, что средневековое понимание исторического времени является детищем Блаженного Августина, именно он и предложил идею «линейного» времени, т.е. времени, которое имеет начало и конец. Эту же концепцию он применил и к историческому процессу. Однако, как оказалось, такая схема не является безусловной и единственной для средневекового сознания.

В качестве примера возьмем средневековую поэму «Страна Кокань». «Страна Кокань» была записана, как принято считать, в XII веке. Поэма рисует нам некую страну, некое пространство, в котором текут молочные реки с

кисельными берегами, гуси летают уже жареными, а на деревьях растут пироги. Здесь за труд наказывают, а за безделье платят зарплату [3, С.194-197]. В контексте нашей темы важно то, что это пространство без событий. Событиям здесь не место, а именно события составляют ткань истории. Специфику этого пространства можно ясно почувствовать, сравнив Кокань с новоевропейскими утопиями. Ключевым словом для определения волшебной страны является слово наоборот. В отличие от классических утопий, Кокань – это не построение нового идеального мира, это попытка вывернуть наизнанку существующий, преврав тем самым историческую связность, прервать обыденность. Важно и то, что в этом мире находятся люди с точно таким же сознанием, как и у нас. Они – это мы, только попавшие в страну Кокань, т.е. преодолевшие этот самый предел.

Далее мы рассмотрим варианты прерывания исторического времени в социальных движениях. В первую очередь, они связаны с таким явлением, как милленаризм. Милленаризм – это ожидание тысячелетнего царства Христа, которое будет существовать между Вторым Пришествием и Страшным судом. Согласно Откровению Иоанна Богослова Тысячелетнее царство предшествует Страшному Суду и подразумевает под собой период полного спокойствия, блаженства и духовности. Это мир живых людей, в котором не происходит событий. Яркие вспышки милленаристских ожиданий пронизывают всё средневековье. Это мог быть и «пассивный» милленаризм – напряженное ожидание второго пришествия, как в суперпопулярной концепции Иоахима Флорского (XII-XIII в). Были и «активные» - так называемые апостольские движения XIII в., Мюнстерская коммуна XVI в. В контексте нашей темы важно, что это были движения, охватывающие массы народа, зачастую необразованного. Готовность следовать за проповедниками прерывания истории этого грешного мира говорит об укоренённости в головах средневековых людей представлений о возможности оборвать историческое время, выскочить за его пределы. Очень важен именно тот факт, что Тысячелетнее Царство до Страшного Суда, потому что в этом случае само Тысячелетнее царство как бы находится на этом отрезке от Сотворения мира до Страшного Суда, а значит входит в эту схему бытия теоретически, но практически выпадает из нее по смыслу и по сути. Именно это и отличает концепцию милленаризма, как в прочем и Кокани, от понятия «вечности», т.к. «вечность» - это нечто самостоятельное, не включенное ни во что и события там отсутствуют по сути. А Кокань и милленаризм всего лишь являются примерами выхода за предел, т.е. находясь на отрезке времени, они, в то же время, по своей сути не подразумевают наличие исторического времени внутри самих себя.

В связи с этим, можно предположить, что идея «предела» не принадлежит только пространству интеллектуалов, а является базовой характеристикой средневекового сознания в целом. Средневековое восприятие исторического времени парадоксально: с одной стороны оно жестко-линейно, с другой - «дыряво». Здесь мы бы хотели назвать это именно «дырявостью», а не «зернистостью» [2, С. 32]. Дело в том, что и Кокань, и милленаризм представля-

ют собой именно народное сознание. И здесь можно говорить о некоей народной рефлексии тех идей, которые в интеллектуальной среде привели к появлению идей «зернистости». Самое главное отличие «дырявости» от «зернистости» состоит в том, что, как правило, под «зернистостью» понимается размыкание времени в вечность (чаще всего это случается с приходом Мессии), а «дырявость» предполагает возможность (или вероятность) возвращения в историческое время.

Именно поэтому, изучение «прерывания» исторического времени является актуальным и эвристическим методологическим приемом, поскольку он работает не с конкретно выраженными и записанными идеями, а с теми идеями, которые появлялись в сознании человека той, или иной эпохе и проявлялись в различных сферах человеческой жизни: в фольклоре, в литературе, в социальных движениях и т.д. В современной философии истории возрос интерес не к самому историческому событию, а к переживанию исторического события [1, С.5]. По сути, само событие – это и есть «разрыв», т.к. это перемещение в другой временной поток. Именно поэтому, методологически важным является изучение именно вот этих переживаний исторического времени, в особенности среди различных социальных слоев и культур эпохи.

Литература

1. Довгополова О. Путеводитель по пределам // Эсхатос-II: философия истории в контексте идеи «предела». - Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2012. – С. 5 - 8.
2. Каменских А. Рождение философии истории из духа эсхатологии // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории. - Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011. – С. 32.
3. Селантьева О.Ю. Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературах XVIII-XIX вв.: дис. канд. филол. наук / О.Ю. Селантьева. – М, РГГУ. – С.194-197.

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ

А. С. Шапиро

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

М. Хальбвакс в своем труде «Коллективная память» акцентировал внимание на различие между исторической и коллективной памятью: последняя искусственно формируется под влиянием интересов определенной группы людей. Этот процесс сопровождается разрушением исторической памяти, поскольку вытесняет из нее все, что не согласуется с господствующими в данном обществе стереотипами [8]. В данном тексте мы предлагаем обратиться к локальному, но очень показательному примеру функционирования

коллективной памяти – присутствию памяти про Холокост в современном украинском социуме.

Украинская коллективная память XX в. трансформировалась под влиянием коммунистической идеологии, что определило, на наш взгляд, сохранение памяти о трагедии Холокоста. Советской памятью признавалась единая коллективная травма, причиненная советскому населению во времена Великой Отечественной войны. Планомерная политика замалчивания еврейской составляющей трагедии вытеснила её и из украинской коллективной памяти.

Первый конфликт коллективных памятей (советской и еврейской) произошел в начале 60-х гг. XX в., когда на месте массовых расстрелов евреев в Бабьем Яру в Киеве произошли стихийные митинги. Здесь впервые прозвучало, что в Бабьем Яру погибли не «советские граждане» вообще, а представители разных этносов, в том числе и евреи. В 1976 г. был сооружен бронзовый монумент «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабином Яру» и мемориальная плита «Здесь в 1941-43 гг. немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны более ста тысяч граждан Киева и военнопленных», которые были включены официальной политике памяти [4, с. 19]. Таким образом, митингующие, которые говорили о еврейской составляющей трагедии, вызвали конфликт официальной государственной и национальной памяти свидетелей.

Ситуация в постсоветской Украине обострилась до уровня еще более глубокого конфликта, когда существует «наша», украинская, история страданий, которая включает в себя Голодомор, сталинские репрессии 30-40х годов, депортации этнических групп, и «ваш», еврейский, Холокост. Как отмечает А. Подольский, «вследствие такого подхода постепенно формируется модель исторической памяти, в которой Холокост не имеет никакой связи с национальной историей, и, следовательно, украинский контекст Холокоста остается неизвестным обществу» [5, с. 51].

С. Родевальд указывает, что одна из причин существующего конфликта – отсутствие поддержки изучения трагедии Холокоста со стороны государства, из-за чего национальные (в частности, еврейский) нарративы не интегрируются в общенациональный исторический нарратив [5, с. 50].

Следует отметить, что данная тенденция монокультурного подхода не относится к академическому аспекту формирования памяти о Трагедии в украинском обществе. После распада СССР начался процесс научного изучения истории Холокоста в Украине [5, с. 48]. Украинская историография Холокоста формировалась от региональных исследований и публикаций мемуаров к подготовке специальных исследований, посвященных отдельным аспектам исторического исследования Холокоста и памяти о нем в украинском обществе. Также значительный вклад сделали исследования общественных неправительственных организаций, таких как «Центр изучения Холокоста», центр «Ткума», Общественный комитет по увековечению памяти жертв Бабьего Яра, Конгресс национальных общин.

Однако наработки по включению памяти про Холокост как части украинской истории остаются преимущественно изолированными. Правительство современной Украины предлагает «двойные стандарты» включение еврейской составляющей в единую национальную трагедию времен Второй мировой войны. Так, с одной стороны, декларируется обязательное включение данной темы в курсы школьной и вузовской истории; введен ежегодный День памяти жертв Холокоста 27 января; награждены орденами «За заслуги» III степени Праведники Бабьего Яра [3, с. 7-8]; издаются книги, открываются музеи, памятники, мемориальные доски и др. Однако проведение этой политики оказывается декларативным.

Таким образом, на данном этапе украинская концепция истории остается преимущественно моноэтнической [5, с. 50, 58], или в целом следует советской «внеэтнической» политике памяти о событиях времен Второй Мировой войны. Эти два нарратива памяти находятся в конфликте с индивидуальной памятью еврейских жертв, которые настаивают на полностью еврейской составляющей трагедии Холокоста времен Второй Мировой войны.

Одним из выходов из этой ситуации является концепция поликультурного подхода к культуре и истории, которую предлагают Н. Яковенко и Я. Грицак [7]. Исследователи воспринимают украинскую историю как историю народов, населявших территорию страны. Это продолжение общемировой тенденции восприятия Холокоста, который репрезентируется не частью еврейской истории, а феноменом мировой истории. Опыт таких государств, как Польша и Франция, свидетельствует о продуктивности этого пути построения и развития общественной коллективной памяти народа, которая состоит из истории отдельных этносов, проживающих на его территории.

Литература

1. Звернення Президента України у зв'язку з 70-ми роковинами трагедії Бабиного Яру [эл. ресурс] // <http://www.president.gov.ua/news/21351.html>
2. Иванова Е. Региональные особенности коллективной памяти студентов о Холокосте в современной Украине // Голокост і сучасність. – № 2 (4), 2008. – С.9-28.
3. Левітас І. Праведники Бабаного Яру. – К: Етнос, 2008. – 368 с.
4. Мицель М. Запрет на увековечивание памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Голокост і сучасність. – № 1(2). О – 2007. – С. 9-30.
5. Подольский А. Українське суспільство та пам'ять про Голокост: спроба аналізу деяких аспектів // Голокост і сучасність. – № 1 (5), 2009. – С. 47-59.
6. Постанова Верховної ради України про 70-річчя трагедії Бабиного Яру [эл. ресурс] // <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=230953>
7. Чому і як треба переписувати історію України [эл. ресурс] // <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/01/31/20201/>

8. Halbwachs M. On Collective Memory. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. – 224 p.

Философия образования

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Н. В. Наливайко

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный педагогический университет

Исследования социальных основ современного инновационного образования связаны с его ролью в общественном развитии в условиях перехода к инновационной экономике. Актуален тезис: страна, переставшая видеть в инновационном образовании главный приоритет, окажется на обочине мирового развития.

Переходное состояние общества порождает новые жизненные смыслы и ценности, в том числе в образовании, анализ тенденций развития отечественного образования на сегодняшний день не может быть признан достаточно полным без осмысления необходимости развития инновационного образования

Важные направления в таком анализе занимают вопросы:

- анализ социальных основ системы инновационного образования в условиях глобализационных и информатизационных вызовов;
- рыночных отношений на существующие вопросы становления инновационного образования;
- специфика самого образовательного пространства для ориентации на инновационность ;
- сущность образовательной политики, ее современные тенденции и влияние на формирование системы инновационного образования;

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление 2. Модернизация и ее влияние на российское общество. Проект «Инновационный вектор интеграции науки и образования в условиях современной модернизации общества»

- понимание адекватности тенденции реформирования системы образования для становления самого инновационного образования и др.

Усиление взаимосвязи образования и общества, положительные и отрицательные тенденции влияния новых экономических условий на трансформацию системы образования носит закономерный характер. Общественный прогресс начинается с прогресса образования, требующего сегодня инновационности во всех отношениях.

Содержание образовательной политики (ее нормативно-правовая, культурно-идеологическая, финансовая стороны) выражается в том, как общество и государство обустраивают свою систему образования, в нашем случае, инновационного образования, какие ставят перед ней цели, чьи интересы лежат в основе организации и управления инновационным образованием, как и в каком объеме оно должно финансироваться. Это тем более важно, что благодаря своей инновационности, образование из категории национальных приоритетов высокоразвитых стран переходит в категорию мировых приоритетов (что порождает схожесть проблем и вариантов их решений).

Социальные основы инновационного образования включают:

1. смену представлений об образовании как о благе за счет государства к взгляду на образование как предмет экономических отношений. Инновационное образование развивается в условиях, когда происходит утрата монополии государственных образовательных учреждений на производство и распространение знаний, диверсификация образования, превращение продукта образования в товар. Поэтому важно сегодня определить стратегию развития инновационного образования, отвечающую экономическим и культурным особенностям развития страны, четко обозначив социальный заказ системе образования, планируемый на научной основе.

2. Становление инновационного образования глубоко связано с социокультурной и всей культурно-образовательной средой, необходима культуросообразность инновационной образовательной парадигмы (это -, бережное отношение к наследию и традициям российского образования и науки, их осмыслению в современных).

3. Инновационное образование – это элитное образование, поэтому нужно четкое понимание соотношения элитарного, элитного и эгалитарного образования. Элитное образование обладает глубокой философско-методологической и научной базой, профессиональной близостью с системой университетского образования, с высоким концептуально-стратегическим уровнем.

4. Главную роль в становлении и развитии элитного образовании принадлежит государственной политике. Вместе с тем, опасно, что в современных условиях значительно снижается поддержка образования на уровне государства. Основой проведения государственной образовательной политив инновационном образовании должно стать создание социокультурной среды, благоприятной для функционирования и развития этого образования; что формирование современной образовательной политики (подготовка нового зако-

на об образовании) требуют от российского правительства глубоко научного подхода.

5. Немаловажным фактором в развитии инновационного образования является его идеология. Сегодня человек стремится к предприимчивости, способен рисковать, организовывать свое дело и управлять людьми. Но будущее отечественного образования неразрывно связано с направленностью на духовное, нравственное и интеллектуальное развитие молодежи, на формирование национального самосознания, с опорой на духовные традиции и национальные идеалы народа. Специфика трансформации содержания образования, которое опасно инновационному образованию обращена в сторону индивидуализма. Осуществляемая в настоящее время реформа образования меняет тип «механизма» взаимодействия системы образования и общества и существующие в обществе ценности.

Таким образом, образование имеет признаки самостоятельной сферы общественной жизни, зависящей от состояния социума и оказывает существенное, порой определяющее влияние на все остальные сферы жизни общества. Существует мощная зависимость образования (инновационного образования) от состояния и тенденций развития социума, прежде всего от тенденций мирового развития и социально-экономической ситуации в стране. К числу основных современных тенденций мирового социально-политического и техногенного развития, обуславливающих существенный запрос в развитии системы инновационного образования, является:

– значительное ускорение темпов его развития, замена эстенсивного развития интенсивным. Основой жизнедеятельности является развитие техники, технологий, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. В результате возникает отчетливо выраженная тенденция ускорения темпов прогресса с ориентацией в будущее и как следствие – необходимость подготовки людей к жизни в инновационно-техногенном, знаниевом обществе, в быстро меняющихся условиях;

– усиление потребительских признаков современной цивилизации, что ведет к приоритетности в сознании материальных ценностей, а, значит, к углублению общего кризиса духовности. Престижность, личностная и общественная ценность образования при этом сохраняется все больше за счет повышения его статусно-престижной и инструментальной ценности;

– глобализация общественных процессов, возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, что требует интеграции образования и формирования соответствующего мышления у молодого поколения;

– утверждение информационного общества, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы информационных взаимодействий, коммуникабельности и толерантности;

– демократизация общества, расширение поля свободного политического и социального выбора в принятии решений, что вызывает необходимость повышения уровня готовности граждан к такому выбору, актуализирует гражданское образование и его мировоззренческий аспект;

– динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, определяющие постоянную потребность в постоянном повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности и др. Уже сегодня в школах и вузах необходимо формировать креативность, коммуникативность, способности к переобучению, умения работать с большими объемами информации, действовать в условиях жесткой конкуренции рабочей силы;

– возникновение новой системы ценностей, изменение их иерархии и социальной устойчивости. В современном мире научно-технический прогресс постоянно меняет типы общения, формы коммуникации людей и даже типы личности и образы жизни. Поэтому возникает необходимость подготовки особого типа автономии человека: при сохранении своей индивидуальности, он должен быть готов быстро менять свои корпоративные связи, выстраивать гибкие отношения с людьми, погружается в разные социальные общности, а часто и в разные культурные пространства;

– превращение преобразующей деятельности человека в его главное предназначение, в деятельностно-активный смысл его жизни. Деятельностно-активный идеал отношения человека к природе распространяется затем и на сферу социальных отношений, которые также начинают рассматриваться в качестве особых объектов, которые человек может целенаправленно преобразовывать в угоду своим потребностям и интересам, в том числе через силу и власть. Деятельностно-активные отношения человека к окружающему миру предполагают овладение и присвоение не только вещей, предметов, но и любых других товаров (человеческих способностей, информации, образовательных подсистем и их продуктов), имеющих денежный эквивалент. В этом случае сформированный образованием научный рационализм, не наполненный нравственными регулятивами, может нанести непоправимый ущерб как природе, так и обществу;

– резкое усиление агрессивности современной цивилизации. Традиционные культуры, в т. ч. образовательные, не только оттесняются на периферию социального прогресса, но и радикально трансформируются при вступлении общества на путь модернизации и техногенного развития. В настоящее время западные либерально-рыночные стандарты в условиях глобализации зачастую ломают национальные традиции, закрепляют свою систему ценностей, что приводит к формированию двойных стандартов, к дисгармонии отношений в системе «общество–образование–личность», что требует активизации защитных механизмов национальных образовательных систем.

Одной из задач образовательных реформ, проводимых в России, было приведение образования в соответствие с целями рыночной экономики, превращение образовательной деятельности в сферу услуг. Но приспособление образования к запросам рынка объективно приводит к квазиобразованности, поверхностности усваиваемых знаний, к примитивизации потребностей и утилитаризму, к разрушению эмоционально-ценностной сферы учащихся и педагогов, а все это и есть кризис духовности. Особенности государственной политики в области отечественного образования, в том числе, инновационного, позволяют обнаружить корреляционную зависимость между государственным и социальным заказами. Государственный и социальный заказы в области образования, как правило, максимально совпадают в периоды поступательного развития общества, когда реализуется потребность и самого общества, и государства в качественной профессиональной подготовке необходимых им кадров, и в период начальной фазы либерализации духовной сферы и либерально-демократического движения; государственный и социальный заказы в области образования, как правило, максимально не совпадают, начинают противоречить друг другу на спаде либерально-демократического движения в стране.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С. В. Камашев

Новосибирский государственный педагогический университет»

Глобализации по своей сути затрагивает судьбы всего человечества, требуя целенаправленных, согласованных действий и объединения усилий большей части населения планеты [1, с. 12]. По мнению многих исследователей, глобализация качественно отличается от интеграции, являясь процессом становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от неупорядоченных внешних воздействий. Глобальные процессы стали общезначимыми, общечеловеческими для мирового сообщества в целом [2, с. 123–124].

Будучи символом всеобщего, глобализация, однако, в ее гуманистическом смысле и толковании не имеет ничего общего с унификацией, стандартизацией и обезличиванием. Глобализация, с одной стороны – это то, что свойственно и принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия. С другой стороны, все глобальное перестает быть только локальным, частным и автономным и становится общим достоянием. Это стало возможным благодаря развитию информационных технологий, преодолевающих любые организационные ограничения.

В концептуальном социально-философском плане, на наш взгляд, рассматривая глобализацию акцент должен ставиться на единстве в многообразии. Научиться жить самим, давая жить другим – в этом и заключается основная идея глобализации (в ее гуманистическом истолковании) [3, с. 38–39].

В XXI веке успех экономического развития и способность преодолевать социальные проблемы во многом зависит от того, насколько общество способно адаптироваться к новым мировым реалиям и использовать их в интересах модернизации. В. Г. Федотова отмечает, что для России как участницы глобализации главным вызовом этого процесса окажется вопрос о способности «органически подключиться» к важнейшим тенденциям мирового развития. В технологическом и экономическом отношениях Россия сохраняет шанс преодолеть – или, по крайней мере, уменьшить – нарастающее отставание от развитых государств, которые в основном и используют благотворные (для них) последствия глобализации. Россия сохранила достаточный уровень научно-технологического развития, относительно квалифицированную рабочую силу и, самое главное, интеллектуальный потенциал. Иными словами, предпосылки «включения России в глобализацию» есть [см.: 4].

Автор считает, что одним из важных факторов способствующих успешному решению вопросов глобализации является образование, которое в первую очередь отвечает за подготовку человека к работе в новых организационных структурах и широкое распространение информационных технологий, изменяющих организацию труда. В процессе глобализации образовательная деятельность в отношении всех без исключения социальных и возрастных групп населения становится основным средством развития и воспроизводства. Образование выступает наиболее эффективным средством позитивного развития российского государства в условиях глобализации, так как только образованное общество и образованное человечество может критично и разумно противопоставить позитивные процессы развития негативным.

Важно отметить, что глобальное образование, в которое включилось и Россия, объединяет различные образовательные системы многих государств и религий, отличающихся по своим философским, историческим, культурным и педагогическим традициям, по разному декларирующих свое отношение к глобальному образованию, но использующих его возможности в собственных целях. В настоящее время можно выделить два направления в глобализации образования актуальные и для российской образовательной системы. Первое – маркетинг образования, обусловленная инвестициями крупного бизнеса и международных финансовых институтов в стандартизацию и распространение обучающих модулей для работников в соответствии с технологическими требованиями. Положительным в данной практике является значительное увеличение рабочих и учебных мест, а также относительно кратковременный период подготовки работника. К отрицательным моментам этого направления глобализации относится узкая специализация и, как следствие, незащищенность человека перед постоянно изменяющейся экономической ситуацией, невозможность учета персональных интересов и предпочте-

ний в сфере обучения. Другое направление – связано с программами устранения базовой неграмотности, что признается ЮНЕСКО основным гуманитарным средством борьбы с хронической бедностью, экономическим неравенством, а также предотвращением гражданских войн и другими негативными последствиями развития мирового сообщества.

Для России глобальное образование означает не только сохранение уже сложившихся традиций отечественной научной и педагогической школы. Предстоит также сделать конкретные шаги по становлению системы непрерывного образования, позволяющей любому человеку независимо от социального положения и возраста учиться и/или действовать на основе необходимых знаний, информации и практических навыков. Включение России в систему единого образовательного пространства в современном мире происходит противоречиво, в столкновении интеграционных и дезинтеграционных процессов. Дезинтеграционными являются противоречия между средним и высшим образованием, школьным и внешкольным воспитанием, субъектом и объектом педагогической деятельности и интенсивное развитие наряду с инновационными светскими системами религиозного, эзотерического и т.п. образования. Не способствуют интегративным тенденциям образования и резкое снижение его качества, подростковая преступность, непрестижность педагогической профессии и т.п. Достаточно противоречив по своим последствиям и важнейший фактор универсализации образования – повсеместное использование новейших информационных технологий. В условиях, когда посредством глобальной информационной сети формируется обширная образовательная среда с неоднозначными социальными нормами, для философии образования возникает совершенно неожиданная проблема, которая подпитывается спецификой поликультурного региона.

Проблемы будущего образования должны решаться в России на основе наследия и традиций национальной культуры, российского менталитета, с учетом творческой переработки и усвоения лучших мировых достижений в сфере образования. Россия должна сохранять и развивать свои самобытные национальные качества и традиции, свое целостное и глубинное видение системы образования, что является несомненным достижением мирового масштаба. Для российского образования актуальна объективная потребность в изучении как мирового передового педагогического опыта, так и индивидуального стиля деятельности современного учителя – вечного ученика, ищущего и принимающего все новое, ведущего за собой подрастающее поколение в противоречивом и быстро меняющемся мире.

Литература

1. Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. – М. : Новый век, 2002. – 416 с.
2. Камашев С. В., Косенко Т. С. Глобализация и развитие отечественного образования // Российское образование в XXI веке (философские, соци-

ально-культурные и психолого-педагогические аспекты) : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Бийск : АГАО, 2010. – С. 122–128.

3. Камашев С. В. Глобализация как социальный феномен: анализ происхождения и функции // Философия образования. – 2010. – № 2 (31). – С. 37–44.

4. Федотова В. Г. Российское развитие в условиях глобализации // Философские науки. – 2001. – № 1. – С. 36–43.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КАЧЕСТВО РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Р. Н. Шматков

Сибирский государственный университет путей сообщения
(Новосибирск)

Для начала сформулируем исходные постулаты качества российского высшего образования в глобализирующемся мире.

Первым исходным постулатом качества российского высшего образования является условие сохранения его носителями территориальной целостности страны, в которой они проживают и которая обеспечивает получение ими качественного высшего образования.

Вторым исходным постулатом качества российского высшего образования является увеличение социального, экономического и научно-технического потенциала России в целом, а не только отдельных ее социальных групп, то есть увеличение жизненных сил нации.

Если указанные выше постулаты качества высшего образования в нашей стране принять за исходные, то становится очевидным утверждение о том, что структура высшего образования в России должна быть сопряжена со структурой объективных потребностей всего общества как целостной суперсистемы (следуя терминологии П. А. Сорокина [1]) и направлена на сохранение целостности и развитие указанной суперсистемы. Причем общество следует понимать как суперсистему, состоящую из двух основных систем – гражданское общество и государство. Под гражданским обществом в настоящей работе понимается общество, в котором каждый человек чувствует себя гражданином, то есть индивидом, несущим ответственность не только за себя, но и за общество, в котором он живет. Еще Аристотель утверждал, что человек является существом политическим, в том смысле, что он ответственен за свой полис (город-государство в Древней Греции). Тем самым, гражданское общество способно и должно влиять на государство при достижении своих жизненных целей.

В рамках указанной модели качество высшего образования должно удовлетворять внешним и внутренним критериям. Внешние критерии качества высшего образования заключаются в том, что качество высшего образования

должно удовлетворять целям общества как суперсистемы, к которой оно принадлежит. Однако если общество находится в состоянии кризиса (то есть является «большим»), то возникает справедливый вопрос: «Каким его критериям необходимо руководствоваться при формировании качества высшего образования?». В этом случае общество является неоднородным и противоречивым, состоящим из различных социальных групп, интересы которых прямо противоположны друг другу. Так, например, современное руководство нашей страны, руководствуясь требованиями глобализации, ориентирует отечественное образование на потребности других государств, образующих так называемый «золотой миллиард», но такая образовательная политика идет вразрез с национальными интересами нашей страны. Тем самым, высококлассные отечественные специалисты, подготовленные за счет нашего государства, пополняют «кремниевые долины» развитых стран, усиливая и без того критический «кадровый голод» в своей стране. По подсчетам заведующей лабораторией открытых информационных технологий МГУ В. А. Сухомлина, потери нашей страны в результате утечки отечественных высококвалифицированных специалистов за рубеж оцениваются в размере одного триллиона долларов (см., например, [2]). Таким образом, бессмысленно рассматривать качество высшего образования без учета политико-идеологических ориентиров. В этом случае высококвалифицированный специалист, подготовленный в нашей стране с использованием всех ее образовательных ресурсов и средств, может иметь негативное качество, которое направлено против суперсистемы, к которой он принадлежит. Поэтому современный тезис деидеологизации и деполитизации отечественного образования, усиленно внедряемый в общественное сознание властными структурами, имеет негативную направленность и разрушительно действует на качество отечественного образования. Указанный тезис противоречит как первому, так и второму постулату качества образования, поскольку при этом нарушается территориальная целостность нашей страны и растрачиваются не на пользу нашей страны жизненные силы нации. Следовательно, каждый специалист, получивший высшее образование в нашей стране обязан быть патриотом своего Отечества и призван все полученные знания, умения и навыки направлять на его благо и процветание.

Наряду с внешними критериями качества высшего образования в предлагаемой нами модели присутствуют и внутренние критерии, которые являются инвариантами по отношению к социальным условиям (то есть неизменны по отношению к суперсистеме «общество» и составляющим ее системам «государство» и «гражданское общество»). При разработке внутренних критериев качества отечественного высшего образования необходимо учитывать то обстоятельство, что знания, получаемые обучаемыми, могут быть истинными или ложными. По отношению к точным наукам указанной проблемы не существует – в них со времен Ф. Бэкона «практика является критерием истины». Однако в социальных и гуманитарных науках ситуация обстоит гораздо сложнее – поскольку указанные науки сильно подвержены субъективизму

(ввиду отсутствия четких качественных критериев [3]), в них могут существовать противоположные позиции по отношению к одной и той же проблеме, в зависимости от смысловых координат, расставленных различными социальными группами. Таким образом, при разработке внутренних критериев качества высшего образования в социальных и гуманитарных науках необходимо ввести специальные смысловые координаты, которые были бы ориентированы на соблюдение сформулированных выше первого и второго постулатов качества российского высшего образования, а значит в них также нельзя обойтись без соответствующей государственной идеологии.

Литература

1. Сорокин П. А. Социокультурная динамика. – Москва: Директ-Медиа, 2007.
3. Сухомлин В. А. ИТ-образование. Концепция, образовательные стандарты, процесс стандартизации – М.: Горячая линия – Телеком, 2004.
3. Шматков Р. Н. Региональный аспект онтологии модели качества инновационного образования // Философия образования. – 2009. – № 3. – С. 28–36.

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Реформа образования с разной степенью интенсивности идет у нас уже более двух десятилетий (т.е. если считать послеперестроечный период, то образование реформируется непрерывно все это время). Однако в качестве начальной точки имеет смысл взять 2004 год, когда Министром образования и науки РФ стал А.А. Фурсенко. За это время произошел переход к бакалавриату и магистратуре, ЕГЭ стал обязательным, вводятся стандарты третьего поколения и разрабатываются последующие, и т.д. В то же время для ключевых участников реформы, т.е. для преподавателей (средней и высшей школы) остается непонятной общая направленность преобразований, а то, как они проводятся, воспринимается с глухим недовольством.

Основную причину такого отношения легко понять, учитывая чисто административный характер проводимых мероприятий. Вместо того, чтобы внятно объяснить их цели, указать, что именно, как и зачем будет реформироваться, в общество все время вбрасываются примитивные плохо обоснованные утверждения о положении дел, на основе которых делаются выводы о необходимости преобразований в том или ином направлении. Но все это бессистемно и малоубедительно и, конечно, никоим образом не учитывает традиции отечественного образования.

Основной тезис данной работы можно сформулировать так: противоречивость процесса реформирования связана с неопределенностью социальной

структуры общества, и, соответственно, с тем фактом, что разные группы влияния периодически выходят на первый план и диктуют свои условия. Иначе говоря, если бы в современной России был мощный средний класс и, соответственно, реально влиятельное гражданское общество, нынешняя ситуация с системой образования была бы невозможна.

Итак, первый и самый простой вопрос: в чьих интересах проводится реформа? По идее это должны быть интересы среднего класса, поскольку именно он является стержнем общественной системы, построенной на базе капиталистической экономики. Если двигаться по логике, что именно среднему классу нужна модернизация экономики, то по этому признаку численность среднего класса оценивается примерно в одну четверть населения. Но возникают очень серьезные сомнения в том, что здесь можно проводить знак равенства. Представляется, что правильнее говорить о некоей прослойке, которую Р.Х. Симонян называет «средним потребительским слоем». Это не класс, а нечто совсем другое – это «...весьма зыбкая социальная прослойка, что особенно характерно для переходных обществ... В отличие от общественного класса (социальная категория) потребительский слой (статистическая категория) устойчивостью не обладает, поэтому не может выполнять функцию основы общества, каковую выполняет средний класс» (Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // СоцИс, № 1, 2012. С. 46). Средний потребительский слой в нынешней России не может осуществлять функцию социального стабилизатора, определенную М. Вебером. Сегодня четверть этого «стабилизатора» склоняется к эмиграции, а три четверти надеются отправить своих детей жить за границу. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса». Действительно, одна из наиболее характерных черт данной прослойки – стремление обеспечить определенные ключевые позиции не за счет и не на территории своего государства, а за счет заграницы. Это касается, во-первых, получаемых доходов (которые в России не гарантированы), и, во-вторых, будущего детей.

Остается еще значительное количество людей, которые неадекватно учитываются в структуре нашего общества, поскольку они не составляют цельной общественной группы, и их интересы не могут быть ясно сформулированы, за исключением стремления выйти за пределы черты бедности. В результате, те, от кого зависит уровень функционирования системы образования, по своему жалкому социальному положению исключаются из состава тех, кто влияет на решения, принимаемые в данной сфере.

Остается единственная социальная группа, которая может от имени государства давать задание на реформирование образовательной системы. Это так называемая элита. В настоящей статье нет смысла анализировать структуру этой группы, достаточно указать на то, что ядро этой группы составляют те, кто связан с получением доходов от продажи сырьевых ресурсов стра-

ны. Учитывая, что они еще в большей степени, чем средний потребительский слой, ориентированы на обучение своих детей в иностранных университетах, очевидно, что реформа отечественного образования лежит за пределами их непосредственных интересов. В то же время представители нашей элиты несомненно поддерживают любые преобразования, которые 1) минимизируют расходы на систему образования и 2) так или иначе ориентируются на западные образовательные модели.

Что же в этих условиях получается? Во-первых, нет значимой общественной группы, которая была бы напрямую ответственно заинтересована в качественном реформировании системы образования. Существующие интересы можно зафиксировать следующим образом: повышение доходов тех, кто работает в данной сфере – учителей и преподавателей высшей школы (поскольку их доходы находятся на уровне ниже средних доходов по промышленности); получение знаний в тех областях, которые позволяют облегчить пребывание за границей (это, в первую очередь, знание иностранных языков); получение дипломов, позволяющих несколько упрочить или повысить статус работающих (в гораздо меньшей степени получение знаний, предполагаемых фактом выдачи данных дипломов); получение гарантированных доходов от процесса реформирования системы образования (эксперты, занятые составлением программ преобразований, стандартов третьего и последующих поколений, методических пособий; издатели учебной и методической литературы; руководители вузов и структур, непосредственно связанных с реформой); и, разумеется, существует группа непосредственно связанных с элитой или прямо входящих в нее собственников, заинтересованных в том, чтобы уровень образования в России гарантировал сохранение ее статуса в качестве сырьевого придатка развитых экономик.

Эти разнонаправленные интересы и определяют ситуацию в образовательной сфере. Очень показательны в этом отношении, например, исследования, посвященные изменению характера интересов учащейся молодежи. Эти интересы по мере обучения сдвигаются от получения знаний к получению диплома, обеспечивающего в глазах молодежи определенный социальный статус. (См. напр. *«Данный феномен - смещение акцентов в образовательных потребностях молодежи по отношению к высшему образованию с профессиональной на статусную составляющую имеет объективную причину: рынок труда не готов к принятию молодых специалистов для устройства их по специальности. А если такая возможность у выпускников вуза и возникает, то часто предлагаемая заработная плата не вызывает у них желания идти на предложенную работу»*. (Цылев В.Р., Дюмина Н.Н. Тенденции в изменении мотивов получения высшего образования у молодежи г. Мурманска // СоцИс, № 2, 2012. С. 150). О том же свидетельствует исследование изменений интересов студентов педагогических вузов: «Материалы социологического опроса 1469 студентов педагогических вузов г. Москвы, проведенного Центром социологии образования РАО, фиксируют у студентов педагогических вузов от 1-го к 5-му курсу снижение значимости таких мотивов, как

«желание получить новые знания», «желание стать специалистом в данной области» (Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е. Модернизация педагогического образования // СоцИс, №2, 2011. С. 91). Т.е. специальность как таковая оказывается вторичным приобретением. В то же время министерство с последовательностью, достойной лучшего применения, ориентирует систему образования на рынок труда. Как минимум, это свидетельствует о неадекватном представлении реальной ситуации и, соответственно, о непрофессионализме.

Но, по-видимому, речь должна идти о более серьезной ситуации, когда система сознательно загоняется в лузу заведомо проигрышных решений. Как свидетельствуют исследования рынка труда и его возможностей в определенных образовательных трендах, в настоящих условиях он не способен серьезно и ответственно определять соответствующие направления реформы. Поэтому попытки замкнуть систему образования на потребности рынка не способны дать позитивный результат. Стремление реформаторов включить бизнес в решение проблем образования (само по себе крайне спорное – достаточно вспомнить выступления французских студентов против привлечения бизнеса в университеты) в современных условиях не является перспективным.

В то же время, как показывают другие исследования, то, в чем заинтересована элита – получение сверхдоходов, что ведет к увеличению социального расслоения. Министерством образования было декларативно объявлено, что ЕГЭ направлен на уменьшение уровня коррупции и на стирание барьеров между различными группам населения. Однако, как показывают исследования, система образования все более воспроизводит и, соответственно, углубляет социальное расслоение. Очевидно, что специальная государственная политика, направленная на свободное формирование квалифицированных кадров, не только не разрабатывается, но даже не предполагается, несмотря на все декларации.

С социологической точки зрения весьма понятны те направления преобразований, которые реализуются государством. Возьмем, например, политику слияния вузов. Она обосновывается тем соображением, что присоединение слабых вузов к сильным (в первую очередь, разумеется, московским) приведет к повышению их уровня. И, значит, это делается в интересах общества. В действительности ситуация далеко не такая радужная. Согласно интервью генерального секретаря Российского союза ректоров Ольги Кашириной, «главная цель реорганизации вузов – эволюция качества образования. Экономическая и социальная отдача вуза должна стала выше, чем государственные вложения в него. При этом четкого государственного плана преобразований пока нет» (Электронный доступ: http://ria.ru/edu_higher/20120427/636663596.html). Сразу обращает на себя внимание фраза – плана нет, а слияния уже идут. Совершенно очевидно, что реализуется план перераспределения собственности, а насколько это положительно влияет на образовательный процесс – дело второстепенное. Отсюда и соответствующие действия – сокращается профессорско-преподавательский состав (ППС) присоединяе-

мых вузов и начинается эксплуатация новых площадей. Можно привести множество примеров. Понятно, насколько аппетитна собственность провинциальных вузов, располагающих значительными площадями в хороших районах больших городов. На это же направлена политика объявления вузов неэффективными. Особенно если учесть, что все они перед этим прошли государственную аккредитацию.

В этом же ключе реализуется политика сокращения количества школ. Это и слияние школ в городах, и прямое закрытие сельских школ: «В ходе контрольного мероприятия также установлено, что за 2005-2010 годы в рамках оптимизации сети общеобразовательных учреждений прекратило существование 12 377 школ, из них 10 089 школ (81,5%) — в сельской местности. При этом проводимая оптимизация не имела достаточного обоснования, была не в полной мере регламентирована нормативными правовыми актами и нередко осуществлялась с грубыми нарушениями законодательно установленных норм» (Электронный доступ: http://www.mosedu.ru/press_news/detail.php?ID=28865). Процесс называется «оптимизацией бюджетных расходов».

Заместитель Председателя Государственной Думы РФ Н.В. Герасимова высказалась в этом ключе без обиняков: «Рассматриваемый сегодня законопроект направлен на реформирование сети бюджетных учреждений путем повышения эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг при одновременном сокращении расходов бюджетов на функционирование таких учреждений. Предлагаемые меры потребуют реформирования 328 тысяч бюджетных учреждений, в том числе 25 тысяч федеральных и 303 тысяч региональных и муниципальных бюджетных учреждений» (<http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=32119>). Рассуждение замечательное: повысить эффективность путем снижения расходов. Опять впереди деньги, а уже где-то на втором, если не на третьем или четвертом месте — собственно образование.

При этом непонятно, как это все позитивно сочетается со стратегическими задачами развития страны. А вот как этот процесс с ней сочетается негативно, достаточно очевидно. В апреле этого года на Пятом съезде детских омбудсменов уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов представил данные о том, что «в 2011 году выявлено необучавшихся 30 тысяч детей в возрасте от 7 до 18 лет». Кроме того, «в России более 670 тысяч малограмотных и неграмотных подростков от 15 до 17 лет. По его подсчетам, это почти 15% от всех российских детей» (<http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=32119>). И это уже немалая социальная группа, хотя и очень рыхлая на настоящий момент.

Насколько позиция ответственных чиновников не совпадает с реальностью видно хотя бы из того факта, что согласно их утверждениям «приоритетом в реформировании образования становится опора на экспертное сообщество. Об этом заявил ... первый заместителя комитета Госдумы по образованию Владимир Бурматов, комментируя ER.RU итоги селекторного совеща-

ния по вопросу итогов учебного года и планов на предстоящий учебный год (См. Электронный доступ: <http://er.ru/news/2012/6/6/burmatov-reformirovanie-obrazovaniya-budet-vestis-s-oporoj-na-ekspertnoe-soobshestvo/>). Но именно экспертное сообщество в лице учителей средних школ и преподавателей высшей школы абсолютно отстранено от процесса реформирования. Утверждения об опоре на экспертное сообщество могут вызвать лишь усмешку, примерно такую же, как и разговор об автономии университета (а это один из ключевых пунктов функционирования западного университета, на который якобы ориентирует реформа).

Совершенно ясно, что все это может происходить и происходит исключительно потому, что те, кто занимается «оптимизацией», выражают интересы тех, кто в принципе не связывает свое существование со страной. М.Г.Делягин говорит об этом так: «Политику государства сегодня определяет большой слой так называемой «оффшорной аристократии», которая уже не только активы, но и семьи держит на Западе, которая рассматривает Россию, как вахтовую территорию. Им плевать, что здесь будет происходить»(Электронный доступ: <http://www.kp.ru/daily/24498.5/652231/>).

Но при отсутствии реальной заинтересованности в развитии образования у серьезных игроков, на это поле приходят мелкие группы со своими корыстными интересами. Здесь и педагогическая мафия, которая определяет все больший крен в формальную сторону, требуя усиления методического обеспечения и под это обеспечивающая себе значительные средства на разработку стандартов новых и новых поколений. Это и издательская мафия, которая добилась дикой нормы, согласно которой нельзя использовать учебники и учебные пособия старше 5 лет, и др.

Вывод очевиден: в настоящее время в России не существует ни одной социальной группы, которая была бы заинтересована в развитии образования. Эта сфера стала полем деятельности целого ряда различных групп разного масштаба с их групповыми интересами. Отсюда и противоречивость процесса реформирования, естественно ведущая к падению общего уровня образования, как в средней школе, так и в высшей.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Л. П. Загорюлько

Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России

В современных условиях кросс-культурных взаимодействий проблемы языкового образования приобретают особую значимость. Чтобы понять сущность языкового образования, мы должны выявить объективные причинно-следственные связи его с другими объектами и явлениями. Для этого необхо-

димо сопоставить, насколько реальный образовательный процесс соответствует смыслу языкового образования, что способствует (и препятствует) осуществлению в действительности смысла языкового образования. Однако, как утверждает Н. А. Князев, «новизна данной ситуации оборачивается для исследователя не только проблемой раскрытия сущности объекта (сложного по своим предметным и динамическим характеристикам), но и тесно с ней связанной проблемой приведения к этой сущности всей совокупности факторов и условий, составляющих сферу её опосредования» [1, с. 251]. Это обстоятельство и даёт право утверждать, по мнению Н. А. Князева, что сущностный исследовательский подход в современной философии и методологии науки представляет собой не что иное, как решение вопроса об опосредовании сущности исследуемого предмета его существованием [1, с. 251].

Многоаспектность языковой действительности и языковой политики взаимосвязаны. Значение языкового образования как формы реализации языковой политики государства (особенно многонационального) возрастает, так как решение языковых проблем должно быть направлено на формирование определенного языкового состояния общества. Сохранение национальной и языковой идентичности не исключает других проблем, касающихся языка и языкового образования. Язык необходим человеку как дух народа, его мировидение, так как с его помощью мы мыслим и общаемся; эти функции языка являются социально наиболее важными.

Современное изучение языка исключает его рассмотрение только как средства познания. Необходимо также исследование языкового образования как способа организации и осуществления общественного развития. Языковой подход в образовании раскрывает основу (стержень) образования, поскольку в нём отражаются все процессы, происходящие в обществе (онтологический аспект языкового образования), что характерно социуму на всех этапах его развития. И сегодня, в условиях информационного общества, когда на первый план выдвигаются информация и знания, язык по-прежнему является материальным носителем информации.

Актуальность исследования языкового образования приобретает более острый характер, поскольку идет борьба за господство в информационном пространстве. Конкурентоспособность государства (отдельно взятого человека) зависит от обладания информацией, поэтому потеря информации в связи с языковым барьером оказывается одной из актуальнейших социальных проблем современности. Умение работать с информацией как на родном, так и на неродном языке обеспечивает преимущество человека в любой сфере деятельности. При этом необходимо отметить, что уровень знания неродного языка зависит от уровня владения языком, который человек считает для себя родным; именно на родном языке происходит процесс становления умения мыслить. Снижение престижа родного языка в результате неадекватной языковой политики может иметь катастрофические последствия: современное поколение утрачивает связь с наследием своего народа, что влечёт за собой деградацию основ существования государства.

Конфликты в многонациональном (особенно в глобализирующемся) обществе возникают, с одной стороны, в связи с потребностью сохранения любым человеком идентичности на родном языке, а с другой – в связи с необходимостью людей во взаимопонимании, поскольку общество неизбежно сталкивается с проблемами, возникающими в условиях межнационального общения, а языковое образование дает возможность смягчить конфликтную ситуацию.

Почему руководители нескольких европейских государств признали, что проводимая ими политика «мультикультурализма» потерпела провал? Мигранты являются не только носителями другого языка, у них и мировидение другое. Результатом мировидения выступает картина мира в сознании личности, включающая систему ценностей, способов мышления, восприятия мира и эмоционально-ценностного отношения к нему.

Человек не может изменить или принять мировидение вместе с новым языком (языком страны пребывания). Это мешает его ассимиляции, вхождению в новое культурное пространство. Однако мы считаем, что нет противоречия в том, что язык, а следовательно, и языковое образование, должны способствовать адаптации личности в новых для неё культурно-языковых условиях. Термин «ассимиляция» в философской литературе трактуется как «уподобление», «уравнивание» [2, с. 30], а «адаптация» как «приспособление» [2, с. 11]. Для понимания современной ситуации важно исходить из того, что система неродного языка встраивается в уже сформированную систему родного языка, вместе с которым человек получает заданные этим языком представления о реальном мире. Поскольку закономерности овладения этими двумя различными коммуникативными системами не повторяются, то не может произойти и уподобления языковых систем и совпадения мировидения. Именно за родным языком стоит первичная социализация личности, а за неродным – чужая социальная, познавательная, культурная действительность. Очевидно, что чужая социальная действительность противоречит уже сформированному мировоззрению, и перед человеком с определёнными ценностями и идеалами с неизбежностью возникает проблема переоценки ценностей. Несмотря на существующие объективные противоречия, в условиях сосуществования культур носителям разных языков и культур необходимо учиться понимать друг друга. В связи с этим должны определяться и задачи языкового образования. Уровень владения неродным языком зависит от уровня владения родным языком, так как именно на родном языке человек мыслит. Ситуация в Европе складывается таким образом, что языки мигрантов, приехавших из неевропейских стран, европейским образованием игнорируются. Поскольку родной язык (на котором человек мыслит) не развивается, постольку дети мигрантов не могут овладеть еще двумя языками, необходимыми для сдачи экзаменов на аттестат зрелости. В результате люди не могут интегрироваться в определенное культурное сообщество, что и приводит к возникновению социальных проблем [3, с. 227].

Новой эпистемой глобального мировидения, связанной с пересечением границ, миграциями, культурными, политическими и экономическими взаимодействиями, И. А. Мальковская, М. В. Тлостанова и Х. Гарднер [см.: 4; 5; 6, с. 255] рассматривают транскulturацию как процесс проникновения в иную культуру. По их мнению, транскulturация создает преимущества для процветания общества, тогда как принудительный монокультурализм и монолингвизм, культивируемый в сообществе, не способствует его развитию. При этом необходимо подчеркнуть, что транскulturация основывается «на эпистемологическом, а не этно-культурном многообразии» [5, с. 28]. Это предполагает новое осмысление, с одной стороны, рассматривавшихся прежде явлений границ, миграций, полилингвальности, культурного многообразия, а с другой – актуализировавшихся в настоящее время понятий транснациональных языков [см.: 5, с. 28]. М. В. Тлостанова утверждает, что основой транскulturации выступает культурный полилог, в процессе которого не предполагается «полный синтез, слияние, полный культурный перевод, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются» [5, с. 28].

В образовательном процессе механизмами формирования мировоззрения, то есть миропонимания посредством конкретного языка, являются процессы понимания и объяснения. В философской литературе понимание трактуется как «способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат» [2, с. 353]. Как утверждал Х.-Г. Гадамер в статье «Язык и понимание» [7], «всякое понимание есть проблема языковая и <...> оно достигается (или не достигается) в медиуме языковости» [7, с. 43]. По его мнению, «все феномены взаимосогласия, понимания и непонимания <...> суть явления языковые» [7, с. 43]. Х.-Г. Гадамер был убежден, что «не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой событие языка – даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах или об умолкнувшем и застывшем в буквах голосе – событие языка...» [7, с. 43–44].

Глобальные политические, экономические, культурные и миграционные процессы, происходящие в обществе, подразумевают изменение отношения к языковому образованию, причём с учетом новых требований, что невозможно без философской рефлексии данной проблемы. Языковое образовательное пространство необходимо организовать таким образом, чтобы в нём преломлялась языковая политика, которая, с одной стороны, должна способствовать укреплению позиций родного языка, а с другой – содействовать развитию других языков с учётом специфики реальной языковой ситуации в мире.

Литература

1. Князев Н. А. Философские проблемы сущности и существования науки: моногр. – Красноярск, 2008.
2. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Кораблевой, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2006.

3. Загорулько Л. П. Развитие языкового образовательного пространства в условиях современных миграционных процессов // *Философия образования.* – 2011. – № 3 (36). – С. 224–231.
4. Мальковская И. Ф. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // *Социологические исследования.* – 2005. – № 12. – С. 3–13.
5. Глостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. – М. : Едиториал УРСС, 2004.
6. Suarez-Orozco M. M., Qin-Hilliard D. B. *Globalization: culture and education.* – University of California Press Berkeley Los Angeles, London and The Ross Institute, 2004.
7. Гадамер Х.-Г. *Актуальность прекрасного.* – М. : Искусство, 1991.

ВЛИЯНИЕ СЛОЖНОГО МЫШЛЕНИЯ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Карташова

Томский политехнический университет

Состояние образовательной системы в современном мире крайне противоречиво. С одной стороны, образование в XX веке стало одной из самых важных сфер человеческой деятельности, с другой стороны, бурное расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождаются резким обострением проблем в этой сфере в XXI веке. До сих пор для многих стран актуальными являются следующие проблемы: ликвидация неграмотности, достижение необходимого качества, нехватка квалификационных преподавателей, недостаток финансирования, трудоустройство "образованных безработных", разрыв мира знания и сферы образования, отсталость образовательных технологий, кризис управления, кризис эффективности и производительности образовательной системы.

Необходимость реформирования образования обусловливается трансформацией мышления, вызванной познанием нелинейных сложных систем. «Сложное мышление» ставит перед образованием проблему перехода к межкультурной коммуникации, которая предполагает включение человека в общую картину мира, понимание мира как сложной самоорганизующейся системы с общим для всего человечества разумом. Философско-мировоззренческое и методологическое раскрытие такого понимания мира возможно только с точки зрения междисциплинарного подхода, который активно используется в сложном мышлении и в современной науке [1.С.20-22].

Новый способ мышления в образовании особое внимание уделяет коммуникации, диалогу между учителем и учениками. В этом случае ученик из пассивного объекта педагогического воздействия становится активным участником коммуникации, акты его рассуждений приобретают нелинейную

организацию, «которая воплощается в дискурсе – новой единице анализа актов смыслополагания и смыслопостижения» [2.С.109].

Рассмотрение образования как процесса трансляции, передачи знаний и навыков или «трансляции культурных образцов новым поколениям людей» [3.С.145] является традиционным. Но образование – это не только совокупность формальных институций, обеспечивающих передачу знаний и навыков, не только процесс обучения – освоения этих знаний и навыков, но и процесс формирования личностных качеств и мировоззренческих установок. Осваивая культурный опыт, человек формируется в «человеческом качестве». Но речь должна идти «о формировании, коррекции или преобразовании не только индивидуального менталитета, но и менталитета социума». «В конечном итоге, - как пишет Б.С. Гершунский, - высшей ценностью и иерархически высшей целью образования являются именно ментальные характеристики и личности, и социума в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости» [3.С.173].

Менталитет является одной из ступеней образовательной лестницы, которая включает грамотность, образованность, профессиональную компетентность, культуру, менталитет. Каждая из ступеней этой лестницы имеет свою специфику. Грамотность характеризует наличие знаний и первоначального образа мира, умений, навыков, а также духовных ориентиров познания и существования в мире. Образованность, характеризуя «личностные образовательные приобретения», является качеством развившейся личности, которая становится способной ориентироваться в окружающей среде, приспосабливаться к ней, охранять и обогащать ее, приобретать о ней новые знания и посредством этого непрерывно совершенствовать себя. Критериями образованности являются системность знаний и мышления, проявляющиеся в том, что человек способен самостоятельно восстанавливать недостающие звенья в системе знаний с помощью логических рассуждений. По Б.С. Гершунскому: «Культура – высшее проявление человеческой образованности и профессиональной компетентности. Именно на уровне культуры может в наиболее полном виде выразиться человеческая индивидуальность». [3.С.267]

Культурная ситуация современности ставит перед естественнонаучным образованием специалистов новые задачи. Во-первых, сформировать идею единой целостной культуры путем сближения естественных и гуманитарных наук, науки и искусства. Идеи и принципы современного естествознания должны изучаться в контексте гуманитарных ценностей и наоборот. Во-вторых, научить мыслить в соответствии с современным типом научной рациональности. Естественнонаучное образование должно способствовать выработке «культуры мышления» личности, позволяющей ей быть открытой для плодотворного диалога с другими. В-третьих, дать знания в виде целостной междисциплинарной системы традиционного и современного знания и ввести в эту систему идеи глобального эволюционизма, самоорганизации.

В-четвертых, воспитать нового современного субъекта, то есть сформировать ответственную, самостоятельную и рациональную личность. В-пятых,

выработать определенный идеал человека, обеспечивающий экзистенциальные потребности личности: потребности в обретении смысла жизни, самореализации, самоидентификации, экзистенциальной коммуникации, без чего формирование ответственной, рационально мыслящей и действующей личности невозможно.

Рассмотренные задачи, которые ставит перед образованием информационное общество и наука, обосновывают мысль, что преодоление кризиса образования возможно, если оно будет «вписываться» в сетевое, коммуникативно-диалоговое пространство бытия человека, обретет гуманистическую направленность, связанную с философско-антропологической проблемой формирования человека, мышление и мировоззрение которого должны соответствовать современному типу рациональности, соотносящему научные знания с ценностно-целевыми структурами научно-познавательной деятельности.

Рассмотренные выше проблемы кризиса образования и путей выхода из него нуждаются в общефилософском обосновании идеи существования и взаимодействия между установками, на которых базируется образование, и связанными с ними теоретико-методологическими и мировоззренческими принципами современной науки, а также информационно-технологическими реалиями современного общества.

Литература

1. Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
2. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. - М.: Наука, 1993.
3. Смирнов С.А. Содержательные (парадигмальные) аспекты высшего социально-гуманитарного образования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. М., 2003.
4. Гершунский Б.С. Философия образования. М., 1998.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т. С. Косенко

Новосибирский государственный педагогический университет

Глобальные проблемы затрагивают судьбы всего человечества и не могут быть проигнорированы при формировании системы воспитания. Воспитание нового поколения представляет очень сложную проблему. Молодого человека, во-первых, нужно защитить от агрессивной пропаганды вседозволенности, насилия, научить «достойно» жить в современном изменяющемся обществе. Во-вторых, необходимо научить его самоопределению, самоутверждению, самовоспитанию, формированию собственных взглядов и позиций, чтобы быть адаптивным в быстро изменяющемся мире. В-третьих, впитать и

сохранить лучшие нравственные качества в условиях жесткой рыночной конкуренции, смещения ценностного вектора к высоким идеалам от идеалов материального достатка, наживы личности и т. п. Для этого необходим философский анализ современного воспитания, поскольку философия воспитания формирует его цели и задачи, ставит вопрос о взаимосвязи ценностей воспитания и ценностей культуры, создает новый образ личности, который способен принимать вызовы современности.

Сегодня система образования (воспитания) переживает период мощных изменений, которые связаны с глубокими социокультурными изменениями, обусловленными тенденциями процесса глобализации (вхождения в единое мировое образовательное пространство), например, как:

- переход к постиндустриальному обществу (ускорение темпов развития, замена экстенсивного развития интенсивным), следовательно, цель образования (воспитания): подготовка людей к жизни в стремительно изменяющихся условиях;

- глобализация общественных процессов (расширение рамок международного сотрудничества), следовательно, задача образования (воспитания): формирование соответствующего мышления у молодежи;

- демократизация общества, следовательно, задача образования (воспитания): актуализация гражданского образования (воспитания) – повышение уровня готовности граждан нести ответственность за судьбу страны (жить в обществе и правовом государстве и создавать их);

- утверждение информационного общества (расширение масштабов межкультурного взаимодействия), следовательно, задача образования (воспитания): не только приобретение знаний, умений, навыков, но и формирование таких качеств, как коммуникабельность, толерантность, умению работать с большим объемом информации;

- разрушение традиционной и возникновение новой системы ценностей (материальные ценности доминируют над духовными), следовательно, задача образования (воспитания): подготовка особого типа человека – при сохранении своей индивидуальности, он должен быть готов быстро менять свои корпоративные связи, выстраивать гибкие отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности, а часто и в разные культурные пространства, с учетом при этом традиционных идей и ценностей характерных российскому менталитету;

- усиление влияния рынка на структуру, функции и содержание системы образования (быстрыми темпами развивается сфера образовательных услуг и корпоративной науки: следовательно, задача образования (воспитания): необходимо подготовить человека к данным условиям жизни (умение ориентироваться, знать свои права и обязанности, делать правильный выбор и т. д.);

- динамичное развитие экономики, (сокращение сферы труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, переподготовка работников и их профессиональной мобильности) следовательно, задача образования (воспи-

тания): формирование креативности, коммуникативности, способности к переобучению и действию в условиях жесткой конкуренции рабочей силы и др.

Мы привели несколько примеров, которые подтверждают, что модернизация российского общества вызвала глубокие структурные изменения. В исторически короткие сроки преобразованы экономические, социальные, политические, правовые и духовные условия развития образования и воспитания.

Хотя в мировой теории и практике уже давно сформировалось мнение, что «образовательный (воспитательный) процесс не должен быть заложником каких-то конъюнктурных ситуаций, находиться в зависимости от того, какие взгляды и убеждения исповедуют люди, стоящие ныне у власти» [5]. Воспитание подрастающего поколения должно базироваться на традиционных (стабильных, неизменных, устойчивых) идеях и ценностях. (Ценность – это то, что значимо для человеческой жизни, что делает ее подлинно человеческой [см.: 3].) «Воспитание, должно ставить своей целью привитие человеку нравственных ценностей, формирование у него правильной шкалы ценностей вне зависимости от социокультурных условий развития общества» [3]. Н. Е. Щуркова отмечает: «воспитание – это не процесс вхождения ребенка в современную культуру, поскольку культура может изменяться (нести негативные элементы), могут изменяться социальные условия, но нравственные ценности, по которым должен жить человек должны быть вечны» [6, с. 6]. Но, к сожалению, это всего лишь идеальное видение решения проблемы.

Современные реалии таковы, что «вместо межкультурного диалога, направленного на выработку современного мировоззрения учитывающего российский культурный менталитет, происходит внедрение американской системы ценностей и жизненных установок в российскую действительность» [2], которая ведет к деструктивным изменениям в жизни общества, в развитии системы образования (воспитания). Справедливо отмечает В. А. Колесников, что «наступающая эра информатизированной коммуникации – глобализация всех сфер общественной жизни, в том числе социального пространства, проявляются в глобализации человеческой субъектности, индивидуальности, – что, в свою очередь, приводит ко многим негативным последствиям, как для социума, так и для личности. Мы все чаще сталкиваемся с технократизацией общества, значительным отделением смысла человеческой жизни от непосредственных достижений в области науки и техники, неспособностью осмыслить происходящее, отсутствием рефлексии по отношению к своим собственным действиям. Человек стал жить в условиях сиюминутности и навязываемых ему установок, зачастую отказываясь от возможности сделать самостоятельный жизненный выбор» [1, с. 10].

Идеалом современного российского человека стало умение «делать деньги» и личный комфорт, то есть материальные ценности – наивысшая ценность. Воспитательной индивидуально-личностной ценностью в социальной сфере для современной молодежи, как пишет Б. Т. Лихачев [2, с. 31], становится нечто вроде «американской мечты»: стремление поймать за хвост свою

удачу, разбогатеть, добиться финансового успеха, иметь коттедж, машину и свое дело и т. д. На первый план выступает индивидуализм, материализм (человек «зациклен» на личном благосостоянии).

В Законе Российской Федерации «Об образовании», Национальной доктрине образования в Российской Федерации, охватывающей период до 2025 года и др. обозначено, что экономический, духовный прогресс может быть обеспечен только активными свободными и предприимчивыми личностями (яркими индивидуальностями), которые способны неординарно мыслить, самостоятельно принимать решения и творчески их реализовывать.

Мы полагаем, что в данных условиях необходимо сделать акцент именно на системе воспитания подрастающего поколения, поскольку необходимо ставить и решать задачи, которые бы способствовали формированию личности, которая бы по своему развитию отвечала требованиям нашего времени (соответствовала бы запросам мирового развития, с учетом традиционных ценностей присущих российскому менталитету). Поскольку именно воспитание «выступает механизмом исторической наследственности, формирования, трансляции и наследования социального генофонда: через обычаи и традиции, через знания транслируются наиболее эффективные модели жизни и поведения, исторически выработанные данным обществом. Общество, снабжая новые поколения знаниями об окружающем мире, передает им созданную культуру, на основе которой формируется и воспитывается образ нового поколения» [3]. Именно воспитание должно закладывать основы общественных идеалов и ценностей в жизнедеятельность человека. Оно дает веру в жизнь, помогает выносить возможные неудачи, конфликтные и кризисные ситуации. Воспитание помогает каждому человеку научиться делать выбор и осуществлять его в соответствии с нормами, которые регулируют общество и государство.

Но данная ситуация обостряется тем, что как отмечает В. И. Шкатулла: «...национальное законодательство, регулирующее отношения воспитания, не представляет собой развитой системы законодательства...» [4, с. 55] и, во-вторых, нет серьезного анализа теоретического знания в данной области.

Мы полагаем, что именно мощная теоретическая платформа – философия воспитания, которая способна комплексно исследовать генезис теории и практики воспитания, обобщить все знания и дать ценные рекомендации для решения основной цели современного российского воспитания – «подготовку свободно развитой личности, ориентированной в традициях отечественной и мировой культуры, в современной системе ценностей и потребностях современной жизни, способной к активной социальной адаптации в обществе и самостоятельному жизненному выбору, к началу трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию и самосовершенствованию, самовоспитанию. Поскольку развивающемуся обществу нужны современно воспитанные, образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамиз-

мом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладают чувством ответственности за судьбу страны, за ее социально-экономическое процветание. Система образования (воспитания) должна готовить людей, умеющих не только жить в обществе и правовом государстве, но и создавать их» [5].

Воспитание нового поколения представляет очень сложную проблему, которая на данный момент является национальным делом. Сегодня молодого человека, во-первых, нужно защитить от агрессивной пропаганды вседозволенности, насилия, научить «достойно» жить в современном изменяющемся обществе. Во-вторых, необходимо научить его самоопределению, самоутверждению, самовоспитанию, формированию собственных взглядов и позиций, чтобы быть адаптивным в быстро изменяющемся мире. В-третьих, впитать и сохранить лучшие нравственные качества в условиях жесткой рыночной конкуренции, смещения ценностного вектора к высоким идеалам от идеалов материального достатка, наживы личности и т. п. [см.: 6].

Литература

1. Колесников В. А. Образование в XXI веке: к новому концептуальному видению // *Философия образования*. – 2008. – № 1 (22). – С. 10–15.
2. Лихачев Б. Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX веках). – Самара : Самар. ин-т упр., 1997.
3. *Философский энциклопедический словарь* / сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 1999.
4. Шкатулла В. И. Правовое регулирование отношений воспитания в системе образования // *Стратегия воспитания в образовательной системе России*. – М. : Издательский сервис, 2005.
5. Косенко Т. С., Наливайко Н. В. Проблемы воспитания в современной философии образования : монография. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009.
6. Косенко Т. С. О некоторых подходах в становлении концепции философии воспитания // *Философия образования*. – 2008. – № 3 (24). – С. 125–131.

ПАРАДОКС УЧИТЕЛЯ ИЛИ О СМЫСЛЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НОВШЕСТВ

И. С. Кудряшов

Новосибирский государственный медицинский университет

1. С античного идеала Пайдеи и до наших дней педагог рассматривается как носитель особого навыка, который не сводится к передаче знания, а связан с формированием человека. При этом именно античность задает смысловой фон всех наших представлений: по мнению греков, учитель не просто

носитель знания, но тот, кто берет на себя заботу об учащемся. То есть он отвечает не только за знание, но и за нравственно-практическое использование этих знаний. Кроме того, греки прекрасно знали и о другой стороне обучения: дать знание – значит, уничтожить человека. Пайдейя – это не просто воспитание добродетельных и разумных качеств, но это влияние на природу (фюсис) обучаемого. Увы, то, что было живым парадоксом для античности и остается высшей мудростью для Востока, западная цивилизация сочла софизмом. «Обучить человека, значит, убить его, поскольку став образованным, он уже не будет тем, чем был». Речь здесь идет о радикальном отношении к личности обучаемого. Образование – это стремление дать новую форму личности человека, а это означает получить другого человека. Совмещая эти два взгляда, мы получаем нечто вроде парадокса, который можно назвать парадоксом учителя.

2. Парадокс учителя заключается в совмещении двух стремлений: с одной стороны, расположение к учащемуся, с другой – интенция на его исправление, изменение. И характер этого изменения принудительный и внешний. В рамках присущей нашей культуре оппозиции «культура – природа» образование очень редко мыслится как развитие природы, скорее как ее преобразование. По сути, педагог – это тот, кто совмещает желание помочь и сделать другого лучше с желанием оставить след (фактически, травмировать), преобразовав другого. Все попытки ослабить или вытеснить одну из сторон этого противоречия ведут к выхолащиванию процесса обучения. Вытесняя элемент симпатии и любви, мы получаем жесткий формализм, при котором не учитывается ни личность учащегося, ни личность учителя. Если же попытаться элиминировать элемент насилия, то обучение теряет свою строгость и результативность: вместо педагогического процесса мы получаем общение. Но без строгой формы педагогика превращается в необязательное времяпрепровождение с сомнительными результатами. Само по себе образование – это процесс создания. Но без философии невозможно ответить на вопросы «создание чего и на какой основе?». А следовательно в осмыслении этого парадокса необходимо вернуться к философии. По сути в негативной части парадокса сходятся гегелевский *Bildung* и фрейдовские «травма» и «образование комплекса» (= образование Я). Фрейд очень точно показывает, что культура, а значит и воспитание с образованием возникают вместе с травмой. Дать образование – это образовать специалиста, то есть оставить след, сформировать комплекс (каковым является в том числе и Я человека). Если нет этого следа, травмы и желания, то нет и образования (есть лишь информация в человеке, но нет связи с личностью и ее практикой). Фактически, парадокс преподавателя – это вариация на тему любой практики. Как отмечает Бурдье, всякая практика парадоксальна: она ориентирована на то, чего еще нет. В обучении это особенно актуально: так как тем, чего еще нет является сам субъект обучения.

3. Сущность работы педагога очень ярко воплощается в таком парадоксе, в то время как попытки современной педагогики вытеснить это содержание

приводят к размыванию самого педагогического процесса. Действительно, сегодня модно описывать учителя как партнера, технолога или менеджера по работе с информацией. Однако на практике мы имеем постоянное падение уровня образования и натужную риторику о новых педагогических подходах и технологиях. Новые педагогические технологии уже стали синонимом профанации и очковтирательства, потому что на деле никто не может объяснить отличие подходов. Ведь по большому счету применение новых средств передачи информации само по себе не меняет способы и формы работы с этой информацией. Грубо говоря, работа с электронной базой быстрее, чем с картотекой, но и в том и в другом случае – это работа с текстом. Идет ли речь о каких-то новых способах чтения текстов?

В попытке смягчить парадокс педагога многие пытаются убрать одну из частей парадокса. Одни вытесняют момент радикального преобразования, не щадящего первоначальное Я. Из этого возникают попытки «теплого контакта» с учащимся – концепция диалога, концепция сотрудничества. Однако в реальности эти подходы разрушают педагогический процесс и создают патологический уровень отношений (прямой контакт желаний). Собственно современные методики, ориентирующую на игру, на отказ от оценок, на диалог и партнерские отношения – не ведут ни к улучшению отношений учителя и ученика, ни к повышению уровня знаний. Другие, напротив, вытесняют элемент любви и получают чистый формализм: работа по стандарту, работа за деньги, работа с «тупыми». Это тоже выхолащивает процесс, потому как разрушает личность учителя. В связи с этим возникает вопрос о новых методах и подходах в обучении. Существуют ли они? И не являются ли они просто напросто вариациями вытеснений? Есть ли вообще повод говорить о смене образовательных парадигм? Ведь если нет, то тогда главной целью философии образования становится изучение того, как практически реализуем парадокс преподавателя.

4. Критика современных подходов позволяет нам вернуться и пересмотреть идеи прежних авторов. В качестве ключа к пониманию диалектического противоречия в деятельности преподавателя можно использовать философию Гегеля, в том числе и его взгляды на образование. Гегелевская система показывает возможность опосредования, которое позволяет совместить обе стороны процесса, не впадая в подчинение одного элемента другому. Эти идеи можно и выразить без Гегеля, по простому: именно из-за своей симпатии к учащимся преподаватель сохраняет дистанцию (структуру «учитель-ученик»), но в рамках принятой формы он все-таки учит строго тому, что и как понимает сам. То есть субъективность учителя должна проявиться не во внешней заданности (я – тот, кого сюда поставили, и фактически заставили), а в желании учителя обучить тому, что он сам понимает в данном вопросе, теме, предмете. Не более, но и не менее.

Этика, антропология и философские вопросы культуры

ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВО ВСЕМИРНОЙ СЕТИ

О. А. Гвоздецкая

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Представляется, что проблема реализации в виртуальном пространстве, в частности, в социальных сетях, таких фундаментальных феноменов, как смерть, обладает серьёзным эвристическим потенциалом. В современном виртуализированном мире происходят трансформации представлений о памяти и смерти. Одним из их наглядных проявлений является возникновение в Интернете так называемых, виртуальных кладбищ. Сам феномен их существования указывает на формирования нехарактерных для развлекательного пространства Всемирной сети ритуальных практик. Виртуальные кладбища представляют собой уникальный объект для исследования процессов перетекания социальных взаимодействий из действительности в виртуальную реальность и в обратном направлении.

Индивидуальному человеческому существованию нынче все более возвращается прошлая экзистенциальная значимость. Происходит это, с одной стороны, по исключительно технологическим причинам, с невероятно быстро внедряемыми виртуальными технологиями. С другой стороны, по причинам социального и коммуникативного характера: пользователь в Сети обретает повторное, «двойное» существование, которое разворачивается, казалось бы, по отличному от реального пути. Однако если присмотреться к виртуальному существованию, оказывается, что социального в нем столько же, а может быть, и больше, нежели в действительном. Активность человека все более перетекает во Всемирную сеть. Здесь формируется частное и общественное мнение, зарождаются революции, кипит политическая, волонтерская, творческая жизнь. И мы становимся свидетелями того, как Интернет из зоны изначально рабочей, а после развлекательной, становится все более зоной всеобъемлющего социального. Находит свое место в этом пространстве и смерть, а точнее ритуальные практики, связанные с ней.

Феномен кладбищ в сети имеет достаточно немалый смысловой масштаб – здесь присутствуют и мемориалы погибших во время Великой Отечественной войны, и интернет-захоронения пользователей, например кладбища в социальных сетях, и даже захоронения виртуальных героев умерших игроков

компьютерных игр. Одним словом, ритуальные практики уверенно завоевывают пространство в сети.

Отправной точкой для выбора такого дискурса в свое время стал тезис Ж. Бодрийера о «молчании масс», которое мы, выстраивая методологическую модель, используем в качестве контраргумента, пытаюсь показать, в какую завуалированную форму может превращаться «ответ». Виртуальная сторона активности личности дает неограниченный материал для оспаривания утверждения о «смерти социального». Принимая иную кодировку социальное проявляет себя по-другому. Перетекая из явного реального в новые формы виртуального оно задает новые задачи - увидеть его и проанализировать.

Оппонируя утверждению о «смерти социального», мы осмелимся выдвинуть предположение, что существование виртуальных кладбищ указывают на возврат к самой действительности. Главный тезис Ж. Бодрийера о гиперреальности как об «утере реальности» посредством ритуальных практик утрачивает свою убедительность. Человек не убегает в Сеть. Напротив, он там строит бытие, в которое переносит всю полноту своей действительности, в том числе, и с переживаниями утраты близких. Граница между онлайн- и оффлайн- активностью стирается все более наглядно. И стремление поставить в оппозицию два, скажем смело, уже равноправных по отношению друг другу существования становится неактуальным. Там, где Ж. Бодрийер усматривал побег от реальности, мы сегодня видим продление социального, перенос его без мест разрыва, без акцента на иной системе координат его разворачивания. Пользователь в Интернете продолжает (и это ключевое слово) познавать себя и мир, только лишь через другой источник подключения.

Более того, переносимое в Сеть трепетное почитание памяти Другого разбивает постмодернистский стереотип о «смерти самой смерти». Провозглашенный призыв «смерти нет», ассоциируемый даже не с ее игнорированием, а скорее с саркастичным подсмеиванием над умиранием, граничащим с равнодушием и верой в бытие «здесь и сейчас», не вписывается в рамки феномена кладбищ. Бессмертная виртуальная личность в неотъемлемой привязке к реальной обретает конец, совпадающий со смертью индивида. И в пространстве социальных кладбищ это становится очевидным.

«Молчание масс», отраженное в социальной тенденции нивелирования вопросов о смерти, должно было бы переключаться и в интернет-пространство, окончательно вытеснив из него проблематику «озабоченности» и «отчужденности» и устанавливая единственный принцип – абсолютного преобладания стремления к развлечениям. Однако, Всемирная сеть, будучи полноправной площадкой для социальной активности, вбирает в себя все аспекты реального существования. И там, где существование в форме игры сталкивается с «подлинным» (по М. Хайдеггеру) существованием, возникают такие феномены как виртуальные ритуальные практики. Постулируемое бессмертие плоти, выраженное в культуре повсеместно (супер-герои, комиксы, сюжеты многократного обыгрывания судьбы с преодолением кон-

ца, субкультуры готов, аниме и т.д.), имеет место, конечно же, и в сети. Однако также, как и в действительности, подвергается испытанию сомнением.

Литература

1. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийар. М: Добросвет, 2000.
2. Довгополова О.А. Пространство отторжения (штрихи к портрету «молчания масс») / О.А. Довгополова // Наукове пізнання: методологія та технологія. - 2004. – № 1(13).– С. 110–115.
3. Жижек С. Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия / С. Жижек // Искусство кино. – 2000 - № 1.

СТРЕСС АККУЛЬТУРАЦИИ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ

Е. И. Заседателева

Новосибирский государственный медицинский университет

В настоящее время проблема стресса аккультурации стоит весьма остро. Уровень миграции в России и по всему миру высок, а количество мигрантов неуклонно растет. После переезда в другую страну привыкание к новому окружению может быть волнующим, стрессовым, может обмануть ожидания, быть забавным или просто сбить с толку. У человека возникает конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций; старых, к которым он привык, и новых, характеризующих новое для него общество. Это конфликт двух культур на уровне собственного сознания. Традиции и обычаи новой страны могут совершенно не совпадать с традициями и обычаями родной страны, жесты родной и новой страны могут означать совершенно разные вещи. К примеру, кивок головой в России означает согласие, однако, в Болгарии этот жест несет совершенно противоположный смысл. А славянская свадебная традиция катать тещу в тачке, корыте или прицепе легковой машины вызовет шок в Англии или Швеции. Культурный шок возникает, когда знакомые психологические факторы, которые помогали человеку приспособиваться к обществу, исчезают, а вместо этого появляются неизвестные и непонятные, пришедшие из другой культурной среды.

Симптомы культурного шока весьма разнообразны: постоянно беспокойство о качестве пищи, питьевой воды, чистоте посуды, постельного белья, общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессоница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, психосоматические расстройства, депрессия, попытки самоубийства.

Мотивация оказывается очень важным фактором успешной адаптации у добровольных мигрантов. Исследования, проведенные в Германии, показали, что те, кто в качестве причин перемещения в другую культуру указывают на

возможности профессионального роста, будущее детей, стремление более полно реализовать себя демонстрируют большую активность в изучении языка, поиске работы и т.д. Те, кто принимал решение о межкультурном перемещении по примеру своих друзей и знакомых, а также надеялся быстро приобрести материальное благополучие, как правило, решают сиюминутные задачи и не склонны к активной деятельности. Ожидания тесно связаны с мотивацией. Неблагоприятно влияют на процесс адаптации иммигрантов как завышенные, так и заниженные ожидания. Главное – реализм ожиданий, их соответствие реальному опыту пребывания в другой культурной среде. Например, гораздо легче адаптироваться молодым людям, которые едут учиться за рубеж и остаются там жить и работать после окончания вуза. Они уже знают страну и ее особенности, и в случае неоправдавшихся ожиданий им гораздо легче будет вернуться на родину, нежели людям, которые уехали в другую страну в зрелом возрасте, начав жизнь «с чистого листа».

Изучение языка, культуры и истории страны перемещения, знание об условиях жизни в этой стране, ее законов – важнейшие составляющие благоприятного протекания процесса адаптации. Знание языка не только уменьшает чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить уважение местных жителей. Язык является «дверью» в новую культуру. Характеристики мигрантов и взаимодействующих культур оказывают взаимосвязанное влияние на адаптацию. Например, индивиды с готовностью к переменам, оказавшиеся в мультикультурном обществе, будут чаще контактировать с местными жителями, и, следовательно, окажутся в меньшей степени подвержены культурному шоку.

При благоприятных условиях человек может адаптироваться к новой социокультурной среде без серьезных проблем для себя или окружающих, но при неблагоприятных условиях стресс аккультурации может привести к различным психическим и психосоматическим расстройствам. Например, англичане в Австралии имеют более высокий уровень алкоголизма (по сравнению с коренным населением), в то время как выходцы с запада Индии в Англии имеют высокую частоту случаев заболевания шизофренией.

Стресс аккультурации проявляется в виде социальной дезинтеграции и личностного кризиса. Привычный социальный порядок и культурные нормы утеряны, и человек может легко растеряться в измененной ситуации. На групповом уровне источником тревожности становится тот факт, что в новых условиях не работают прежние схемы властных отношений, общественного порядка и экономические стратегии, а на индивидуальном уровне могут возникнуть враждебность, неуверенность, идентификационная спутанность и депрессия. Например, привычка употреблять алкоголь на улице может сыграть злую шутку в большинстве американских штатов, где это запрещено законом, соблюдение которого строго выполняется. Многим жителям России и постсоветского пространства чужда западная привычка постоянно жить

в кредит или всю жизнь арендовать жилье. Хотя в настоящее время у молодого поколения такой образ жизни все больше имеет место.

Невротические реакции - это срыв адаптационных механизмов, возникающий под влиянием мощного первого или очередного, но уже истощающего возврата значимой личностной проблемы. Происходит срыв ролевых функций и человек не способен вести себя так, как того требуют общепринятые правила поведения, допустимые для человека данного возраста, пола, социального статуса, конкретной социальной ситуации. Его поведение становится характерологическим, т.е. присущим ему в соответствии с темпераментом, типом нервной системы, ядром личности, его истинным и теперь уже не скрываемым отношением к данной травматической для него ситуации, к конкретным людям, участвующим в ней. Одни начинают проявлять агрессию, другие - плакать и жаловаться, третьи возбуждаются и начинают привлекать внимание окружающих людей и искать у них помощи и поддержки, некоторые впадают в эмоциональное оцепенение, уходят в себя и «теряют дар речи».

В психиатрии культурный шок относится к расстройствам приспособительных реакций и включен в МКБ-10 (международную классификацию болезней десятого пересмотра). Оно описывается как состояние субъективного дистресса и эмоционального расстройства, создающее трудности для общественной деятельности и поступков, возникающее в период адаптации к значительному изменению в жизни или стрессовому событию. Стрессовое событие может нарушить целостность социальных связей индивида (тяжелая утрата, разлука) или широкую систему социальной поддержки и ценностей (миграция, статус беженца), или представлять широкий диапазон изменений и переломов в жизни.

Индивидуальная предрасположенность или ранимость играют важную роль в риске возникновения и форме проявления расстройств приспособительных реакций, однако оно не может возникнуть без травмирующего фактора. Эти проявления очень разнообразны и включают подавленность настроения, настороженность или беспокойство (или комплекс этих состояний), ощущение неспособности справиться с ситуацией, распланировать все наперед или решить оставаться в этой ситуации.

ЗАКОН КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

К. В. Гунзенова

Восточно-Сибирский государственный университет
технологии и управления (Улан-Удэ, Республика Бурятия)

«Человек – царь природы» - под таким девизом на протяжении длительного периода жило человечество. И лишь угроза ресурсного кризиса застави-

ла мировое сообщество задуматься и понять, что человек всего лишь часть природы и полностью зависим от неё, вред окружающей среде, в сущности, приносит вред самому человеку [1].

Значение экологического воспитания как одного из самых действенных способов формирования устойчивого экологического сознания у населения становится актуальнее с каждым днём [2]. При этом следует упомянуть о некоторых различиях в методике воздействия. К сожалению, сознание старшего поколения практически не подвержено изменению, но с другой стороны, кардинальная смена парадигмы развития может опираться на подрастающее молодое поколение. Ведь дети – наше будущее, а, следовательно, закладывая в них экологическую культуру, мы делаем инвестиции в наше будущее.

И, казалось бы, вот оно – решение задачи: заложить в человека основы экологической нравственности, сформировать убеждённость в недопустимости загрязнения окружающей среды, сделав саму мысль о принесении в жертву природных объектов ради промышленной выгоды невозможной.

Но процесс нуждается в позитивном примере взрослого населения. Что делать, если одни говорят о необходимости спасти планету и вставать на путь устойчивости, а другие продолжают вести линию, ведущую к кризису? Способен ли ребёнок правильно оценить приоритеты и не поддаться тёмной стороне, сулящей материальную выгоду здесь и сейчас?

Рассмотрим процесс формирования иных этических установок. В качестве примера можно взять любое асоциальное деяние – убийство, воровство, причинение вреда здоровью, клевета и прочие. Сознание о недопустимости совершения подобного прививается социумом с самого малого возраста, в противном случае выживание человека как вида могло бы стать под угрозой. Действительно, среднестатистическое большинство не станет сознательно причинять вред здоровью другого человека (в отличие от ситуации, когда взрослые причиняют вред окружающей среде)? Появляется резонный вопрос, откуда берётся этот личный пример? Устойчивое формирование этических установок из поколения в поколение? Наличие врождённого сознания?

А если бы отсутствовало наказание за совершение любого из перечисленных поступков? Смогло бы это самое большинство устоять от соблазна?

Для ответа обратимся к примеру иного порядка. Бесплатный проезд в общественном транспорте. Поездка в трамвае без осуществления за неё оплаты, казалось бы, никакими особыми негативными последствиями обернуться не может. Лишь в долгосрочной перспективе трамвайное предприятие вследствие действий подобных пассажиров рискует потерпеть значительные убытки и закрыться. Но ведь это не происходит здесь и сейчас, и весьма сомнительно, что пассажиры будут руководствоваться столь отдалёнными перспективами.

Что же останавливает человека от совершения подобных действий?

Ответ просто – наличие определённых негативных последствий для нарушителя этих морально-этических установок, карательных санкций. Страх

за ответственность, неминуемую, которая будет произведена здесь и сейчас, становится главным аспектом в соблюдении императивов человеческим большинством, которое по своей натуре эгоистично.

Подобные институты могут оказать реальное воздействие и в случае с причинением вреда окружающей среде. Ключевыми моментами должны служить мощный и действенный механизм контроля и мониторинга, а также значительно превышающий возможную прибыль от загрязнения экологии размер санкций.

Литература

1. Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Том 1. Резолюции, принятые на Конференции. – Издательство ООН, Нью-Йорк, 1993. – С.11.
2. Рытов Г.Л., Рытов А.Г. Экологическое воспитание и образование в различных социальных стратах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, том 14, № 1(9), 2012. – С.2437.

ИГРА КАК СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ

В. Г. Попов

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Игра по своей сути противоречива. Играют и животные, и в само понятие игры человек не привнес каких-либо более или менее существенных признаков. Онтологическое основание игры лежит в Природе, из чего можно выявить несколько отличительных её признаков: это ритм, гармония (всё в природе гармонично) и ограниченность временем и пространством. Кроме того, любая игра по определению – свободный акт. Уже самим проявлением свободы игра выходит за рамки чисто природного процесса, однако ещё не обнаруживает присутствие разумного начала, духа. «Назвать активное начало, которое придаёт игре её сущность, духом – было бы слишком; назвать же инстинктом – было бы пустым звуком. Как бы мы его не рассматривали, в любом случае эта целенаправленность игры являет на свет некую нематериальную стихию, включенную в самую сущность игры» (Хейзинга).

Игра может являть собой присутствие духа только при наличии духа у игрока. Иначе говоря, игра требует разумного осмысления, усилия воли. Несмотря на то, что искусство часто предстает как некая легкомысленная, бесполезная в социальном плане деятельность, мы не можем отрицать значимость вдохновения (наличия духа) у творца. Это же относится и к спорту. Привлекательно в нём не само установление рекордов, но столкновение характеров, проявление силы духа, честности в игре. Иначе говоря, спорт привлекателен настолько, насколько он представляет собой искусство.

Наполняя игру духовным содержанием, человек способен развиваться через игровую деятельность – в этом заключается сущность любого искусства. Не только искусство, но и наука подчиняется игровым законам: сама человеческая культура включает в себя игровой элемент. Однако современное европейское общество, благодаря существенному улучшению уровня жизни всё активнее предаваясь игре, находит в ней лишь забаву, развлечение, способ получения положительных эмоций, удовлетворения инстинктов. На арену вышел человек играющий, предпочитающий кажимость истине и удовлетворение инстинктов созерцанию. Мы наблюдаем процесс механизации многих аспектов человеческой деятельности, что в исторической перспективе ведёт к снижению социальных качеств.

В монографии В.С. Ежова «Истоки эстетического сознания» говорится, что игра – это освобождение от мира до понятийных конструкций. Хейзинга в фундаментальном труде «Человек играющий» говорит, что игра – это полная свобода. Игра – неотъемлемая часть развития человека разумного, в результате которой многие некогда значимые, смысловые, ритуальные моменты стали для человека в дальнейшем лишь частью игры (считалки, пословицы, игры с мячом, бои, прыжки с шестом и т.д.). Можно с уверенностью говорить, что стремление к игре продиктовано стремлением к свободе. Это оправдание игры не вызывает каких бы то ни было сомнений, но требует пристального анализа.

Становление и развитие человека разумного есть глубинный процесс отрицания природного в человеке, есть высвобождение человека. Само стремление к свободе определяет сущность человека. Между тем, общими на протяжении всего существования человека являлись два принципа: соблюдение запретов (табу) и беспрекословное подчинение вождю. При этом общий смысл запретов всегда был предельно ясен: это подавление инстинктов (Отсюда запреты брать в жёны родных, запрет убивать и т.д.). Очевидно, что уровень запретов становился всё сложнее, в соответствии с нарастающим духовным и культурным развитием человека. Мораль стала высшей на сей день формой запретов. И стремление к свободе вступает в диалектическое противоречие с установлением запретов, определяющих уровень свободы человека от природы. По всей видимости, решение этой проблемы заключается в формировании новой морали. Опасения, связанные с уничтожением человеком веками выстроенной культуры, высказывали многие мыслители современности и её провозвестники.

Едва ли можно сказать, что ребёнок, просиживающий часами за компьютерной игрой, или игроман, отдающий последние деньги за шанс выиграть в лотерею, являет собой присутствие духа; более уместно в данном случае будет использовать слово «бездуховность». Игра может являть собой присутствие духа лишь при наличии духа у играющего. Вовлечённость в игру можно понимать как отрицание человеком человеческого, при котором современная мораль для него уже устарела, а новой ещё не придумали. Массовый человек Ортеги-и-Гассета – это и есть человек играющий, и потому первым шагом

должно стать осмысление и одухотворение игровой деятельности. Через одухотворение игра становится искусством. Однако в современном мире игра стала делом повседневным. Современный массовый человек всё делает понарошку: понарошку обижает, понарошку извиняется, понарошку соблюдает мораль и её нарушает. Сама мораль стала неким игровым элементом. Изменилось отношение, поскольку основание в виде идеального существования высшего закона (морали) сменилось основанием природным. Прежде всего, из-за постмодернистского субъективного мира. Всё стало лишь нашим представлением, мы, каждый по отдельности, стали тем мерилom всех вещей, а воля наша, отрицая разум, зиждется на инстинктах, импульсах. В своей статье «Человек отменяется» К.Льюис подчёркивает, что отрицание идеальных субстанций на основе недоказуемости влечёт за собой очевидное признание материального, и потому легко найти оправдание инстинктам, легко дать им некое основание, потому что оно объективно существует в природе. Основой такого мировоззрения является слабость, нежелание нести ответственность и доискиваться до Истины. Впрочем, это уже совсем не игра; но сам постмодернизм в достаточной мере является лишь игрой, лишь подражанием.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. А. Ляшенко

Горно-Алтайский государственный университет

Вследствие информатизации основных сфер общественной жизни, которая предполагает массовое внедрение методов и средств сбора, обработки, передачи и хранения информации на базе средств микропроцессорной и вычислительной техники, ряд развитых стран вступили в новую, информационную стадию своего развития.

Одна из сложнейших проблем, поставленных сегодня действительностью перед человечеством, – это проблема человека и его мировоззрения в меняющемся мире. Именно человек становится одновременно и главным фактором развития, и главным фактором риска. Приспосабливаясь к природе и общественным переменам, он одновременно изменял и наращивал свою институциональную, технологическую и интеллектуальную мощь. В результате изменения не просто приобрели глобальные масштабы – человек стал заложником рукотворного мира.

Так, созданные информационные технологии являются сегодня одновременным проявлением силы и слабости человека, его прогресса и отсталости. С одной стороны, использование информационных технологий, сетевых коммуникаций позволяет развивать творческий потенциал личности для более успешной ее самореализации. С другой, – как показывает практика, в условиях нарастающего объема информации и все ускоряющегося информаци-

онного обмена, человек зачастую лишается возможности формировать адекватные, успешные модели поведения и становится все более социально незащищенным и мировоззренчески дезадаптированным. Это снижает возможность его интеграции в глобальное информационное пространство.

В связи с этим становится очевидным, что вся система знаний о мире, человеке и обществе как основа мировоззрения должна быть пересмотрена таким образом, чтобы человек мог полноценно увидеть и ощутить свою взаимосвязь с окружающим его миром.

Мировоззрение – «система принципов и знаний, идеалов и ценностей, надежд и верований, взглядов на смысл и цели жизни, которые определяют деятельность индивида или социального субъекта и органически включаются в его поступки и нормы мышления... Мировоззрение есть форма самосознания личности и общества, через которую субъект осознает свою общественную сущность и оценивает свою духовно-практическую деятельность» [Шубин, 1999].

Исследователи отмечают сегодня новое качество мировоззрения личности, в основе которого лежит понимание определяющей роли информации и информационных процессов в природных явлениях, жизни человеческого сообщества, наконец, в деятельности самого человека. Главным признаком информационного мировоззрения является ценностное отношение как к информации, создаваемым и используемым информационным продуктам, так и к техническим средствам и новым информационным технологиям.

Информационное мировоззрение – это определенная система взглядов человека на мир существующей информации и место человека в этом мире, включающая в себя ценности, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности. В условиях информатизации общества оно приобретает первостепенное значение в жизни человека. Именно мировоззрение служит отправной точкой в нашей деятельности. Человек со сформированным мировоззрением имеет возможность не только ориентироваться в мире, но и сознательно регулировать и контролировать свою деятельность, что помогает выходить ему на новый уровень жизни. Человек часто задает себе вопросы о смысле жизни, о правильности своих поступков. И важным условием правильного ответа на поставленные вопросы является сформированная мировоззренческая позиция человека, его мировоззренческие ориентиры. Преломляя свои потребности через призму мировоззрения, человек осмысливает и переживает окружающую действительность и таким образом реализует свою человеческую сущность.

Мировоззрение отдельного человека не носит постоянный характер, оно меняется, шлифуется, оттачивается в процессе социализации личности. Мировоззрение формируется не только в процессе образования, но и под воздействием реальных событий в конкретной социальной и природной среде. Мировоззрение человека зависит от общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и множества других), в которых человек находится в повседневной жизни.

Именно в этой связи и становится актуальной проблема формирования информационного мировоззрения. Эта необходимость обусловлена специфической времени, потребностями обновления духовной жизни и поиском человеческим новой парадигмы бытия.

Принимая во внимание известную и признанную в классической философии структуру мировоззрения, можно утверждать, что основой современного информационного мировоззрения выступают адекватные информационные представления, выраженные совокупностью знаний о природе информации, ее типологии, свойствах, закономерностях ее распространения и использования в человеческом обществе. Современному человеку уже недостаточно простого умения оперировать информацией. Для осознания своего места и задач в формирующемся информационном обществе у него должно сложиться информационное мировоззрение. Адекватное информационное мировоззрение выступает, с одной стороны, необходимым условием социализации в обществе, выработки стратегий и моделей поведения для более успешной самореализации, а с другой стороны, предпосылкой формирования информационной культуры личности, о которой речь шла выше. Статус мировоззрения в жизни как общества, так и отдельного человека очень высок. Оно носит жизненно важный характер, это то духовное начало, без которого человек не будет человеком.

Мировоззрение - это совокупность взглядов людей на мир и представление о собственном месте в мире. Информационное мировоззрение также строится на субъект-объектном отношении, где субъектом выступает человек, а объектом - окружающее человека информационное пространство. Это система взглядов человека на мир информации и место человека в нем, включающая в себя ценности, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности.

Информационное мировоззрение можно структурировать на обыденное и теоретическое. Если обыденное мировоззрение отражает мир и человеческое бытие посредством чувств, настроений, образов, эмоций, представлений на уровне явлений без объяснения их сущности, то теоретическое мировоззрение объясняет их на основе знания причин и закономерностей в форме понятий, концепций, теорий. В теоретическом информационном мировоззрении отражается представление о современной картине мира и информационном обществе. Важным условием превращения простой осведомленности в убеждения является связь мировоззренческих знаний с личной практикой. Как любое другое, информационное мировоззрение нельзя «вложить (вбить) в голову», надо создать условия, чтобы человек сам пришел к своим убеждениям [Гендина, 2009].

Формирование информационного мировоззрения связано с новыми информационными ценностями человека и общества, становлением нравственной, этической позиции личности по отношению к процессам, происходящим в быстроменяющейся информационной среде; определением соотношения

свободы, ответственности и самоограничения в сфере информационных взаимодействий как каждого человека, так и общества в целом.

Процесс информатизации общества, формирование новой информационной среды обитания людей и нового, информационного образа жизни – вот те обстоятельства, которые сделали необходимым формирование нового мировоззрения, которое поможет человеку самоопределиться в современном информационном пространстве. Поскольку современная информационная среда является новой формой бытия современного человека и ему уже недостаточно умения оперировать информацией, у него должно сложиться информационное мировоззрение, осознание своего места и задач в формирующемся информационном обществе, что поможет определить его востребованность, возможность самореализации, обусловит успешность развития и повысит качество жизни.

Литература

1. Гендина, Н.И. Информационная культура, творчество и креативность выпускника высшей школы в контексте проблем развития человеческого капитала информационного общества // Информационное общество, 2009. Вып. 1. Ч.2. С. 57-63
2. Шубин, В.И. Природа философского знания /И.В. Шубин, В.П. Капитон.– Днепропетровск, 1999.

СТИГМАТ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ: К МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА

Н. С. Моисеева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

В 1950-60-х гг. в ответ на какую-нибудь не вполне русскую фамилию, например Штих или Рандмяэ можно было услышать реакцию: «Наверное еврей..». И.В. Сталин, открывая компанию антисемитизма, безошибочно угадал кандидатуру на очередной объект гонений. Образ этого «этнического врага» подспудно маячил в российском общественном сознании ещё с тех времен, когда еврейские шинкари побеждали в конкуренции русских трактирщиков. Не надо быть Гольдманом или Рубинчиком, чтобы прослыть в России середины XX-го века «жидом». «Жид» – типичный социальный стигмат, существовавший в общественном сознании, а значит и в общественном бытии, отделив от носителей.

Примерно тоже самое происходило в конце XX-го века с гомосексуалистами. Гомофобия несет реальную социальную угрозу для общественного порядка. Что позволяет ставить её в один ряд с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и сексизмом. Начиная с определенной степени, для обвинительного ярлыка становятся неважными маскулинный габитус, характерная жес-

тикуляция, приверженность к определенным профессиям и клубам, обыкновение устраивать парады и усыновлять детей. Все перечисленное имеет отношение к реальным носителям гендерной альтернативы. Нашим же предметом является образ гомосексуалиста (лесбиянки), функционирующий в сознании людей с многочисленными смысловыми и эмоциональными приложениями.

В каком соотношении находятся социальная реальность и социальные фантомы, тождества, пересечения, различия, противоположности, до сих пор является дискуссионным вопросом. В нашу задачу не входят участие в этой дискуссии. Здесь мы лишь аксиоматически определяем общественное сознание со всеми его образами, идеями и идеологиями как общественное бытие.

Оснований онтологического статуса у образа гомосексуалиста достаточно много. И к ним следует отнести не только факт физического существования геев и их сообщества. По крайней мере, существование партии демократов не есть гарантия существования демократии. Гораздо более важным является обретение образом гея черт подлинной реальности по средствам реализации общественной потребности во Враге и Жертве. Агрессивное отношение к гомосексуалам связано с высоким уровнем агрессии в российском обществе в целом. А как известно, Враг и Жертва – самые эффективные объединители социальных общностей. Праздник народного единения, если в нем и замышлялся какой-либо объединительный импульс, латентно конструировал образ Врага – поляка. Последние новости из мира Жертв – курильщики, гонимые яркими борцами с курением порождают почву для серьезного социального конфликта. Примерно таким же был процесс кристаллизации образа гея.

«Природа влечения к человеку своего пола долгое время была окутана недобрыми мифами. Например, в 1906 году известный криминалист Чезаре Ламброзо сделал доклад, в котором проводил связь между врожденной гомосексуальностью и преступными наклонностями. В свое время и на том же основании в этом обвинялись левши и рыжие...»

Когда в 60-х годах XX века развернулось общественное движение геев и лесбиянок, стало ясно, что многие (если не все) их психологические и поведенческие трудности связаны не с сексуальной ориентацией, а с дискриминацией и враждебным настроением со стороны большинства. И по количеству преступлений, в том числе и сексуального характера, гомосексуалы не лидируют, а совсем наоборот. Официальную отмашку охоте на гендерных инакомыслящих в СССР дал в свое время Н.С. Хрущев, во всеуслышание употребивший термин «пидарас». Произвол начальника – объективная реальность для подчиненного, поэтому даже если бы Н.С. выругался словом «хоббит», вполне вероятно в СССР 1960-70-х гг. проходила бы масштабная охота на «хоббитов». А, поскольку административные кампании не могут быть не успешными, каких-нибудь «хоббитов», несомненно, нашли бы и примерно наказали. Естественно, что после стольких лет притеснений гендерных меньшинств, у россиян вошло в привычку «плевать» только при одном упоминании гей-сообщества. Лишь в 1993 году гомосексуализм исключили из всех

медицинских справочников, а из Уголовного Кодекса, наконец-то, убрали статью по которой наказывали за мужеложество.

На данный момент мы можем лишь умозрительно датировать этапы этого процесса. По ряду признаков кулуарно латентный период продолжался до начала перестройки, после чего вступил в фазу обострения. Дальнейшие события связаны с ответной активностью. В 1990-е годы образ врага превратился во Врага, стигмат гомосексуалиста спровоцировал консолидацию гей-сообщества, которое по сию пору предпринимает активно-защитные действия.

«В последние годы публичные нападки на гомосексуалистов резко усилились. В 2002 г. в Государственной Думе предлагали даже восстановить уголовное наказание за однополые отношения. Это не может не сказываться на состоянии общественного сознания. По данным репрезентативных национальных опросов, проведенных Левада-центром в 1998, 2001 и 2005 гг., 31 % россиян считают гомосексуальность болезнью или результатом психической травмы, 36 % - следствием распущенности, вредной привычкой и только 20 % - сексуальной ориентацией, имеющей равное с обычной право на существование (в 2005 г. среди 18-24 летних доля таких ответов выросла до 39.5%).»

Изучение социального феномена «гомофобия» становится возможным примерно последние 50 лет, в России и того меньше, так как эта тема долгое время являлась табуированной. Сегодня социальная дискриминация гомосексуальности в России ведет к снижению социального статуса гомосексуалов и является одной из форм насилия над их личностью, и, следовательно угрозой для их безопасности. Зачастую самыми агрессивными гомофобами являются люди старшего поколения, представители малообразованных слоев общества, люди с консервативными взглядами, религиозные фундаменталисты, люди, опасющиеся мигрантов и либералов. А боятся, как мы считаем, в первую очередь того что сами себе «надумали», того смысла, которое сами вложили в слово «гомосексуалист», субъективного смысла явления.

В каком состоянии пребывает сейчас стигмат гомосексуалиста – предмет особых исследований. Мы не будем изучать реальных представителей нетрадиционной ориентации, мы хотим подвергнуть анализу их образ, сложившийся в общественном сознании.

Литература

1. Отраднова О.А. Проблема гомосексуальности в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 2. – С. 25-32
2. Князькина С.А., Лисович И.И. Гомосексуализм сегодня // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2006. – № 3. – С. 75-79.
3. Рыжих А.В. Посылы к изучению феномена гомофобии в России // Труды Дальневосточного государственного технического университета. – 2006. – № 142. – С. 162-163

4. Кон И.С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 4. – С. 59-69

5. Кон И.С. Гомофобия как форма ксенофобии. [Электронный ресурс] URL: http://www.gay.ru/science/kon/remark/kon_o_gomofobah2006.html (Дата обращения: 20.09.2012)

ТРИ МЫСЛИ О «ФИЛОСОФИИ ФИЛОСОФИИ»

М. Ю. Немцев

Новосибирский государственный университет экономики и управления

1. На старый вопрос «что такое философия?» есть разные ответы. Возможно, профессиональный философ не нуждается в собственной концепции философии. Он или она нуждаются в знании предмета, методов, традиции, но обходятся без обсуждения «философии» как единого целого. Точно так же учёный не нуждается в концепции «науки вообще», однако ситуация философа, решившего создать «философию философии», принципиально сложнее. Философия до настоящего времени не обрела чёткие институциональные формы. Есть множество способов практиковать «философию». В разных национальных культурных традициях разграничения между философией и близкими к ней «не-философиями» (наукой, литературой, искусством, идеологией, богословием) проводятся по-разному. Исторически, философия развивалась, скажем, как «слово о сущем», наука о бытии; либо как самоосознание философствующего субъекта, неизбежно вынужденного «бороться с языком» в поисках адекватного выражения; либо как метафизическое обоснование некоторой политической идеологии. Можно также говорить о философии как социальной, культурной, политической критике... В истории существовали разнообразнейшие типы культурных практик, которые можно называть «философиями» и подвергать сравнениям и сопоставлениям. Это задача сравнительной философии. Существует также академическая дисциплина метафилософия. Она исследует социальные, культурные, языковые и прочие условия возможности появления того, что историк философии и (или)сравнительный философ операционализировали как «философия». Метафилософия – это не «философия философии», поскольку та замкнута на себя саму. Вероятно, трудно ожидать от «философии философии» чего-то большего, чем ряд тавтологических высказываний [1].

В современной ситуации институциональные формы организации философии в силу разных причин теряют легитимность, и сама «философия» оказывается в кризисе сверхдетерминированности: существуют достаточно развитые методы «деконструкции» и разоблачения любых видов философского творчества как эффектов идеологии, языка, массового сознания и т.д. Кроме того, гораздо более мощным, чем пресловутый постмодернизм, источником

этого кризиса оказывается проблема несопоставимости философий, развитых в разных цивилизационных ареалах [2]. Осознание этой несопоставимости разрушает профессиональную идеологию западной систематической философии. Поэтому многие философы обнаруживают себя в ситуации необходимости нового изобретения философии, и тогда оказывается востребована философия философии.

В то же время, очевидно, что в массовом сознании действует что-то вроде морального запрета на обращение философии на саму себя. Философия призвана заниматься познанием, и ей как бы предписано быть позитивной, т.е. результативной, практичной, т.е. обращённой к иным познавательным практикам [3]. При обращении на саму себя философия превращается в самодостаточную замкнутую сферу полностью профессиональной деятельности, и тогда в условиях современной (капиталистической) культуры она становится непродуктивной и как будто теряет какую-либо культурную значимость. Ибо в современном обществе культурное творчество должно быть продуктивным.

В истории философии были несколько попыток «опротестовать» этот запрет и отстоять автономность философии. Например, всё позднее творчество В. Библихина. Чтобы философия стала предметом философии, нужно сосредоточиться не на предмете философствования, а на материи самой философии. На том, что именно делают философы, когда занимаются философией.

Может ли быть философское «делание» самодостаточным, каковым, например, является религиозная практика или, в известной мере, многие художественные практики? Является ли познание абсолютной ценностью для философа?

3. На мой взгляд, в современной культурной ситуации «философия философии» – это невозможный путь саморазвития философии. У философии не достаточно «мощности», чтобы превратиться в самодостаточную и авторитетную культурную практику. Однако полезно попытаться мыслить такую философию – назовём её «философией философии» как «чистый тип» философии, как некоторую предельную культурную возможность, пусть фактически не реализуемую. Философия, существующая только для философии. Но можно ли (здесь и сейчас, в нашей культурно-политической ситуации) представить себе и затем практиковать философию, занятую созданием своих собственных объектов, существующую для себя самой? Это, скорее странная «рефлексия второго рода», мышление о мышлении [4], самопознание самопознания...

4. Для «философии философии» принципиально быть два положения. 1) Объекты философии являются сущностями особого рода, существующими только в философской (авто)коммуникации и только для неё самой; это искусственные образования [5], и только с их появлением становится возможно профессиональное философское творчество и философское изобретение. 2) Философские проблемы не имеют непосредственного отношения к проблемам научным, социальным или мировоззренческим. Иначе говоря, философия не решает «проблемы жизни».

В современной философии было лишь несколько попыток сформировать такое понимание философии. Наиболее радикальные проекты создания «философии философии» принадлежат Ж. Делёзу и Ж. Гваттари, а также Д. Зильбермана. Первые разработали учение о концептах и «творчестве концептов» в известной работе «Что такое философия?». Второй создал метод реконструкции философий для объединения их в автономную и бесконечно разнообразную внутри себя пространство чистого творчества (т.н. *Philosophia Universalis*; к сожалению, его проект не был завершён). Одно из основных препятствий в этом – чуждость самой идеи «философии философии» подавляющему большинству профессиональных философов.

Литература

1. Полемика С. С. Неретиной с М. К. Петровым о том, «дисциплина ли философия?» – это отличный пример спора философа философии с метафилософом (Неретина С.С. *Философские одиночества*. М.: ИФРАН, 2008 С. 128-168).

2. А.В. Смирнов Возможна ли не-западная философия? // *Философский журнал* №№1 (6) 2011. С. 5-9. // URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_6/1.pdf.

3. «Уважаемый председатель Совета [А. Гусейнов] пишет в своей статье «назначение

философии», что лучше сказать «назначение философии», чем «что такое философия».

«Что такое философия» – вроде как-то претенциозно, как я понимаю. А так поскромнее

– «назначение философии». «На кой черт она нужна», мягко говоря» (Ойзерман Т. *Философия философии* //VOX 2007 № 3. URL: <http://vox-journal.org/content/vox3oizerman.pdf>).

4. Скажем, А. М. Пятигорский часто определял философию как не имеющее собственного предмета мышление о мышлении.

5. Об этих двух категориях см. Рац М.В. «Искусственное» и «естественное» // Георгий Петрович Щедровицкий. М: РОССПЭН, 2010. (Философия России второй половины XX в.). С. 319-358.

ФЕНОМЕН СИМВОЛА В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Ю. С. Рудакова

Горно-Алтайский государственный университет

Медиареальность, порождаемая средствами масс-медиа, стала неотъемлемой частью жизни современного общества и индивида. Отражая реальный мир в символических формах она становится способом его конкретно-чувственного восприятия.

Символ социален по своей природе и столь же древен, как и миф. Появившись раньше письменности он сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Язык символа остается наиболее понятным и доступным инструментом при передаче информации, требующей предельной сжатости изложения и быстроты восприятия. Символическими могут быть и слово, и вещь, и действие или даже ситуация. Однако таковыми они становятся в том случае, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение.

Несмотря на длительность существования данного феномена, обилие теорий, концепций и трактовок определение самого понятия не становится более определенным. Функционируя в различных сферах общественной жизни символ в каждой из них приобретает свою специфику.

Идеалистическая философия, уделявшая большое внимание проблеме символа, определяла человека как символическое существо, а общество как совокупность символических отношений. Э. Кассирер считал, что само человеческое бытие протекает в символических формах. Да и человеческое познание по своей природе есть познание посредством символов. Русский символизм в свою очередь говорит о многоликости и многоосмысленности символа, непостижимости и неизмеримости его конечного смысла.

Характерной особенностью символа является его «свернутый» характер. По содержанию он более экономичен, вмещая в себя информации больше, чем эквивалентная по объему любая другая информационная единица. С точки зрения формы, символ разрешает повторы, отсылки и легко переводится в невербальные коды. Как правило его форма не имеет сходства с тем предметом, который символ представляет и на который он указывает. Символ эмоционален и ценностно наполнен. В нем одновременно отражаются универсально-типическое и индивидуальное. Структуру символа составляют два главных компонента: символизирующее - предметный образ и символизируемое - глубинный смысл. Специфически обрабатывая и перерабатывая действительность, символ является определенным пониманием, или интерпретацией.

Символическими также могут быть события и действия, варианты поведения людей или социальных групп. В плане действия человеку присуще стремление к символизации окружающей действительности. Событие, выбранное из множества других и попавшее на экраны, становится знаковым и функционирует как знаковое, как символ, эталон ситуации. Выделяясь как знаковые они передают определенное значение, оказывая воздействие на аудиторию.

Реальный и символический миры взаимосвязаны. При преобразовании материального, физического плана в символический, символизм многократно усиливается. Так, например, происходит с символами государственной власти.

Наиболее эффективная среда для реализации символа - визуальная. Визуальный объект предстает как более значимый, так как большую часть ин-

формации человек получает по зрительному каналу. Тем самым обеспечивая большую долговременность, универсальность и «многоканальность воздействия».

Символ необходим там, где недостает слов, где требуется постижение образа во всей его полноте и глубине. В символах содержится нечто большее, чем их очевидное, непосредственное значение и он гораздо глубже его внешнего проявления. При помощи символа можно любому предмету, явлению можно придать либо огромную значимость, либо обесценить. Язык символа, обладая качеством универсальности, обеспечивает единство культуры.

Являясь сложной, саморазвивающейся, социо-культурной системой медиасреда активно использует символизацию для организации своего пространства, кодируя информацию в зрительные образы. Знаково-символическая наполненность реальности выступает как знание, которым обладает каждый индивид, и которое задаёт структуру смыслов и значений, способствуя декодированию окружающей нас действительности.

Таким образом мы можем говорить о том, что реальность, создаваемая медийным полем, во многом определяется символическими конструкциями, а социальный мир создаётся и пересоздаётся с помощью символических форм.

Способность человека к символизации является своеобразным инструментом проникновения в фундаментальные структуры человеческой деятельности. В наследственной памяти человечества тысячелетиями эволюции закрепились образы и символы обращение к которым вызывает у людей одни и те же неосознаваемые ассоциации. Такие символы К.Г. Юнг называет архетипическими. Тот факт, что ассоциации, вызываемые контактом с тем или иным архетипическим символом, едины для всех людей, говорит о том что с помощью символов организуются картины мира, и те, кто овладевает этими символами, приходят к общим взглядам на мир, формируя основу для согласованных действий.

Мир культуры, включающий разнообразные символические системы, является основой действия механизмов медиасреды, воздействующих на сознание человека. Образ социального мира, складывающийся у человека под воздействием медиареальности, наполняется теми смыслами, которые транслирует символический мир.

Целенаправленность воздействия символа на массовое сознание достигается тем, что выделенный из общей картины мира один из элементов типологизируется, облекается в вербальные и невербальные формы, которые по своим ценностным и репрезентативным характеристикам максимально приближаются к той культуре, к которой относится объект воздействия. Благодаря восприятию обработанной подобным образом информации у воспринимающего эту информацию на бессознательном уровне происходит необходимая реконструкция картины мира и социальных явлений.

НАИВНОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА

А. А. Пазников

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Наивность традиционно рассматривается в качестве “восстания первоначально естественной искренности человечества против ставшего второй природой искусства притворяться” [1]. Усиление данного принципа в настоящее время связывают с формированием в массовом сознании мифологических представлений, широко воздействующих на социальную действительность.

Мы полагаем, что наивность следует рассматривать как явление амбивалентное. Отличие от традиционного понимания наивного [1, 2] уже в том, что современный “наивный человек” больше не мыслится частью природы, но является продуктом цивилизации. Наивное проявляет себя не в последнюю очередь засчёт технических средств: социальные отношения опосредованы продуктами культуры. Деятельность его происходит не в рамках природного основания, но на базе социального и в пределах социального, хотя и направлено к его периферии.

Основная предпосылка актуализации наивного, на наш взгляд, находится в противоречии между высоким потенциалом чувственного и ограниченностью рационального. Наиболее простым выходом из данной ситуации является миф, который “остаётся символом единства, радости, знания, веры” [3] и позволяет сознанию функционировать без понимания и разрешения действительных проблем его существования. Вместо этого миф предоставляет виртуальную конструкцию, создающую иллюзию целостности и непротиворечивости мира, его управляемости (без каких-либо настоящих изменений). Наивное сознание в этом случае функционирует на уровне “саморефлексии мифа всеми доступными интеллектуальными средствами” [3]. Вследствие социальных проблем (в области образования, межличностных коммуникаций и т.д.) доступным оказывается очень ограниченный набор средств (принадлежащих уму “искушенному”). Поэтому при решении возникающих проблем (например, поиска смысла, избавления от страдания) используется любой подходящий для этого миф. Основным критерием выбора мифа является его простота. Так, например, при восприятии других этносов активно эксплуатируется оппозиция “свой-чужой” [4], а представления о смерти черпаются из древних мифологий, в том числе античных и скандинавских [5]. Такое состояние сознания реализуется в детстве, поэтому регрессивное погружение в “я” представляется простым способом решения противоречий. На смену рационального восприятия действительности приходит наивное философствование, которое есть “основополагающий мыслительный и экзистенциальный опыт человека, интегрирующий различные сферы человеческой сущности, а значит, на человека, несомненно, оказывают огромное воздействие его “детские” размышления по поводу его места в мире и отношений с миром” [3].

Отдельного рассмотрения требует отражение данных процессов в искусстве. Актуализированные в постмодерном направлении примитивизма, наивно-го искусства и арт-брюта обналичивают бессознательное смещение к детскому восприятию реальности. Следует, однако, различать наивность естественную – детскую, природную – и современную наивность. В первом случае это примитивизм, “явившийся ответной реакцией художественно-культурной среды, вызванной неприятием урбанизации жизни, унифицированности массовой культуры и изощренности элитарного искусства”. [6] Наивный художник не изображает предмет объективной реальности, но символ, раскрывающий сущность данного предмета. Тем самым, в наивном искусстве скрывается попытка преобразования, дополнения (до совершенной) реальности, в то время как современная наивность функционирует в рамках “старой” реальности: это средство приспособления к существующему.

Деятельность современного наивного сознания теряет своё авторство и становится соборным актом, приобретает черты фольклора [7]. Фольклор играет важную роль в связи с развитием медиа [8], в первую очередь, интернета. Медиа репрезентует бытовое сознание, которое в своей основе типично: продукт творческого акта отражает общее, характерное; творчество имеет целью не создание нового, а копирование и тиражирование материала. При этом исходный материал переносится в область мифа и тиражируется на основе мифологических паттернов. Таким образом, если детская наивность есть всегда символическое изображение, то современная наивность в большей степени симулятивна: цель её не раскрытие природы изображаемого, но подражание и тиражирование. Процесс подражания-тиражирования можно рассматривать как игру с материалом. Но в отличие от играющего ребёнка, который верит в реальность игры, взрослый наивный ум играет симулятивно: для него игра – это только игра.

Литература

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 7. М. 1994.
2. Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии. М.: Директ-Медиа, 2007. – 166 с.
3. Борисов С.В. Наивное философствование детства: «взрослые» ответы на «детские» вопросы // Вопросы культурологии. 2007. № 9. С. 8-12.
4. Маруневич О.В. Особенности восприятия представителей иных этносов с точки зрения наивного сознания (на материале русского и английского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 42-47.
5. Рыжкина З.А. Представление о бессмертии в наивной мифологической картине мира (на материале античной и скандинавской мифологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 261-263.

6. Усанова А.Л. Наивное искусство в художественной культуре Алтая XX века: Автореф. дис. канд. искусствоведения. Барнаул. 2004.

7. Калужный В.Н. «Наивное сознание» о «примитивном обществе» (на материале сомалийских пословиц) // Вестник Харьковского университета. 2001. № 507. С. 33-41.

8. Соколова Н.Л. От «наивного» искусства к фан-арту // Вопросы культурологии. 2010. № 3. С. 114-118.

МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

М. А. Дьячкова

Уральский государственный педагогический университет

О. Н. Томюк

Уральский федеральный университет

Человек – существо, воплощающее высшую ступень развития жизни, субъект общественно-исторической деятельности. Человек есть существо, в котором физическое и психическое, генетически обусловленное и прижизненно сформированное, природное, социальное и духовное образуют нерасторжимое единство.

Человек является предметом изучения множества наук, в том числе и ряда социально-гуманитарных наук: социологии, экономики, психологии, наук о праве и др.

Применительно к социологии можно говорить о человеке социологическом. «Социологический человек» – образ человека, созданный в социологии. Модели «социологического человека»: человек – «чистый лист», который произвольно заполняется обществом; человек, исполняющий роль, и человек, который может быть подвергнут санкциям (socialized, role-playing, sanctioned man); человек, имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек (opinionated, sensitive, acting man).

В психологии человек представляется как вместительница нужд, инстинктов и влечений. Многие направления в психологии (индивидуальная психология – А. Адлер, аналитическая психология – К. Юнг, неопсихоанализ – Э. Фромм и др.) исходили в своих концепциях из образа «человека нуждающегося», выводя психологические закономерности из исследования динамики реализации и удовлетворения различных потребностей.

Образ «запрограммированного человека» создан в социобиологии, где развитие человека рассматривается как развертывание генетических программ. Бихевиоризм, рефлексология и необихевиоризм трактуют развитие человека как обогащение рефлекторных программ поведения. Если понимание человека основывается на образе «запрограммированного человека», то

воздействие так или иначе сводится к подбору стимулов и подкреплений, на которые должны послушно реагировать живые «социальные автоматы».

Образ «человека-деятеля» – основа для построения гуманистического психоанализа и экзистенциальной логотерапии. Здесь человек понимается как субъект ответственного выбора, порождаемого жизнью в обществе, стремящийся к достижению целей и отстаивающий своими деяниями тот или иной социальный образ жизни.

Экономическая наука рассматривает вопросы сущности и перспективы существования человека. В экономической науке создан образ «экономического человека». Экономический человек есть концентрированное выражение наиболее характерных черт человеческого поведения в «процессе повседневной рыночной деятельности». Согласно широко распространенному взгляду, это образ человека, который полностью руководствуется экономическими мотивами. «Экономический человек» характеризуется такими качествами, как индивидуальность, рациональный расчет и хитрость, прагматизм, утилитаризм и другие. Следует подчеркнуть, что сущностью и ключевой характеристикой экономического человека выступает рациональность.

Философско-антропологические учения трактуют человека как относительно или абсолютно самостоятельного и независимого от объективных областей бытия (включая правовую реальность), как начало, творчески воздействующее на них. Антропология права рассматривает человека как своеобразную индивидуальность, единичную волю, необходимо детерминированную склонностями, потребностями, интересами и целями, которые придают праву человеческое измерение. Правовая антропология – это «наука о *homo juridicus*», в рамках которой подчеркивается исключительная способность человеческих существ, в отличие от всех других живых созданий, обуздывать свои инстинкты и агрессию, создавать нормы права и следовать их предписаниям.

Homo juridicus существует в правовом поле, в рамках, регламентирующих соотношение «моего» и «нашего», «дозволенного» и «недозволенного», при этом регламентация определяется не традицией и обрядом, а правовой нормой.

Мамут Л. С. считает, что о *homo juridicus*'е как об отдельном индивиде, автономно участвующем в правовом общении, можно говорить лишь применительно к эпохе цивилизации. В доцивилизационный период, в период варварства, его нет, ибо отсутствовали такие обстоятельства, которые инициировали бы появление других, наряду с «человеком юридическим», элементов правового общения. С возникновением цивилизации, с генезисом государственности существенно преобразуется природа общества, рождаются новые социальные взаимодействия, новые модели человека – *homo juridicus*.

Человек юридический – это тип цивилизованного индивидуума, способного направлять свои инстинкты, эмоции в русло нормативного, законопослушного поведения. На наш взгляд, к числу особенностей человека юридического относятся:

- наличие развитого правосознания, обеспечивающего способность и готовность субъекта к законопослушному поведению;
- способность выбирать, действовать, изменять обстоятельства, формировать отношения, особую искусственную, цивилизованную среду, в целом – творить правовую реальность;
- умение играть социальные роли в контексте цивилизованных правоотношений;
- способность облекать свои интересы и потребности в формы, вписывающиеся в нормативные рамки позитивного права;
- равенство по отношению к правовой норме (при различии по физическим, нравственным, социальным параметрам).

Развитое правосознание занимает особое положение при характеристике человека юридического, без него нет *homo juridicus* как цивилизованного индивидуума. Правосознание предполагает понимание субъектом объективной необходимости в правовой оформленности и упорядоченности социальных отношений (позитивное право), уверенность в способности права обеспечить должный социальный порядок, уважение к авторитету власти, закрепленной законом, сознание и чувство ответственности перед необходимостью соблюдения норм права. Именно развитое правосознание у человека юридического наделяет его иммунитетом против искушений не правового характера, удерживает от асоциальных форм поведения, вседозволенности.

Следует отметить, что разные подходы к пониманию человека, не только не отрицают его целостности, а еще более обогащают представления о человеке как субъекте общественно-исторической деятельности.

ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (XVI–XVII ВВ.)

В. В. Андрощук

Высшая школа экономики

Процесс принятия христианства на Руси завершился практически одновременно с централизацией Московского государства. Язычество сохранялось лишь в форме обычаев и обрядов, скорее как пережиток, а не отдельный культ. Существенную роль в становлении древнерусской монархической государственности и права сыграла Православная церковь.

В XVI в. Московское государство по отношению к иноверным подданным проявляло все признаки веротерпимости, предоставляя им свободу богослужения и право строительства культовых сооружений. Единственные ограничения налагались на ведение религиозной пропаганды среди православного населения. Особенности российской веротерпимости являлись дифференцированный подход к различным вероисповеданиям и нестабильность её реализации. Пределы веротерпимости то расширялись, то сужались, в зави-

симости от ряда социально-экономических причин и условий. Религиозная политика государства также во многом зависела от отношения монархов к вопросам религиозной свободы, их личной приверженности православию и значимости Православной церкви в Российском государстве в тот или иной исторический период. В XVIII–XIX вв. на отношение российских монархов к вопросам веротерпимости оказали сильное влияние западноевропейские просветительские идеи [3, с. 43].

В Москве времён Ивана IV (1533–1584) проживало большое число иностранцев – ремесленников, художников и врачей, преимущественно лютеранского вероисповедания. На призывы папского легата Антония Поссевинна к царю изгнать из Москвы всех лютеран, ему был дан ответ о том, что в русском государстве живут люди разных вер, по своим обычаям, с соблюдением одного условия – не совращать русских в свою веру. Политику Ивана IV Грозного в отношении иноверных европейцев продолжили и его преемники [1, с. 14].

Вторая половина XVI в. в истории Московского государства ознаменовалась присоединением территорий Поволжья и Сибири, население которых исповедовало ислам и язычество. Установление Московским государством торговых и дипломатических контактов с европейскими государствами вызвало первую волну иммиграции в Россию последователей протестантизма и католицизма. Послание царя Фёдора Иоанновича английскому послу Флетчеру хорошо характеризует отношение российского государства к иностранцам. В нём говорилось: «государю нашему, великому государю царю и великому князю, до их веры и дела нет: многих вер люди живут в государя нашего государстве, ... всякий живет в своей вере» [2, с. 11–12; 5, 204].

Особое отношение в Московском государстве было к католицизму. Это было вызвано событиями Смутного времени (1598–1613) и войной с католической Польшей. Деятельность Римско-католической церкви не была законодательно урегулирована, а окончательное разделение Западной и Восточной христианской церковью привело к полному её неприятию в пределах Русского государства [1, 15].

Тридцатилетняя война (1618–1648), в основе которой лежали религиозные столкновения между протестантами и католиками, послужила причиной значительного притока в Россию иностранных подданных. На «государеву службу» поступали военные специалисты, лекари, ювелиры, дипломаты, а развитие торговли стимулировало приток в Россию иноземных «торговых людей». Большинство иностранцев находилось в поисках убежища от преследований за религиозные убеждения. Однако среди них были и те, кого специально пригласили на службу в качестве «пособников и споспешников в развитии общественной жизни» России. Переселившимся протестантам предоставлялась свобода вероисповедания и богослужения: им позволялось строить храмы и приглашать из-за границы пасторов для проведения религиозных служб. Поступивших на службу Московскому государству иностранцев можно разделить на «некрещеных немцев», сохранявших статус ино-

странных подданных, и «крещеных иноземцев», принявших православие и получивших статус русских подданных [4, 4–5].

Рассмотренные события в истории Московского государства послужили причиной формирования единообразной политики государства и Православной церкви к подданным-иноверцам. В её основу был положен прагматический подход при решении проблем взаимодействия с иноверными исповеданиями и веротерпимость, основы которой закладывались на протяжении длительного процесса формирования государственно-церковных отношений практически с начала христианизации Руси. Подобное отношение к инославным подданным резко контрастировало с политикой религиозной нетерпимости и преследований по религиозным мотивам, практиковавшейся в некоторых западных государствах того времени [3, 48].

Литература

1. Булавина М.А. Правовое положение Римско-католической церкви в России в XVIII веке: дис. к.ю.н.: 12.00.01. М., 2008.

2. Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 74–78, 85–86. Ярославль: типо-литография Э.Г. Фальк, 1898. Кн. 74.

3. Лукьянов С.А. Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления: дис... докт. юрид. наук: 12.00.01. М., 2009.

4. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.

5. Терюкова Е.А. Департамент Духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В. А. Долженко

Томский государственный университет

Любое литературное произведение имеет определенный идеологический подтекст, поэтому для критического осознанного прочтения текста необходимо знать механизмы реализации идеологической составляющей в произведении. Идеология берется в широком смысле слова как некоторый оформившийся взгляд на общество и мир, претендующий на абсолютность, но

таковым не являющийся. Исходя из этого, можно выделить 2 уровня идеологии, содержащейся в художественном произведении:

1. Уровень контекста произведения, на котором проявляется социальная обусловленность, то, что автор не хотел выразить, но выразил. Данный уровень традиционно скрыт от автора. Анализ его возможен либо критиками и литературоведами, либо сознательным читателем.

2. Уровень авторской интенции. То, что автор планировал вложить в произведение и ему сделать это удалось.

Анализ и обнаружение идеологии первого типа достаточно проработан в литературоведении, литературной критике, социологии, психоанализе и прочих дисциплинах. Поэтому целью данного исследования будет выявить закономерности реализации идеологии на уровне автора.

Мысль о том, что автор выражает в письме определенную идею, кажется абсолютно очевидной, но не все так просто. Каждый читатель замечает в работе то, что он хотел бы видеть. Любое событие в тексте разворачивается к читателю удобным для него, читателя, образом, все вписывается в рамки его личных предпочтений, взглядов, эрудированности и так далее. Из этого следует сложность выявления авторской идеи: анализируя произведение, мы не можем сходу сказать, является ли выделенный нами лейтмотив произведения запланированным лейтмотивом автора или же мы сами конструируем его на основе собственных предпочтений.

Большое число возможных интерпретаций не отменяет факта воздействия литературного произведения на читателя. В любом произведении, следуя за мыслью Р. Ингардена [3], есть некоторый смысловой скелет, к которому могут прикрепляться читательские интерпретации, и которым они ограничены. Это своего рода «поле возможностей» [5] толкований, которое задается авторской идеей. Человеку не показывают, что конкретно он должен прочитать и увидеть в произведении, но наплавливают его мысль. Таким образом, нельзя говорить о полной открытости произведения. Даже в произведениях, где есть явный рассказчик, например в «Докторе Фаустусе» Т. Манна, и где прямо говорится «расскажу вам о том-то», главная мысль автора скрыта. В подобных случаях на поверхности лежит позиция рассказчика, а значит, является составляющей произведения, находится внутри него, а не привносится извне. Для обозначения авторского смысла в произведении мы будем использовать термин «первотекст».

Следует указать, что слово «первотекст» не берется в мистическом смысле, в котором его можно было бы трактовать его как определенную основу бытия, первичность, порождающую все существующие тексты или все элементы универсума. Однако, не смотря на первую возникающую ассоциацию именно с мистическими и религиозными учениями, термин «первотекст» был выбран осознанно, он наиболее точно характеризует искомую идеологическую составляющую художественного текста по ряду причин:

Авторская идея, если предположить, что нам ее удалось реконструировать, может выражаться как одним словом, например «война», «желание»,

может так же быть выражена в виде предложения или нескольких предложений, то есть некоторой текстовой единицей.

Первотекст задает вектор выражения в тексте определенного ряда настроений, набора качеств героев, их поступков, возможностей развития сюжета. Первотекст не тождественен письму у Барта [2], так как первый исходит из личных установок автора, а второе формируется социальной средой. Если предположить, что авторская интенция так же обусловлена средой, окружающей писателя, то суть первотекста так же не изменится. Да, главная идея автора может возникнуть именно в том виде и именно такая благодаря исторической ситуации, в которую погружен автор, но эта идея рефлексивна, пишущий осознанно строит на ней текст, сам выбирает ее.

Формально первотекст может быть выражен фразой «Этот текст о...».

Первотекст в произведении может быть только один, а линий сюжета – множество. Не обязательно совпадение первотекста с одной из линий. Его отголоски могут быть слышны во всех сюжетных линиях, и при этом он не будет сосредоточен в одной из них. В связи с этим свойством первотекст можно сравнить с просимволом О. Шпенглера [7]. С просимволом протекст объединяет свойство пронизывать культуру/текст целиком и полностью, при этом оставаясь скрытым. Однако, это не означает, что они не могут отражаться в объекте, так например, просимвол Египетской культуры – «путь» может быть отражен в конкретном произведении искусства и при этом, включая данное произведение, отражать доминирующую характеристику культуры. Более важный для нас пример с первотекстом: если предположить, что первотекст некоторого произведения выражен одним словом, то скорее всего данное слово будет встречаться в тексте, при этом прямого указания на то, что текст именно об этом может не быть. Первотекст может не просачиваться напрямую в тексте, особенно это актуально для работ, в которых первотекст выражается не словом, а предложением или фразой. В таком случае он может быть только реконструирован человеком, нацеленным на его извлечение.

Имеет некоторые сходства с бартовским мифом [1]. Если рассматривать литературное произведение как коннотативный знак, то первотекст будет означаемым, а сам текст означающим. Как и в мифе свойства означающих даны не полностью, а выбраны лишь те, которые позволяют выразить смысл означаемого. Если вспомнить, что миф историчен и рассчитан на определенную аудиторию, то и здесь можно найти сходство. Роман всегда пишется кому-то, есть предполагаемая публика, а значит и его суть (первотекст) обращена к определенной аудитории, у которой она может вызвать отклик. Скрытость – еще одно сходство. Первотекст, как и миф, не дан нам непосредственно.

Таким образом, можно заключить, что авторская интенция в художественном произведении является неотъемлемой составляющей в формировании читательских интерпретаций текста.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – 431 с.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 572 с.
4. Компаньон А. Демон теории. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
5. Сартр Ж.-П. Проблема метода. Статьи. М.: Академический проспект, 2008. – 222с.
6. Сартр Ж.-П. Что такое литература? СПб.: Алетейя, 2000. – 460 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
8. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2007. – 288с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О. А. Козырева

Уральский федеральный университет

Современный мир с каждым днем неотвратимо приближается к моменту своего перехода к максимально технологизированному обществу. «Точку, в которой наши старые модели придётся отбросить, где воцарится новая реальность», принято называть технологической сингулярностью (термин ввел в научный оборот американский писатель-фантаст, профессор математики В. Виндж в 1993 г.).

Первоначальное значение термина «сингулярность» никоим образом не было связано с исследованиями в области искусственного интеллекта, это понятие было сугубо астрофизическим, а затем перешло в математику: «Состояние нашей Вселенной в определённый момент времени в прошлом, когда плотность энергии, материи и кривизна пространства-времени были очень велики – порядка планковских значений – физическая сингулярность, или даже бесконечны – математическая сингулярность». Сегодня под технологической сингулярностью ученые понимают кардинальное изменение нашего привычного мира, связанное с повсеместным распространением искусственного интеллекта и его заметным превосходством над человеческим.

Технологическая сингулярность, по мнению В. Винджа, должна наступить в промежутке между 2005 и 2030 гг. К этому событию с неизбежностью приведет создание искусственного интеллекта, развитие компьютерно-технологических сетей, а также бесконечное и быстротечное ускорение технического развития мира. Однако, философы и программисты продолжают

вести споры о том, когда же все-таки можно будет с уверенностью говорить о наступлении сингулярности или хотя бы о возможности ее спрогнозировать.

Считается, что сингулярность предполагает создание машинами, уже сотворенными человеком, новых машин, превосходящих как человеческий интеллект, так и интеллект своих искусственных создателей, таким образом, наличие искусственного интеллекта как минимум третьего поколения считается началом эпохи сингулярности. На мой взгляд, технологическая сингулярность уже наступила, если принимать во внимание тот факт, что естественный, человеческий интеллект, не рукотворное произведение, а продукт природы, т.е. интеллект, созданный кем-то или чем-то и запрограммированный на определенные действия. Таким образом, человеческий интеллект, с некоторой долей неточности, можно приравнять к искусственному интеллекту, и тогда созданные человечеством машины и компьютеры будут именно этим третьим поколением сверхразумных машин, наличием которых в обществе и детерминируется наступление сингулярности.

На данный момент мы находимся в ситуации выбора: продолжать жить так, будто сингулярность еще не вступила в наш мир и вступит еще не скоро, или же осознать достаточно заметные изменения в структуре общества и направить свои силы на выработку нового мировоззрения. Одной из самых важных проблем при разработке теории сингулярности (и искусственного интеллекта в частности) является проблема существования человека в новом сингулярном обществе. Чаще всего она предстает в виде поиска ответа на вопрос «будет ли порабощен человеческий интеллект сверхразумным».

С моей точки зрения будущему человечеству ничего не угрожает, если правильно воспринимать цель создания искусственного интеллекта. Определение, которое дает Д.В. Смолин, абсолютно точно отражает специфику этой цели: «искусственный интеллект – это самообучающийся инструмент, усиливающий деятельность человека по генерации и принятию решений». Слепое моделирование естественного интеллекта не должно становиться главной задачей при создании машин; необходимо учитывать тот факт, что машина должна сотрудничать с человеком, а не вытеснять и полностью заменять его в различных сферах деятельности. Если диалог между человеком и искусственным разумом станет неотъемлемой частью при создании и функционировании сверхразумных машин, то вероятность неконтролируемых действий со стороны последних будет сведена к минимуму.

Когда общество поймет, что акцент на «актуальности совместной деятельности человека и машины» должен занять главенствующее место при решении вопросов, касающихся нашего будущего существования на Земле, тогда станет возможным разговор о переходе в сингулярный мир. Ведь только тогда, когда ученые в своих работах поставят главы о философском осмыслении последствий создания искусственного интеллекта впереди всех остальных глав, посвященных самому процессу создания и программирования многозадачных систем, можно будет избежать печальных результатов человеческих изобретений. Разработка же сначала машин, а затем рефлексия

о том, что негуманного и катастрофически необратимого они способны сделать, бессмысленна и непродуктивна.

Литература

1. Виндж В. Технологическая Сингулярность [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/713544/>, свободный.
2. Физическая энциклопедия. В 5-ти томах. — М.: Советская энциклопедия. Главный редактор А. М. Прохоров, 1988.
3. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. — 208 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

М. В. Черепанова

Томский политехнический университет

Широкое распространение практики этической кодификации в современной культуре неизменно сопровождается критикой, акцентирующей внимание на ее «декоративности» и низкой функциональности. На первый взгляд, истоки подобного отношения очевидны: неумелое создание и необоснованное внедрение кодексов в жизнь зачастую полностью нивелирует их созидательный потенциал. Однако можно говорить и об иных предпосылках возникающих противоречий: трансформация субстанциальных основ социальности сопровождается превращением общества из подчиненного объекта в субъект нормативно-ценностной самоорганизации, для которого жесткая иерархичность кодекса является неприемлемой. Данный тезис позволяет ряду исследователей утверждать, что наступает кризис этики, а этический кодекс, как некая система универсальных принципов, способная упрочить положение человека в реальности, уходит в прошлое. Но одновременно он может рассматриваться как констатация факта, что в новых условиях сама природа этического кодекса подвергается глубинным изменениям. Попытаемся обосновать вторую позицию.

С точки зрения философии, этический кодекс представляет собой объективацию глубинного пласта культуры, связывающего трансцендентальную и эмпирическую сферы бытия. С одной стороны он формируется за счет ресурсов «жизненного мира», с другой – создает новые модели поведения. То есть изменение духа эпохи оказывает непосредственное влияние на природу кодексов: на смену традиционности и рациональности, составлявшим их базис в прежние исторические периоды, приходит коммуникативность, которая представляет собой принцип организации поведения и деятельности индивида в условиях социальности, устроенной десубстанциально, то есть лишенной базовых основ, соединяющих ее в единую устойчивую структуру. Онто-

логизация коммуникации подразумевает, что «коммуникация приобретает статус социальной реальности, позволяя осуществлять любые типы социальных отношений и воспроизводить (или формулировать) правила, по которым эти отношения строятся, интерпретируются, оцениваются» [1]. Социальная система изменяет свою прежнюю жесткую иерархическую природу на сетевую, лишенную смыслового центра и склонную к дальнейшим модификациям. Каким же образом в столь непривычной ситуации реализуется механизм этической регуляции? Для ответа на этот вопрос обратимся к теории Н. Лумана, одной из наиболее убедительных моделей коммуникации, интерпретируемой в рамках теории систем.

Согласно данной концепции, отказ от стратификационистского подхода и складывание функциональной дифференциации современного общества привели к выделению в нем ряда автономных социальных систем. Подобные системы возникают лишь там, где имеет место связь коммуникаций, замкнутая в собственных взаимодействиях от внешнего пространства. Ключевым свойством системы выступает самореферентность – способность постоянно самоопределять отношение к самой себе и дифференцировать его от отношений к окружающему миру, а также перманентно селектировать свои внутренние связи и элементы. Важнейшую роль в процессе выстраивания комплексных систем, по мнению Н. Лумана, играют обладающие свойствами кода структуры. Причина их эффективности заключена в избирательном характере кодов, а именно в особой комбинации универсализма и спецификации. Относительно независимо от распределения элементов во внешнем для системы мире код устанавливает для каждого элемента этой системы свой точно соответствующий данному элементу комплементарный фактор [2].

Таким образом, в рамках новой самоорганизующейся социальной природы этическому кодексу уготована роль своеобразного аттрактора, символизирующего идеальное конечное состояние, к которому стремится система в своем развитии. Акценты его реализации несколько смещаются: он обращается из способа регуляции (предполагающей нарративную жесткость) в источник самоорганизации. Иначе говоря, в условиях зыбкой действительности, этический кодекс – не предпосылка коммуникации, а ее результат. Одновременно на него возложена рефлексивная функция, позволяющая проецировать цели системы на поведение каждого индивида, формировать единое поле мировосприятия, что выступает одним из показателей ее высокого коммуникативного онтологического статуса. В итоге коммуникация приобретает завершенный характер, что свидетельствует о сохранении фундирующей функции этического кодекса.

Итак, этическая кодификация представляет собой регулятивный механизм, обеспечивающий поддержание стабильной социальной структуры. В то же время онтологические основания самих кодексов подвержены изменениям: в ходе исторического развития происходит последовательная смена их базисных предпосылок: традиционность – рациональность – коммуникативность. Наблюдаемая актуализация феномена обусловлена необходимостью

выработки устойчивых ориентиров в рамках неустойчивой социальной реальности. Вместе с тем сам этический кодекс трансформируется в соответствии с новой обстановкой: коммуникативность, заложенная в его основании, знаменует отказ от властной иерархичности в пользу принципа рефлексивной самоорганизации. При этом структура замыкается, образуя сетевой каркас новой онтологии социальности. В данной связи необходимым инструментом при рассмотрении современных этических кодексов выступает системный подход: он демонстрирует их функциональные особенности и условия реализации глубинного коммуникативного потенциала, позволяя избежать косности и симулятивности в процессе разработки и практического внедрения.

Литература

1. Иконникова Н.К. Социальная коммуникация: понятие, символическое содержание // *Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук.* 2001. Т. 3. Вып. 3 (9). С. 194.
2. Антоновский А. Ю. Социальные системы Никласа Лумана / А. Ю. Антоновский // *Луман Н. Власть; пер. с нем. А. Ю. Антоновского.* М.: Праксис, 2001. С. 224.

ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РЕШЕНИЯ

А. А. Юмаев

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Сегодня на одно из первых мест в научно-оптимистическом поиске выдвигается проблема клонирования человека и обсуждение перспектив её решения. Генная инженерия, ещё в конце 20 века доказала, что так давно грезящие о бессмертии умы, правы, говоря о том, что вечная жизнь возможна. Сейчас, в 21 веке, во времена бешеного развития разного рода технологий, концепций и теорий ставить под сомнение вопрос о достижении реального личного бессмертия, практически не имеет смысла. Налицо все факты, говорящие в пользу того, что скоро естественная смерть перестанет быть неизбежной. Мы начинаем жить во времена, когда привычка умирать в конце концов пройдёт. Всякий, доселе неизлечимо больной человек, станет здоровать и будет счастлив, бездетные семьи смогут иметь своих родных детей, а упадочный настрой, вызываемый неотвратимостью смерти канет в лету, как многие важные вопросы и проблемы, волнующие человечество.

В настоящее время технология клонирования не совершенна. Достоверно не зафиксировано ни одного случая клонирования человека. Однако, уже сегодня есть методы, позволяющие с большой долей уверенности говорить, что в главном вопрос технологии решён. Наиболее успешным из методов клони-

рования высших животных оказался метод «переноса ядра». Именно он был применён для клонирования овечки Долли, которая, как известно, прожила достаточное число лет, чтобы можно было говорить об успехе эксперимента. С тех пор успешно клонированы десятки животных разных пород. По мнению учёных, эта техника является лучшей из того, что мы имеем сегодня, и её, при соответствующей доработке, непосредственно можно применить в качестве методики клонирования человека. Но, к сожалению, пока было невозможно этого сделать т.к. в большинстве стран, где велись такие разработки, введены моратории и законы, значительно тормозящие развитие этой ветви науки. Так, например, международный акт, устанавливающий запрет на клонирования человека, — Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ, который подписали 12 января 1998 г. 24 страны из 43 стран-членов Совета Европы. 19 февраля 2005 г. Организация Объединённых Наций призвала страны-члены ООН принять законодательные акты, запрещающие все формы клонирования, так как они будто бы «противоречат достоинству человека» и выступают против «защиты человеческой жизни». А 8 марта 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию в которой содержится призыв к государствам-членам запретить все формы клонирования людей в той мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни. В России 20 мая 2002 года был принят федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» сроком на 5 лет, однако в 2010 году его действие было продлено. Новый законопроект вносит поправки, продлевающие мораторий на клонирование на неопределенный срок — до вступления в силу закона, устанавливающего порядок применения биотехнологий в этой области.

Любое его нарушение уголовно наказуемо и поэтому всякие экспериментальные попытки развить технологию клонирования человека сейчас сведены на нет. Наряду с этим, всякие разговоры на данную тему, как правило, подвергаются резкой критике, как со стороны широкой общественности, СМИ, консервативно мыслящих учёных, так и представителей различных религиозных конфессий.

При этом нередко прибегают к разного рода «ужасикам» и «страшилкам». К примеру, бытует мнение о том, что после развития технологий клонирования, передовые страны начнут пополнять свои войска искусственно выращенными, зомбированными людьми. Пугают тем, что население увеличится в разы и человечеству попросту не хватит ресурсов для существования. Доходит и до абсурда, например, клонируя людей, мы якобы берём на себя роль бога, идём против природного естества, теряем свою уникальность. Некоторые утверждают, что мужчины в продолжении рода перестанут играть всякую роль – всё это лишний раз доказывает то, насколько человечество ещё консервативно и с какими недалёкими обвинениями оно вмешивается в то, что на самом деле делается нам во благо.

Действительно, клонирование позволит значительно продлить жизнь любого человека, в частности путём замены износившихся органов. Семьи, по тем или иным причинам не имеющие возможности завести собственных детей или потерявшие их в раннем возрасте, смогут взрастить потомство снова при помощи технологии клонирования, экстракорпорального оплодотворения и других методик; будет решена проблема с донорами, при помощи iPSC клеток можно вырастить клетки мозга, печени и т.д. Именно за это открытие учёные Джон Гердон и Синъя Яманаки были удостоены Нобелевской премии в этом, 2012-м году. Решается вопрос с лечением тяжелейших генетических, а так же приобретённых заболеваний, таких как СПИД, рак, болезнь Альцгеймера и Паркинсона, рассеянный склероз, ревматоидный артрит. С помощью генной инженерии, и того же клонирования, можно решить вопрос с редкими животными, недостатком мясной и растительной пищи на Земле. Можно в кратчайшие сроки эффективно изменять популяции тех или иных особей, внося баланс в механизм живой природы.

Согласно информации из Интернета, фирма Clonaid в течении десяти лет клонирует людей и, как заявляют представители компании, все клонированные дети в данный момент живы и чувствуют себя прекрасно. Однако, к сожалению, ни один из подобных случаев до сих пор не подтверждён независимой научной экспертизой, в которой фирма отказала после того, как раздались голоса о том, что на клонированных детей «заказчики» не имеют родительских прав. Возникает проблема разработки соответствующих правовых норм, которые необходимы даже если сведения о клонированных людях фиктивны, ибо это безусловно станет несомненной реальностью.

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА И ТРАГЕДИЯ КОСМОПОЛИТИЗМА

М. Ю. Ядрышников, Д. С. Сырыщин

Горно-Алтайский государственный университет

За последнее время мы стали свидетелями нескольких серьезных прорывов в освоении космоса человеком. Среди них успешный запуск марсохода «Кьюриосити» и выход зонда Вояджер за пределы гелиопаузы. Человечество выходит в космос, и в скором времени, по-видимому, выйдет на новый уровень научного познания. Но нельзя не заметить тот факт, что население Земли на данном этапе развития переживает тяжелейший экономический спад, среди арабских стран назревает вооруженный конфликт, а в Государственная Дума РФ рассматривает законопроект о защите прав верующих и другие непопулярные нововведения.

Изучение космоса необходимо для выживания человечества, но необходимо ли человечеству выживание? Этот вопрос и олицетворяет космическую трагедию космополитизма. Космополитизм и освоение космоса — очень близкие по духу вещи. По крайней мере, и там, и там желание человека быть

свободным встречает сопротивление недалекого разума. Трагедию космополитизма можно сравнить с трагедией марксизма: Маркс, горячо переживавший за простых трудящихся, не встретил отклика в их сердцах и помыслах. Трудящимся не было дела до его идей, в их глазах светился тот же самый огонек наживы, что Маркс обличил в их буржуазных хозяевах. Космополитизм — это идея, которая, не видя практического применения для капиталистического настоящего, не встречает отклика у человека потребляющего, и лишь единицы защищают идеологические интересы человечества, утопии, обреченные на то, чтобы претвориться в жизнь. (О. Уайльд).

Мы должны признать, что научный прогресс соседствует в нашем мире с социальным мракобесием, независимое сознание подвергается нападкам агрессивного социально-экономического организма, навязывающего человеку разумному варварство и догмы, ограничивающие его проявление чистой воли и туманящее его взгляд на мир. Однако признать, не значит смириться.

Согласно известному изречению, ничто не вечно. Однако, биологический организм, будь то бактерия, животное или человек способен к самовоспроизведению, что определяет его существование на многие миллионы лет. Проблема же в том, что среда обитания живых организмов имеет свойство быть исчерпанной в плане ресурсов. Чем более развитой и сложной является популяция, говоря о человечестве, тем больше ресурсов природной среды она потребляет.

Когда речь идёт о простейших и животных, обитающих на определенной территории, то они могут постепенно находить равновесие, баланс со средой обитания и поглощать столько ресурсов, сколько необходимо для поддержания приемлемой численности популяции. Ведь их поведение регулируется лишь естественными биологическими процессами – инстинктами. Но человек пошел дальше инстинктов. Человеческая цивилизация все время развивалась за счет искусственно созданных условий, которые постоянно воздействовали на социум. Наиболее значительные среди них – экономические законы. Если разобраться, то любое сколько-нибудь существенное изменение состояния человеческого общества (революция, война, либо кризис) происходит в целях перераспределения ресурсов. Хотя это утверждение справедливо лишь для тех немногих индивидов, которые ими обладают. Что же касается основной массы населения планеты, она под влиянием экономических процессов превратилась в общество потребителей. Суть существования такого общества сводится к тому, чтобы приучить обывателя покупать как можно больше пусть даже ненужных вещей лишь для того, чтобы в конечном итоге сделать максимальной экономической выгоду обладателям ограниченных ресурсов. И это замкнутый круг. Обладатель ресурсов навязывает потребителю необходимость обладания вещью, тот старается изо всех сил её получить, ставит себе столь низменную цель, работает лишь на её достижение. Над личностным же прогрессом среднестатистический человек задумываться не привык. Чтобы выжить, такому обществу приходится непрерывно осваивать всё новые и новые территории, изыскивать все больше и больше ресурсов. А как

отмечалось выше, исчерпаемым ресурсам планеты, равно как и пригодности территорий для проживания людей, рано или поздно приходит конец.

Благо, среди людей есть личности, которые осознают факт, что жизнь на планете Земля не может поддерживаться вечно. И тогда эти люди устремляют свой взор в небо, к звёздам с одним-единственным вопросом в голове – «Есть ли среди этой звездно-галактической бесконечности место с такими же условиями обитания как на Земле?»

Эти люди - космические исследователи. Общество рассматривает их зачастую неоднозначно. Две крайние позиции – их либо понимают и одобряют, либо осуждают за бессмысленное расходование колоссальных средств на всего лишь «удовлетворение научного интереса». Но научный интерес – это лишь малая побочная цель в ходе преследования вполне прагматичной основной – поиска нового места во Вселенной, пригодного для переселения человечества на момент заката земной цивилизации, который при рассмотрении в долгосрочной перспективе неизбежен: энергоносители на исходе, изыскание новых источников энергии происходит с малой эффективностью и разрозненно, запасы пресной воды – основы жизни - стремительно иссякают, а ядро Земли остывает. Для адекватного восприятия амбициозных космических исследований, их «критикам» для начала стоило бы знать об этих фактах.

Но надо признать, что критика этих людей понятна. “Зачем нам осваивать космос, когда треть населения планеты голодает?” – аргумент вполне очевидный, но всё же оспоримый. Да, проблемы есть, но эти проблемы неизбежны в условиях перенаселения и роста потребностей населения Земли. С этой стороны, очевиден путь, который следует избрать, для решения проблемы – безусловно, следует исследовать космическое пространство и способы его освоения. Это не только откроет новые горизонты для исследователей, но еще и позволит создать условия для вовлечения множества людей, интеллектуальная и трудовая деятельность которых будет востребована в связи с небывалым подъемом космической индустрии. Для этого, однако, человечеству следует перейти на принципиально новый тип мышления – космополитический. На данном этапе он будет представлять собой отказ от интересов отдельных социальных групп в угоду личностному прогрессу отдельного индивида, что создаст благоприятные условия для разрешения общечеловеческих проблем. Культивирование этих идей в умах людей – задача населения Земли уже сейчас.

Однако, в условиях вынужденного перехода человечества на межпланетный уровень расселения космополитическая философская концепция предлагает такое устройство мира, которое будет являться по большому счету единственно приемлемым. Именно тем интересна космополитическая теория, что на практике она предоставляет человеку как силы, так и возможности быть тем человеком, которому есть, чем поделиться с другими, которому не безразличен курс всего общества. *Per aspera ad astra* космополитизм дает личности спасение от цепкой хватки общества потребления, позволяя человеку

вырваться и проявить себя на благо цивилизации, так частное создает целое — человеческая цивилизация — это не единый организм, но суть, потенциал и возможности каждого человека, составляющего цивилизацию, и космополитизм есть метод осуществления общества производства, в котором человек найдет как себя, так и применение себе, в едином стремлении человечества к переменам.

Космополитизм предлагает мышление, освобожденное от варварских уз привязанности человека к определенной территории, культуре или национальности, но ставит человека на новую ступень свободы — с возможностью самостоятельного выбора не только настоящего, но и прошлого и будущего — культурного наследия и личностного курса. Космополитический мир предлагает общественные условия, основанные на полной независимости личности, делая, таким образом, проблемы, появляющиеся на почве разнообразия людей смешными и абсолютно несущественными рядом с проблемой саморазвития и личностного определения, которые выходят на первое место для человека в космополитическом мире.

Проблема человечества — в нем самом. В различиях, которые позволяют нам развиваться, и в то же время дают повод заостренному, консервативному и ищущему в этом злую выгоду сознанию стравливать людей друг с другом, создавая иллюзию о невозможности сотрудничества людей в виду их девиантности или непохожести друг на друга. Но несмотря ни на что, человечество движется вперед, несмотря на то, что прогрессивные идеи постоянно встречают агрессивную критику со стороны среднего разума (А. Эйнштейн), мы идем по пути исторической необходимости, которая, несомненно, прослеживается в смене человеком одной парадигмы на другую в ходе истории. Единицы провозглашали новые перемены, желая выживания и процветания человеческого вида, которому, пока что, более близки животные, нежели человеческие повадки. Человек сейчас появляется на свет в обществе догм и сакральных заповедей только затем, чтобы потреблять, ничего не создавая взамен. В этом суть трагизма человеческого общества, и выход в космос не просто историческая необходимость, но катарсис этого неизлечимого процесса, так же как космополитизм — неизбежно необходимая в достижении космического будущего парадигма.

Литература

1. Космополитизм. Толкование термина// Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/
2. Ядро Земли постепенно остывает и кристаллизуется// интернет-журнал «Cyber Security.ru» 29.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cybersecurity.ru/prognoz/128790.html>
3. Голубев Г.Н. Геоэкология. М.: Изд-во ГЕОС, 1999.
4. Мнение молодых: ООН нужно идти в ногу со временем// статья интернет-радио «ООН» 10.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/112686/>

Раздел III

Теоретические проблемы права

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НАРУШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Р. Д. Бахлул кызы

Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана (Баку)

Каждое государство должно соблюдать общепризнанные принципы и нормы в отношении системы окружающей среды для того чтобы охрана окружающей среды неотъемлемой части развития. Международно-правовые отношения в области охраны окружающей среды регулируются общепризнанными принципами и нормами современного международного права, закрепленными в Уставе ООН и других основных международно-правовых актах. Декларация ООН по проблемам окружающей среды 1972г. впервые на универсальном уровне определившая подходы к решению экологических проблем. Потом была принята рекомендация о создании ЮНЕП и был учреждена Программа ООН по окружающей среде. ЮНЕП имеет 4 основных экологических проблем, стоящих перед: а) право использования природных ресурсов и б) необходимость надлежащего производства и в) улучшение благосостояния человека и гигиены окружающей среды г) тенденция глобализации окружающей среды. Был также сформулирован принцип недопустимость нанесения трансграничного ущерба налагает определенные ограничения на действия государств за нанесение экологического ущерба системам окружающей среды других государств и районов.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 года приняла Декларация Рио-де-Жанейро направлена на создание нового и равноправного глобального партнерства посредством формирования новых уровней сотрудничества между государствами.(4, с.587) Конференция приняла Повестку дня на XXI век, которая является стратегией глобального сотрудничества в сфере охраны окружающей среды для достижения устойчивого развития. Второй раздел повестки посвящен борьбу с обезлесением, опустыниванием, засухой и др. Согласно решению конференции, в ООН образована новая структура Комиссия по устойчивому развитию и зафиксировано 27 принципов, направленных на достижение устойчивого развития.(5, с.607)

К числу принципов охраны окружающей среды относятся принципы охраны и улучшения окружающей природной среды на благо нынешнего и будущих поколений защиты права человека на благоприятную окружающую среду, рационального использования возобновляемых и невозобновляемых

природных ресурсов, предотвращения загрязнения и заражения окружающей природной среды, недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды, запрета военного или любого использования средств воздействия на природную среду, неотъемлемого суверенитета государства над своими природными богатствами, международного сотрудничества в деле охраны окружающей среды.

К сожалению некоторые государства не соблюдают этим принципам. Например, Армения несмотря объявлений о прекращении огня перед международным сообществом, уничтожит все поселения оккупированных территорий, зажигает города, села и леса, реализует тактика «выжженной земли» и по сей ден. Этот факт был утвержден председателем миссии ООН Махмудом Аль-Саидом. (2, s162) Территории Агдамского, Физулинского, Джебраильского, Губадлинского, Зангиланского района сожжены Арменией. Тактика «выжженной земли» осуществляемый Арменией является не только против Азербайджана, но и преступление против человечности. 7 сентября 2006 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Положение на оккупированных территориях Азербайджана», выдвинутую Азербайджаном в связи с широкомасштабными пожарами на оккупированных территориях. Резолюция подчеркивает необходимость неотложного проведения экологической операции, оценки краткосрочных и долгосрочных последствий пожаров для окружающей среды региона и ее реабилитации. В этих целях, резолюция отмечает готовность сторон к сотрудничеству и призывает организации и программы системы ООН, в особенности Программу ООН по окружающей среде, сотрудничать с ОБСЕ.(6) Миссия ОБСЕ по установлению фактов провела с 4 сентября по 12 октября 2006 года оценку краткосрочного и долгосрочного воздействия пожаров на окружающую среду пострадавших территорий и подтвердила, что «пожары нанесли экологический и экономический ущерб региону и создали угрозу здоровью и безопасности людей.»(7, с.10)

Принципы недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды охватывает как военную, так и мирную область использования ядерной энергетики. Армения также нарушает этого международного принципа, Мецморская АЭС в Армении, которая расположена на расстоянии всего 16 километров от Турции, 60 километров от Ирана и в 120 километрах от границ Грузии и Азербайджана, является источником угрозы не только для Азербайджана, но и для других стран региона. Если на АЭС произойдет авария, серьезно пострадает все страны Южного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Такая авария может уничтожить все живое на большей части Южного Кавказа.

Принцип запрета военного или любого использования средств воздействия на природную среду в концентрированном виде выражает обязанность государств принимать все необходимые меры по эффективному запрещению такого использования средств на природные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому государству. Этот принцип закреплен в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухо-

путной войны 1907 года и Положение к ней, Женевской конвенции 1949 года о защите гражданского населения во время войны, а также в Дополнительном протоколе I 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года, а также в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1980 года. Протокол III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 года запрещает превращать леса и другие виды растительного покрова в объект нападения с применением зажигательного оружия. Статья 35 Дополнительного протокола I подчеркивает, что запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.(5, с.617) Значит, запрещается такое использование средств воздействия на природную среду, которое одновременно является и враждебным и вызывает разрушения, наносит ущерб, превышающий определенный порог.

Каждый год 30 тысяч человек умирают в mine. (1) Генеральная Ассамблея призвала мораторий на экспорт мин с 1993 года, более чем 25 стран присоединились к вызову. В 1997 году Канада, Норвегия и др. подписали Международную конвенцию о запрещении экспорта мины. Большинство членов ООН попросил для реализации программы. В то же время Организация Объединенных Наций осуществляет подготовки сапёров, программа о финансах минной опасности и такие программы осуществляются в Анголе, Афганистане, Боснии и Герцеговине, Йемене, Камбодже, Лаосе, Мозамбике, Руанде, Хорватии. Несмотря что, Агентства по разминированию в Азербайджане осуществляет программа в сотрудничестве с неправительственных организаций (например, Международный Фонд Евразия Пресс) минная опасность ведет к обострению конфликтов на Южном Кавказе.

В резолюциях о Нагорном Карабахе принятой Совета Безопасности, ООН предлагают Генеральному секретарю оказания помощи беженцам и перемещенным лицам вернуться в свои дома безопасными и соответствующими международными учреждениями. Вооруженные силы Армении однако не позволяет решение этой проблемы. Тактика "выжженной земли" Арменией и минной опасности не дает возможность реализации использования этих земель. Они были уничтожены, и сожгли, восстановление области не представляется возможным, как только возможно. Тактика "выжженной земли" Армении реализует опустынивании этих землях, которые приходят в упадок. Еще в 1993 году, зарубежных информационных агентств содержит информацию о сжигании, реализации тактика "выжженной земли" армян по азербайджано-иранской границе.(3, s251-252) Но международное сообщество не примет серьезные меры по борьбе с преступлениями Армении и тактика "выжженной земли" реализуется и сегодня.

Экологическая деградация ведет к обострению конфликтов. В связи с этим сотрудничество государств в области окружающей среды может служить средством смягчения враждебных проявлений и содействия урегулированию конфликта. Нарушители принципам охраны окружающей среды должны привлекаться к ответственности. С этой целью создание Международного Экологического Суда необходимо, или ООН должна создать комиссия по привлечению к ответственности за нарушение принципов и по возмещению вреда, уполномоченная применять санкции, основана на принципах. К государствам, совершившим нарушении права ООН должна предупредить в официальном форме. Применять возложение обязанности возместить причиненный вред может дать положительные результаты.

Литература

1. Вопросы международного мира и безопасности в повестке дня ООН, <http://www.google.com>
2. Письмо представителя Азербайджана от 2 ноября 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности, Документ S/26682, Совет Безопасности. Официальные отчеты сорок восьмой год дополнение за октябрь, ноябрь, декабрь 1993 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1997 год, 415с.
3. Письмо представителя Азербайджана от 15 ноября 1993 года на имя Генерального секретаря, Документ S/26762, Совет Безопасности. Официальные отчеты сорок восьмой год дополнение за октябрь, ноябрь, декабрь 1993 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1997 год, 415с.
4. Международное право: Учебник. Отв.ред. Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов. М.: Международные отношения, 1998, 624с.
5. Международное право: Учебник. Отв.ред. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. М.: Международные отношения, 2000, 720с.
6. Резолюция принятая Генеральной Ассамблеей 7 сентября 2006 года, <http://www.un.org/russian>
7. Сборник документов ООН по армяно-азербайджанскому нагорно-карабахскому конфликту, Баку, Министерство Иностранных Дел, 2009, 368с.

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА: ЕДИНСТВО ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Ю. Л. Юринец, М. Л. Белкин

Национальный авиационный университет (Киев, Украина)

Согласно ч. 1 ст. 210 Гражданского кодекса Украины (ГКУ), личными немущественными благами, которые охраняются законодательством, являются

ся в частности: имя; авторство; свобода литературного, художественного, научного и технического творчества.

Принцип свободы творчества находится в сложных взаимоотношениях с общественной моралью, религией и принципом терпимости. Французская Декларация прав человека и гражданина 1798 г. священными правами человека указывала на свободу взглядов мысли слова и прессы, которые защищаются «угрозой ответственности за злоупотребления этой свободой».

Реализация лицом прав порождает возникновение обязанностей. Согласно ст. 13 ГКУ, при осуществлении своих прав лицо обязано воздерживаться от действий, которые могли бы нарушить права других лиц, нанести вред окружающей среде или культурному наследию. При осуществлении гражданских прав лицо должно придерживаться моральных принципов общества. Согласно ч. 6 ст. 13 ГКУ, в случае несоблюдения лицом, при осуществлении своих прав, требований относительно пределов осуществления прав, суд может обязать его прекратить злоупотребление своими правами, а также применить другие последствия, установленные законом. Таким образом, свобода творчества как гражданское право находится в диалектическом единстве с ограничениями, обязанностями и ответственностью относительно его осуществления.

Согласно ст. 5 ЗУ «О кинематографии», основными принципами кинематографии является гарантирование свободы творчества, но при условии утверждения произведениями кинематографии идей гуманизма, общечеловеческих, национально-культурных и духовных ценностей. По ст. 5 ЗУ «О театрах и театральном деле», государственная политика в отрасли театра и театрального дела базируется на единстве принципов свободы творчества и гуманизма, демократизма, приоритета общечеловеческих духовных ценностей. По ст. 6 данного Закона, гражданам гарантируется свобода творчества в сфере театрального искусства. Творчество в сфере театрального искусства является свободным. По ст. 3 ЗУ «Об издательском деле», издательское дело направлено, в частности, на обеспечение права на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений. По ст. 5 ЗУ «О телевидении и радиовещании», гарантируется свобода деятельности телерадиоорганизаций.

Согласно ст. 5 ЗУ «О театрах и театральном деле», допускается ограничение или запрещение публичного выполнения или публичного показа театральной постановки, а также других видов ее использования, публикации информационных и рекламных материалов о театральной постановке в случаях, если публичное выполнение или публичный показ произведений театрального искусства используются для призывов к ликвидации независимости Украины, изменения конституционного строя, насильственным путем, нарушения суверенитета и территориальной целостности государства, подрыва ее безопасности, незаконного захвата государственной власти, пропаганды войны, насилия, разжигания межэтнической, расовой, религиозной вражды, посягательства на права и свободы человека, здоровье населения.

Согласно ст. 1 ЗУ «О защите общественной морали», общественная мораль определена как система этических норм, правил поведения, которые сложились в обществе на основе традиционных духовных и культурных ценностей, представлений о добре, чести, достоинстве, общественном долге, совести, справедливости. Согласно ст. 5 ЗУ «О защите общественной морали», содержанием государственной политики в сфере защиты общественной морали есть создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, которые оказывают содействие реализации права на информационное пространство, свободное от материалов, которые представляют угрозу физическому, интеллектуальному, морально-психологическому состоянию населения.

О единстве принципов в законодательстве Украины и европейской правовой традиции свидетельствует ряд Рекомендаций (Рек.) Комитета Министров Совета Европы (КМСЕ), в частности Рек. № R(84)3 КМСЕ «О принципах телевизионной рекламы», где указывается, что важнейшее внимание нужно уделять возможным вредным следствиям, которые могут появиться после рекламы табака, алкоголя, фармакологических препаратов и медицинского лечения и возможности ограничить или даже запретить рекламу в этих сферах. Реклама, направленная на детей, или реклама, в которой принимают участие дети, должны избегать всего того, что может повредить интересам детей, уважать их физическую умственную и моральную индивидуальность.

Рек. № R(97)19 КМСЕ «О показе насилия электронными СМИ», которые исходили из того, что осуществление свободы выражения взглядов связаны с обязанностями и ответственностью, и что оно может быть законным образом ограничено с целью поддержания равновесия между осуществлением этого права и соблюдением других основных прав, свобод и интересов, которые защищает Европейская конвенция по правам человека.

Рек. № R (97)20 КМСЕ «О разжигании ненависти», которые исходили из осуждения любых форм нетерпимости, поскольку это подрывает безопасность демократии, культурное единство, плюрализм.

Таким образом, ограничения свободы творчества не противоречат европейским принципам свободы взглядов и свободному высказыванию мысли, если эти ограничения применяются с целью поддержания равновесия между осуществлением этого права и соблюдением других основных прав, свобод и интересов, если эти ограничения направлены на защиту наиболее уязвимых категорий аудитории - детей и юношества, или если существует опасность, что такие категории могут получить доступ к информации, материалам или идеям и взглядам, которые могут повредить их моральному развитию, а также, если эти ограничения направлены на предотвращение обид чувств национальных меньшинств или верующих.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОМЕЩЕНИЙ

В. А. Бетхер

Омский государственный университет

Порядок и условия проведения работ по реконструкции объектов капитального строительства регулируются Градостроительным кодексом Российской Федерации [1]. Поскольку дефиниция «реконструкции объекта капитального строительства», содержащаяся в ст. 1 ГСК РФ, говорит не только о таком объекте в целом, но и его частях, полагаем, что к последним без каких-либо возражений могут быть отнесены помещения, являющиеся жилыми или нежилыми.

По этому же пути идут в настоящий момент как правоприменители, так и судебная практика, в полной мере признавая возможность реконструкции помещений [2]. Вместе с тем реконструкция помещений не может быть не сопряжена с определенными особенностями, связанными с их правовым режимом как части здания или сооружения. Однако какие-либо нормы, учитывающие такие особенности, в ГСК РФ отсутствуют.

При этом и Гражданский кодекс Российской Федерации [3] лишь единожды упоминает нежилые помещения (в ст. 288, в связи с переводом жилого помещения в нежилое). В Жилищном кодексе Российской Федерации [4], принятом намного позже, «уже учтены в определенной мере особенности нежилых помещений, расположенных в многоквартирных домах» [5], что представляется явно недостаточным, поскольку ЖК РФ не рассчитан на его применение к отношениям, возникающим по поводу нежилых помещений в нежилом здании (такой вывод можно сделать из ст. 4 ЖК РФ).

Таким образом, за пределами правового поля по-прежнему остаются вопросы правового режима нежилых помещений, отношений собственников таких помещений, расположенных в нежилом здании, в том числе по поводу общего имущества в данном здании.

Последнее имеет едва ли не первостепенное значение при рассмотрении вопроса о реконструкции помещений, сопровождающейся изменением пространственных границ помещений, поскольку такое изменение (в стандартной ситуации нахождения помещения в здании в случае сохранения общей площади последнего) не может быть обусловлено ни чем иным, как изменением границ и площади смежных с ним помещений либо уменьшением «свободной площади», т.е. площади того самого общего имущества в здании.

На сегодняшний день вопрос о правах собственников нежилых помещений на общее имущество нежилого здания рассматривается лишь в рамках постановления Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». При этом ряд рекомендаций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вы-

зывает дискуссии относительно их обоснованности, поскольку они явно выходят за рамки аналогии закона [6].

В этой связи, полагаем, что законодателю следует обратить особое внимание на необходимость детальной проработки норм, устанавливающих режим общего имущества в здании, в том числе вопросы, связанные с его уменьшением ввиду осуществления собственниками помещений рассматриваемых строительных действий по реконструкции помещений.

Между тем, в проекте изменений раздела II ГК РФ разработчики предусмотрели подраздел 3 «Право собственности», включающий в себя ряд самостоятельных глав, в том числе 19.4 «Право собственности на помещения», содержащую, в числе прочего, ст. 298.4 «Основные положения о праве собственности на нежилые помещения», а также ст. 298.5 «Общее имущество здания», регулиющую порядок владения, пользования и управления таким имуществом собственниками помещений [7].

Однако нормы, аналогичные тем, которые предусматривают получение согласия собственников помещений в многоквартирном доме на осуществление реконструкции помещений, сопровождающихся присоединением к ним части общего имущества в таком доме, применительно ко всем видам зданий (ст.ст. 36, 40, 44 ЖК РФ), в том числе нежилым, не нашли какого-либо отражения в проекте указанных изменений.

Учитывая, что право собственности на нежилые помещения имеет аналогичную жилым помещениям правовую природу, полагаем, что в целях законодательной экономии соответствующие нормы должны содержаться именно в ГК РФ, поскольку рассматриваемые отношения, вне всякого сомнения, входят в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством и определяющих его предмет (ст. 2 ГК РФ).

Что касается самой процедуры осуществления действий по реконструкции помещений во всех видах зданий и сооружений, то есть технической стороны рассматриваемого аспекта общественных отношений, то соответствующие нормы, с учетом особенностей осуществления данных действий в отношении помещений, должны быть включены в ГСК РФ, что позволит решить многие из рассматриваемых проблем, в том числе избавит от необходимости постоянного поиска аналогии закона и приспособления норм ЖК РФ к таким отношениям.

Литература

1. Далее по тексту – ГСК РФ.
2. См., например, постановление главы администрации ЗАТО Северск от 16.07.2007 № 1438 «О переводе жилого помещения – квартиры № 3 по просп. Коммунистическому, д. 66 в нежилое помещение и разрешении реконструкции нежилого помещения под офис с устройством крыльца»; определение ВАС РФ от 21.12.2011 № ВАС-16186/11 по делу № А32-23321/2010; определение ВАС РФ от 19.11.2010 № ВАС-14835/10 по делу № А75-

9495/2009; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15.09.2011 по делу № А03-8418/2010 и др.

3. Далее по тексту – ГК РФ.

4. Далее по тексту – ЖК РФ.

5. Сафонов А.В. Нежилое помещение как объект гражданских прав: Дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2011. С. 4.

6. См. об этом подробнее, например: Трубачев Е.О. Нежилые помещения как объекты недвижимости (гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. С. 152-156. Сафонов А.В. Указ. соч. С. 5.

7. Проект изменений в раздел II ГК РФ, подготовленный на основании и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании ГК РФ». [Электронный ресурс] Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 21.02.2012).

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

В. Н. Буряков

Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России

Существующая система подготовки офицерских кадров нуждается в мероприятиях по её совершенствованию [1], обусловленных следующими факторами: реализацией в отечественной системе образования положений Болонского процесса и формированием многоуровневого образовательного пространства страны, что требует интеграции системы подготовки офицерских кадров, в многоуровневую структуру образования России; реформированием самой системы подготовки офицерских кадров, связанным с оптимизацией сети, емкости и организационно-штатной структуры военно-учебных заведений, а также сокращением перечня специальностей и специализаций подготавливаемых в них офицерских кадров; наличием противоречий и недостатков непосредственно в системе подготовки офицерских кадров, которая в силу этого не способна удовлетворить потребности Вооруженных Сил и других силовых ведомств в офицерских кадрах по численности, профилю и специальностям подготовки; прямой зависимостью качества подготовки офицерских кадров от эффективности управления всеми звеньями этой подготовки [2].

В соответствии с общей теорией систем, качественное развитие любой системы, независимо от ее природы и предназначения, может быть достигнуто на основе структурного и функционального состава [3]. Результатом этих изменений выступают сохранение системой старых (необходимых) и приобретение новых (требуемых) свойств [4]. Как показывает анализ противоречий и недостатков существующей системы подготовки офицерских кадров, в це-

лях ее развития необходимо осуществить как структурные, так и функциональные преобразования. В то же время полнота и глубина планируемых преобразований зависят от наличия соответствующих условий, прежде всего, социально-политических, экономических, организационно-управленческих, психолого-педагогических и др. В связи с этим, эффективное решение проблемы управления качеством подготовки офицерских кадров представляется как гармоническое применение трех стратегий: минимальной, максимальной и промежуточной (сбалансированной).

Сущность управления при минимальной стратегии развития системы подготовки офицерских кадров заключается в сохранении и совершенствовании существующих ее элементов и взаимосвязей между ними. При этом, состояние системы подготовки военных кадров зависит от эффективности управления качеством подготовки этих кадров [5].

Соответственно, ведущим направлением совершенствования системы подготовки офицерских кадров является повышение её управляемости. Реализацию данного направления целесообразно осуществлять исходя из научного определения категории «управление», под которым понимается функция организованных систем, обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности [6]. Качественное решение этих задач возможно на основе формирования Государственного кадрового заказа на подготовку офицерских кадров для силовых ведомств. Госзаказ позволяет перейти от директивного управления к взаимовыгодной договорной системе подготовки офицеров, что способствует повышению ответственности исполнителей и заказчиков за качество подготовки выпускников [7].

Совершенствование управленческого компонента системы подготовки офицерских кадров позволит преодолеть серьезные недостатки, имеющиеся в подготовке военных кадров. Например, именно из-за недостатков в управлении, отсутствия института "Заказчика" многие высшие военные звенья, особенно те, которые не имеют собственной адъюнктуры, не способны обеспечить коэффициент укомплектованности должностей преподавательского состава лицами с учеными степенями и званиями на требуемом уровне (55-60 %). В частности, анализ этой проблемы в системе подготовки офицерских кадров Вооруженных Сил показал, что из 82 вузов только в 29 названный коэффициент поддерживается на должном уровне [8].

С учетом изложенного, под управлением качеством подготовки офицерских кадров следует понимать деятельность органов управления и других субъектов образовательного процесса вузов силовых ведомств по обеспечению качественной реализации государственного кадрового заказа на подготовку офицерских кадров силовых ведомств в военно-учебных заведениях (учебных заведениях) силовых ведомств, как в целом комплекс мероприятий по обеспечению подготовки офицерских кадров на уровне современных требований, выполнению кадрового заказа по подготовке офицеров (сотрудни-

ков) в соответствии с квалификационными требованиями и государственными образовательными стандартами.

В качестве основных путей реформирования управленческого компонента системы подготовки офицерских кадров выделяются следующие: усиление федеральной составляющей в управлении качеством подготовки офицерских кадров за счет создания соответствующих заказывающих органов различных уровней; формирование структуры исполнительных органов управления подготовки офицерских кадров на всех уровнях; развитие общественной составляющей в управлении подготовкой преподавателей за счет создания соответствующих совместных учебно-методических объединений Минобороны и Минобразования и науки России на региональном уровне.

На мой взгляд, в состав заказывающих органов должны входить федеральный орган, отвечающий за подготовку военных кадров в правительстве, а также кадровые органы Министерства обороны, видов Вооруженных Сил РФ, родов войск. В компетенцию заказывающих органов входит: разработка государственного заказа на подготовку военных кадров; прогнозирование перспектив развития системы подготовки офицерских кадров Минобороны; совершенствование учебно-материальной базы подготовки военных кадров; контроль уровня подготовленности выпускников военных учебных заведений. Исполнительные органы управления системы подготовки офицерских кадров должны включать, соответствующие направления (отделы, отделения), а также структурные подразделения, отвечающие за подготовку преподавательского состава непосредственно в образовательных учреждениях.

С точки зрения перспектив развития системы, представляются реальными несколько моделей совершенствования качества подготовки офицерских кадров Вооруженных Сил.

Предлагаемый вариант построения сети военно-учебных заведений (образовательных структур) имеет ряд существенных достоинств. Во-первых, предусмотрено существенное расширение специальностей, в том числе на основе овладения базовым профессионально-педагогическим образованием основной частью преподавателей, которые в настоящее время назначаются из войск без всякой переподготовки. Это, прежде всего преподаватели оперативно-тактических (тактико-специальных), военно-технических (военно-специальных) и общевойсковых дисциплин.

Литература

1. Зеленская Н.В. Педагогическая концепция управления качеством подготовки офицерских кадров. Автореферат на соискание степени д.п.н. СПб. 2008.
2. Чубуков А.Ф. Социокультурные аспекты реформирования военного образования России. // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология, вып. 2. - с. 41 -43.
3. Шереги Ф.Э., Харчева В.Т., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. – М.: Юристъ, 1997. - с. 301.

4. Кочин, А.А. Педагогическая концепция и технология профилактики асоциального поведения несовершеннолетних в деятельности органов внутренних дел МВД России [Текст] / А.А.Кочин // Монография. - СПб.: Санкт-Петербургский институт ГПС МЧС России, 2005. -с.182.
5. Чернецов А.В. Пути повышения качества образования курсантов по военно-профессиональным дисциплинам.// Современные информационные технологии в системах оружия, военной и специальной техники. - Ярославль: ЯВЗРУ ПВО, 2006. - с. 304-305.
6. Управление качеством образования. / Э.М.Коротков. - М.: Академический проект, 2007.- с.320.
7. Управление качеством образования. / Э.М.Коротков. - М. Академический проект, 2007.- с.320.
8. Селуянов А.А. Актуальные проблемы системы военного образования: пути и методы решения. // «Фундаментальные исследования». – 2007. – № 2.- с. 80-84.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУБЕРНСКОГО УСТРОЙСТВА УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С СЕРЕДИНЫ XVII – ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Р. В. Губань

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова
(Киев, Украина)

Прежде чем приступить к анализу вопроса, вполне логично проследить генезис базового понятия – «губернии». Термин "губерния" происходит от латинского "guberno" – управляю. Относительно украинских земель, которые были в составе Российской империи, надо отметить, что когда в 1708 году Петр I проводил административно-территориальную реформу государства и разделил Российскую империю на губернии, то эта реформа коснулась и украинских земель. В соответствии с Указом Сената от 18 декабря 1708 года были созданы Московская, Ингерманландская (с 1710 года - Петербургская), Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская губернии [1; 29].

Однако в период с 1780 до 1796 года вследствие реформы административно-территориального устройства государства, территория Российской империи вместо губерний разделялась на наместничества, а те в свою очередь на уезды. Соответственно, такая же система административно-территориального устройства существовала и на украинских землях, которые входили в состав империи. Однако в начале XIX века опять вернулись к разделению на губернии. А губернии опять были разделены на уезды. Несмотря на это, длительное время на территории Украины сохранялся традиционный полковой уклад (на Слобожанщине полковое устройство было лик-

видировано в 1765-м году, на Левобережной Украине оно существовало до начала 80-х годов XVIII-го века).

В конце XVIII века территория Российской империи также увеличилась и на Юге. В соответствии с заключенным Кючук-Кайнарджийским миром. А по указу от 14 февраля 1775 года была образована Азовская губерния. В соответствии с Манифестом Екатерины II о ликвидации Запорожской Сечи от 3 августа 1775 года Запорожские вольности были переданы Новороссийской губернии.

В результате русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и присоединения новых земель в 1795 г. на Юге была образована также Вознесенская губерния. Однако И. В. Савченко считает, что образование Вознесенской губернии не было обусловлено административными или социально-экономическими потребностями южного края и основным фактором стало желание наместника П. Зубова создать собственную губернию на Юге Украины и затмить достижение предшественника [4; 43].

По указу Павла I от 12 декабря 1796 года ликвидировалась Вознесенская губерния и Таврическая область, а вместо катеринославского наместничества образовывалась Новороссийская губерния. Однако и такое состояние просуществовало недолго. Учитывая большую территорию Александр I в 1802 году разделил Новороссийскую губернию на три: Николаевскую (с 1803 Херсонская), Катеринославскую и Таврическую [4; 44].

Как пишет В. И. Шабельников, в начале 1917 года Украина была "Юго-западным краем" Российской империи, который разделялся на 9 губерний: Волынскую, Катеринославскую, Киевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую (без Крыма), Харьковскую, Херсонскую, Черниговскую, которые состояли из 86 уездов и 1 652 волостей [5; 20].

При создании губернии власти Российской империи пытались сделать так, чтобы они создавались на территории с количеством 300-400 тысяч лиц мужского пола. Однако при разделении на губернии не учитывался национальный состав населения, экономика этих территорий, направление и характер путей сообщения и тому подобное. Ошибкой было и то, что на Украине большинство губернских городов были расположены не в географическом центре губернии, а почти на границе с другой губернией (Каменец-Подольский, Житомир, Херсон, Чернигов и т. д.), что значительно утрудало их сообщение с отдаленными уездами. Как отмечает В. И. Шабельников, границы губерний, уездов, волостей из XVIII века почти не изменялись, хоть потребности хозяйственного развития постоянно требовали этого. Поскольку в связи с развитием капитализма выросло много новых городов, которые за количеством населения и развитием промышленности значительно опередили старые административные центры, которые постепенно приходили в упадок. Так, например, в Херсонской губернии Одесса и Николаев за количеством населения, уровнем промышленности, торговли и культуры намного опередили свой центр Херсон [5; 20].

Таким образом, можно отметить, что несмотря на то, что российские власти пытались реформировать губернское устройство государства с тем, чтобы оно соответствовало требованиям времени, однако далеко не всегда удавалось достичь поставленных целей.

Литература

1. Мельничук О. Ф. Адміністративний апарат та органи самоврядування на Поділлі у другій половині XIX століття: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / НАН України, Інститут держави і права ім. В.М.Корецького. - К., 2000. - 209 с. с.29.
2. Омельчук І. Є. Утворення та правовий статус Волинської губернії у складі Російської імперії (1793–1917 рр.) // Актуальні проблеми юридичної науки: Збірник тез міжнародної наукової конференції «Шості осінні юридичні читання» (м. Хмельницький 26–27 жовтня 2007 року): у 3-х частинах. – Частина перша: Теорія та історія держави і права. Історія політичних та правових вчень. Філософія права. Конституційне право. Екологічне право. Земельне право. Аграрне право. Міжнародне право. Порівняльне правознавство. – Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2007. – 289 с.
3. Терлюк І. Я. Історія держави і права України (Доновітній час). – К.: Атіка, 2006. – С. 275.
4. Савченко І. В. Адміністративно-територіальний устрій Південної України (1775–1822 рр.): Дис. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Запорізький держ. ун-т – Запоріжжя, 2004. – 203 с.
5. Шабельников В. І. Реформування адміністративно-територіального устрою України в 1917–1940. Монографія.-Донецьк: Вид-во Донецького національного ун-ту, 2006. – 108 с.

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

В современных условиях одной из ключевых задач осуществления государственной политики российского государства становится эффективная реализация административной реформы, предполагающей оптимизацию управленческих функций органов исполнительной власти, выстраивание взаимовыгодных отношений государственных органов с институтами гражданского общества и бизнес-сообществом и целостной системы правоприменительной деятельности. Все эти задачи на официальном уровне отражены в Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности

государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы*, в которой в качестве инструмента оценки качества государственной политики вводятся новые критерии, включая своевременную и компетентную оценку регулирующего воздействия положений нормативных правовых актов [1].

Оценка регулирующего воздействия – это новый подход и методика предварительной оценки содержания нормативного правового акта в процессе его подготовки и принятия, разработанная в Министерстве экономического развития РФ на основе протокольных решений Правительственной комиссии по проведению административной реформы (протокол от 20 марта 2012 г.). В настоящее время Департамент оценки регулирующего воздействия Минэкономразвития РФ выстраивает работу с иными федеральными органами власти по реализации данной методики. Что в целом показывает слабость парламентских учреждений в России, и их неспособность учесть мнения представителей бизнеса и общественности в законодательном процессе. В то же время механизм оценки регулирующего воздействия позволяет качественно обеспечить теоретическую проработку положений нормативного правового акта и устранить излишние административные барьеры в процессе правоприменения.

Процедуры оценки регулирующего воздействия, прежде всего, предполагают последовательное осуществление разработчиком следующих действий, которые отражаются в экспертном заключении:

- четкое определение проблемы, решение которой требует принятия нормативного правового акта;
- выявление и описание всех возможных вариантов решения проблемы;
- выявление и количественная оценка последствий, к которым приведут предлагаемые варианты правового регулирования;
- разработка стратегий и форм поведения субъектов, обеспечивающих реализацию таких вариантов на практике, оценка их эффективности и результативности;
- разработка механизмов мониторинга достижения целей регулирования и сбора информации;
- публичные консультации с заинтересованными субъектами на этапе разработки нормативного правового акта, проводимые на систематической основе.

Результатом применения процедур оценки регулирующего воздействия является формирование экспертных материалов, прилагаемых к предложению о введении новых норм и принципов правового регулирования и представляемых на рассмотрение должностного лица или органа исполнительной власти. В случае нормативного закрепления оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов становится юридически обязательной. И это особенно важно обеспечить не только в отношении подзаконных актов, но и в отношении федеральных законов и законов субъектов РФ.

* Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р

Нормативную основу оценки регулирующего воздействия составляют Регламент Правительства РФ, утвержденный постановлением от 1 июня 2004 г. № 260 и приказ Минэкономразвития РФ от 31 августа 2010 г. №398 «Об утверждении Положения о порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия» [2; 3]. Кроме того, отдельные решения по вопросам оценки регулирующего воздействия приняты консультативными правительственными органами. Так, решением Правительственной комиссии по проведению административной реформы (протокол от 7 декабря 2010 г. № 110) одобрены «Методические рекомендации по оценке регулирующего воздействия действующих нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» [4]. Таким образом, юридически урегулированы процедуры подготовки лишь подзаконных актов, которые, тем не менее, не предусматривают мер ответственности за отказ органа власти провести оценку положений нормативного акта

Круг общественных отношений, подлежащих оценке регулирующего воздействия, пока определяется следующим образом:

- организация и осуществление государственного контроля (надзора);
- установление, применение и исполнение обязательных требований к продукции или связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;
- установление, применение и исполнение обязательных требований к выполнению работ и оказанию услуг;
- в сфере оценки соответствия и безопасности процессов производства.

На заключения об оценке регулирующего воздействия также должны направляться все проекты правовых актов, связанные с вопросами лицензирования, аккредитации, аттестации, государственной регистрации. Тем самым в ходе оценки регулирующего воздействия должны быть выявлены:

- 1) цели предусмотренного проектом акта правового регулирования и их соответствие принципам правового регулирования, утвержденным в официальных стратегических документах;
- 2) проблема, на решение которой направлено новое правовое регулирование в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности. При этом могут приниматься во внимание сведения о существующем опыте решения данной или аналогичной проблемы правовыми, информационными или организационными средствами в Российской Федерации и иностранных государствах; оценка фактической ситуации, сложившихся практик деятельности государственного органа, предпринимателей, граждан, статистических данных.

Например, в Заключении об оценке регулирующего воздействия на проект приказа ФСТЭК России «Об утверждении Административного регламента ФСТЭК по исполнению государственной функции по контролю за соблюдением лицензионных требований при осуществлении деятельности по технической защите конфиденциальной информации» от 2 июля 2012 г. отмечено

но, что указанный нормативный правовой акт вводит новые правила правового регулирования, которые не приводят к невозможности исполнения возложенных обязанностей, и не вводят избыточные административные и иные ограничения.

Следующим важнейшим критерием является оценка возможности решения проблемы иными правовыми, информационными или организационными средствами. В частности в Заключении об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 9 Закона Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации» и статью 6 федерального закона «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ»» от 15 июня 2012 г. указано, что данные нормативные акты предполагают выбор для субъектов предпринимательской деятельности, какие правила использовать при пересечении государственной границы торговым судном, осуществляющим плавание между портами или морскими терминалами Российской Федерации.

3) основные группы субъектов общественных отношений, интересы которых будут затронуты новым правовым регулированием.

Такой критерий позволяет в дальнейшем понять масштабы правового регулирования, оценить издержки и выгоды всех заинтересованных сторон, организовать публичные консультации по проекту нормативного акта.

Как показывает практика, количественное определение состава основных заинтересованных групп является наиболее сложным для разработчика, поскольку официальные статистические данные не всегда применимы, а ведомственные данные отсутствуют или не используются.

Например, разработанный Министерством природных ресурсов РФ проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части расширения прав должностных лиц, осуществляющих государственный экологический контроль)» (Заключение об оценке регулирующего воздействия от 7 октября 2010 г.) предлагает возложить на субъектов хозяйственной деятельности обязанность по представлению в Росприроднадзор отчетов об осуществлении производственного контроля. В отличие от действующего регулирования уточнялся состав отчета и периодичность предоставления. Положение сформулировано таким образом, что полностью круг субъектов, которые будут обязаны представлять отчеты, определить невозможно.

4) риски недостижения целей правового регулирования, а также возможные негативные последствия от введения правового регулирования для экономического развития РФ в целом или отдельных отраслей экономики. Такие риски всегда присутствуют, и оценка регулирующего воздействия как методология анализа проекта нормативного акта позволяет их минимизировать. Риски могут быть лучше всего выявлены посредством проведения консультаций с широким кругом заинтересованных лиц. Например, в «ретроспективном» Заключении об оценке регулирующего воздействия положений федерального закона от 28 декабря 2009 г. №381-ФЗ «Об основах государствен-

ного регулирования торговой деятельности в РФ» от 30 июня 2012 г. рассматривается ситуация, которая сложилась на рынке оптовой и розничной торговли после принятия закона, и текущее положение различных субъектов предпринимательской деятельности. Несмотря на положительные стороны действующего закона, который внес существенные изменения в осуществление торговой деятельности, а также в процесс поставки продовольственных и иных товаров, часть из которых подлежит государственному ценообразованию, эксперты в заключении отмечают, что новые нормативные условия ведения торговли приводят к росту административных издержек для бизнеса: по перезаключению договоров на новых условиях, по сопровождению судебных разбирательств при нахождении взысканий территориальными органами Федеральной антимонопольной службы РФ и т.д. Также указывается на неопределенность множества норм Закона, которая не позволяет хозяйствующим субъектам соответствовать установленным законом требованиям, а органам ФАС РФ использовать широкую доказательную базу при обжаловании их решений представителями бизнеса [5].

5) расходы бюджетов бюджетной системы РФ, связанные с созданием необходимых правовых, организационных и информационных условий применения проекта акта органами государственной власти, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами. Собственно, аналогичный критерий должен отражаться в финансово-экономическом обосновании проекта любого федерального закона, но между тем Регламент Государственной Думы РФ не содержит специальных правил его составления, что и может быть компенсировано применением оценки регулирующего воздействия в законодательном процессе. В этом смысле в протоколе заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 29 сентября 2010 г. № 107 Минэкономразвития России поручено учитывать в процедуре подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия мнение субъектов Российской Федерации с учетом эффективности их деятельности.

Однако «отрицательное» заключение об оценке регулирующего воздействия не является препятствием и не блокирует внесение в Правительство РФ проекта нормативного правового акта: в п. 61 Регламента Правительства РФ отмечено, что наличие заключения об оценке регулирующего воздействия наряду с заключениями Минфина РФ и Минюста РФ по результатам правовой экспертизы и антикоррупционной экспертизы является только условием внесения проекта акта в Правительство Российской Федерации. Что существенно снижает эффективность достаточно проработанного и нормативного урегулированного механизма оценки содержания нормативного правового акта на этапе его разработки.

Литература

1. См.: Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы,

утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р [www.consultant.ru].

2. См.: Регламент Правительства РФ, утвержденный постановлением от 1 июня 2004 г. № 260 [www.government.ru].

3. См.: Приказ Минэкономразвития РФ от 31 августа 2010 г. №398 «Об утверждении Положения о порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия» [www.economy.gov.ru].

Все заключения об оценке регулирующего воздействия официально размещаются на сайте Минэкономразвития РФ www.economy.gov.ru, а также с справочных правовых системах.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУВЕРЕНИТЕТЕ

А. Ю. Дудчик

Белорусский государственный университет

Проблема суверенитета (прежде всего – государственного суверенитета) уже давно считается одной из наиболее значимых для целого ряда дисциплин, изучающих социальную и политическую реальность. При этом разворачивающиеся буквально у нас на глазах глобализационные и интеграционные процессы приводят к весьма существенной и даже радикальной трансформации уже сложившихся представлений о суверенитете и его возможных субъектах. Многие теоретики отмечают утрату государством части своего суверенитета, передачи его другим акторам. Все эти (равно как и многие другие) явления и процессы позволяют многим авторам вести речь о тенденции десуверенизации современной политической реальности. Следует отметить, что единой терминологии для анализа упомянутой выше тенденции не существует. Некоторые исследователи акцентируют внимание на изменениях, происходящих с суверенитетом (например, популярным является утверждение о размывании, эрозии суверенитета (*erosion of sovereignty*)). Другие предпочитают анализировать некоторое уже существующее качественно новое состояние (например, используются такие термины как «пост-суверенитет», «поздний суверенитет» [4, 159], «разделяемый, разделенный, расщепленный, частичный суверенитет» [2, 20], «договорной или конвенциональный суверенитет» [3, 101]). Тем не менее, вполне уверенно можно говорить о некоторой сложной проблеме, фиксируемой при помощи широкого спектра методологических и понятийных средств. Данная проблематика оказывается весьма популярной, анализу различных аспектов тенденции десуверенизации посвящено большое количество работ.

При этом важно отметить, что на разных этапах своей эволюции понятие суверенитета обычно обозначало не столько некоторую характеристику (правителя или государства), но и сложную систему отношений, в которую носи-

тель суверенитета был органично и многообразно включен. Прежде всего, стоит упомянуть о международной системе отношений как системы отношений между суверенными государствами. Зачастую эта система носит название Вестфальской (в связи с чем говорят о Вестфальском суверенитете) как принципиально новой системы взаимодействия суверенных государств. При этом следует отметить, что большое количество современных исследователей подчеркивает преемственность вестфальской системы по отношению к существовавшим до этого системам властных отношений (что позволяет говорить даже о своеобразном «вестфальском мифе» (см., например [5], [6])).

Особое внимание следует уделить самому понятию суверенитета, которое обладает достаточно сложной природой. Прежде всего, существует достаточно большое количество дефиниций (юридических, политологических, философских), тем не менее, о разделяемом всеми или, по меньшей мере, большинством исследователей определении затруднительно. Конечно, это во многом связано с тем, что интерес к этому понятию часто не является сугубо теоретическим, но и тесно связан с политическими интересами и текущими политическими дискурсивными практиками. Понятие суверенитета не является сугубо описательным, но также и нормативным, не только фиксируя существующие реалии, но и раскрывая представления о должном положении вещей.

Само обращение к истории понятия суверенитета оказывается достаточно плодотворным, раскрывая динамическую сторону суверенитета как сложного явления. Можно согласиться с тем, что в силу сложной природы концепта суверенитета и долгой истории исторической эволюции он сочетает в себе разнообразные смыслы и значения: “более высокие смысловые уровни не полностью “закрывают” более низкие... ранние доктрины суверенитета продолжают быть видными в современной политической теории”[2, 11].

Переходя к содержанию понятия суверенитета, также следует отметить сложность и многообразие этого содержания. При этом большинство исследователей, занимающихся проблемой суверенитета, предостерегают от упрощенных трактовок суверенитета в качестве некоторого простого явления либо свойства, которым обладает тот или иной предмет (например, государство). Так, Д. Баранже, анализируя историческое многообразие значений, которыми обладает понятие суверенитета, пишет об искусственности представления суверенитета как некоторого единого явления, которое во многом является своеобразной юридической фикцией – результатом деятельности профессиональных юристов, ангажированных государством: «успехи исследователей, демонстрирующих, что слово суверенитет обладает несколькими значениями (собственно суверенитет (Souveränität), государственная власть (Staatsgewalt), господство (Herrschaft) и, возможно, другие) должны находиться в явном противоречии с тем фактом, что суверенитет долгое время рассматривался в качестве единообразного явления ... как одна и единственная реальность» [1, 48]. Наоборот, имеет смысл говорить о сложности и мно-

гоаспектности суверенитета как такового, а к попыткам представления его в качестве простой сущности следует относиться критически.

Таким образом, основываясь на исторических данных можно говорить о понятии суверенитета как своеобразном “зонтичном” понятии, которое охватывает целый ряд явлений и отношений и при этом само обладает достаточно сложной природой. Несомненным является то, что с суверенитетом в настоящее время происходят достаточно серьезные трансформации, которые и пытаются зафиксировать целый ряд современных исследований (при этом наиболее продуктивным способом исследования, как показывает международная практика, является междисциплинарный подход). При этом происходящие изменения, тем не менее, не ведут к исчезновению самого явления суверенитета и отказу от использования самого этого понятия. Напротив, происходящие на наших глазах изменения суверенитета требуют особо пристального изучения с учетом как уже имеющейся богатой традиции исследования, так и с использованием новых междисциплинарных подходов и современных методологических стратегий.

Литература

1. Baranger D. The apparition of sovereignty / D. Baranger //Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept. Ed. by H. Kalmo, Q. Skinner. - Cambridge University Press, 2010. pp. 47-63.

2. Kalmo H., Skinner K. Introduction: a concept in fragments /H. Kalmo // Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept. Ed. by H. Kalmo, Q. Skinner. - Cambridge University Press, 2010. pp. 1-20.

3. Krasner St. The durability of organized hypocrisy /St. D. Krasner //Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept. Ed. by H. Kalmo, Q. Skinner. - Cambridge University Press, 2010. pp. 96-113.

4. MacCormick N. Sovereignty and after / N. MacCormick // Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept. Ed. by H. Kalmo, Q. Skinner. - Cambridge University Press, 2010. pp. 151-168.

5. Piirimae P. The Westphalian myth and the idea of external sovereignty / Piirimae P. //Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept. Ed. by H. Kalmo, Q. Skinner. - Cambridge University Press, 2010. pp. 64-80.

6. Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations / B. Teschke. – London: Verso, 2003. – 312 p.

ТЕСТ НА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ

А. Э. Енилеева

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь, Украина)

Создание правовой базы, которая позволит избегать конституционных конфликтов между защитой публичных интересов и реализацией индивидуальных конституционных прав, – важная задача для законодателя. Однако когда конфликт между двумя охраняемыми интересами возникает, найти ему правовое решение призвана судебная власть, которая путем принятия индивидуально-правового акта обоснованно, законно и справедливо отдает приоритет тому или иному затронутому интересу. Такие решения нередко могут носить политический характер, поскольку выносимые от имени государства они выражают его понимание прав и свобод здесь и сейчас.

В судебных органах Европейского Союза, Европейском суде по правам человека, Международном суде ООН, Европейском суде справедливости сложилась особая практика рассмотрения дел, содержащих конфликт конституционных прав, которая использует при решении тест на пропорциональность.

Данная традиция заимствована правом ЕС из конституционного права Германии, в котором Конституционный суд традиционно использует трехступенчатую проверку планируемого решения на соответствие, необходимость и пропорциональность *stricto sensu* (в строгом смысле). Несоответствие решения властного органа этим параметрам приводит к признанию акта неконституционным. Вслед за Германией, в праве ЕС принцип пропорциональности приобрел статус общего принципа права; ссылка на пропорциональность является обязательной частью аргументации как решений судов ЕС, так и национальных судов большинства стран-участниц. Данный принцип является частью позитивного права Европейского союза.

Пропорциональность была признана Международным судом ООН в качестве общего принципа права. Согласно ст. 38 Статута Международного суда ООН принцип пропорциональности, как и другие общие принципы права, применяется в качестве источника права.

Концепция пропорциональности традиционно имеет две основные составляющие. Это, прежде всего, защита прав человека от чрезмерных ограничений и установления чрезмерных обязанностей, а второе – установление пределов полномочий органов государственной власти. И первое, и второе призвано обеспечивать справедливый баланс между двумя взаимодействующими ценностями – индивидуальными правами и общественным благом.

Согласно европейской практике тест на пропорциональность применяется ко всем публичным актам органов власти, а не только к судебным решениям, и включает в себя проверку по трем параметрам:

а) соответствует ли ограничительная мера (ущемляющая индивидуальное или коллективное право) поставленной задаче;

б) является ли данная ограничительная мера необходимой, т.е. другие менее интенсивные способы решения проблемы недоступны;

в) не является ли данная мера (ограничение права) непропорциональной (несоразмерной), т.е. не будет ли ограничение права наносить больший вред индивиду или обществу по сравнению с благами, которые оно призвано сохранить или обеспечить.

Поскольку чаще всего можно утверждать, что избранная мера воздействия является подходящей и необходимой, то гораздо более важным фактором является сравнение вреда, который принесет ограничение конституционных прав, и выгоды, которая последует из такого ограничения. Таким образом, целью проверки акта на пропорциональность является сохранение юридической силы только тех решений, которые легитимно (справедливо) ограничивают конституционное право одной из сторон – индивидуальное или коллективное.

Хотя универсальность и объективность данной процедуры как оптимального способа решения конституционных конфликтов в литературе является более чем дискуссионной, принцип пропорциональности и процедура теста на пропорциональность объективно заслуживают внимания. Так, по нашему мнению, тест на пропорциональность, как сложившийся публично-правовой стандарт, исполняет ряд важных функций в процессе применения права:

а) функцию контроля за реализацией полномочий, согласно которой решение компетентного органа должно пройти проверку на соответствие данному публично-правовому стандарту, прежде чем быть принятым и одобренным;

б) функцию предупреждения избыточных ограничений конституционных прав – индивидуальных или коллективных.

Поскольку в демократическом государстве и индивидуальные права, и публичные интересы взаимосвязаны, то необходимо нахождение их оптимального баланса. Непропорциональное ограничение основополагающих прав человека наносит общественным отношениям еще больший ущерб, нежели отсутствие ограничений как таковых.

В странах ЕС тест на пропорциональность как правоприменительная модель широко обсуждается, имея как сторонников, так и противников. Это связано, в первую очередь, с большой дискуссионностью самой проблемы ограничений прав человека, где выделяются два основных подхода – сторонников незыблемого статуса прав человека, ограничивать которые государство не вправе (Р. Дворкин, Дж. Ролз), и сторонников относительности конституционных прав, т.е. возможности их ограничения в определенных пределах (Р. Алекси, А. Барак).

В то же время, зарубежный опыт показывает, что процедура проверки актов органов власти на пропорциональность может служить действенным спо-

собом защиты прав человека от их ущемлений государством под видом охраны публичных интересов.

Литература

1. Principle of Proportionality in Laws of Europe / ed. by Evelyn Ellis. – Portland, Oregon: Hart Publishing, 2000. – 224 p.
2. Aharon Barak. Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitation/ Barak Aharon. – New York. – Cambridge University Press. – 2012. – 612 p.
3. Цакиракис Ставрос. Пропорциональность: посягательство на права человека? / Ставрос Цакиракис// Конституционное обозрение. – 2011. – №2 (81). – с. 47–66.
4. Бержель Ж.-Л. Общая теория права/ под общ. ред. Даниленко / Жан Луи Бержель. – Пер. с фр. – М.: Издательский дом Nota Bene. – 2000. – 576 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

В. А. Кинсбургская

Ассоциация российских банков (Москва)

Модернизация банковского сектора, развитие информационных технологий, расширение спектра банковских услуг провоцирует появление новых способов хищения денежных средств. Однако закрепленный в ст. 159 УК РФ общий состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности ведения банковской деятельности и не позволяет обеспечить должную защиту интересов потерпевших. В современных условиях актуальна конкретизация составов мошенничества в сфере кредитования и мошенничества с платежными картами. В связи с этим заслуживает поддержки концепция разработанного Верховным Судом РФ проекта федерального закона о внесении изменений в УК РФ, УПК РФ и КоАП РФ в части дифференциации различных видов мошенничества.

По нашему мнению, в УК РФ следует специально прописать ответственность заемщика за хищение денежных средств банка или иного кредитора путем представления ему заведомо ложных сведений. При этом формулировка состава мошенничества в сфере кредитования по возможности должна быть унифицирована с формулировкой кредитного обмана, т. е. преступления, выражающегося в незаконном получении кредита, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Целесообразно выделение в законе и такого вида мошенничества, как мошенничество с платежными картами. При этом в рамки легального описания данного вида мошенничества должны укладываться различные незаконные действия, совершаемые с платежными картами. В частности, преступник может использовать поддельную карту либо карту, принадлежащую другому

лицу (последняя может быть приобретена как незаконно, так и законно, по сговору с владельцем карты), причем операции по карте (выдача денег наличными, перечисление их в уплату собственных долгов преступника и пр.) могут осуществляться как введенными в заблуждение работниками банка, так и преступником самостоятельно, через банкомат (т. е. без непосредственного контакта с уполномоченными работниками банка).

Анализ правового регулирования и практики применения норм о мошенничестве и смежных с ним составов преступлений также свидетельствует о том, что в целях защиты интересов банков необходимо уточнить и расширить основания для привлечения заемщиков к уголовной ответственности за незаконное получение кредитов в соответствии с ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Во-первых, действие ч. 1 ст. 176 УК РФ распространяется только на индивидуальных предпринимателей и руководителей организаций и не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Однако значительное число противоправных действий в банковской сфере (в частности, при получении банковских кредитов) совершается именно этой категорией лиц. Думается, круг субъектов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, следует расширить за счет физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Во-вторых, составы преступлений, предусмотренные ст. 176 и ст. 159 УК РФ, являются смежными и разграничиваются только по субъективной стороне. Оба преступления совершаются путем обмана, но различны цели действий заемщика. При мошенничестве уже в момент обращения в банк с поддельными документами заемщик имеет цель не возвращать полученный кредит. При кредитном обмане такая цель отсутствует (мотив и цель совершения преступления в принципе не названы в ст. 176 в качестве обязательных признаков).

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 176 УК РФ, сконструирован как материальный, поэтому для определения формы вины принципиальное значение имеет субъективное отношение заемщика не к факту получения кредита путем обмана, а к факту причинения крупного ущерба, указанного в законе в качестве последствия преступления. Если заемщик при получении кредита намерен его не возвращать, а обратить в свою пользу или в пользу третьих лиц, то содеянное образует состав мошенничества. Для мошенничества характерен только прямой умысел, направленный на причинение ущерба собственнику похищенного имущества. Напротив, при кредитном обмане лицо намерено исполнить свое обязательство, но затем оказывается не в состоянии это сделать в силу объективных или субъективных причин. Оценка ущерба, причиненного банку, может быть весьма субъективной, поскольку понятие ущерба складывается из суммы реального ущерба и упущенной выгоды. В подавляющем большинстве случаев это исключает прямой умысел заемщика на причинение крупного ущерба кредитору. Следовательно, в предусмотренном ч. 1 ст. 176 УК РФ преступлении вина возможна и в форме

умысла, и в форме неосторожности, но во всех случаях необходимы волевая направленность действий лица на получение кредита и заведомая ложность сообщаемых кредитору сведений. Данные обстоятельства усложняют отграничение кредитного обмана от мошенничества и затрудняют понимание функционального назначения нормы ч. 1 ст. 176 УК РФ. По сути, утрачивается сам смысл криминализации кредитного обмана.

Думается, состав кредитного обмана следует сконструировать как формальный. Однако, учитывая важность разграничения преступлений и административных проступков (ст. 14.11 КоАП РФ), уголовно наказуемым должен быть только деяние, совершенное в крупном размере.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001, 31 дек.
3. Проект Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации».
4. Карпович О. Г. Ответственность за финансовое мошенничество по зарубежному уголовному законодательству // Внешнеторговое право. 2010. № 1. С. 24–35.
5. Клепичкий И. А. Кредитный обман в сравнительно-правовом аспекте // Законодательство. 2003. № 1. С. 55–63; № 2. С. 38–46.
6. Корчагин А. Г., Сонин В. В. Современные проблемы ответственности в банковской сфере России // Право и политика. 2010. № 2. С. 232–241.
7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к Уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. 673 с.
8. Пашинцева У. В. Об оптимизации уголовно-правовых норм об ответственности за лжепредпринимательство и незаконное получение кредита // Безопасность бизнеса. 2008. № 2. С. 45–47.

ПОНЯТИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е. В. Лунева

Таврический национальный университет (Симферополь, Украина)

Статья посвящена анализу понятия дискриминации, в частности, понятия дискриминации по признаку пола, которое имеет фундаментальное значение для правоприменительной практики реализации законодательной нормы о проведении гендерно-правовой экспертизы.

Учет гендерного компонента при создании новых нормативно-правовых актов и функционировании старых, в Украине является проблемным. Одной из причин такого состояния дел является несовершенство механизма предупреждения нарушений принципа обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин на уровне принятия нормативно-правовых актов, и, как следствие, – возможность появления в национальном правовом поле документов, содержащих в себе дискриминационные нормы.

В 2005 году в Украине был принят Закон «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», в статье 4 данного Закона содержится норма, в соответствии с которой действующее законодательство, а также проекты нормативно-правовых актов подлежат гендерно-правовой экспертизе, обязанность проведения которой возложено на Министерство юстиции Украины [1]. Появление этой нормы, как и «гендерного» Закона в целом, стало весомым шагом на пути к построению в Украине демократического правового государства. Однако вопросы применения норм данного Закона, как и эффективное воплощение в жизнь требования о проведении гендерно-правовой экспертизы, требуют тщательного анализа базовых понятий, необходимых для подобного уровня исследований нормативно-правовых актов.

Одним из таких базовых понятий является понятие «дискриминация по признаку пола», которое можно определить как любое различие, исключение или предпочтение, основанное на признаке пола или на принятых в обществе гендерных ценностях, нормах, стереотипах и оказывающие отрицательное воздействие на равенство возможностей [2].

В соответствии со ст. 1 ЗУ «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», дискриминация по признаку пола – это действия или бездействие, выражающие любое различие, исключение или привилегии по признаку пола, если они направлены на ограничение или делают невозможным признание, пользование или осуществление на равных основаниях прав и свобод человека для женщин и мужчин [1].

Изучению дискриминации по признаку пола в разных ее аспектах посвящено немало зарубежных исследований, тем не менее, в отечественной юридической науке эта категория практически осталась нераскрытой. Отдельные аспекты понимания этой дефиниции анализировались в работах А.Колодия, О.Мартыненко, К.Левченко, А.Христовой, И. Миновича, С.Погребняка, В.Пушкаря, О.Рудневой и др.

В процессе анализа понятия и сущности дискриминации по признаку пола возникает необходимость обратиться к международным документам, в частности, Конвенциям ООН, которые являются частью национального законодательства Украины и в соответствии с которыми должно проводиться гендерное исследование нормативно-правовых актов на предмет наличия в них дискриминационных положений.

В ст. 1 Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, под дискриминацией понимаются любые различия, исключения, ограничения по признаку пола, направленные на ослабление или

сведения к нулю признания, пользования или реализацию женщинами независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод [3].

Данное определение дискриминации в отношении женщин (по признаку пола), созвучное с определением дискриминации, содержащимся в Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [4], является значительно более широким, нежели определение дискриминации по признаку пола, данное в ст. 1 ЗУ «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин». В первую очередь потому, что в украинском законодательстве дискриминация по признаку пола определяется через категории «действие-бездействие», что, разумеется, сужает сферу действия Закона в части, например, дискриминационных высказываний или решений. Очевидно, что международное понимание дискриминации как «исключения, ограничения или различие» могут проявляться не только в действиях или бездействии.

Исходя из вышесказанного, возникает важный методологический вопрос: из какого определения дискриминации – национального или международного – исходить в правоприменительной практике, в том числе при проведении гендерно-правовой экспертизы нормативно-правовых актов. На наш взгляд, актуальным является вопрос гармонизации международного и национального законодательства. Поэтому в правоприменительной практике, в том числе, при проведении гендерно-правовой экспертизы действующего законодательства Украины и проектов нормативно-правовых актов, необходимым является обращение к международным источникам права, которые обладают наднациональным статусом и содержат в себе стандарты демократического государства, построение которого в Украине является приоритетным.

Литература

1. Закон України «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок та чоловіків» від 08 вересня 2005 р. N 2866-IV. [Електрон. ресурс].- Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2866-15>
2. Воронина А. Глоссарий / Воронина А. [Електрон. ресурс].- Режим доступу: <http://www.gender.ru/russian/glossary/#H0504>
3. Конвенція Організації Об'єднаних Націй про ліквідацію всіх форм дискримінації щодо жінок від 18.12.1979 р. [Електрон. ресурс].- Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_207
4. Міжнародна конвенція про ліквідацію всіх форм расової дискримінації від 21.12.1965 р. [Електрон. ресурс]. - Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_105
5. Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод від 04.11.1950. [Електрон. ресурс].- Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_004

ФИКСАЦИЯ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ ПРАВ И ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

О. Лучка

Львовский национальный университет им. И. Франко

Возможность оперативно изменять контент веб-сайта и несовершенство процессуального законодательства Украины – факторы, которые существенно усложняют возможность фиксации доказательств на подтверждение нарушений прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. Эта проблема есть особенно актуальной, поскольку установление факта такого нарушения есть одной из самых важных составляющих процесса доказывания в судебных делах. В этой научной статье остановимся на фиксации авторских прав и прав на товарные знаки.

Согласно ст. 15 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах», к имущественным правам автора принадлежит: исключительное право на использование произведения и исключительное право на разрешение или запрет использования произведения другими лицами.

Личными неимущественными правами автора есть указание имени или псевдонима автора, сохранение целостности произведения, противодействие любому искажению или другому изменению произведения.

К нарушениям прав автора, которые соответственно подлежат фиксации, принадлежат: нарушения личных неимущественных прав субъектов авторского права, пиратство, плагиат, ввоз на территорию Украины контрафактной продукции, действия для осознанного обхода технических средств защиты авторского права, подделки, изменение или изъятие информации и другие. [1]

Перейдем к правам владельцев свидетельств на товарные знаки. Различают использование знака и запрет другим лицам использовать знак без согласия владельца. [2]

Нарушениями их прав есть совершение без согласия владельца свидетельства действий, которые нуждаются в его согласии, использование без его согласия знака в доменных именах. Использованием товарного знака четко признается его использование в сети, а нарушением прав владельца свидетельства на знак считается использование зарегистрированных товарных знаков и подобных им обозначений в доменных именах. [4]

На сегодняшний день в украинской правоприменительной деятельности применяется перечень приемов, которые позволяют юридически зафиксировать нарушение в сети Интернет, для того, чтобы их можно было использовать как доказательства в хозяйственном, гражданском процессе и т.д. К таким приемам можно отнести:

Фиксацию участником процесса информации, которая содержится на веб-сайте в виде распечатанного изображения. В этом случае распечатанные материалы могут учитываться органами правосудия как письменные доказательства согласно ст. 64 ГПК Украины, ст. ХПК Украины

Фиксацию участником процесса контента, что содержится на сайте, путем его сохранения на соответствующих носителях (CD, DVD, магнитных дисках и др.). Такие носители в деле будут иметь статус вещественных доказательств согласно ст. 65 ГПК Украины, ст. 27 ХПК Украины

Непосредственное исследование судом содержания веб-сайта при наличии доступа к сети Интернет. Нормативным обеспечением этой процедуры можно считать порядок обзора и исследования доказательств за их местонахождением, предусмотренный ст. 140 ГПК Украины, ст. 39 ХПК Украины

Обзор сайта нотариусом Российской Федерации с составлением протокола в порядке обеспечения доказательств, предусмотренным главой XX Основ законодательства РФ о нотариате. Согласно ст. 13 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных и криминальных делах от 22 января 1993 года такой протокол обзора будет пользоваться на территории Украины доказательной силой официального документа

Осмотр сервера, на котором осуществляется хостинг, при этом возможно и изъятие самого сервера в порядке, предусмотренном ст. 136, 140 ГПК Украины, ст. 38, 39 ХПК Украины.

Получение от провайдера копий файлов, которые формируют веб-сайт как такой, в том числе и так называемых log-файлов, которые содержат системную информацию о работе сайта. Носители таких файлов возможно присоединить к материалам дела в качестве вещественных доказательств.

Применение результатов реализации процессуальных средств административного и уголовного процессов.

Фиксация данных, которые размещены на веб-сайте, как сведений о состоянии объекта экспертного исследования в исследовательской части вывода судебного эксперта согласно п.4.14 Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований, утвержденной приказом Министерства юстиции №53/5 от 08.10.1998 [5].

Научно-исследовательский центр судебной экспертизы по вопросам интеллектуальной собственности при Министерстве юстиции работает последним методом фиксации нарушений.

Центром проводятся экспертные исследования, которые требуют специальных знаний и использования методов судебной экспертизы. Результаты экспертных исследований излагаются в письменных выводах согласно действующему законодательству Украины. [3]

Например, рассмотрим материалы экспертного исследования на предмет воспроизведения статьи в Интернет-изданиях. На основании письма адвоката стороны было исследовано наличие полного или частичного использования статьи клиента в трех других Интернет-ресурсах.

Сначала было проведено специальное исследование об установлении адреса нахождения веб-страницы со статьями на каждом сайте и наполнение этой страницы.

Для проведения экспертного исследования было предоставлено копии распечатанных страниц веб-сайтов, которые содержали статью.

Объект исследования – информация, которая содержится на соответственных веб-сайтах, и информация на сайтах, зафиксированная средствами программного обеспечения ресурса www.archive.org.

Во-первых, устанавливается соответствие домена веб-сайта. Согласно данным, полученным с помощью сервиса whois.ua, исследуется административный контакт этого домена. Сервис позволяет обратиться к базе данных официального регистратора доменных имен и, с использованием доменного имени, узнать, кому принадлежит этот домен и другую информацию.

Далее устанавливается адрес страницы с исследованной статьей и проводится обзор страницы. В пределах обзора в тексте экспертного исследования отображаются изображения страниц со статьей с фиксацией времени просмотра с помощью сайта <http://skolko.in.ua/>

После осмотра страницы анализируются элементы и материалы, составляющие информационное наполнение веб-сайта. По своему характеру они распределяются на три категории: статические, динамические и потоковые.

С использованием программного обеспечения веб-сайта <http://2ip.ru>, было зафиксировано количество просмотров веб-страницы за месяц, за сутки и состоянием на текущую дату.

С использованием программного обеспечения веб-сайта www.archive.org, а именно Wayback Machine, которая в автоматическом режиме создает и сохраняет в определенные моменты времени копии страниц веб-сайтов, было зафиксировано вид страницы.

К материалам экспертного исследования добавляются графическое и текстовое содержания страницы.

После фиксации статьи на каждом из веб-ресурсов исследуется, было ли воспроизведено статью полностью или частично. Если воспроизведено частично, также устанавливается, какие именно части статьи было воспроизведено.

Для этого предоставляется копия статьи автора, копия распечатанной страницы веб-сайта, который содержит статью автора и копию распечатанных страниц сайтов, на которых использована статья.

В связи с тем, что авторское право охраняет форму произведения, для выявления случаев нарушения авторских прав путем заимствования решительное значение имеют буквальное совпадения (для литературных произведений – словесные); для этого проводится сравнительный анализ, по результатам которого составляются таблицы совпадений. [5]

После проведения сравнительного анализа эксперт делает заключение, что текст статьи автора частично воспроизведено на других ресурсах (воспроизведенные фрагменты обозначаются в таблице совпадений жирным курсивом с подчеркиванием).

Можно сделать вывод, что судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности – один с действенных механизмов оформления доказательной базы. Технические возможности, квалифицированные юридические

заклучения и статус полноценных доказательств в суде делают экспертные исследования эффективным инструментом фиксации нарушений права интеллектуальной собственности.

Литература

1. Об авторском праве и смежных правах: Закон Украины от 23 декабря 1993 г. № 3792-ХІІ // Ведомости ВРУ. – 1994. – № 13. – ст.64.
2. Закон Украины «Об охране прав на знаки для товаров и услуг», № 3771-ХІІ от 23.12.93.
3. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований, утвержденная приказом Министерства юстиции Украины №53/5 от 08.10.1998
4. Николайчик О., Харченко О. Судебная практика в доменных спорах // Юридическая газета. – 2008. - №3 (138). - с.1-3
5. Гаврилов Э. П. Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар.– М.: «Юридическая литература», 1988. – 176 с.

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

А. Г. Матвеев

Пермский государственный университет

В пункте 1 статьи 44 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года сказано, что интеллектуальная собственность охраняется законом. До 1 января 2008 года термин «интеллектуальная собственность» определялся в статье 138 Гражданского кодекса России через понятие «исключительное право». В настоящее время понятие интеллектуальной собственности дается в статье 1225 четвертой части Гражданского кодекса. Здесь сказано, что результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения и т.д. Всего в перечне интеллектуальной собственности приведено 16 объектов. Кроме того, в статье 1225 Гражданского кодекса повторяется положение Конституции РФ о том, что интеллектуальная собственность охраняется законом.

Принципиальное изменение законодательного определения понятия «интеллектуальная собственность» объясняется следующими обстоятельствами. Существенное влияние на разработчиков части четвертой Гражданского кодекса РФ оказали взгляды на интеллектуальную собственность известного российского профессора В. А. Дозорцева (1928-2003). В. А. Дозорцев писал, что термин «интеллектуальная собственность», как и всякий термин, условен.

Он стал уже достаточно привычным, его употребляют и в международных актах, и в документах политического характера. Его применение правомерно, если относиться к нему как к условному, имеющему политическое и экономическое, но не юридическое содержание. Профессор Дозорцев считал, что термин «интеллектуальная собственность» является юридически некорректным. Он может создать впечатление о распространении на результаты интеллектуальной деятельности режима права собственности. [1, с. 37-38] По мнению В. А. Дозорцева, настало время изменить терминологию в рассматриваемой сфере. Юридический термин не должен содержать дезинформации. От стабильности терминологии следует отказываться тогда, когда она ведет к неправильным представлениям о существе категории. Необходимо терминологически разграничить объекты и права на них. Объекты профессор Дозорцев предложил обозначить термином «интеллектуальный продукт», права на эти объекты – термином «интеллектуальные права». [1, с. 55-56] Таким образом, в концепции В. А. Дозорцева нет места понятию «интеллектуальная собственность».

Однако разработчики четвертой части Гражданского кодекса России не могли вообще не использовать в этом законе термин «интеллектуальная собственность», так как об охране интеллектуальной собственности говорится в Конституции Российской Федерации. В результате в статье 1225 Гражданского кодекса появилось определение интеллектуальной собственности, под которой понимаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Российское определение интеллектуальной собственности противоречит статье 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14 июля 1967 года. В этой статье содержится международно-правовое понятие интеллектуальной собственности: «интеллектуальная собственность» включает права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Нетрудно заметить, что Конвенция, учреждающая ВОИС, понимает под интеллектуальной собственностью права на объекты, тогда как Гражданский кодекс России – сами эти объекты.

С другой стороны, положения статьи 1225 Гражданского кодекса РФ очень близки определению интеллектуальной собственности, которое содержится во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 года, принятой Консультативным комитетом по вопросам политики ВОИС. [2] В этом акте сказано, что термин «интеллектуальная собственность» означает любую собственность, признаваемую по общему согласию в

качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающую охраны, включая, но не ограничиваясь научными и техническими изобретениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями.

Следует подчеркнуть, что Конституция РФ провозглашает приоритет норм международного права над нормами национального законодательства. Так, в пункте 4 статьи 15 указано, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Несомненно, что Конвенция, учреждающая ВОИС, имеет приоритет перед Всемирной декларацией по интеллектуальной собственности. Представляется, что российскому законодателю следовало бы, опираясь на положения пункта 4 статьи 15 Конституции, использовать международно-правовое определение интеллектуальной собственности, содержащееся в этой Конвенции, в своей законотворческой деятельности.

Литература

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. ст. М.: Статут, 2005. 416 с.
2. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 4.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА

К. С. Мохначев

Удмуртский государственный университет

В Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 года интеграция позиционируется как одно из ключевых направлений реформирования образования и государственного сектора науки, условий создания конкурентоспособного сектора исследований и разработок. Именно на ее основе намечается сократить разрыв между образованием и наукой, обеспечить приток в эти сферы талантливой молодежи, повысить эффективность научных исследований, качество образовательных программ.

Формы интеграции образования и науки были законодательно определены Федеральным законом от 01.12.2007 года № 308-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки» [1]. В частности данный закон предусматривает, что интеграции может осуществляться в разных формах, в том числе:

- проведение вузами научных исследований и экспериментальных разработок за счет грантов или иных источников финансирования;
- привлечение вузами работников научных организаций и научными организациями работников вузов на договорной основе для участия в образовательной, производственной и научной деятельности;
- осуществление вузами и научными организациями совместных научно-образовательных проектов, научных исследований экспериментальных разработок, а также иных совместных мероприятий на договорной основе;
- реализация научными организациями образовательных программ послевузовского профессионального образования, а также образовательных программ дополнительного профессионального образования;
- создание на базе вузов научными организациями лабораторий, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;
- создание вузами, на базе научных организаций, кафедр, осуществляющих производственно-практический образовательный процесс.

Принципиальный недостаток рассматриваемого закона - позиционирование интеграции науки и образования как абсолютно самостоятельного блока в контексте более широкой задачи интеграции науки, образования и производства. Необходимость присоединения к этим процессам бизнеса в целях обеспечения инновационного развития экономики подчеркивается, но одновременно интеграция науки и образования выделяется в самостоятельную задачу, требующую первоочередного решения. Тем самым, по мнению Гохберга Л., Китовой Г., Кузнецовой Т. [2], создается впечатление, что России вначале предстоит интегрировать науку и образование и лишь затем подключить к их объединению бизнес.

Говоря об интеграции науки и образования, авторы [3] сочли целесообразным предложить такую правовую форму, как соглашение (договор) о сотрудничестве между образовательными, производственными и научными учреждениями.

Особенностью соглашения о сотрудничестве является то, что происходит обмен работниками научных, производственных и образовательных учреждений; проведение совместных научных исследований и разработка актуальных теоретических проблем; совместное проведение научных и научно-методических конференций; реализация образовательных программ; создание на базе научных, производственных и образовательных учреждений лабораторий для проведения научных исследований.

Такое соглашение является необходимым условием установления связей между наукой, производством и образованием. Оно представляет собой свободное волеизъявление сторон, направленное на возникновение, изменение и прекращение определенных прав и обязанностей, достижение определенной цели. В данном случае – обмен идеями, знаниями, опытом, совместными научными исследованиями.

Отметим, что состав в участников интеграционных структур могут входить и нерезиденты. Согласно положениям Закона «О высшем и послевузовском образовании» высшие учебные заведения имеют право заключать с иностранными партнерами договоры о совместной деятельности, создавать с участием иностранных партнеров структурные подразделения (центры, лаборатории, технические парки и другие подразделения).

Немаловажную роль на федеральном уровне играют нормы гражданского, бюджетного, налогового, трудового и других отраслей законодательства, которые закрепляют основы правового статуса научных и образовательных организаций, как юридических лиц и регулируют многие общие вопросы, связанные с их деятельностью, а также с созданием интегрированных научно-образовательных структур.

Однако известная независимость науки, образования и производства как социальных институтов и правовых субъектов, а также непроработанность механизмов интеграции не позволяют реализовать потенциал объединения усилий научного, образовательного и промышленного сообществ. Так, действующее законодательство допускает образовательную деятельность научных организаций только по программам послевузовского профессионального образования, то есть фактически незаконными оказываются такие традиционные для России формы интеграции образования и науки, как базовые кафедры ВУЗов и научно-образовательные центры. До настоящего времени не создано единой правовой базы для более широких интеграционных процессов, органично сочетающих образовательный, научный и профессиональный виды деятельности.

В настоящий момент появились правовые предпосылки интеграции науки, образования и производства и, чтобы их реализовать, необходимо осуществить комплекс первоочередных мер [3]: во-первых, разработать концепцию интеграции образования, науки и производства; во-вторых, провести эксперимент на базе одного из ведущих высших учебных заведений, практикующих интегрированную («образование — производство») систему обучения; в-третьих, на основе концепции и проведенного эксперимента выработать детальные рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство с целью устранения препятствий и противоречий интеграции образования, науки и производства и развития инновационной экономики или принять отдельный самостоятельный, системообразующий федеральный закон об интеграции науки, образования и производства.

Литература

1. Федеральный закон № 308-ФЗ от 1 декабря 2007 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Гохберг Л., Китова Г., Кузнецова Т. Стратегия интеграционных процессов в сфере науки и образования // Экономический портал URL:

<http://instituciones.com/strategies/1070-strategiya-integracionnih-processov-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya.html>).

3. Осколков В.Н., Унгефук А.В., Романькова В.Н. Механизмы интеграции образования, науки и производства //Гарантии качества профессионального образования. Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2010. С.23-25.

4. Препелица И.А. Организация высшего профессионального образования в интегрированной системе обучения: административно-правовой аспект: автореф. дисс... канд. юрид. наук /И. А. Препелица; Науч. рук. В. В. Гущин. М., 2010. 18 с.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБСУЖДЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПРАВА

Е. С. Морозова

Высшая школа экономики (Москва)

Демократическое государство характеризуется постоянной оптимизацией институтов, опосредующих взаимодействие органов публичной власти и граждан в процессе принятия публично-властных решений.

Одним из таких институтов является институт общественных обсуждений. Каковы место и роль граждан в процессе проведения общественных обсуждений?

Сравнительный анализ норм, регулирующих порядок организации и проведения общественных обсуждений на территории России, позволяет нам выделить два направления развития законотворческой мысли.

Первое направление рассматривает общественные обсуждения как механизм выявления мнения населения по обсуждаемому вопросу. Этому подхода придерживается как федеральный законодатель, так и часть региональных и муниципальных законодателей.

Согласно Указу Президента РФ «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [1], общественное обсуждение проводится в целях совершенствования законотворческой деятельности и обеспечения учета общественного мнения при подготовке проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов. Цели создания эффективной системы оценки и учета общественного мнения при подготовке проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов определены и Правилами проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, утверждёнными постановлением Правительства РФ [2].

Согласно Порядку проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов Тверской области, вносимых Губернатором Тверской области в Законодательное Собрание Тверской области (п.2) [3], публичное

обсуждение проводится в целях обеспечения прозрачности внутренней политики органов государственной власти и бюджетного процесса для населения и общественности, доведения до населения и общественности основных подходов к осуществлению бюджетной политики на очередной финансовый год и среднесрочную перспективу, выявления мнения населения и общественности по подготовленным законопроектам, в том числе проектам областного бюджета на соответствующие финансовые годы, и бюджетной политике в целом.

Согласно Положению о порядке организации и проведения публичных слушаний в Иркутске (ст.1) [4], публичные слушания проводятся в целях выявления мнения жителей города.

Второй подход рассматривает общественные обсуждения как механизм (форму) реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства, закрепленное ст. 32 Конституции РФ и участие населения в процессе принятия решений органами местного самоуправления в соответствии со ст. 130 Конституции РФ.

Согласно Закону Иркутской области «Об областном народном обсуждении» (ст. 2) [5], областное народное обсуждение – форма непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти области и представляет собой вынесение на обсуждение граждан общественно значимых для населения области вопросов.

В соответствии с Законом о народном обсуждении Краснодарского края (ст. 2) [6], народное обсуждение проводится в целях содействия вовлечению граждан и их коллективов в процесс осуществления государственной власти края, совершенствования законодательства, обеспечения соответствия решений, принимаемых органами государственной власти края, интересам населения.

Публичные слушания в городе Курске рассматриваются как форма реализации прав населения города Курска (общественности) на участие в процессе принятия решений органами местного самоуправления посредством проведения собраний для публичного обсуждения общественно значимых вопросов [7].

Анализ действующего законодательства показывает, что в правовом поле России отсутствует единое понимание сущности общественных обсуждений. Общественные обсуждения трактуются и как механизм выявления мнения населения по вынесенному на обсуждение вопросу, и как форма реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства и решении вопросом местного значения. Ключевым различием данных подходов является правовое положение граждан: если в первом случае, роль граждан пассивна, сведена фактически к объекту исследования, то во втором случае граждане рассматриваются как партнеры в процессе принятия решений.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2011 года № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // «Российская газета». № 29. 11.02.2011.

2. Постановление Правительства РФ от 22.02.2012 № 159 «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // «Российская газета». № 46. 02.03.2012.

3. Постановление администрации Тверской области от 27.09.2006 № 250-па «О Порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов Тверской области, вносимых Губернатором Тверской области в Законодательное Собрание Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение ГД г. Иркутска от 12.04.2006 № 004-20-240323/6(ред. от 01.11.2011) «О Положении о порядке организации и проведения публичных слушаний в городе Иркутске» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон Иркутской области от 19.07.2010 № 78-ОЗ (ред. от 03.11.2011) «Об областном народном обсуждении» (принят Постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 23.06.2010 N 22/16-3С) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Уставный закон Красноярского края от 26.03.2009 N 8-3076 «О народном обсуждении» (подписан Губернатором Красноярского края 01.04.2009)) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решение Курского городского Собрания от 21.09.2005 № 158-3-РС (ред. от 06.03.2012) «О Положении о публичных слушаниях в городе Курске» // СПС «КонсультантПлюс».

ПРИЗНАКИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

С. С. Непомнящих

Омский государственный университет

Категория вопросы местного значения является одной из основных муниципально-правовых категорий. Вопросы местного значения в качестве предмета компетенции местного самоуправления названы в Конституции Российской Федерации, в Федеральном законе от 06 октября 2003г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Определение понятия вопросы местного значения является следствием выделения их признаков, то есть необходимых черт, которые в своей совокупности дают адекватное представление о содержании указанной категории.

Во-первых, вопросы местного значения – суть предметы собственного ведения местного самоуправления. Местное самоуправление имеет свой объект управления: вопросы местного значения, касающиеся обеспечения жизнедея-

тельности населения муниципального образования [1, с. 145]. Местное самоуправление существует в связи с необходимостью решения вопросов местного значения, а наиболее эффективное их решение может быть достигнуто только на местном уровне.

Во-вторых, вопросы местного значения носят локально-территориальный характер. Несмотря на унифицированные перечни, вопросы местного значения всегда решаются в рамках конкретной территории. Местное самоуправление имеет основной целью развитие территории конкретного муниципального образования и удовлетворение потребностей населения, проживающего в границах этой территории.

В-третьих, решение вопросов местного значения осуществляется не только органами местного самоуправления, но и населением.

Местное самоуправление как целостный институт не может быть сведено лишь к совокупности его органов.

Само назначение местного самоуправления видится исходя из анализа статей 3, 12, 130 Конституции Российской Федерации в непосредственном осуществлении народом России своей власти и своего суверенитета, так как именно на местном уровне наибольшее число властно-публичных функций может осуществляться непосредственно населением [2]. По обоснованному утверждению С.А. Авакьяна, местного самоуправления нет, если само население не участвует в осуществлении его задач, в решении вопросов местного значения [3, с. 711].

В-четвертых, вопросы местного значения – это те вопросы, решение которых имеет для населения наибольший интерес. Реализация вопросов местного значения направлена на обеспечение жизнедеятельности населения на соответствующей территории.

По утверждению В.И. Васильева, «возможность применить его (термин «жизнеобеспечение») к функциональному назначению местного самоуправления позволяет термин “непосредственное”. Вопросы непосредственного жизнеобеспечения, как правило, связаны с оказанием или организацией оказания социальных услуг гражданину или группе граждан, проживающих в соответствующем муниципальном образовании» [4]. Индикаторами, с помощью которых обнаруживаются те или иные потребности и интересы населения, служат фактические отношения в области потребления населением соответствующих товаров и услуг [5, с. 321].

В-пятых, вопросы местного значения – это тот объем публичных дел, которые населением и (или) органами местного самоуправления в пределах территории муниципального образования могут и должны решаться самостоятельно.

Самостоятельное решение этих вопросов предполагает, с одной стороны, потенциальную возможность самостоятельного (без привлечения иных лиц) решения поставленных проблем исходя из достаточности соответствующих полномочий, с другой, - наличие организационных, финансовых и материальных ресурсов для их решения. Речь идет о том, что вопросы местного зна-

чения объективно могут быть решены силами муниципального образования и должны быть решены им как единственно уполномоченным на решение этих вопросов субъектом.

В-шестых, решение вопросов местного значения осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций.

Как полагает О.И. Баженова, значение интереса при определении вопросов местного значения проявляется не только и не столько через отражение в них особых потребностей территориального коллектива (местных интересов), но прежде всего через необходимость учета особенностей их реализации. Такие особенности обусловлены различием условий проживания граждан, наличием «местной специфики», объясняемой причинами «естественного» характера (природные, климатические факторы), социально-экономической, демографической ситуацией и т.д. [6, с. 233].

В-седьмых, вопросы местного значения устанавливаются Конституцией Российской Федерации и базовым федеральным законом о местном самоуправлении. Никакими другими законами и подзаконными актами вопросы местного значения установлены быть не могут. Отраслевое законодательство только конкретизирует полномочия местного самоуправления в рамках решения вопросов местного значения.

Таким образом, вопросы местного значения следует понимать как установленный Конституцией Российской Федерации и законом о местном самоуправлении объем публичных дел, осуществление которых направлено на непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения на территории соответствующего муниципального образования и в границах указанной территории, выполняемых населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Литература

1. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права. М., 2003.
2. Голованов Г.Р. О конституционно-правовой природе института вопросов местного значения // Административное и муниципальное право. 2008. № 2.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М., 2005. Т. 2.
4. Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 7.
5. Уваров А.А. Механизм реализации функций местного самоуправления // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы. Материалы международной научной конференции. М., 2006.
6. Баженова О.И. Муниципальное образование как субъект права. М., 2010.

ПРОБЛЕМЫ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Т. Ю. Оленина

Петрозаводский государственный университет

Актуальность совершенствования водного законодательства состоит в том, что Россия – богатейшее государство планеты по запасам пресных природных вод, суммарный объем которых составляет около 50 тысяч кубических километров. Это примерно 20% мировых запасов пресных подземных и поверхностных вод [1, 379].

Водное законодательство за последние годы претерпело существенные изменения. Новый Водный кодекс Российской Федерации (далее – РФ) (2006 г.) более юридически грамотно составлен по сравнению с предыдущим Водным кодексом РФ (1995 г.). В тоже время в Водном кодексе РФ от 3 июня 2006 года №74-ФЗ присутствует ряд недостатков.

Во-первых, нужно отметить, что действующий Водный кодекс не закрепляет объекта водных отношений. В пункте 4 статьи 1 данного закона приводится определение водного объекта (природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима), но в предыдущем Водном кодексе РФ формулировка данного понятия была на наш взгляд более удачной (сосредоточение вод на поверхности суши в формах ее рельефа либо в недрах, имеющее границы, объем и черты водного режима).

Во-вторых, еще одна проблема состоит в том, что полномочия субъектов РФ в области водных правоотношений существенно ограничены. Часть 1 статьи 7 признает их в качестве субъекта указанных отношений, одна часть 2 статьи 8 разрешает иметь в собственности ограниченный круг объектов: пруд, обводненный карьер, расположенные в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности субъекту Российской Федерации. Все остальные объекты находятся в собственности РФ. Соответственно, субъекты РФ не могут осуществлять какую-либо деятельность в отношении тех объектов, которые не входят в указанный список.

В-третьих, нужно обратить внимание на проблемы понятийного аппарата, используемого в кодексе. Полагается не очень правильным закрепление в статье 5 исчерпывающего перечня видов поверхностных водных объектов. В теории существует возможность появления таких объектов, которые пока еще не перечислены в кодексе, но в будущем могут быть отнесены к тем же поверхностным водным объектам. Именно поэтому видится целесообразным сохранение подхода старого Водного кодекса, который закреплял критерии отнесения любых водных объектов к тому или иному виду [3, 24].

В-четвертых, следует вернуться к уже упоминавшимся нами принципам водного права, которые впервые были закреплены в водном законодательстве. Проблема здесь состоит в том, что большинство из них просто не подтверждаются нормами самого кодекса. Так, в качестве одного из принципов предполагается приоритет использования водных объектов для целей питье-

вого и хозяйственно-бытового водоснабжения перед иными целями их использования. Несмотря на это, ни одна из норм кодекса не предусматривает каких-либо требований к качеству воды таких водоемов [3, 25].

Кроме того, существует проблема с определением водоохранных зон. С принятием Водного кодекса РФ 2006 г. были внесены изменения и в Земельный кодекс РФ. Из него изъято понятие водоохранных зон. Ранее они относились к землям водного фонда, а также являлись землями природоохранного назначения. Теперь эти территории имеют непонятный статус, к тому же и их ширина значительно уменьшена. При этом действующее водное законодательство позволяет использовать территории водоохранных зон практически без ограничений. Небольшие ограничения, конечно, есть, хотя их всего четыре [2, 119-120]:

нельзя удобрять почву в пределах водоохранной зоны сточными водами, а значит, различными другими средствами возможно;

очевидно, что недопустимо размещение кладбищ, скотомогильников, мест захоронения отходов производства и потребления, радиоактивных, химических, взрывчатых, токсичных, отравляющих и ядовитых веществ;

запрещено в границах водоохранных зон осуществление авиационных мер по борьбе с вредителями и болезнями растений;

запрещены движение и стоянка транспортных средств (кроме специальных транспортных средств). В тоже время при этом разрешено движение по дорогам и стоянка транспортных средств на дорогах и в специально оборудованных местах, имеющих твердое покрытие. В чем же тогда смысл этих ограничений, если можно построить дорогу.

Немаловажной проблемой является ответственность за нарушение водного законодательства. Часть 2 статьи 69 Кодекса предусматривает, что методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утверждается в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Вместе с тем Федеральный закон «Об охране окружающей среды» уже установил порядок компенсации вреда окружающей среде [3, 25].

Способы решения проблем водного права могут быть следующие: внесение изменений и поправок (в частности, дополнить Водный кодекс РФ реально действующими нормами на основе закрепленных принципов) или принятие нового Водного Кодекса, который бы более централизованно регулировал водные отношения (наиболее радикальный шаг).

Литература

1. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник/ С.А. Боголюбов. – М.: Юрайт, 2011. 492 с.

2. Будникова Ю.Е. Анализ водного законодательства РФ и выявление пробелов в нем // Актуальные проблемы экологического права. 2010. № 2. С. 117-120.

3. Вакула М.А. Новый Водный кодекс: проблемы и пробелы // Экологическое право. 2006. № 4. С. 24-25.

ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТА СМЕРТНОЙ КАЗНИ

С. Л. Парамонова

Институт Макса Планка (Фрайбург, Германия)

Проблематика смертной казни многогранна и сложна. Во-первых, на основании того, что затрагивает нравственные, правовые, политические, социальные, религиозные аспекты общественной жизни. Во-вторых, в рамках отдельно взятого аспекта вопрос смертной казни имеет дополнительные уровни рассмотрения, каждый из которых позволяет осветить проблему наиболее объективно [1].

Правовой аспект сам по себе опять же многогранен. В отношении смертной казни по наиболее значимым критериям можно определить ряд уровней:

Уровень, который позволяет выделить противников высшей меры наказания (аболиционистов) и ее сторонников, и соответственно, страны, которые применяют смертную казнь в виде наказания и в которых она отменена [2].

Следующий уровень характеризуется тем, что форма отмена высшей меры может выражаться в отсутствии смертной казни де юре или де факто.

Отдельно можно рассматривать уровень решения проблем в отношении преступлений, к которым применяется смертная казнь: отмена данного вида наказания для всех преступлений и отмена для всех преступлений, кроме совершенных при исключительных обстоятельствах (в военное время, например).

Критериями, на основании которых может характеризоваться смертная казнь в том или ином государстве могут также служить: виды смертной казни, субъекты, которые могут быть подвергнуты этому виду наказания и ряд других.

Первый выделенный уровень правового аспекта: применение / отмена высшей меры наказания, является наиболее общим. Два последующих уровня характеризуют его в ситуации, когда смертная казнь отменена. Здесь следует отметить, что отмена смертной казни как вида наказания может иметь различные формы и быть не столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд.

Ярким примером может служить ситуация, сложившаяся в Российской Федерации относительно смертной казни особенно после принятия 19 ноября 2009 г. Конституционным Судом РФ решения о продлении моратория на смертную казнь, срок которого истекал 1 января 2010 г. Данное положение дел можно охарактеризовать как пограничный случай между формами отмены высшей меры наказания «де юре» и «де факто».

С одной стороны, де юре Высший Закон – Конституция РФ – предусматривает (ч. 2 ст. 20) существование смертной казни лишь «впредь до ее отмены», что свидетельствует о том, что данная мера носит временный характер. Тем не менее она может устанавливаться (и до сих пор установлена) федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. До 1 января 2010 г. не существовало суда присяжных только в одном регионе России – в Чеченской Республике. С введением суда присяжных в этом регионе отпали бы формальные препятствия для назначения смертной казни. Однако, Определением от 19 ноября 2009 г. N 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года» Конституционный Суд объявил применение смертной казни неконституционным и продлил мораторий на неопределенный срок. В соответствии с положениями Уголовного [3], Уголовно-процессуального [4], Уголовно-исполнительного Кодексами [5] смертная казнь также является действующим видом наказания.

Так, смертная казнь в России существует де юре, будучи закрепленной на законодательном уровне, и не применяется де факто.

С другой стороны, характеризуя форму «де факто» в отношении смертной казни в России, следует отметить следующее. Де факто в Российской Федерации не применяется смертная казнь со 2 сентября 1996 г., когда был приведен в исполнение последний смертный приговор. Так, как неприменение наказания в «чистой» форме де факто можно охарактеризовать период со 2 сентября 1996 г. (исполнение последнего смертного приговора) по 2 февраля 1999 г. (Постановление Конституционного Суда РФ о введении моратория на смертную казнь). Здесь следует упомянуть Указ Президента Б. Ельцина от 16 мая 1996 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», который, однако, никаких юридически обязывающих мер не содержал, закрепляя некоторые рекомендации различным органам относительно смертной казни [6]. После издания Указа смертная казнь продолжала применяться де факто. Указ, играя важную роль в процессе отмены высшей меры наказания на территории России, не стал пунктом отсчета в отношении признанных форм (де юре или де факто) существования наказания.

Период с 2 февраля 1999 г. по настоящий момент, учитывая Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. о продлении моратория на высшую меру наказания, является смешанной формой отмены смертной казни, сочетая в себе элементы «де юре» и «де факто» форм. При этом форма «де факто», в которой высшая мера наказания существует на сегодняшний момент в России, более приближена к «де юре» форме. Данное положение обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, решения Конституционного Суда по сути имеют все атрибуты правовой нормы: общеобязательное правило поведения, исходящее от госу-

дарства и охраняемого им, которое предоставляет участникам общественного отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности [7]. Это следует из предписаний ст. 6 и ст. 79 ФЗ «О Конституционном Суде РФ». Статья 6 гласит, что решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Согласно ст. 79 «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения... действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.» Таким образом, решение Конституционного Суда, обладая признаками общеобязательности, санкционированности со стороны государства, закрепляя права и обязанности участников общественных отношений, фактически де юре отменяет смертную казнь.

Во-вторых, наряду с юридической формой решений Конституционного Суда (соответствующей правовой норме), содержание Определения КС от 19 ноября 2009 не ограничивает мораторий какими-либо временными рамками, чем характеризовалось Постановление КС от 2 февраля 1999, налагая заведомо временный мораторий. Основываясь на позиции Конституционного Суда, изложенной в Определении от 19 ноября 2009, можно сделать вывод, что запрет смертной казни де юре неизбежен. Конституционный Суд, объявляя применение смертной казни неконституционным, обосновал свою позицию тем, что «в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни».

Таким образом, правовая ситуация, сложившаяся в России в отношении смертной казни, может служить примером смешанной формы «де юре» и «де факто» отмены высшей меры наказания, склоняясь в большей степени к «де юре» форме.

Следующая проблема формы отмены высшей меры наказания связана с третьим выделенным уровнем ее решения. Если смертная казнь де юре отменена, то это может распространяться либо на все преступления, либо на все, кроме совершенных при исключительных обстоятельствах, например, в военное время. Вопрос о форме отмены смертной казни возникает на уровне Совета Европы в связи с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и соответствующими Протоколами N 6 и N 13 к данной Конвенции [8].

Европейская Конвенция о правах человека 1950, подписанная 47 странами – членами Совета Европы, закрепляет в ст. 2 право на жизнь. Однако, согласно ч. 1 ст. 2 «никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Из этой формулировки следует, что сама Конвенция, подписанная членами Совета Европы, смертной казни не отменяет [9]. Запрет на смертную казнь в мирное время обеспечивает Протокол ? 6, который подписали и ратифицировали все страны Совета Европы, кроме Российской Федерации. Протокол ? 13 распространяет этот запрет на все обстоятельства, включая военное время. Этот протокол ждёт ратификации со стороны восьми стран [10]. Однако, Протоколы также не изменяют соответствующие положения ст. 2 Конвенции, лишь дополняя ее.

Таким образом, хотя Протоколы обеспечивают должную гарантию неприменения смертной казни в рамках Совета Европы, тем не менее необходимо изменения текста самой Конвенции, а именно п. 1 ст. 2, как основного документа, выступающего основной гарантией и обеспечивающего право на жизнь. Поскольку существует риск того, что страны, изначально подписавшие Конвенцию, будучи членами Совета Европы, могут заявить о денонсации Протоколов.

В заключение следует отметить, что отмена смертной казни, обретая различные формы на разных этапах, не всегда является неоспоримым запретом, даже в тех случаях, когда вопрос казался разрешенным.

Литература

1. Paramonova S. El Tribunal Constitucional de Rusia y su Decisión del Año 2009 Sobre la Moratoria de la Pena de Muerte (Парамонова С. Смертная казнь в России: Конституционный Суд РФ и его решение от 2009 о продлении моратория на смертную казнь). *Nacia la Abolición Universal de la pena capital*. Valencia, 2010, с. 189.
2. Сауляк О. Нужна ли России смертная казнь? *Законность* N 10, 2009, с. 29; Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. М., 2000, с. 44.
3. Уголовный Кодекс РФ, 17 июня, 1996, N 63-ФЗ: <http://base.garant.ru/10108000.htm>
4. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ, 18 декабря, 2001, N 174-ФЗ: <http://base.garant.ru/12125178.htm>
5. Уголовно-исполнительный Кодекс РФ, 1 января, 1997, N 1-ФЗ: <http://www.garant.ru/doc/main/uikrf/>
6. Указ от 16 мая 1996 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1159994>
7. Алексеев С.С. *Общая теория права*. Том II. М., 1982, с. 32
8. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>

9. Jon Yorke. The right to life and abolition of the death penalty in the Council of Europe. *European Law Review*, Issue 2, 2009. London. p. 205-206.
10. Совет Европы и смертная казнь: <http://www.coe.ru/drive/death/>

ОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ

Е. П. Петухова

Высшая школа экономики (Москва)

Категория «правовой режим» давно обращает на себя внимание ученых и исследователей в области права, среди которых С.С. Алексеев, Б.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, И.Р. Забугин, А.В. Малько, Н.И. Матузов, Л.Ю. Павлова, В.Н. Пяткин, О.С. Родионов, И.С. Розанов, В.Б. Рушайло, М.М. Султыгов, Э.Ф. Шамсумова и многие другие.

Под правовым режимом в широком смысле понимается закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств, установленный порядок, отражающий реально существующие общественные отношения в определенной сфере деятельности.

Правовой режим в узком смысле – это закрепленное в нормах права особое сочетание, комплекс, совокупность юридических средств. Правовой режим в узком смысле предлагается называть специализированным (отраслевым) правовым режимом[1].

В научной юридической литературе[2] уделено значительное внимание делению правовых режимов по видам.

В зависимости от предмета правового регулирования или отраслевой принадлежности правовые режимы делятся на конституционно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, трудовые, земельные, финансовые, таможенные и другие правовые режимы, регулирующие комплекс однородных общественных отношений.

Сравнительно недавно, выйдя за пределы административного управления и ведомственного нормотворчества, категория «правовой режим» стала широко использоваться в различных отраслях российского законодательства.

Тем не менее, словосочетание «правовой режим» в отраслях российского законодательства встречается не часто. В некоторых отраслях законодательства оно активно используется (административное, финансовое, таможенное законодательство), в других – его появление в тексте нормативного правового акта носит эпизодический характер (некоторые институты гражданского законодательства, подотрасли гражданско-правового комплекса), третьи – вообще его не используют (уголовное право). Но, не смотря на это, правовые режимы, так или иначе, присутствуют во всех отраслях российского законодательства. Если в тексте нормативного правового акта отсутствует словосочетание «правовой режим», то это еще не означает отсутствие соответ-

вующего правового явления в регулируемых этим актом общественных отношениях.

Возможность четкого выделения конкретного правового режима или прямое указание на его присутствие, по мнению О.С. Родионова, имеют место, как правило, в отраслях публичного права. Они объединены императивным методом правового регулирования соответствующих общественных отношений[3].

По мнению некоторых ученых, в большинстве случаев совокупность юридических норм, составляющих правовой режим, не относится к какой-либо одной отрасли права и состоит из институтов, относящихся к различным отраслям права[4].

Категорию «правовой режим» необходимо использовать для характеристики особенностей той или иной отрасли права, так как правовой режим позволяет рассматривать средства правового регулирования отрасли права в комплексе. Все юридические средства, которые образуют отраслевой правовой режим, объединяются единым регулирующим началом и отражают специфику данной отраслевой юридической среды[5].

По мнению Э.Ф. Шамсумовой, каждой отрасли права соответствует свой правовой режим. Отраслями права при таком подходе оказываются не просто «области» регулирования, а качественно особые и цельные с юридической стороны совокупности норм, в своем единстве обеспечивающие специфические порядки, режимы регулирования[6].

Отраслевой правовой режим может включать способы, методы, типы правового регулирования в различном сочетании, при доминирующей роли одних и вспомогательной роли других.

В тоже время любой правовой режим – это порядок регулирования, сочетающий комплекс правовых средств, создающих требуемое социально-правовое состояние субъектов права либо объектов права. Одновременно с этим правовой режим сам является инструментом правового регулирования. Правовые режимы и отраслевые правовые режимы в частности нуждаются в дальнейшем изучении, научной разработке и закреплении в нормативных правовых актах.

Литература

1. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы: Теоретический аспект. Дис... к.ю.н. Екатеринбург. 2001. С.78
2. Алексеев С.С. Указ.соч. С.243-247; Беляева Г.С. Классификация правовых режимов // Ценности и нормы правовой культуры: сборник научных статей международного круглого стола, посвященного дню рождения И.А. Ильина, русского философа и юриста. Курск. 2011. С.204-208; Забугин И.Р. Классификация специальных правовых режимов // Актуальные проблемы юридической науки: Сборник научных трудов. Тольятти. 2010, Вып. 7. С.76-80; Матузов Н.И. Теория государства и права. М. 2009. С.519-525; Павлова Л.Ю. Основания классификации правовых режимов и её значение // Сове-

менное государство и право: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010, Вып.2. С. 112-119; Попова Н.Ф. О классификации специальных административно-правовых режимов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 5. С.42-43; Родионов О. С. Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством. Дис... к.ю.н. Омск. 2001. С.113; Шамсумова Э. Ф. Указ. соч. С.121-123

3. Родионов О. С. Указ. соч. С.79-80

4. Пяткин В.Н. Природа и понятие правовых режимов. Соотношение правового режима и механизма правового регулирования // IV Державинские чтения в Республике Мордовия. Материалы региональной научно-практической конференции, г. Саранск, 29-30 апреля 2008 г. – Саранск: РПА Минюста РФ, 2008. С.74-76

5. Шамсумова Э. Ф. Указ.соч. С. 82-83

6. Там же. С. 88-89

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

И. Е. Погребняк

Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (Харьков)

Надлежащее, или правильное, хорошее управление («good governance») является одной из важнейших предпосылок успешного функционирования гражданского общества. Установление смысла данного понятия прежде всего предполагает знакомство с базовой категорией управления.

Необходимо отметить, что управление как концепция все еще находится в процессе формирования. С момента возникновения она приобретает новые черты, тем самым приобретая более широкое по сравнению с этимологическим содержание.

Можно выделить следующие основные аспекты развития концепции управления:

1) зарождение понятия и формирование научной концепции

Термин «управление» в социальных науках является переводом английского термина «governance», который в свою очередь берет свое начало со Средних веков (XII-XV вв.). Так, в литературе можно найти ссылки на его употребление во Франции в XIII в. В то время термин «управление» (governance) использовался как:

проявление наиболее значимой формы власти над обществом;

синоним термина формы правления или конституции, который рассматривался как рамки или проявление силы и власти среди членов общины, свободное правительство, монархическое государство или правительство республики;

индивид или группа индивидов, имеющие власть или определенную ее часть.

В 1970 году Файнер в своей классической работе «Comparative Government» определяет управление как деятельность или процесс управления. Шрайнер (1973) определял управление как долговременное влияние взаимодействия между технологическими, социальными изменениями и административными мерами, а понятие «правительство» (government) использовало в понимании повседневного управления.

2) приобретение понятием управления политической направленности

Как политическое понятие управление стало использоваться с начала 70-х гг. XX ст. Всемирный банк определяет это понятие как осуществление политической власти и использование институциональных ресурсов для решения проблем и дел общества. В 1992 г. Всемирный банк определил управление как «способ, которым власть осуществляет управление экономическими и социальными ресурсами страны для ее развития». В свою очередь ПРООН (The United Nations Development Programme) определяет «управление» как осуществление экономических, политических и административных полномочий по управлению делами страны на всех уровнях. Оно включает в себя механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют свои обязанности и урегулируют свои разногласия. Подход Всемирного банка и ПРООН отражает мировую тенденцию к политической и экономической либерализации. Данный подход позволяет сосредоточить внимание на вопросах, связанных с важными для современного общества принципами ответственности и подотчетности государственной власти, а также влияния этих факторов на политическую стабильность и экономическое развитие.

По мнению Ф. Фукуямы, в изначальной концепции содержание понятия управления отличается от настоящей цели управления: управление является действиями агентов по выполнению желаний их принципалов, а не тех целей, которые принципалы поставили перед собой. Он определяет управление как способность власти разрабатывать и внедрять правила и предоставлять услуги, независимо от того, является ли данная власть демократической и подчиняется ли она принципу верховенства права.

Использование данного подхода к управлению позволяет подчеркнуть творческий потенциал политики, особенно учитывая способности лидеров подняться над существующей структурой обычного, чтобы изменить правила игры и вдохновить других на участие в усилиях по продвижению общества вперед в новых и продуктивных направлениях.

3) наполнение понятия контекстом надлежащего управления

В подобном новом значении управление касается не структур, а практики. В контексте модели good governance эта концепция делает акцент на взаимоотношениях, процессах, формальных и неформальных сетях, на способах решения проблем, пытается найти полицентричные и минимально иерархизированные формы эффективного, но одновременно гибкого регулирования

общественных процессов с привлечением частного и гражданского секторов общества. В определенной степени она бросает вызов политической (государственной) власти как единому центру принятия решений, утверждая возможность (особенно в глобальном измерении) «управления без правительства». Такое управление характеризуется предсказуемой, открытой и ответственной выработкой политики; когда бюрократия, пропитанная профессиональной этикой, действует с целью содействия общественному благу, верховенству права, транспарентности и сильному гражданскому обществу, принимает участие в публичных делах.

Авторы *Governance Matters* (ежегодной публикации Всемирного Банка (2010)) определяют управление как традиции и институты, с помощью которых осуществляется власть в стране. Это включает в себя: а) процесс, с помощью которого власти избираются, контролируются и изменяются; б) способность власти эффективно формулировать и реализовывать политики; и в) уважение граждан и государства к институтам, регулирующих экономические и социальные взаимодействия между ними.

Один из признанных авторитетов в современной западной науке об управлении Б.Гай Питерс призывает подумать об управлении как о направлении общественного развития в том же значении, что и направление лодки: этимологически, как и практически, мы можем подумать об управлении, как о задаче направлять экономику и общество с помощью определенных коллективных рычагов.

ПРИЗНАКИ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД

С. П. Погребняк

Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (Харьков)

1. Право является социальным регулятором. Как и другие социальные регуляторы (мораль, религия, обычаи и др.), право состоит из правил поведения, направленных на создание условий, обеспечивающих возможность совместной жизни людей, т.е. условий функционирования человеческого общества (поддержка кооперации, распределение благ, разрешение конфликтов и т.д.). Именно право способно обеспечить общий социальный порядок, т.е. регулярность и предсказуемость действий людей на основе взаимности.

Важно помнить, что право направлено также на обеспечение свободы: с помощью общих правил право позволяет согласовать свободу лица со свободой других, установить и гарантировать сферу личной свободы, обеспечить независимость от чужого произвола и принуждения.

2. Универсальность права. Это означает, что его требования касаются всех лиц (в том числе и государства), которые обязаны их неукоснительно соблюдать или исполнять; в обществе никто не может находиться вне права.

3. Право имеет нормативный характер, обусловленный спецификой его основных составляющих (элементов): норм и принципов права. Они имеют общий характер, который проявляется в неперсонифицированности и неисчерпаемости. Неперсонифицированность, т.е. отсутствие указания на конкретного адресата, позволяет нормам и принципам адресоваться не одному какому-либо лицу, а сразу многим, поименно не перечисленным. Исчерпаемость нормы и принципа означает возможность их многократной реализации.

4. Системность права проявляется в том, что его элементы (нормы и принципы) связаны между собой иерархически, генетически и функционально и объединены в определенные структурные подразделения.

5. Формальная определенность права свидетельствует о том, что нормы права закрепляются в определенных формах (источниках), признанных обществом. Правила, существование которых не может быть подтверждено ссылкой на эти источники, не считаются правовыми.

6. Обязательность права поддерживается различными средствами, среди которых обращают внимание на авторитет (легитимность) и принуждение.

Признание права легитимным регулятором порождает уверенность людей в необходимости соблюдения его правил. История доказывает, что право не может осуществляться эффективно без согласия со стороны тех, кто ей подчиняется. Сегодня можно указать на два важных пути легитимации современного права.

Легитимация по содержанию обеспечивается восприятием права в обществе как правильного регулятора. Правильность означает, что позитивное право в целом соответствует содержательным моральным стандартам — справедливости, равенству, свободе, гуманизму, закрепляет и защищает основополагающие права человека, обеспечивает признание гражданами его правил, свидетельствует об их оправданности, целесообразности и полезности. Система норм, которая не претендует на правильность, не является правовой.

Особое значение в этом отношении приобретает связь права с идеей справедливости. Можно предположить, что право как самостоятельный регулятор появляется в Древнем Риме. По мнению Ульпиана, право получило свое название от справедливости (*est [ius] autem a iustitia appellatum*), поскольку, по меткому определению Цельсы, «право есть искусство о добром и справедливом» (*ius est ars boni et aequi*).

Римское *Ius*, оставшись корнем многочисленных слов, относящихся к юридической сфере (например, юриспруденция, юрисдикция, юстиция, юрист), в эпоху поздней Римской империи было вытеснено словом *directum*, которое связано с изображением богини правосудия (*Iustitia*) с весами в руках: *de-rectum* означает тот момент, когда стрелка весов стоит прямо, т.е. посередине, символизируя равновесие справедливости. От лат. *directum* образовано большинство терминов, обозначающих в западных языках право: *diritto*

(ит.), derecho (исп.), direito (порт.), drept (румын.), droit (фр.), Recht (нем.), right (англ.) и др.

Подобную связь можно увидеть также в славянских языках: слово «право», так же как и слово «правда», происходит от древнерусского *pravъ*, т.е. прямой, правильный, невиновный.

В свою очередь легитимация с помощью процедур обеспечивается благодаря надлежащему установлению правил, т.е. их принятию уполномоченным на это субъектом в предусмотренном порядке, с соблюдением необходимой процедуры и закреплены в определенных формах (источниках).

Второй способ поддержания обязательности права — возможность применения государственного принуждения. Право является действительным социальным регулятором только тогда, когда члены общества обычно придерживаются его правил и могут добиться их соблюдения от других лиц. Одним из важных средств подобного обеспечения является суд. Несоблюдение норм права влечет за собой применение санкций, связанных с возможностью совершения принуждения, которое в современных обществах считается государственной монополией. Возможность принуждения поддерживает социальную действенность права. Этот особый способ обеспечения отличает право от других общественных регуляторов, что позволяет характеризовать его как «принудительный и гарантированный порядок».

7. Государство является институтом, обеспечивающим эффективное действие права. Именно государство решает проблемы определения и формального закрепления точных непротиворечивых правил (т.е. создание системы позитивного права), разрешения конфликтов, связанных с их реализацией и интерпретацией (т.е. создание судебной системы), а также осуществление контроля за соблюдением права. Именно государство на основании предоставленной обществом «генеральной лицензии» осуществляет администрирование правовой системы.

Итак, право — это универсальный обязательный социальный регулятор, направленный на обеспечение свободы путем закрепления в определенных источниках системы легитимных правил, эффективное действие которых гарантируется государством.

ЦЕНОВОЙ СГОВОР В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

М. В. Рогова

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Явление ценового сговора характерно для всех отраслей российской экономики, имеет свою специфику и разные степени своего проявления. Ценовые сговоры или картели означают искусственное устранение конкуренции, наносят при этом колоссальный ущерб экономике и вынуждают покупателя

нести неоправданно высокие расходы. Таким образом, любое исследование на тему социального и экономического неравенства регионов затрагивает вопросы ценообразования на локальном или региональном уровне.

Примером масштабного ценового сговора является на сегодняшний день картельный сговор вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). По денежному обороту и степени влияния на российский рынок он имеет колоссальное значение для населения страны. Последствия ценовых договоренностей сказываются на цене нефтепродуктов и соответственно на транспортных расходах. На сегодняшний день расходы на транспорт составляют до 30-50% стоимости товаров и продуктов питания, следовательно, стоимость топлива для конечного потребителя будет иметь решающее значение в политике ценообразования в регионах.

В нашем случае к исследованию проблемы ценовых сговоров мы подошли, изучая историю формирования высоких цен на бензин в регионах Сибири и Дальнего Востока, в частности, в Иркутской области. На топливном рынке сложились самые известные региональные картели. Просматривая цены на нефтепродукты в разные периоды смены собственников на нефтеперерабатывающем заводе (ОАО АНХК) в регионе, мы выяснили, что сам по себе приход нового владельца на рынок зачастую связан с демпингом, а не с повышением цен. В период смены собственников АНХК: ОАО «НК Роснефть» на ОАО «СИДАНКО», а затем на ОАО «НК ЮКОС» в 1998 и в 2003 гг. соответственно, в Иркутске отмечались самые низкие по России цены на бензин. Такая ситуация была выгодна для массового потребителя и в конечном счете для ВИНК, однако в ряде публикаций за эти годы была отмечена критика демпинговой политики нефтяных компаний в заявлениях региональных представителей автозаправочного бизнеса и владельцев АЗС. Данные о массовых повышениях цен на заправках свидетельствуют о состоявшихся впоследствии ценовых договоренностях нефтяных компаний и региональных автозаправщиков. Таким образом, ВИНК пошли на повышение цен на своих АЗС и частные предприниматели смогли спокойно торговать бензином по цене, обеспечивающей прибыль. Автомобилисты при этом были вынуждены платить ту цену, которую озвучили участники данного сговора.

Возможность ценового сговора, как правило, многократно возрастает там, где есть возможность коррупции, и действует система откатов. Откат – это взятка чиновнику любого уровня за возможность захвата определенного сегмента рынка, получения государственных контрактов и пр. В целом взяточничество – это негласный способ ведения бизнеса. Коррупционные схемы обуславливают появление офшорных банковских счетов, сторонних агентов и, главным образом, обманное ценообразование. Следовательно, ценовой сговор практически невозможен без участия представителя госструктуры. Учитывая специфику российской экономики, где практически все крупные нефтяные компании имеют своих представителей в правительстве, империя ВИНК тесно переплетена с системой власти. Таким образом, чем меньше влияние федеральной власти в регионе, тем ниже вероятность ценового сго-

вора ВИНК. Мы можем сделать такой вывод, сравнивая цены на автомобильное топливо в других регионах Сибири. В Кемеровской и Новосибирской областях цены на бензины являются одними из самых низких по России, несмотря на отсутствие в регионах своих нефтеперерабатывающих заводов. Отсюда следует, что грамотная региональная политика по сдерживанию цен, способна противостоять даже такому частому и повсеместному явлению в российской экономике, как ценовой сговор.

Какие исследовательские проблемы можно отметить при изучении такого явления как ценовой сговор.

Во-первых, закрытость информации, что само себе естественно для самого понятия «сговор». Также сговор не может быть официальным в условиях российского правового поля, поскольку при первых признаках ценового сговора, вступает в силу антимонопольное законодательство. И хотя по ценам и по их динамике, мы можем сделать выводы о сговоре, почти всегда ВИНК оправдывают повышение цен колебаниями внешнего рынка, что, как правило, подтверждается фактически.

Во-вторых, признаки ценового сговора это почти всегда повышение цен, причем развивающееся стремительно. Сделать вывод о возникновении ценового сговора мы можем лишь опосредованно, фиксируя цены на топливо на внутреннем рынке (если речь идет о рынке нефтепродуктов).

В-третьих, часто в сговорах участвуют несколько компаний и соответственно несколько регионов. Сговоры на расстоянии характерны для российской экономики в целом. Вспомним пример с повышением цен на гречневую крупу летом 2010 г. Только за два дня в Иркутской области цена на гречку подскочила с 38 до 108 руб., в других регионах цены также выросли в 2-3 раза.

В-четвертых, сговорам часто предшествуют сообщения первых лиц государства о возможном дефиците или повышении цен. К примеру, в той же ситуации с гречкой выступление В.В. Путина по Первому каналу, посвященное возможным проблемам с поставками зерновых, оказалось ошибочным прогнозом. Как выяснилось впоследствии, урожайность зерновых в южных регионах была очень высокой, а цены по договоренности оставались завышенными еще на протяжении нескольких месяцев. В этом случае участники рынка умело использовали сложившуюся ситуацию для извлечения максимальной прибыли. Ввиду всеобщего распространения этот сговор поставщиков получил название «телефонного».

Таким образом, в перспективе, исследования ценовых сговоров практически всегда представляют собой изучение причин необоснованного или кратковременного повышения цен. Закрытость темы сговоров компенсируется показателями динамики цен за определенный период времени.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И САМОВОЛЬНЫХ ЗАСТРОЙЩИКОВ

Д. Е. Сасов

Сибирский институт управления (Новосибирск)

Актуальность разрешения коллизий между органами местного самоуправления и «самовольными застройщиками» достаточно велика, так как на муниципальных территориях до сих пор находится достаточно много объектов недвижимости, отвечающих признакам самовольной постройки. Такое положение дел связано с целым комплексом причин: массовая послевоенная застройка советского периода, низкая правовая культура застройщиков на современном этапе развития России и др. В Новосибирске есть примеры улиц, состоящих преимущественно из самовольных построек. Известны примеры, когда жилые помещения в заселённых многоквартирных домах в г. Кемерово, не могут быть оформлены на законном праве за их владельцами, так как эти многоквартирные дома построены без получения застройщиком необходимых разрешений или правового титула на земельный участок.

В соответствии со ст. 222 ГК РФ самовольная постройка – это объект недвижимого имущества, отвечающий следующим признакам: создан на не отведенном для этих целей земельном участке; создан без получения необходимых разрешений; создан с существенными нарушениями норм и правил [1].

Законодательство предусматривает следующие санкции за самовольное строительство: право собственности на самовольную постройку не возникает; самовольная постройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет; сделки, направленные на распоряжение самовольными постройками, ничтожны.

Самовольная постройка является не только санкцией, но и основанием для приобретения права собственности, частным случаем статьи 218 ГК РФ [2].

Одним из вариантов решения обозначенной проблемы может быть признание права собственности на самовольную постройку в силу приобретательной давности в судебном порядке, что не противоречит закону. При этом действие статьи 222 ГК РФ не распространяется на отношения, возникшие до введения в действие ГК РФ [3].

Легализовать самовольную постройку, возведенную в отсутствие прав на земельный участок, представляется возможным только за собственником земельного участка, на котором возведена постройка. В соответствии с п.3 ст. 222 ГК РФ в случае признания собственником земельного участка права собственности на возведенную на его участке постройку, он возмещает самовольному застройщику расходы на постройку, которые тот понес в размере, определенном судом.

С одной стороны, признание права собственности за лицом, осуществившем самовольное строительство, на не принадлежащем ему земельном участке невозможно с правовой точки зрения. С другой, представляется приемлемым вариант, когда право собственности признается изначально за муниципальным образованием, на чьей территории находится самовольная постройка, с дальнейшим прекращением обязательств возмещения расходов на постройку передачей объекта недвижимости в собственность фактического владельца (зачётом), что возможно с точки зрения гражданского права. В данном случае возникает правовая коллизия в сфере регулирования бюджетного законодательства, что обусловлено статусом муниципального образования. Таким образом, одно из решений обозначенной проблемы лежит в области признания законодателем возможности прекращения обязательств зачётом для субъектов публичной власти и в частности муниципальных образований.

Обозначим условия признания в судебном порядке права собственности на самовольную постройку, созданную в отсутствие необходимых разрешений: сохранение постройки не должно нарушать права и интересы третьих лиц; застройщик предпринимал надлежащие меры к легализации постройки (получению разрешения на строительство и (или) разрешения на ввод объекта в эксплуатацию); отказ уполномоченного органа в выдаче соответствующего разрешения незаконен [4].

Как отмечает Щербаков Н.Б. «надлежащие меры» - меры по форме и содержанию необходимые и достаточные для того, чтобы уполномоченный орган принял единственное решение: о выдаче соответствующего разрешения [5], любые меры, оцененные судом как надлежащие [6].

Другим вариантом разрешения существующей ситуации может являться установление на законодательном уровне правового механизма признания права собственности на самовольную постройку в административном порядке при определенных условиях, а именно: сохранение постройки не должно нарушать права и интересы муниципального образования и третьих лиц; сохранение постройки не должно противоречить документам территориального планирования, градостроительного зонирования и документации по планировке территории соответствующего муниципального образования.

Признание права собственности на самовольную постройку находится не только в сфере интересов лица, осуществившего такое строительство, но и муниципального образования, на чьей территории находится такой объект. Так в соответствии со ст. 15 НК РФ к местным налогам относятся: земельный налог и налог на имущество физических лиц [7].

Правовой механизм признания права собственности на самовольную постройку в административном порядке должен включать следующие стадии: предоставление лицу, осуществившему строительство, на определённом законом праве земельного участка, на котором находится объект самовольного строительства; экспертиза созданного объекта недвижимости на соответствие его требованиям законодательства, а также документам территориального

планирования, градостроительного зонирования и документации по планировке территории соответствующего муниципального образования; признание соответствующего права и его регистрация соответствующими органами. Для реализации данного механизма необходимо законодательное признание за муниципальными образованиями права предоставления земельного участка, на котором расположен соответствующий объект недвижимости, лицу, осуществившему его строительство.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 08дек.
2. Щербаков Н.Б. Самовольная постройка. URL: <http://my.comdi.com/record/68323/?i=516ec5a93c83f345501b3b1c7866c11a> (дата обращения 19.10.2012)
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации». Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»; Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143. - Там же.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143. - Там же.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.03.2011 № 14057/10 по делу N А32-11090/2008-22/116. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 № 117-ФЗ. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

И. Н. Сенин

Омский экономический институт

Правовым менталитетом является исторически сложившаяся, типичная и устойчивая для определенного народа система мировоззренческих представлений и ценностей, определяющих отношение к государственно-правовой действительности.

В конце XX века наше государство оказалось в кризисе. Сейчас необходимо найти оптимальный путь дальнейшего развития государственности

России. Этот выбор должен учитывать правовой менталитет народов, входящих в состав России.

Менталитет любой нации складывается под влиянием ряда условий, в которых протекает ее жизнь. Отечественный правовой менталитет, его особенности, отражаются в обычаях, традициях, способах действовать, выработавшихся в правовой повседневности на протяжении всего исторического существования народа России. Особое место правового менталитета в психологических и идеологических структурах сознания обусловлено социальными, этническими, религиозными, научными, культурными и иными стереотипами людей, самобытностью их включенности в социум. Исходя из этого, может быть сделан вывод о том, что в правовом менталитете общества коренятся исходные этнические и культурно-исторические основы национальной правовой культуры. Как отмечает Р.С.Байниязов, понимание законодателем, правоприменителем сущности правового менталитета делает их юридически значимые действия более обоснованными и поддерживаемыми народным правовым духом, а юридические акты государства более понятными для граждан. Если законодатель не понял правовую душу народа, он получит юридический «бойкот» со стороны правового менталитета.

Учитывая проводимый ныне курс на построение в России демократического общества, предпочтение нередко отдается западной правовой традиции, не совпадающей с российской. Ю.А.Тихомиров полагает, что небольшая территория и высокая плотность населения в западных странах выработали в людях: индивидуализм (отражающий развитие имущественных отношений на основе частной собственности и приоритет личности в государстве); рационализм (определяющий приверженность к формальной регламентации общественных отношений); национализм (позитивное отношение к государству). В российском менталитете, в силу огромной территории страны с суровым климатом и малой плотностью населения, сформировались коллективность, уважение к другим этносам, их идеям, ценностям, но не выработалось стремления к предпринимательству, получению прибыли.

С позиций западной правовой культуры, правовая культура России, отражает дефицит и недооценку права, правовой нигилизм. Правовой нигилизм - состояние индивидуального и группового правосознания, проявляющееся в осознанном полном или частичном отторжении средств правового регулирования, как неспособных обеспечивать достижение целей и интересов субъектов права. Это не удивительно, поскольку Россия и Западная Европа имеют различные политические и правовые ценности. Морально-этические особенности российского правового менталитета, проявляются как система приоритетов:

Чувства над разумом (в постижении действительности, в том числе и правовой)

Содержания над формой (в стремлении к справедливости в праве, а не к формализации норм и правил поведения)

Коллективизма над индивидуализмом (в осуществлении деятельности)

Общего над частным (в определении интересов)
Духовного над материальным (в постановке целей)
Морали над правом (при осуществлении выбора)

Не подвергающаяся сомнению на Западе ценность права, то есть его способность служить целью и средством для удовлетворения социально-справедливых потребностей субъекта, в России никогда в полной мере не признавалась. В.А.Туманов указывает, что подобные «антиправовые установки и стереотипы есть элемент, черта, свойство общественного сознания и национальной психологии». Одной из причин подобного положения стало то, что на протяжении всей своей истории, Россия вынуждена была вести войны с многочисленными врагами. В XVI веке боевые действия длились 43 года. В XVIII веке – 56 лет».

Подчинить делу победы все ресурсы страны, потребовать от народа абсолютной самоотдачи могла только сильная, централизованная, авторитарная власть, ограничивающая формирование гражданского общества и потребность в праве и законе, общем для всех.

Н.А.Бердяев отмечал «противоречивость российского общества, совмещающего в себе два потока мировой истории, его чередующуюся зависимость от восточной и западной культур», что обусловило слабость и неустойчивость общественной системы. По мнению В.И.Костенко, стоящие у истоков государства Киевская Русь, варяги, заложили политическую традицию автономности правящего слоя от общества, порождая антагонизм народной культуры, основанной на обычаях и общинных правовых ценностях с культурой светской, основанной на государственности и законах, предопределяя этим правовой нигилизм. Кроме того, влияние на формирование сложившейся ныне российской правовой культуры оказывали такие факторы, не имевшие места в развитии стран Западной Европы, как принятие византийской ветви христианства, татаро-монгольские завоевания, последовавшая за этим длительная изоляция России от Западной Европы.

Таким образом, в России образовалась не западная либерально-демократическая модель общества, а авторитарно-патерналистическая. Общественная жизнь строилась, исходя из сложившегося мировоззрения людей, живших для государства. Это предопределило формирование правового менталитета, отличающегося от западного.

Следует обратить внимание и на то, что в России не получили приоритета отношения, основанные на частной собственности, что стало тормозом и для развития права и правосознания по западной традиции, а социалистическая революция 1917 года и вовсе ликвидировала частную собственность. «Отмена частной собственности не только не ведет к справедливости, но создаёт систему новых, вопиющих несправедливостей» - писал И.А.Ильин, видевший значение частной собственности в том, что она «воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, возвращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности».

В наши дни осуществляется попытка вернуть отношениям, основанным на частной собственности их подлинное содержание, сформировать слой частных собственников, который стал бы социальной опорой демократического режима, снизив правовой нигилизм в российском правовом менталитете.

Вместе с тем, для этого необходимо, в ходе приобретения и осуществления права собственности, неуклонное следование закону, что не удалось в полной мере обеспечить в ходе приватизации начала девяностых годов прошлого века.

«Как только общество отказалось от авторитарных методов неправового государственного управления и попыталось встать на путь правового государства, так тотчас же дал о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетиями царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка», отмечает В.А.Туманов.

Противодействие правовому нигилизму в настоящее время становится одной из наиболее важных задач российского государства и права, но осуществлять его следует, исходя из особенностей правового менталитета России.

В контексте рассмотренной позиции выступает В.А.Ядов, делая следующие выводы:

В отличие от стабильно трансформирующихся западных обществ с устойчивой экономикой и социально-политической системой, российское общество трансформируется нестабильно. Россия принадлежит цивилизации, отличной от западноевропейской. Поэтому в ней не сложилось гражданское общество, доминируют вертикальные социальные взаимодействия и роль государства в обществе остается решающей. Цивилизационные особенности российского общества определяют патерналистические склонности людей, коллективизм, неприятие индивидуализма, приоритет социальной справедливости. Внутренние, объединяющие общество мобилизационные импульсы к социальным преобразованиям, отсутствуют. Необходим собственный российский путь социальных трансформаций, а не копирование западной модели, в основе которой предполагается наличие гражданского общества и инновативной самодостаточной личности, чего нет в России. Отсюда следует, что российские трансформации могут быть эффективными только при условии высокого авторитета государства, обеспечивающего переход в стабильную фазу социальных преобразований путем создания российской модели социально справедливого общества.

Таким образом, одна из главных особенностей правового менталитета России определяется противоречием между ценностями национальной и западной правовых культур. Хотя в настоящее время и происходит их сближение, полагаем, что идеализировать последнюю и, тем более принимать ее за эталон, не следует. Перенос положительного опыта Запада на российскую почву требует достаточной доли критичности и осторожности. Формирование современной российской правовой культуры должно осуществляться с учетом адаптации привносимого положительного западного опыта к осново-

полагающим, исторически сложившимся ценностям российского правового менталитета.

Литература

1. Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет, / Р.С.Байниязов. - Правоведение.2000. № 2. – С. [31 – 40].
2. Бердяев Н.А. Судьба России. / Н.А.Бердяев. М., 1990.- С.24.Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения./ Ю.А.Тихомиров. М., 1996.- С.[191].
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А.Ильин. Путь к очевидности. М., 1993. С.- [247, 276-277].
4. Иоанн - Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. / Одоление смуты. СПб, 1995. -С.[64].
5. Кожевников В.В. Теория государства и права. / В.В.Кожевников, И.Н.Сенин. - Омск, 2008. - С. [194].
6. Костенко В.И. Политические и правовые институты русской политической культуры. / В.И.Костенко. Омск, 2006. С. – [21].
7. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В.А.Туманов. Государство и право. 1993. №8. С.-[52].
8. Туманов В.А. О правовом нигилизме / В.А.Туманов. Советское государство и право. 1989. № 10. - С.[20].
9. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов / В.А.Ядов. Социология. Хрестоматия для Вуз. М., 2002. С.-[316-327].

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ

А. В. Сигарев

Новосибирский государственный университет

Институт публичных слушаний предусмотрен ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в качестве одной из форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Цель публичных слушаний – обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Публичные слушания проводятся по инициативе населения, представительного органа или главы муниципального образования. В соответствии с законом на публичные слушания в обязательном порядке должны выноситься проекты таких актов, как устав муниципального образования, планы и программы его развития, местный бюджет, правила землепользования и застройки, планировка территорий, а также ряд других важнейших вопросов, касающихся жизни муниципального образования.

Однако на практике нередко встречается формальное отношение к публичным слушаниям со стороны органов и должностных местного самоуправления. В силу того, что Федеральный закон № 131–ФЗ предусматривает обязательное проведение публичных слушаний, они проводятся довольно часто, но нередко наблюдается подмена цели их проведения – вместо объективного обсуждения проблем они используются для формального одобрения заранее определенных решений.

Порядок организации и проведения публичных слушаний регулируется в ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» лишь в самых общих чертах, поэтому ведущую роль в правовом регулировании этого вопроса играют муниципальные правовые акты.

Нами был проведен сравнительный анализ муниципально-правовых актов (положений) о порядке организации и проведения публичных слушаний более пятидесяти муниципальных образований разных субъектов Российской Федерации с целью выявления типичных проблем правового регулирования данного института и поиска путей его совершенствования.

Первая проблема связана с формированием и составом оргкомитета по проведению публичных слушаний. Этот вопрос обычно не регулируется в положениях о публичных слушаниях, между тем он весьма важен. Если оргкомитет формируется целиком из муниципальных служащих (что обычно и бывает), то с большой вероятностью можно предположить, что на слушаниях будет преобладать позиция муниципалитета.

Вторая проблема касается определения перечня лиц, приглашенных для участия в публичных слушаниях. Это достаточно важный вопрос, от решения которого также в значительной степени зависит исход мероприятия. Данная проблема тоже обычно не затрагивается в муниципальных правовых актах о публичных слушаниях. Поэтому в положениях о публичных слушаниях целесообразно закрепить норму о том, что при определении круга лиц, приглашенных для участия в публичных слушаниях, оргкомитет должен исходить из принципа плюрализма мнений по обсуждаемому вопросу.

Третья проблема связана со временем проведения публичных слушаний. В положениях разных муниципальных образований по этому вопросу есть две различных позиции: либо публичные слушания проводятся только в рабочее время, либо допускается их проведение во вне рабочее время. Выбор той или иной позиции связан с тем, для кого это время должно быть удобно – для служащих органов местного самоуправления или для граждан. Представляется, что публичные слушания проводятся именно для граждан, поэтому более правильно проводить их во вне рабочее время или в выходной день.

Четвертая проблема связана с определением круга участников публичных слушаний. Достаточно оригинальные нормы можно найти в Положении о публичных слушаниях города Новосибирска: «Участниками слушаний, получающими право на выступление по проекту, вынесенному на слушания, являются эксперты и жители города Новосибирска, предложения которых по

проекту, вынесенному на слушания, соответствуют требованиям, установленным настоящим пунктом, и поступили в Оргкомитет в письменной форме не позднее 5 дней до дня проведения слушаний. Предложения по проекту должны быть оформлены по форме согласно приложению 2 к настоящему Положению и соответствовать Конституции Российской Федерации, законодательству Российской Федерации, Новосибирской области, общепринятым правилам и нормам русского языка, не допускать нарушения внутренней логики проекта, обеспечивать однозначное толкование положений проекта».

Получается, что гражданин, желающий просто выразить свое мнение по обсуждаемому проекту, но не имеющий глубоких юридических знаний и навыков написания юридических текстов, не может быть участником публичных слушаний. Представляется, что это явно избыточные, надуманные требования, затрудняющие участие граждан в публичных слушаниях.

Наконец, пятая проблема связана с итогами публичных слушаний. По результатам проведения публичных слушаний должен быть подготовлен итоговый документ (рекомендации, заключение). Однако вопрос о том, как «рождается» этот документ, обычно в положениях не раскрывается. Как следствие, на практике нередки случаи, когда по итогам слушаний оргкомитет составляет заключение, не отражающее весь спектр выраженных мнений (отражающее лишь «нужное» организатору мнение). В этом случае публичные слушания просто теряют смысл, теряется и доверие граждан к этому институту. Чтобы не допустить этого, в положении о публичных слушаниях следует указать, что заключение должно отражать в обобщенном виде позиции всех участников.

Таковы лишь некоторые проблемы. Проведенный сравнительно-правовой анализ положений о публичных слушаниях позволяет сделать вывод о достаточно низком качестве правового регулирования этого института на муниципальном уровне. Многие принципиально важные вопросы, напрямую определяющие эффективность публичных слушаний, оказываются вне поля правового регулирования. Для того, чтобы превратить публичные слушания в работающий механизм диалога органов местного самоуправления и населения, предстоит проделать еще достаточно большую работу.

ПОНЯТИЕ «САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

В. Ю. Скоробогатов

Высшая школа экономики (Москва)

Перед современной правовой наукой стоит ряд важных теоретических и практических задач. Одной из них является определение понятия «саморегулирование» применительно к праву.

Трудность решения этой задачи заключается в том, что в гуманитарных и социальных науках существует множество точек приложения данного понятия. Не является исключением и юридическая наука.

Широкое использование понятия «саморегулирование» за последнее время во многом связано с тем, что, начиная с 90-х годов прошлого века, в России существенно изменились основы жизни общества: государство теперь играет иную роль, чем это было несколько десятков лет тому назад. Налицо снижение присутствия государства не только в экономике, но и во всех областях социума. Идеологический вектор направился в сторону индивидуальных ценностей, что предполагает усиление самоуправленческих начал. Даже на первый взгляд саморегулирование ассоциируется со стратегией, противоположной той, которая определяла жизнь страны на протяжении большей части XX в. Саморегулирование, как правило, ставится в один ряд с такими понятиями как свобода, самоуправление, самоорганизация, демократия. Саморегулирование мыслится через самостоятельность субъектов, берущих на себя ответственность за собственные действия, свободных от вмешательства внешней, часто некомпетентной силы, искажающей своими действиями нормальный ход жизни. Провозглашается «путь на саморегулирование» как принцип реформ и трансформаций, заранее наделяемых благотворной силой. Иными словами, саморегулирование противопоставляется внешнему регулированию, и в этом ключе нашло широкое употребление.

Однако саморегулирование это еще, или даже прежде всего, понятие, которое является базовым свойством системы, заключающееся, главным образом, в способности права сохранять свою жизнеспособность и качества целого.

С точки зрения системного подхода о саморегулировании применительно к праву говорят в меньшей степени. Проблема системы права в юридической науке поставлена относительно давно, однако свойства саморегулирования права до последнего момента не стали предметом самостоятельных исследований. Хотя почин для этого сделан немалый: представители западной социальной науки, такие как Т. Парсонс [1], Ю. Хабермас [2], Н. Луман [3], Г. Тойбнер [4], внесли значительный вклад в изучение свойств саморегулирования социальных систем.

В самом общем виде мы можем выделить, по крайней мере, два варианта понимания саморегулирования.

Во-первых, это специфический способ, когда саморегулирование понимают буквально, т.е. регулирование, независимое от другого, внешнего регулирования. Например, в психологии этим другим может быть врач, поэтому под саморегулированием здесь понимается самостоятельное регулирование пациентом своих психических процессов и состояний. В экономике этим другим, как правило, является государство, поэтому под саморегулированием здесь понимается рыночная экономика, свободная от искажений в виде регулирующего воздействия государства. В теории систем самоорганизация будет представлять собой спонтанный порядок, возникающей без специфиче-

ского регулирующего воздействия со стороны других систем. Саморегулирование рассматриваемое в данном смысле охватывает различные варианты упорядочения общественных отношений, общим признаком которых является осуществление регулирования за рамками правовой системы. Данное понимание саморегулирования охватывает индивидуальное регулирование, правила саморегулируемых организаций и самоуправляющихся единиц [5]. Таким образом, саморегулирование рассматривается в оппозиции к любому внешнему (публичному) регулированию. Но это только один из возможных способов понимания саморегулирования.

Во-вторых, с точки зрения системного подхода, саморегулирование представляет собой способность объекта сохранять свою целостность и свойства системы. Именно в этом значении саморегулирование является междисциплинарным понятием, которое стало широко применяться в науке, начиная со второй половины XX в., хотя, и здесь мы солидарны с П.О. Лукшой, «значимость целостной теории самовоспроизводства еще во многом недооценивается научным сообществом» [6, с. 58].

Данный подход позволяет рассматривать саморегулирование как процесс, протекающий в самом праве. Саморегулирование мыслится как способность права сохранять свою целостность. Этот подход выгодно отличается от предыдущего тем, что саморегулирование не противопоставляется праву и государству, а рассматривается как свойство самого права. В силу свойства автономности, причина саморегулирования – в самой системе, а не во внешней среде (другой системе). Грубой методологической ошибкой является противопоставление государства обществу, когда в первом видится исключительно государственный аппарат, а не «публично-властным образом интегрированное, организованное общество» [7, с. 100].

Внешний аспект права, который может быть представлен, например, институциональным нормативным порядком [8], не исчерпывает всего многообразия правовой реальности. Аспектом права является также саморегулирование. Саморегулирование применительно к изучению права может использоваться не только как отличное от государственного (или иного публичного) регулирования, но и как понятие, характеризующее свойство правовой системы сохранять свою жизнеспособность, качества целого.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
2. Habermas J. Theory of communicative action. Vol. 1. Boston, 1981.
3. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.
4. Teubner G. Juridification of Social Spheres: a comparative analysis in the areas of labor, corporate, antitrust and welfare law. Berlin, N.Y., 1987.
5. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал Российского права. 2005. № 9.
6. Лукша П.О. Самовоспроизводство в эволюционной экономике. СПб., 2009.

7. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5.

8. MacCormick N. Norms, Institutions, and Institutional Facts // *Law and Philosophy*. 1998. Vol. 17. № 3.

О КОРРУПЦИОГЕННЫХ РИСКАХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ (МУНИЦИПАЛЬНЫЕ) УСЛУГИ

Е.-Д. С. Третьякова

Новосибирский государственный технический университет

Злоупотребление должностными полномочиями и взяточничество являются наиболее типичными проявлениями коррупции. Такие деяния подтачивают основы государственной власти и управления, дискредитируют и подрывают авторитет власти в глазах населения. Миллионы человек в год обращаются в качестве заявителей в органы публичной власти для получения различных услуг. Опыт обращения в органы публичной власти за получением публичных услуг становится для простого человека мерилom качества работы органов власти.

В настоящее время на федеральном уровне не разработан классификатор функций, выполняемых государственными и муниципальными служащими в процессе предоставления государственных (муниципальных) услуг. Конкретные функции отражаются в должностных регламентах (инструкциях) государственных и муниципальных служащих. Должностные регламенты (инструкции) должны соответствовать конкретным административным регламентам предоставления услуг того или иного органа государственной власти или местной самоуправления. Также необходимо «анализировать и совершенствовать структуру услуги в рамках каждой отдельной отрасли» [1].

Функции, выполняемые государственными и муниципальными служащими в процессе предоставления государственных (муниципальных) услуг, возможно, классифицировать по различным основаниям. В рамках общегосударственной задачи противодействия коррупции, предлагается следующая классификация. В частности, по степени коррупциогенности или коррупционному риску, которому подвержен процесс выполнения служащим конкретной функции выделяются: 1) высокие риски; 2) низкие риски.

Под степенью коррупциогенности и уровнем коррупционного риска следует понимать не что иное как величину опасности возникновения и существования коррупционных проявлений в деятельности отдельных должностных лиц (служащих органа государственной власти или местного самоуправления) и всего ведомства в целом, способных нанести вред как репутации дан-

ного органа, так и, в целом, процессу предоставления государственных и муниципальных услуг (функций).

При вычислении данных рисков необходимо руководствоваться положениями Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], а так же законодательством конкретного субъекта Российской Федерации (например, Законом Новосибирской области от 27 апреля 2010 г. № 486-ОЗ «О мерах по профилактике коррупции в Новосибирской области» [3]), а так же иными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность в сфере борьбы с коррупцией.

В случаях, когда специалист наделяется правом на выполнение каких-либо альтернативных действий или действий, перечень которых открыт (как, например, решение о предоставлении услуги или об отказе в ее предоставлении), или же действовать по своему усмотрению, степень коррупциогенности велика. Также значительно выше она в любых случаях, когда должностное лицо может существенно повлиять на процесс предоставления услуги, как в плане принятия управленческих решений, так и в плане соблюдения установленных сроков. Так же велики коррупционные риски в случаях, когда государственный или муниципальный служащий выполняет функции, связанные с распределением финансовых средств, предназначенных для обеспечения деятельности ведомства.

Степень коррупциогенности несколько ниже, когда действия конкретного служащего легко обжаловать внутри отдельно взятого ведомства, когда затруднительно воспользоваться своим положением для извлечения личной выгоды, для вымогательства взятки. Это затруднительно сотруднику, работающему с документами или отвечающему на звонки.

Таким образом, чем более примитивна функция, тем меньше коррупциогенность. Так, например, низкими коррупционными рисками сопровождается сугубо техническая деятельность и низшая административная деятельность ряда сотрудников. Там же где качество предоставления услуги может варьироваться или когда служащий, выполняя ту или иную функцию, наделяется правом принимать решения, там степень коррупционного риска существенно выше.

Литература

1. Е.В. Раздьяконова. Правовое содержание государственного задания в деятельности государственного (муниципального) учреждения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 1. – С. 181.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ: в ред. Федерального закона от 21 ноября 2011г. № 329-ФЗ // Российская газета. – 2008. – № 266. – 30 декабря.
3. О мерах по профилактике коррупции в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 27 апреля 2010 г. № 486-ОЗ // Советская Сибирь. – 2010. – № 78-79. – 30 апреля.

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ВЫПЛАТЫ ДИРЕКТОРУ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: КОЛЛИЗИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

О. С. Филиппова

Омский экономический институт

В юридической литературе в последнее время активно обсуждается тема выплаты компенсаций («золотых парашютов») директору хозяйственного общества в случае досрочного расторжения с ним трудового договора или в иных случаях. Мнения ученых и правоприменителей по этому вопросу разнятся в зависимости от того, кто какой норме права, - гражданского или трудового, «отдает предпочтение». Американский термин «золотой парашют» (golden parachute) применяется к заключенному между акционерным обществом и топ-менеджером соглашению, предусматривающему значительные денежные выплаты в случае смены собственника или досрочного прекращения полномочий [1]. Такое условие выступает для руководителя высшего звена определенной гарантией финансовой гарантией на случай расторжения трудового договора при смене собственника.

В соответствии со ст. 279 Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ) в случае прекращения трудового договора с руководителем организации в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о прекращении трудового договора при отсутствии виновных действий (бездействия) руководителя ему выплачивается компенсация в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка [2].

Конституционный суд Российской Федерации пришел к выводу, что целевое назначение подобной выплаты состоит в том, чтобы в максимальной степени компенсировать увольняемому лицу неблагоприятные последствия, вызванные потерей работы. Размер компенсации может определяться с учетом времени, остающегося до истечения срока действия трудового договора, тех сумм (оплаты труда), которые увольняемый мог бы получить, продолжая работать в должности руководителя организации, дополнительных расходов, которые он, возможно, вынужден будет понести в результате досрочного прекращения договора и т.п. [3].

Размер «золотого парашюта» может составлять значительную часть от имущества общества и подпадать под критерии крупной сделки. В связи с этим возникает два взаимосвязанных вопроса: какое законодательство применять (трудовое или гражданское) и в какой суд обращаться. В настоящее время в практике не решен вопрос о подсудности споров, связанных с включением в трудовой договор условий о компенсациях увольняемому, существенно влияющих на имущественное положение общества и на права участников (акционеров) данного общества. Суды общей юрисдикции принимали дела к своему производству, руководствуясь ст. 22 Гражданского процессу-

ального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) [4], в основном принимают решения в пользу работников[5].

Позиция арбитражных судов в рассматриваемом вопросе не столь однозначна.

С одной стороны, суды отказывают в применении к соглашениям о «золотых парашютах» правил, регулирующих крупные сделки или сделки с заинтересованностью, поскольку трудовой договор не является гражданско-правовой сделкой, и применение по аналогии норм гражданского права к трудовому не допускается [6]. С другой стороны есть пример из судебной практики, когда к крупным сделкам было отнесено условие трудового договора с директором, предусматривающее, что в случае досрочного расторжения трудового договора ему должна быть выплачена компенсация, составляющая 81,73 процента активов общества [7]. Суд, признавая трудовой договор недействительной сделкой, исходил из того, что он должен был заключаться с соблюдением требований законов о хозяйственных обществах к крупным сделкам.

Специалисты в области корпоративного права предлагают учитывать нормы корпоративного законодательства при заключении трудовых договоров и предварительного одобрять трудовые договоры как крупные сделки и сделки с заинтересованностью [8].

Следует согласиться с этой позицией. Отчуждение имущества возможно не только посредством совершения гражданско-правовых сделок. Заключая трудовой договор с условием выплаты части имущества общества при его досрочном расторжении создается потенциальная возможность отчуждения имущества в будущем, что подпадает по определению крупной сделки, - «сделки, связанной с отчуждением или возможностью отчуждения 25% балансовой стоимости активов общества...». Не должно иметь значения как будет отчуждено имущество – посредством гражданско-правовой сделки или через заключение трудового договора. Основная задача и предназначение института ограничения полномочий единоличного исполнительного органа – не допустить распоряжения значительными активами общества без согласия участников (акционеров) общества.

Следует отметить, что в соответствии с абз.3 п. 3 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту ФЗ Об АО) [9] на отношения между обществом и единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) и (или) членами коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции) действие законодательства Российской Федерации о труде распространяется в части, не противоречащей положениям ФЗ Об АО. Аналогичную норму следует ввести и в отношении обществ с ограниченной ответственностью. Статью 40 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – ФЗ Об ООО) [10] следует дополнить п. 5 в соответствии с которым «на отношения между обществом и единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) действие законодательства Российской Федерации о труде рас-

пространяется в части, не противоречащей положениям настоящего Федерального закона. В соответствии со ст. 5 ТК РФ если вновь принятый федеральный закон, содержащий нормы трудового права, противоречит ТК, то этот федеральный закон применяется при условии внесения соответствующих изменений в ТК. Соответственно, ст. 279 ТК РФ следует дополнить п. 2 следующего содержания: «В случае, если условие о компенсации отвечает признакам крупной сделки или сделки с заинтересованностью, оно должно быть одобрено уполномоченным органом в порядке, предусмотренном законодательством».

Таким образом, поскольку трудовой договор может содержать условие об отчуждении значительной части имущества общества в пользу лица, с которым такой договор заключен, его следует одобрять как крупную сделку до его заключения. В случае отсутствия такого одобрения трудовой договор может быть признан недействительным по иску общества или акционера (участника). Следует признать, что крупными сделками могут являться не только гражданско-правовые сделки, но и трудовые соглашения. Институт крупных сделок – это межотраслевой институт, нормы которого непосредственно влияют на действительность не только гражданско-правовых, но и трудовых договоров.

Литература

1. Golden Parachute//www.nolo.com/dictionary/golden-parachute-term.html (Дата обращения 15.09.2012 г.).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ// СЗ РФ от 7 января 2002 г. № 1. (часть 1) Ст. 3.
3. Абз. 3 п. 4.2. постановления Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан»//СПС Гарант.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ// СЗ РФ.2002. № 46. Ст. 4532.
5. Постановление Областного суда Свердловской области от 15 сентября 2009 г. по делу № 33-9666/2009// Практика Свердловского областного суда http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=9&id=43&page=1 Кассационное определение Костромского областного суда от 10.11.2008 г. по делу № 33-1199// <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online>. cgi?req=doc;base=RLAW265;n=22174.
6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.05.2010 г. по делу № А56-41721/2007//СПС Гарант.

7. Постановление от 17 апреля 2010 года по делу № А11-2685/2007-К1-10/129 [Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2009 г. № А65-10826/2008.

8. Шиткина И.С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа//Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 7; Голованова И. Золотые парашюты. //Корпоративный юрист. № 4. апрель 2009.//СПС Гарант.

9. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» //СЗ РФ.1996. №1.Ст.1

10. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» //Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю. Г. Шумскис

Омский экономический институт

Демократические преобразования, проводимые в Российской Федерации, привели к необходимости поиска новой модели организации государственной власти. Основой такой модели стал общепризнанный в современном мире принцип разделения властей, а также введение в стране института президентской власти.

И.Д. Хутинаев с целью определения понятия институт президентства проводит анализ более широкого понятия — социальный институт, в пределах которого вычлняются институты различных видов, в том числе и правовые. Институт президентства - один из них. Он является предметом исследования разных отраслей общественных наук, в которых сложились различные подходы к самому понятию Президент, а, следовательно, и различные акценты в его содержательной характеристике. Б.П. Елисеев определяет институт президентства как интеграционный правовой институт, цель которого состоит в согласовании деятельности институтов государственной власти [1, С. 26].

Другие авторы рассматривают суть института президентства как систему норм, которые направлены на регулирование процесса выборов президента, его полномочий и функциональных обязанностей и все остальные аспекты исполнения им властных полномочий [5, С. 13-16].

Т. Э. Каллагов определяет институт президентства как «совокупность властных полномочий президента в сфере государственного управления, основанных на конституционных нормах, регулирующих функционирование президентской власти» [3, С. 27].

Особый интерес представляет анализ понятий «институт президентства» и «правовой статус президента», проведенный И.Д. Хутинаевым. Он отмечает

первичность института президентства и его большой объем нормативного содержания по сравнению с правовым статусом президента. В отличие от последнего институт президентства определяет не только функционирование, но и избрание президента. На этом основании делается вывод о том, что правовой статус является частью правового института, определяющего президентскую деятельность [3, С. 28].

Другой подход использует М. А. Краснов, который считает, что президентство, как и абсолютная монархия, представляет собой воплощение идеи «отцовства»: как и монарх, президент по сути выполняет функцию «отца нации» [7, С. 33].

Очень важным для понимания сущности института президентства является определение основных черт, характеризующих данный институт. Б.П. Елисеев выделяет следующие: президент является выборным главой государства, который может возглавлять исполнительную власть или быть арбитром в системе разделения властей; в организационном аспекте. Президент никому не подчинен и, вообще, обладает высокой степенью независимости от каких-либо других государственных органов, что не снимает с него обязанности действовать на основе и во исполнение законов; пост Президента имеет ярко выраженный политический характер. Ему принадлежит важная роль в формировании политики государства, верховного политического руководства государственными делами [2, С. 17].

При этом, несмотря на высокую степень разработанности научного аппарата в области исследования президентства, в научной литературе при характеристике президентства за рубежом используется термин «институт президентства», а когда речь идет о России – «институт президента». По мнению Елисеева, использование второго термина не совсем правомерно, поскольку, во-первых, является отступлением от общепринятой научной терминологии, а во-вторых, не в полной мере отражает сущность данного института [1, С.27]. Президентство включает не только Президента как высшее должностное лицо в государстве, но и: конституционные нормы, регулирующие функционирование президентской власти, прецеденты, возникшие в результате конституционной практики; реальный объем полномочий, сложившийся в результате соотношения политических сил в государстве; структурные подразделения, обеспечивающие работу Президента.

Институт президентства в России возник в последние годы существования Советского Союза, и укрепился в ходе борьбы Президента Ельцина с Верховным Советом РСФСР в начале 90 - х годов и стал основным стержнем исполнительной ветви власти в последующие годы этого десятилетия. А с начала нового века — в годы правления Владимира Путина — институт президентской власти окреп настолько, что стал влиять на все аспекты политической жизни страны.

Наиболее противоречивые положения Конституции РФ, принятой в декабре 1993 года, содержатся в тех ее разделах, которые связаны с институтом президента. Как известно, принятие новой российской Конституции, при-

званной заменить старую и много раз изменяемую новыми поправками «брежневскую» Конституцию СССР 1977 года, равно как и ее аналог для РСФСР от 1978 года, проходило в самый разгар острейших политических конфликтов по поводу институционального устройства новой независимой России. Впервые в российской истории в основном законе страны была предпринята серьезная попытка определить параметры государственной власти, а стало быть, и провести четкие границы ее полномочий. Проблема, однако, состояла не в том, что Конституция не включала в себя принцип разделения властей, а в том, что это разделение явно оказалось несбалансированным.

Российская «полупрезидентская» Конституция, смоделированная по французскому образцу, очень близка «президентско-парламентскому» типу смешанного государственного режима, который считают наиболее нестабильным. Правительство возглавляется премьер-министром, однако значительная часть министров, прежде всего силовых, ответственны непосредственно перед Президентом. Конституция 1993 года дает Президенту исключительное право делать назначения в правительстве, подписывать и обнародовать федеральные законы и формулировать политический курс. Президент России — единственная должность, на которую избирается один из кандидатов общим голосованием граждан РФ. Первый президент России был избран в 1991 году сроком на 5 лет. В Конституции РФ 1993 года срок полномочий президента был сокращён до 4 лет. Однако согласно п.3 Заключительных и переходных положений Конституции президент Ельцин осуществлял полномочия до истечения срока, на который он был избран (то есть до 1996 года). В соответствии с изменением Конституции, вступившим в силу 31 декабря 2008 года, начиная с выборов 2012 года, Президент Российской Федерации избирается на шестилетний срок [10].

Из всего сказанного сформулируем следующие выводы. Институт президентства существует в России еще очень недолго, но с момента его создания вызывает непрерывные дискуссии. Российский институт президентства в его современном виде имеет как сторонников, так и противников. Вся деятельность Президента, в какой бы сфере она ни осуществлялась, в конечном счете, должна быть направлена на охрану Конституции, обеспечение ее неукоснительного действия. Особо важной является задача создания такого правового режима, при котором ни один орган государства, ни одно должностное лицо не нарушали бы Конституции, не принимали противоречащих ей правовых актов, и не нарушали прав и свобод личности и гражданина. Нынешний институт президентства можно и нужно рассматривать в историческом контексте и брать не только последние 15 лет, а посмотреть на институт президентства как на систему управления страной. Коренным образом поменялось содержание управления в 1917 году, так же, как в 1991 году. Опасность нынешней системы управления в том, что вся система безопасности замыкается на одного-двух человек и при смене одного человека коренным образом меняется все, государство разваливается. В институте президентства много не-

совершенств. Что-то другое предлагать – это коренным образом ломать страну. Россия должна быть самобытной, управляться по собственной концепции управления, не поворачиваться в сторону Запада. Мы не должны слепо руководствоваться западным опытом и не должны копировать западные и восточные институты управления. Институт президентства не только должен осуществлять контроль над чиновничеством, концентрирующимся в округах, но должен развивать гражданско-патриотическую идеологию. Нужны новые законы, новая информационная политика России, развитие этой политики в СМИ.

Литература

1. Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2005. С. 26.
2. Дегтев Г.В. Некоторые теоретические закономерности становления института Президентства на современном этапе // Государство и право, № 2, 2005.
3. Каллагов Т. Э. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 27.
4. Козин В.И. Роль института Президентства в государственно-правовом реформировании СССР // История государства и права. Федеральный журнал, № 3, 2003.
5. Конджакулян К. М. Сущность института президентства в Российской Федерации и Республике Армения в контексте исполнительной власти // Конституционное и муниципальное право, № 10, 2010. С. 13-16.
6. Конституция Российской Федерации: Принята референдумом Российской Федерации 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
7. Краснов М. А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Гражданское общество и правовое государство, № 6, 2008. С. 33.
8. Миронов Н.М. Становление института Президента Российской Федерации (1991 – 1993 гг.) // Конституционное и муниципальное право, № 5, 2004.
9. Фартышев В.И. Последний шанс Путина. Судьба России в XXI веке. – М.: Вече, 2004.
10. Федеральный конституционный закон от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий президента Российской Федерации и Государственной думы» // Российская газета от 31 декабря 2008 года.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т. О. Чистанов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Республика Хакасия)

На сегодняшний день проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) остается неразрешенной. Часть ученых придерживается точки зрения о недопустимости признания результатов ОРД доказательствами (Доля, 2007). Другие выступают за признание их одним из видов доказательств, посредством внесения соответствующих изменений в УПК РФ (Бозров, 2004).

Значимость результатов ОРД в уголовном судопроизводстве невозможно переоценить. В значительной степени это обусловлено тем, что обеспечение успешного производства уголовному делу лишь уголовно-процессуальными средствами и методами в современных условиях зачастую оказывается очень сложным, а порой невозможным. ОРД дает ряд преимуществ, для правоохранительных органов, перед преступным сообществом, в частности ОРД обеспечивает эффект неожиданности, возможность применения агентурного метода, осуществление ОРМ в условиях строгой конспирации.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не устанавливает процессуальный порядок введения результатов ОРД в уголовное судопроизводство; результаты ОРД как отдельный источник доказательства в части 2 статьи 74 УПК РФ не назван. Доказательства в уголовном судопроизводстве должны быть построены с соблюдением обязательных требований: допустимость, достоверность, достаточность, относимость. Соблюдение этих требований возможно только в том случае, когда они были введены в уголовное судопроизводство установленными УПК РФ правилами проведения следственных действий и фиксации их результатов. На ряду с этим, необходимо отметить, что ОРД проводится, ненадлежащими субъектами уголовно-процессуальной деятельности; проведение ОРМ осуществляется в соответствии с ФЗ РФ «Об ОРД», при этом, правила и методы их проведения отличаются, а порой и противоречат процессуальным правилам производства следственных действий, предусмотренных УПК РФ. Очевидно, что результаты ОРД не могут отвечать требованиям допустимости, предъявляемым к доказательствам, и, поэтому не могут использоваться в доказывании по уголовному делу, как недопустимые доказательства, предусмотренные частью 3 статьи 75 УПК РФ. Содержание статьи 89 ("Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности") УПК РФ фактически исключает возможность использования в доказывании результатов ОРД. В соответствии с комментариями статьи 89 УПК РФ Профессора Лебедева В. М. результаты ОРД не могут представлять собой доказательства, хотя и могут содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Лебедев В. М. определяет

различное назначение информации, полученной в результате проведения ОРМ и данных, полученных в ходе проведения следственных действий.

Результаты ОРД не являются доказательствами, но могут служить основой для формирования доказательств в уголовном процессе, то есть выступать сведениями об источниках тех фактов, которые были получены с соблюдением требований ФЗ РФ «Об ОРД». Результаты ОРД могут стать доказательствами только после закрепления их в установленном процессуальным законом порядке.

В настоящее время порядок представления результатов ОРД для использования их в процессе доказывания по уголовным делам достаточно полно регламентирован межведомственной Инструкцией о порядке представления результатов ОРД дознавателю, следователю, прокурору или в суд, утвержденной совместным приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апреля 2007 года № 368/185/164/481/32/184/97/147.

Значение процедуры представления результатов ОРД заключается в передаче субъекту уголовно-процессуальной деятельности конкретных оперативно-служебных документов в установленном законодательством Российской Федерации и ведомственным нормативным актом порядке. Представленные материалы после их проверки: определения достоверности, относимости и допустимости для уголовного судопроизводства, могут служить основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также могут быть приобщены к материалам уголовного дела и использованы в доказывании в соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

Констатируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что современное российское законодательство в области применения и использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве требует ряд качественных изменений и дополнений. Для единого понимания закона и его применения необходимо совершенствовать процедуры вхождения в уголовный процесс результатов ОРД, т.е. информации, полученной с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Необходима четкая систематизация уголовно-процессуального законодательства, устранения коллизий УПК РФ и ФЗ РФ «Об ОРД».

Литература

1. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности - статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4
2. Васичкин А.А. Следственные действия: курс лекций// Абакан ГОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2010 – 200с.
3. Доля Е.А. «Формирование доказательств на основе оперативно-розыскной деятельности»//Монография М.: Проспект, 2009
4. Лебедев В. М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. 3-е издание(постатейный)

5. Приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСКН России, Минобороны России № 368/185/164/481/32/184/97/147 от 17 апреля 2007 года
6. Ротар И.А. «Проблема легализации результатов ОРД в уголовном судопроизводстве» МФ МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2012
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в ред. ФЗ от 6 декабря 2011г. №408-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. №419-ФЗ, 420-ФЗ)
8. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 28.12.2010) "Об оперативно-розыскной деятельности"

О МЕХАНИЗМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Г. Н. Чекачкова

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В уголовном судопроизводстве практически по каждому делу необходимо назначение и производство экспертиз, при которых существенно затрагиваются права участников уголовного процесса, и, как следствие, права личности, особенно, если исследование проводится в отношении живых лиц, поэтому должен предусматриваться соответствующий правовой механизм, обеспечивающий гарантии законности ограничения этих прав.

На наш взгляд, первоначально необходимо четко определить цель уголовного процесса и его задачи. Исходя из смысла статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нам представляется возможным сформулировать задачу уголовного судопроизводства как обеспечение прав личности, в каком - либо качестве вовлеченной в уголовное судопроизводство, путем установления процессуального режима осуществления уголовного судопроизводства в режиме абсолютной регламентации всех процессуальных действий. И до тех пор, пока задача уголовного судопроизводства будет оставаться на уровне декларативных лозунгов, трудно будет обеспечить права личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, в частности и при назначении и производстве экспертизы.

Давая понятие механизма обеспечения прав личности и определяя его элементы, необходимо затронуть достаточно хорошо известную проблему, которая заключается в том, что не все субъекты уголовного судопроизводства наделены одинаковыми процессуальными правами. Одним из примеров является, прежде всего, свидетель, который при назначении и производстве судебной экспертизы наделен в меньшей степени правами, чем, скажем, обвиняемый или подозреваемый. Таким образом, одним элементом структуры

механизма конституционно-правового обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве является статус участника уголовного судопроизводства.

Рассматривая далее структуру механизма конституционно-правового обеспечения, на наш взгляд, необходимо включить такой элемент как лица, которые наделены определенными полномочиями (субъекты уголовного судопроизводства), то есть те, которые осуществляют производство по делу, назначение и производство экспертизы, то есть следователь, судья и эксперт. Нельзя не согласиться с тем, что именно от них зависит степень обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что принимая решения о назначении экспертизы или производя ее, лицо должно нести полную ответственность за свои действия, за их законность и обоснованность. Проблема ответственности за надлежащее исполнение обязанностей в сфере уголовного судопроизводства закономерна так же, как и в других сферах государственной деятельности.

Сама по себе регламентация правового статуса субъектов уголовного судопроизводства не решает вопросов конституционного обеспечения прав личности, участвующей в уголовно - процессуальных отношениях. Поэтому следующим элементом конституционно-правового механизма обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве являются гарантии, или лучше сказать, система гарантий. Гарантии прав и интересов участников уголовного судопроизводства должны рассматриваться как способы и средства, направленные на реализацию прав. Среди уголовно-процессуальных гарантий особое место принадлежит конституционным положениям, выступающим в уголовном процессе в качестве его принципов, основных начал уголовного судопроизводства.

Реальность обеспечения прав участников уголовного судопроизводства возможна лишь при условии четко регламентированной процедуры производства по уголовным делам. Процессуальная форма всегда рассматривалась как важнейшая гарантия правосудия и как гарантия прав личности. Не стала исключением и сфера использования специальных знаний при расследовании преступлений.

Правосудие как еще один способ обеспечения прав и свобод человека и гражданина является достаточно весомой гарантией в системе средств обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в сфере уголовного судопроизводства. Это можно утверждать потому, что осуществление рассмотрения уголовного дела в условиях гласности; непосредственности, состязательности, жестко регламентированной процедуры, обеспечивающей последовательность этапов производства по делу и соблюдение требования полноты, всесторонности и объективности исследования всех обстоятельств дела, в том числе, и заключения эксперта - основа конституционно-правового обеспечения прав личности.

В теории уголовного процесса проблемы ответственности разрабатывались в различных аспектах, однако поскольку речь идет о четком определе-

нии круга обязанностей участников уголовного судопроизводства, независимо от занимаемого ими положения, то совершенно очевидна необходимость разработки механизма ответственности - важнейшей гарантии, обеспечивающей исполнение обязанностей.

Таким образом, под механизмом конституционно-правового обеспечения прав личности при назначении и производстве судебной экспертизы следует понимать такую систему правовых средств и методов, которая включает в себя определение трехступенчатой задачи уголовного судопроизводства, регламентацию правового статуса участника уголовного судопроизводства, закрепление гарантий, реально обеспечивающих права личности при использовании института судебной экспертизы, а также наличие и строгое соблюдение процессуальной формы.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве может быть достигнуто только лишь путем использования целого ряда правовых средств, в том числе, в рамках реализации механизма обеспечения прав личности при назначении и производстве судебной экспертизы.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ПРАВООЩИТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Р. Ю. Шульга

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ

Ключевым элементом и гарантом демократии остаётся способность граждан получать информацию и контролировать своё правительство. Такой контроль может быть действенным только при наличии определённых правовых механизмов.

Гражданский контроль, основывающийся на конституционных принципах непосредственного осуществления народом своей власти и свободы деятельности общественных объединений, призван обеспечить прозрачность всех уровней и институтов публичной власти, повысить эффективность деятельности государственных и муниципальных органов, противостоять злоупотреблениям, коррупции и произволу и тем самым служить гармонизации отношений между гражданским обществом и государством.

Первой попыткой институционализации гражданского контроля и реального участия в его проведении представителей правозащитных организаций стало принятие Федерального закона Российской Федерации от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [2]. Однако несмотря на то, что Феде-

ральный закон действует более 4 (четырёх) лет ситуация с соблюдением прав человека в местах лишения свободы кардинальным образом не изменилась (до сих пор не соблюдаются международные нормы по жилой площади на одного заключённого; продолжают умирать даже не осуждённые в следственных изоляторах из-за неоказания медицинской помощи; не прекращаются пытки).

Возможность проведения гражданского контроля также предусматривается в избирательном законодательстве и Федеральном законе «Об охране окружающей среды» [4] (ст. 68), однако не с достаточной полнотой. Специфика контроля общественных объединений за соблюдением прав и законных интересов граждан при оказании психиатрической помощи отражена в Законе Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» [1] (ст. 46).

Действенный гражданский контроль над соблюдением прав человека со стороны властных органов, помимо юридических гарантий, возможен в том случае, если неправительственные организации не получают финансовую поддержку от собственного государства, сохраняя независимый характер деятельности. Такие неправительственные организации могут и должны работать на любые средства любых государств, кроме как на средства своего собственного государства, обеспечивая тем самым подлинную независимость.

Неправительственные организации обладают тем уникальным экспертным знанием в определённой сфере, что позволяет им эффективно и независимо проводить гражданский контроль.

Для осуществления гражданского контроля необходимо заменить разрешительный порядок создания общественных объединений на уведомительный; предоставить неправительственным организациям особый статус, который позволил бы им быть независимыми и действовать широко и открыто.

Эффективность гражданского контроля зависит от знаний технологий его проведения, массовости вовлечения активных граждан участвовать в осуществлении гражданского контроля.

В качестве успешного примера можно привести практику осуществления гражданского контроля на последних парламентских и президентских выборах. Ассоциация «Голос» смогла своевременно предоставить гражданам мощные инструменты для осуществления гражданского контроля за избирательным процессом и бесценное обучение технологиям работы в этой сфере. Гражданский контроль на выборах проводили многочисленные активисты, представители неправительственных организаций - ассоциации «Голос», организации «Гражданин наблюдатель», а также отдельные граждане - активисты, прошедшие обучение технологиям наблюдения за выборами в профильных правозащитных организациях.

Существование и эффективная деятельность неправительственных правозащитных организаций, которые стремятся оказывать влияние на государство, его органы, на законодательную деятельность в области прав человека,

является одним из элементов формирования гражданского общества и правового государства. Успешное развитие и функционирование неправительственных правозащитных организаций способствует созданию стабильного и прочного правопорядка, демократических основ общества, в котором права человека являются высшей ценностью.

В настоящее время общественный (или гражданский) контроль присутствует в российском законодательстве на уровне упоминания, формального признания – без необходимой регламентации. Имеющиеся нормы нуждаются в дополнениях, уточнениях и систематизации.

В Федеральных законах «О некоммерческих организациях» [6] и «Об общественных объединениях» [3] отсутствует даже упоминание об общественном (или гражданском) контроле.

Важно подчеркнуть, что в действующем законодательстве о государственной службе (Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5]) не закреплён один из важных принципов государственной службы – принцип её открытости и доступности общественному контролю.

Резюмируя изложенное, необходимо сказать, что эффективность общественного (или гражданского) контроля возможно только в том случае, если само гражданское общество выработает механизмы, которые могли бы действенным образом использоваться заинтересованными институтами гражданского общества в целях проведения гражданского контроля. Необходимо развивать правовые нормы, которые бы гарантировали для неправительственных организаций возможности для проведения гражданского (общественного) контроля в наиболее проблемных сферах жизни. При этом стоит учитывать, что в сфере проведения гражданского контроля действенными оказываются только те политические и правовые инструменты, которые обладают хотя бы какой-то самостоятельностью.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 02 июля 1992 № 3185-1 (в редакции от 21 ноября 2011 года) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании». // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. - № 33. - Ст. 1913.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ (в редакции от 6 декабря 2011 года) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 24. - Ст. 2789.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ (в редакции от 01 июля 2011 года) «Об общественных объединениях». // Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 21. - Ст. 1930.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 года No 7-ФЗ (в редакции от 25 июня 2012 года) «Об охране окружающей среды». // Собрание законодательства РФ. – 2002. - No 2. - Ст. 133.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 года No 79-ФЗ (в редакции от 21 ноября 2011 года, с изм. от 22 ноября 2011 года) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. – 2004. - No 31. - Ст. 3215.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 года No 7-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 года) «О некоммерческих организациях». // Собрание законодательства РФ. – 1996. - No 3. - Ст. 145.

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1648-1654 гг.

А. И. Бубела

Национальная академия внутренних дел (Киев, Украина)

М. А. Ярошенко

Национальный педагогический университет им. М. Драгоманова
(Киев, Украина)

Успехи украинского народа в борьбе против польского шляхетско-магнатского господства, а также изменения в социально-экономической сфере общества, привели к значительным изменениям и в государственно-правовом устройстве Украины.

На освобожденной территории были окончательно ликвидированы органы государственной власти Речи Посполитой и распространялся процесс формирования украинской государственности. Рост освободительного и антифеодального движения, задачи борьбы, против чужеземного господства требовали создания нового военно-административного аппарата, способного сплотить восставшие слои населения, и достичь поставленной цели. В истории есть немало примеров антифеодальных движений, в которых главную движущую силу составляло крестьянство и городская беднота.

Большинство из них закончилось поражением по ряду причин, а главной была недостаточная организованность и ограниченность избранной цели. В кровопролитных боях Хмельницкий со своими помощниками строил государство, а главное – создавал новые социальные условия, в которых все население разделялось на два сословия: казаков, которые воевали, и посполитых, что работали. Этот порядок, проверенный временем в общих чертах существовал, пока существовало Украинское государство.

Б. Хмельницкий распространял военно-административную структуру реестрового казачества на всю Украину, располагая казацкие полки на освобожденной территории. Такая организация способствовала углублению связей

восставших с населением и позволила казацкой старшине более успешно осуществлять не только военные, но и административные, функции вместо ликвидированных государственных органов Речи Посполитой. Важное значение при этом имела замена административно-территориального разделения Украины на воеводства и уезды, полки и сотни, которые стали основными административно-территориальными единицами Украинского государства. Во время освободительной войны военно-политическая организация Украинского государства состояла из нескольких звеньев: Военный Совет, Совет Генеральной Старшины, Генеральное Правительство, во главе с Гетманом, полковые и сотенные управления, куренные и городские органы, магистраты и рагуши в городах.

В определенное время важнейшим органом власти признавался Военный Совет, который возник на основе казацкого совета Запорожской Сечи. В работе казацких советов принимали участие, по большей части, все реестровые казаки. В ходе войны, когда число восставших достигло 300 тысяч, в советах принимали участие все казаки., что находились вблизи места ее проведения, в другие полки направляли своих представителей, которым делегировали право принимать участие в работе совета и принимать решение. Вторым по значению органом власти во время освободительной войны стал Совет Генеральной Старшины. В его состав кроме Гетмана входили Генеральный обозный, Генеральный судья, Генеральный писарь, Генеральный есаул, Генеральный бунчужный и Генеральный казначей, то есть члены Генерального Правительства, а также полковники и другие лица, по выбору Гетмана. Совет Генеральной Старшины созывался Гетманом перед каждым Военным Советом, готовил его работу, а также в тех случаях, когда Гетману была нужна поддержка по важным вопросам.

Центральное место в системе органов новой власти Украины занял Гетман. В его руках во время войны и в дальнейшем сосредотачивалась военная, законодательная, административная и судебная власть. Он руководил работой Военного Совета и Совета Генеральной Старшины, возглавлял вооруженные силы, всю старшинскую администрацию и судопроизводство, был главой Генерального Правительства. Гетманская власть получила во время войны серьезное обоснование: Гетман подбирал, выдвигал и назначал старшинскую администрацию и, главное, наделял ее земельными владениями. От имени Войска Запорожского, а впоследствии (с 1652 года всей Украины) он заключал соглашения с иностранными государствами, руководил дипломатической деятельностью своих послов. Резиденцией Гетмана и его администрации стал Чигирин.

Генеральное Правительство взяло на себя функции верховной исполнительной, распорядительной и судебной власти. Его важнейшей структурной частью стала Генеральная военная канцелярия во главе с Генеральным писарем, которая осуществляла военное, административное и судебное руководство.

Важким звеном в создании государственности, особенно во время войны, были вооруженные силы, численность которых, как уже отмечалось, достигла 300 тысяч человек. Организационными и тактическими единицами в это время становятся полки, сотни, курени во главе со старшиной. Количество полков изменялось. По реестру 1649 года их было 16, а через год - 20.

Начало создания новой системы местного самоуправления положила административно-территориальная реформа 1650 года. Освобожденная часть Украины была разделена на полки - основные административно-территориальные единицы. Каждый полк делился на сотни, число которых доходило до 21. Во главе полка стояло полковое управление, которое возглавлял полковник. В сотнях руководство осуществляло сотенное правительство, в которое входил сотник и сотенная старшина. Сотня разделялась на курени, в каждом по 20-30 казаков во главе с куренным атаманом.

Литература

1. Антонович В. Коротка історія Козаччини.- Київ,1991.
2. Антонович В. Про козацькі часи на Україні.- Київ,1991.
3. Грушевський М. Очерк истории украинского народа.- Київ,1990.
4. Дорошенко Д. Нариси історії України.- Т.2.- Мюнхен,1966.
5. Кониский Г. Історія русовъ или малой Россіи.- Москва,1848.
6. Наливайко Д. Козацька християнська республіка.- Київ,1992.
7. Оглоблин О. Думки про Хмельниччину.- Нью-Йорк,1957.
8. Окіншевич Л. Лекції з історії українського права.- Мюнхен,1947.
9. Холмський І. Історія України.- Нью-Йорк – Мюнхен,1949.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВСТРАЛИИ В РАМКАХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ

Г. В. Горопчин

Кемеровский государственный университет

Проблема изменения правового положения Австралии, рассматриваемая в исторической ретроспективе, имеет большое значение для более полного понимания основ австралийской государственности, а также национальной самоидентификации австралийцев. Особенность данного феномена состоит в том, что международно-правовой статус Австралии всегда напрямую зависел от её связей с Соединённым Королевством Великобритании и (Северной) Ирландии: будучи исторически колонией Британской империи, Австралия приобрела государственную независимость, находясь в Содружестве наций (межгосударственного объединения независимых государств, традиционно связанных с Великобританией).

Изначально (кон. XVIII– нач. XIXвв.) территории австралийского континента последовательно включались в состав Британской империи по мере их

колонизации. Административно-территориальное оформление отдельных колоний (Новый Южный Уэльс, из которого впоследствии выделились Виктория, Квинсленд и т.д.), проведённое в середине XIX в., повлияло на определение границ будущих штатов Австралии.

Следующим этапом развития австралийской государственности стало получение во второй половине XIX в. каждой из шести колоний т. наз. Ответственного Правительства (англ. Responsible Government), которому был делегирован весьма широкий круг полномочий (лондонское Министерство по делам колоний оставалось ответственным лишь за несколько сфер, к которым, в частности, относились вопросы обороны и внешняя политика). Этот правовой феномен, по мнению Александра Брэйди, был характерен для англосаксонской модели управления [1]: он обеспечивал функционирование механизма децентрализации в рамках Британской империи. В конце XIX в. британские чиновники стали официально признавать, что колонии на деле всё больше обособляются от Британии (в первую очередь, Австралия), что привело к проведению в 1887 г. Первой Колониальной конференции, фактически учредившей Содружество наций.

Важнейшей вехой в обретении Австралией независимости стал Конституционный Акт 1900 г. [2] Получение Австралией Конституции предвлялось рядом референдумов, на которых население австралийских колоний высказалось за её принятие, причём Конституция считается законодательным актом британского Парламента. С санкции Королевы Виктории, полученной 9 июля 1900 г., Конституция вступила в силу. 1 января 1901 г. было функционально оформлено новое государство – Австралийский Союз (федерация колоний). В это же время был введён институт генерал-губернатора (официального представителя Короны). Уже в 1907 г. Австралийский Союз был объявлен доминионом Британской империи *de jure*.

Декларация А.Д. Бальфура, принятая на имперской конференции 1926 г., уточнила содержание понятия «доминион», особо подчёркивая добровольный характер участия в Содружестве и независимость доминионов, в том числе и во внешнеполитической сфере. Следующим шагом на пути к определению статуса Австралии (равно как и других доминионов) стало принятие в 1931 г. британским парламентом Вестминстерского Статута, в котором подтвердился независимый статус доминионов. Сама Австралия приняла его в 1942 г. (тем не менее, дата принятия документа была официально означена 1939 г. с целью оправдать вступление во Вторую мировую войну вместе с Великобританией).

В послевоенный период, в соответствии с наметившейся тенденцией к деколонизации и распаду Британской империи, произошло коренное изменение характера Содружества Наций (как и самого его названия с 1946 г.: оно больше не именуется Британским): приоритеты сотрудничества сместились на гуманитарную сферу, отдельно акцентировался равноправный характер двусторонних отношений между Британией и остальными странами. Австралии, в частности, делегировались полномочия по управлению некоторыми

тихоокеанскими островными территориями. Несмотря на это, формальная возможность влияния Великобритании на определение основ австралийской государственности продолжала сохраняться: Австралийский Акт 1986 г., который имеет конституционную силу, был принят двумя парламентами: австралийским и британским (несмотря на практически полное совпадение текстов документов). В Акте устраняется возможность законотворческой деятельности британского парламента в отношении внутренних дел Австралийского Союза.

Ещё более серьёзные изменения затрагивают статус Австралии в постбиополярном мире: по результатам Австралийского референдума 1999 г., порядка 45% граждан высказались за преобразование Австралии в республику; также довольно активно заявляют о своей позиции австралийцы, желающие выхода страны из Содружества [3]. Тем не менее, даже несмотря на предвыборные заявления нынешнего австралийского премьера Джулии Гиллард о стремлении преобразовать государство в республику после смерти Елизаветы II [4], эти идеи в настоящий момент находятся вне плоскости политической практики.

Декларация А.Д. Бальфура, принятая на имперской конференции 1926 г., уточнила содержание понятия «доминион», особо подчёркивая добровольный характер участия в Содружестве и независимость доминионов, в том числе и во внешнеполитической сфере. Следующим шагом на пути к определению статуса Австралии (равно как и других доминионов) стало принятие в 1931 г. британским парламентом Вестминстерского Статута, в котором подтвердился независимый статус доминионов. Сама Австралия приняла его в 1942 г. (тем не менее, дата принятия документа была официально означена 1939 г. с целью оправдать вступление во Вторую мировую войну вместе с Великобританией).

В послевоенный период, в соответствии с наметившейся тенденцией к деколонизации и распаду Британской империи, произошло коренное изменение характера Содружества Наций (как и самого его названия с 1946 г.: оно больше не именуется Британским): приоритеты сотрудничества сместились на гуманитарную сферу, отдельно акцентировался равноправный характер двусторонних отношений между Британией и остальными странами. Австралии, в частности, делегировались полномочия по управлению некоторыми тихоокеанскими островными территориями. Несмотря на это, формальная возможность влияния Великобритании на определение основ австралийской государственности продолжала сохраняться: Австралийский Акт 1986 г., который имеет конституционную силу, был принят двумя парламентами: австралийским и британским (несмотря на практически полное совпадение текстов документов). В Акте устраняется возможность законотворческой деятельности британского парламента в отношении внутренних дел Австралийского Союза.

Ещё более серьёзные изменения затрагивают статус Австралии в постбиополярном мире: по результатам Австралийского референдума 1999 г., поряд-

ка 45% граждан высказались за преобразование Австралии в республику; также довольно активно заявляют о своей позиции австралийцы, желающие выхода страны из Содружества [3]. Тем не менее, даже несмотря на предвыборные заявления нынешнего австралийского премьера Джулии Гиллард о стремлении преобразовать государство в республику после смерти Елизаветы II [4], эти идеи в настоящий момент находятся вне плоскости политической практики.

Таким образом, правовой статус Австралии, меняясь на протяжении истории:

во-первых, служил показателем постепенного перехода суверенитета от Британской короны к самому государству;

во-вторых, был и является непосредственно связанным с участием страны в Содружестве наций;

в-третьих, и по настоящее время находится под влиянием политической традиции, носителем которой выступает Содружество [5]: Австралия по сей день является конституционной монархией по форме правления [6].

Литература

1. Book Reviews. Democracy in the Dominions: A Comparative Study in Institutions. By Alexander Brady, 1947 [Электронный ресурс] // Taylor & Francis Online / The Australian Outlook. Volume 2, Issue 2, 1948. P. 116. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10357714808443690#preview> [Режим доступа: 18/10/2012]

2. Commonwealth of Australia Constitution Act [Электронный ресурс] // Commonwealth Consolidated Acts. URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/coaca430/ [Режим доступа: 18/10/2012]

3. Aussies 'happy to leave Commonwealth' [Электронный ресурс] // The Age. July 20, 2009. URL: <http://news.theage.com.au/breaking-news-world/aussies-happy-to-leave-commonwealth-20090720-dq0y.html> [Режим доступа: 18/10/2012]

4. Australia's Gillard backs republic after Queen's death [Электронный ресурс] // BBC News – Asia-Pacific. 17 August 2010. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-10995425> [Режим доступа: 18/10/2012]

5. The Commonwealth of Nations [Электронный ресурс] // Australian Government.

6. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <http://www.dfat.gov.au/intorgs/commonwealth/index.html> [Режим доступа: 18/10/2012]

7. Présentation de l'Australie. Politique intérieure [Электронный ресурс] // France Diplomatie – Ministère des Affaires étrangères. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo/australie/presentation-de-l-australie> [Режим доступа: 18/10/2012]

НОРМЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА ТУВИНЦЕВ О НОЖЕ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

И.С. Тарбастаева

Институт философии и права СО РАН

В современной Туве, которая продолжает оставаться достаточно само-бытным регионом, широко распространено ношение и использование такого элемента материальной культуры, как нож. Об этом свидетельствует хождение в народе даже такой шутки: «разозли тувинца, и он тут же достанет нож». Кроме того, студенты, выезжающие «за «Саяны» на учебу, регулярно сталкиваются с мнением местного населения городов России том, что «в Туве все ходят с ножами». В интернет пространстве можно найти такие записи из воспоминаний разных людей о службе в армии. «По «учебке» ходила поговорка: «Тряхни тувинца - и из него обязательно выпадет заточка. Это была просто мания какая-то - они делали заточки из всего подряд и периодически пускали их в ход». «Вначале не понимал, почему все боятся тувинцев трогать, дагестанцы и те обходят их стороной, из всего, что можно приспособить, те сразу делают заточку: из ложек, куска арматуры». Или: «У этих парней есть драйв. В драках они не жалеют ни себя, ни противника, ножи используют не думая». Из записи приезжего гостя в Туву: «Людей из хожуунов легко отличить от городских. Они всегда приезжают в национальной одежде и с ножами».

Для проверки распространенного мнения автором статьи был проведен опрос 116 представителей молодежи мужского пола тувинской национальности, учащихся в высших учебных заведениях г. Новосибирска, в возрасте от 17 до 25 лет. Из них 63 % носили с собой нож. Из них 60% делали это в качестве «самозащиты» («для самообороны», «потому что опасно»), 25 % во время хозяйственно-бытовой деятельности («на охоте», «когда пас лошадей», «когда резал барана»), 10% для утверждения мужского статуса («это делало меня крутым», «чувствовать себя мужчиной», «для интереса»). 5% воздержались от ответа.

Если обратиться к республиканской статистике, то можно сделать вывод, что использование ножа в качестве орудия преступления приобрело широкий масштаб. В 2005 г. из общего количества преступлений совершенных с помощью холодного оружия насчитывалось 200 преступлений, в 2006 г. – 119; 2007 – 141; 2008 – 56; 2009 – 50 [по данным ИЦ МВД РТ]. Ежегодное уменьшение показателей связано с жесткими требованиями отнесения изделия к холодному оружию, вследствие чего криминальная статистика не полностью отражает действительность. Реальное положение такое, что криминальные травмы входят лидирующую тройку по количеству заболеваний в республике, из которых 93 % составляют открытые раны, то есть полученные в результате поражения холодным оружием [по данным Минздрава РТ]. Великий Хурал даже готовил законопроект «Об ограничении оборота изделий, конструктивно схожих с оружием», по которому правоохранительных органов

имели право изымать предметы, похожие на холодное оружие. Однако он был снят с повестки дня из-за противоречий с федеральным законодательством.

Если учесть все эти разноликие моменты и постараться свести их к одному показателю, то получается, что нож в сознании современных тувинцев играет важную роль. Осложняет ситуацию тот факт, что это не просто элемент культуры, как например, музыкальный инструмент, но и орудие убийства. Возникает вопрос, каким образом уменьшить его использование в качестве орудия преступления? Регулирование отношений с ножом лежит в двух плоскостях: российского законодательства, то есть права, выраженного в форме закона и подкрепленного властью государства, и собственной соционормативной практики тувинцев. Следовательно, ответ на поставленный вопрос будет лежать на пересечении этих двух разных по содержанию, но схожих по природе систем. Исходя из этого, статья посвящена, во-первых, анализу российского законодательства в области регулирования ношения холодного оружия и изделий, конструктивно, схожих с ним. Во-вторых, рассмотрению норм обычного права, связанных с использованием ножа.

Для начала рассмотрим нормативно-правовое регулирование ножей. По закону «Об оружии» от 13.11.1996 г все производимое и ввозимое на территорию Российской Федерации оружие обязано пройти государственную сертификацию. Согласно разработанным ГОСТам, специально уполномоченный орган [1] все оружие квалифицирует как «холодное оружие» и «изделия, конструктивно схожее с холодным оружием». Сложно сказать, подходит ли тувинский национальный нож под категорию холодного оружия. Известно, что длина «мужской» ножа составляет около 15-20 см, «женского» - 10-15 см, а большого ножа «улуг бижек» - 30-50 см [Даржаа, 2009, с.13]. Разумно будет заказать специальную экспертизу для тувинского ножа.

Если нож не признан холодным оружием, то его ношение является законным при наличии сертификата соответствия или информационного листа, которые выдаются продавцом при покупке ножа. Если нож квалифицирован как холодное оружие, то значит, согласно ст. 1 закона «Об оружии», он считается оружием, предназначенном для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения. Его ношение с собой влечет административную ответственность по ч. 4 ст. 20.8 Кодекса об административных правонарушениях.

В настоящее время в законодательстве о ноже есть два момента инкорпорирования норм обычного права: разрешение носить нож организациям, работающим в условиях районах Крайнего Севера [2] и в качестве элемента национального костюма [3]. Наиболее яркой иллюстрацией «обычного права внутри закона» является прошлая редакция ст.222 Уголовного кодекса РФ («незаконные ... ношение ... холодного оружия ..., за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма... наказывается ...»). Правда, широкого применения статья не получила, признав право на ношение ножа в качестве элемента нацио-

нальной одежды только за казаками. Это признание повлекло за собой принятие ряда официальных документов [4]. В итоге казакам разрешается носить холодное оружие в строго установленных законодательством границах при согласовании с Министерством внутренних дел РФ. Что касается других народов и их обычаев, связанных с ножом, закон умалчивает.

При этом у тувинцев нож также является элементом мужского национального костюма – «тон». Исследователи в обязательном порядке отмечали в одежде наличие ножа [5]. («нож являлся «необходимой принадлежностью костюма мужчины») [Кон, 2002, с. 107]. Результаты опроса также показали, что современная молодежь признает нож в качестве элемента мужского национального костюма. Из 116 респондентов 81% ответили на этот счет «положительно».

Возвращаясь к теме, следует отметить, что самостоятельные работы, посвященные соционормативной практики использования ножа в культуре тувинцев, отсутствуют. Отдельные упоминания о нем встречаются в исследованиях Б.М. Кенин-Лопсана, В.А. Даржаа, С. И. Вайнштейна, Г. К. Курбатского, М.О. Сиянбиль, А.А. Сиянбиль, В.П. Дьяконовой и др. Редкие сведения о ноже встречаются при характеристике материальной культуры, когда авторы детально освещают домашний и производственный быт.

Норму обычного права «нож это орудие клятвы» можно выделить как основополагающую [Кенин-Лопсан, 2006, с. 184]. Можно предположить, что нож был инструментом, с помощью которого осуществлялся ритуал клятвы – забой скота, который давал кочевникам все необходимое для жизни, но отнимал жизнь у другого живого существа. Показать острием ножа на человека означало у тувинцев навлечь смерть [6]. Несмотря на то, что неизвестно чья смерть того, кто показал или того на кого показали, санкция определенная четко и ясно – смерть. Эта важная социальная норма служила профилактикой преступлений. Широко известна следующая норма «человек, прежде чем войти в юрту, ... сняв с пояса нож, в ножнах опускал его так, чтобы он свободно болтался с правой стороны» [7]. Этот обычай, препятствующий хозяину ножа быстро воспользоваться ножом как оружием, демонстрировал мирный характер визита. Здесь нож играет важную роль в культурном, этическом взаимоотношениях между людьми. Выполняет функцию невербального общения «с ножом – война, без ножа – мир, дружба».

Преступления с использованием ножа в качестве орудия убийства у тувинцев можно было совершить не только по отношению к человеку, но и к природе. В этом заключается одно из принципиальнейших отличий современной правовой концепции, где человек его права и свободы являются высшей ценностью от традиционного правосознания тувинцев. Согласно обычному праву, острие ножа нельзя направлять в сторону огня, который считался «маленьким солнцем», «божеством», «творцом», «спасателем» и «источником жизни» [Кенин-Лопсан, 2006, с. 93]. Надо сказать, что такое бережное, уважительное отношение к огню сохранилось и у современных тувинцев [8].

Поведение с ножом регулируется даже по отношению к мясу и костям убитых животных. Например, «нельзя доставать из казана отваренное мясо кончиком ножа, мать прогневется». Под матерью здесь понимается мать-природа, мать всего живого. Или, например, «доставая мозг, кость нельзя разбивать большим ножом, человеку, сделавшему это, не суждено стать табуничком» [Кенин-Лопсан, 2006, с. 187].

Особый интерес вызывает нормы обычного права, в которых нож фигурирует как защитник, спасатель. Например, «нельзя оставлять на ночь ножны без ножа, могут прийти в юрту злые духи – аза, буки» [Кенин-Лопсан, 2006, с.185]. Нож выступает в качестве защитника дома от сил природы. Или, например, если мужчина не ночует дома, то на его кровать кладут нож. Считается, что там ночует его душа [Кенин-Лопсан, 2006, с.186]. Кроме того, ношение его с собой также имело символическое значение защиты от злых сил [Сиянбиль, 2000, с.15].

Это важный момент, который не позволяет однозначно заявлять о том, что ношение ножа с собой тувинцами явление исключительно негативное, агрессивное. Для народа понятие «нож» наполнено глубоким культурным смыслом. Для иллюстрации были проведены интервью с лицами мужского пола тувинской национальности в возрасте от 20 до 24 лет. На вопрос, какие ты знаешь обычаи, связанные с ножом отвечали следующее: «у охотника должен быть свой нож» (*студент Новосибирского государственного университета*), «нож нельзя оставлять на ночь на столе» (*студент Новосибирского государственного технического университета*). «Ругали, что нож может съесть пищу, если держать его на столе. Даже в общежитии соблюдаю», «нельзя его втыкать в землю, так как это мать, это подобно тому, что мать ножом вонзает» (*аспирант Института филологии СО РАН*), «нельзя передавать нож другому острием вперед» (*студент Новосибирского государственного университета*), «нельзя нож в огонь засовывать. Бабушка говорит, что нельзя так делать. Почему не знаю, но не делаю» (*студент Сибирского университета потребительской кооперации*).

Итак, проведенный анализ показывает следующие важные моменты. Во-первых, нормы обычного права тувинцев по содержанию они носят предупредительный характер и направлены на профилактику преступлений. Во-вторых, преступление ножом совершается как по отношению к человеку, так и по отношению к природе. В-третьих, по методу регулирования это императивные нормы, содержащие прямой запрет, табу. По сравнению с современным законодательством обычное право существенно ограничивает внешнюю свободу человека в поведении с ножом. Однако соблюдение этих запретов не вызывает трудностей, поскольку они гармонично включены в общую картину мира человека. В-четвертых, нож сквозь нормы обычного права видится как нечто, соединяющее в себе две противоположности. С одной стороны, он орудие убийства, с другой – защитник дома, хозяина. В-пятых, ношение ножа и соблюдение обычно-правовых нормы с ним продолжают оставаться ста-

бильно высокими в современном тувинском обществе. При этом законодательство не признает нож в качестве элемента традиционной одежды.

Примечания

1. Орган по сертификации гражданского и служебного оружия и патронов к нему и испытательная лаборатория холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с таким оружием, которая функционирует в Государственном учреждении «Экспертно-криминалистический центр МВД России».

2. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» гласят, что «организациям независимо от форм собственности, занимающихся оленеводством в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, специализирующихся предприятий, ведущих охотничий или морской зверобойный промысел – для охраны поголовья оленей от крупных хищников, добычи охотничьих животных, китообразных и ластоногих.

3. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» гласят, что «имеющий культурную ценность только с историческими костюмами во время участия в историко-культурно-просветительских мероприятиях, проводимых органами федеральной исполнительной властью и объединениями при условии согласования проведения указанных мероприятий с Министерством культуры РФ и Министерством внутренних дел РФ.

4. Постановления Правительства «О холодном клинковом оружии, предназначенном для ношения с казачьей формой», «Правила учета и ношения клинкового оружия, предназначенного для ношения с казачьей формой», «Перечень типов и описание моделей клинкового оружия».

5. См. напр.: Г. Гржимайло Западная Монголия и Урянхайский край. Выпуск первый. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. – С. 96-103.; С.Маркус Тува: словарь культуры.- М.: Изд-во «Академический проспект», 2006. - 832 с.; В.А. Даржаа Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009.; А.А. Сиянбиль, М.О. Сиянбиль Традиционный тувинский костюм. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000, - 53 с.; В.И. Дьяченко Жилище, промысловая одежда и питание // Тюркские народы Восточной Сибири. - М.: Наука, 2008.- Гл. 3. – С. 51-129.

6. «Нельзя острием показывать на человека будет смерть». Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007, с. 185

7. См. напр.: Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007, с.195; В.И. Дьяченко В.И. Жилище, промысловая одежда и питание // Тюркские народы Восточной Сибири. - М.: Наука, 2008.- Гл. 3. с. 67; Сиянбиль М.О., Сиянбиль А.А. Традици-

онный тувинский костюм. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000, с.16.

8. Например, широко известны в народе следующие обычаи: «нельзя направлять острие ножа к огню очага, дух огня прогневается», «нельзя ножом ворошить золу, могут заболеть дети», «нельзя задевать острием горящую головешку, может возникнуть драка» Кенин-Лопсан, 2006, с.185.

Литература

Грум-Грижмайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Выпуск первый. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. – С. 96-103.

Даржаа А.В. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009.

Дьяченко В.И. Жилище, промысловая одежда и питание // Тюркские народы Восточной Сибири. - М.: Наука, 2008.- Гл. 3. – С. 51-129.

Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007.

Кон Ф. За пятьдесят лет. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. – С. 104-116.

Маркус С. Тува: словарь культуры.- М.: Изд-во «Академический проспект», 2006.

Сияньбил М.О., Сияньбил А.А. Традиционный тувинский костюм. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000.

Нормативно-правовые акты

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 20.12.2001 г № 195-ФЗ // «Российская газета», 31.12.2001, № 256

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25

Закон об «Оружии» от 11.13.1996 г № 150-ФЗ // «Российская газета», 18.12.1996, № 241

Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации утверждены» // «Российская газета», 20.08.1998, № 159

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы X Региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции